

*Литературно-эзотерический альманах
Ордена Белой Обезьяны и клуба "93 in 39 (Цитадель Хаоса)"*

АПОКРИФ

Вып. 25. Апрель 2010 (3)

**Бернард Шоу
О ПЕРСПЕКТИВАХ ХРИСТИАНСТВА
Алистер Кроули
ЕВАНГЕЛИЕ ОТ СВЯТОГО БЕРНАРДА ШОУ**

За Юмор и Здравый Смысл! Делай что Желаете - Желай Невозможного!

АПОКРИФ

Выпуск 25. Алистер Кроули vs Бернарда Шоу.

Начало переоформления серии приурочено к дню рождения Алистера Кроули.

Оглавление

Анна Нэнси Оуэн. От переводчика	3	Современный коммунизм	84
Вступление	5	Перераспределение	85
Предисловие	6	Кто это делает?	85
Не отвратить ли христианства?	9	Рабочее время	86
Почему Иисус больше других?	10	Мечта о распределении	
Был ли Иисус трусом?	11	в соответствии с качеством	86
Был ли Иисус мучеником?	13	Живое распределение	88
Евангелия без предубеждений	14	Равное распределение	97
В наши дни евангелия		Капитан и юнга	98
непонятны непосвящённому	15	Политическое и биологическое возражения	
Мирянство большинства	15	против неравенства	100
Религия меньшинства: сальвационизм	16	Иисус как экономист	101
Различие между искуплением и наказанием	18	Иисус как биолог	102
Спасение — прежде всего,		Деньги, повивальная бабка	
классовая привилегия; и лекарство	18	научного коммунизма	102
Искушение свершившееся		Не судите	104
и ожидание Избавителя	20	Пределы Свободной Воли	105
Завершение схемы Лютером и Кальвином	21	Иисус о семье и браке	106
Джон Ячменное Зерно	21	Почему Иисус не женился	106
В поисках Конца Света	23	Противоречивость полового инстинкта	109
Привилегия божественного происхождения	23	К счастью, к несчастью	110
МАТФЕЙ:	27	Лекарство	111
Благовещение; избиеание; путешествие	27	В защиту брака	115
Иоанн Креститель	29	Безбрачие — не средство	116
Иисус присоединяется к крестильщикам	29	После Распятия	117
Дикий Иоанн и цивилизованный Иисус	30	Мстительные чудеса и камневание Стефана	123
Иисус — не прозелит	32	Павел	124
Учение Иисуса	34	Неразбериха в христианском мире	129
Притчи	38	Секрет успеха Павла	130
Чудеса	40	Черты Павла	130
Матфей приписывает Иисусу фанатизм	44	Деяния Апостолов	132
Великая перемена	45	Диспут о крещении и пресуществлении	134
Иерусалим и мистическая жертва	46	Альтернативный Христос	136
Не этого человека, но Варавву	47	Иог Иисус	137
Воскресение	48	Еврейский пророк Иисус	140
Датировка Евангелия от Матфея	49	Иисус как типичное божество Азии	140
Классовый типаж матфеевского Иисуса	51	МАЛЫЕ МИСТЕРИИ	143
МАРК:	52	ВЕЛИКИЕ МИСТЕРИИ	146
Женщины-ученицы и Вознесение	52	Составление окончательного	
ЛУКА:	53	канона Евангелия	156
Лука — художественный писатель	53	Жизнь Иисуса	157
Очарование повествования Луки	54	Смерть Иисуса	160
Прикосновение парижского романа	55	Сверхъестественная Свадьба	162
В ожидании Мессии	56	Решение загадки	
ИОАНН:	57	Плимутскими братьями	164
Новая история и новый символ	57	Легковерие — не критерий	167
Иоанн, бессмертный свидетель	59	Вера в личное бессмертие — не критерий	167
Особая теология Иисуса	64	Секуляристский взгляд — природный,	
Иоанн согласен с описаниями		а не рациональный — неизбежен	168
суда и распятия	65	Историческая критика	169
Правдоподобие евангелий	67	Опасность сальвационизма	170
Особенности веры	68	Значение ада в схеме Спасения	171
Правдоподобие и истина	71	Право отказаться от Искупления	171
Христианское иконопочитание		Христианское вероучение	179
и опасность иконопоклонства	74	Христианство и империя	185
Альтернатива для Вараввы	75		
Сведение христианства к современной практике	82		

© «Апокриф» • 93 in 39: Цитадель Хаоса. 21-30 апреля 2010.

236000 Калининград • ул. Нарвская 17, 11; <http://apokrif93.a-z-o-t.com/>

Ред. Fr. Nyarlathotep Otis

E-mail: 93in39@gmail.com

От переводчика

Даже не знаю, что сказать... Я дико извиняюсь за то, что не смогла, как обещала в прошлом году, перевести книгу «знаменитого биолога-эволюциониста» — надеюсь, ещё наверстаю в текущем году. И мой редактор (свалю-ка всё на него) ещё не управился с поэтическим переводом по моим подстрочникам к «Багх-и-Муаттар» — поэме Алистера Кроули, которую я сочла достаточно скандальной для того, чтобы ею заняться, и которая, в конечном итоге, должна стать приложением к той работе, которую я представляю вам здесь. Зато (кое-кто уже знает об этом) я перевела другой текст этого «самого скандального оккультиста XX столетия» (так я охарактеризовала его в предисловии к «Завету Мёртвых», или Некрономикону Культа «Ктулху Зохаваит Фсех») — «Гяньдао, или Синагога Сатань»... Ну и, наконец — вот оно, «Евангелие от Святого Бернарда Шоу»!

Точнее, тут даже две работы, слитые воедино: во-первых, это предисловие самого Шоу к его пьесе «Андрокл и лев» (пьеса эта уже переводилась на русский, и мне не было нужды заниматься ещё и ею, а вот над предисловием пришлось попотеть), а во-вторых, их критический разбор, сделанный Алистером Кроули (он-то, собственно, и получил название «Евангелие от Святого Бернарда Шоу»). Мой редактор и консультант (вы уже знакомы с ним: это Ньярлатхотеп Отис из культа КЗФ) говорит, что в некоторых случаях они будут издаваться двумя разными произведениями, в некоторых даваться с чередованием исходных статей и их критики — я не знаю, к какой версии пишу сейчас предисловие, поэтому вынуждена сделать данное отступление. Лично я считаю, что с чередованием — правильнее, так удобнее воспринимать и меньше шансов попасть в ловушку словесного жонглирования, но я уже устала с ним спорить, с этим Отисом, пусть делает что Желает ;)

*

Кстати. Может быть, с кем-то я ещё не знакома? Меня зовут Анна Нэнси Оуэн. Конечно, меня зовут совсем по-другому, но жить-то хочется, а это именно я в 2008 году выложила в Интернет собственный перевод романа Салмана Рушди «Сатанинские стихи», и потому часть авторских лавров принадлежит и мне: под фетву аятоллы Хомейни, призывающей найти и убить Рушди, попадают также его переводчики, издатели и все прочие, кто знает о содержании романа. Так что читайте внимательно, может, это последнее, что я напишу за свою жизнь :)

Итак, «Сатанинские стихи», которые не совсем сатанинские и совсем не стихи. Что дальше? Дальше — Некрономикон, таинственный гримуар древних демонов, переведённый мною по просьбе моих друзей из культа с неортодоксальным названием. И, третьим номером в нашем меню, парочка работ Зверя 666, просившего в одном из своих произведений ставить его имя в один ряд с именами Люцифера и Иуды: «Синагога Сатань» и «Евангелие от...» Немного приоткрою завесу тайны: автор, за которого я намерена взяться дальше — Ричард Докинз, «ротвейлер Дарвина», а книга — сборник его эссе под леденящим кровь названием «Служитель Дьявола» (может быть, удастся перевести и что-то помимо этого — например, не дают покоя «Ура-Линда» и Ориана Фаллачи, — но обещания тоже надо держать). Читатель наверняка считает, что я — злобная сатанистка :) Ну и пусть считает, «хоть горшком назови...»

Наверное, прежде чем перейти к самому произведению, традиционные несколько слов благодарности. Прежде всего, я благодарна всем тем, кто писал мне письма: и дружественные, и даже таких как «*ты жидо-масонская тварь-пусть тебя и твоих ублюдков в аду будут демоны насиловать*» :) Конечно же, отдельная благодарность моему редактору: не только непосредственно за вычитку и

АПОКРИФ

литературную обработку поэтических текстов, но и за чуткие уши (вернее, глаза), и за то, что он помог мне, лишний раз не светясь, общаться с миром, получать и писать письма, и, конечно же, за то, что благодаря ему наш труд по Некрономикону не пропал даром: его пустило в печать сперва издательство «Метатрон» (тиражом 100 экземпляров), затем — «Золотое сечение» (1 000 экз.), и все причитающиеся гонорары за него мною получены вовремя и в полном, пусть и не-большом, размере. И ещё хочу сказать спасибо тому доброжелателю, кто посчитал возможным передать мне скромный гонорар в размере 100 долларов за самый первый мой труд, за «Сатанинские стихи» (по понятным причинам я не называю его имени, но, думаю, он себя узнал в этих строках), и тем друзьям, благодаря которым эта сумма до меня дошла. Я работаю не ради денег, но деньги мне совсем не помешали, о чём свидетельствует и мой сегодняшний труд. И, конечно же, моя признательность — всем тем, кто так или иначе распространяет мои переводы, помогает консультациями и вычитыванием ошибок и опечаток, переводит сам, зажёгшись моей идеей.

Наконец, о моём скромном «Тайном клубе имени Хитоши Игараши» (или, стараниями Поливанова, имени Хитоси Игараси? не суть...). Хотя с теми, с кем начиналось это безумное дельце, мы уже давно не поддерживаем контактов, мне всё чаще попадают сведения о том, что моё дело пошло в массы. Или это — следствие прогрессирующей мании величия?.. ;)

*

Впрочем, о чём это я? Ах да, я хотела сказать вам о своём переводе. Но я уже и так наговорила слишком много, поэтому отмечу лишь, что тема его как нельзя более актуальна в сегодняшнем всё более клерикализирующемся (слово-то какое!) мире. Хотя мистер Шоу и мистер Кроули спорят друг другом порою так, что пыль столбом, в одном они, наверное, всецело солидарны друг с другом. Они оба пытаются взглянуть на Иисуса из Назарета как на живого человека (или, может быть, на нескольких людей, слившихся в одном образе?) из плоти и крови, чья голова не опалается адским пламенем божественного нимба. И хотя выводы у них получаются местами диаметрально противоположные друг другу (и выводам других низводителей с небес на землю вроде Ренана, Муркока, Булгакова, Казандзакиса или Авдеева), их Христос куда живее распятого на столбе истукана ортодоксальных церквей.

Иисус умер. Да здравствует?..

*Анна Нэнси Оуэн
апрель 2010*

Liber 888: Евангелие от Святого Бернарда Шоу¹

Вступление

... У меня была при себе книга Бернарда Шоу «Андрокл и лев», и мне подумалось, что предисловие к ней заслуживает критики. Будучи с самого раннего детства почти непревзойдённым знатоком Библии, я был потрясён тем возмутительным произволом, который Шоу учинил при выборе отрывков в поддержку своих аргументов. Не имея представления об азиатском образе жизни и мысли, он доходил в своих рассуждениях до самых фантастических глупостей. Я взялся критиковать его эссе, раздел за разделом; но остановиться оказалось непросто, и недели через три (или около того) мой труд разросся до внушительного трактата тысяч на сорок пять слов. Поначалу я собирался ограничиться разгромной критикой автора; но по мере работы, в ходе анализа текста евангелий, неожиданно обнаружился ответ на загадку их происхождения. Стало очевидно, что заблуждаются обе стороны: и те, кто верят в историчность «Иисуса», и их противники. У меня не вызывало сомнений, что часть всего этого корпуса текстов составляют описания подлинных событий из жизни реально существовавшего человека и подлинные его высказывания. Но правда в том, что на самом деле таких людей было несколько; и обрывки их личностей, совершенно несхожих и несопоставимых между собой, сгребли в одну кучу и представили под одним общим именем. Точь-в-точь как те студенты, что склеили из кусочков разных насекомых неизвестное науке существо и спросили своего профессора: «Что это за мошка?» «Джентльмены, — с достоинством ответил тот, — это мошеница обыкновенная»².

¹ Пер. Анны Нэнси Оуэн (<http://tkihi.narod.ru>), под ред. Fr. Nyarlathotep Otis, 2009-2010.

Авторство примечаний обозначено следующим образом:

АБ — Анна Блейз, примечания к «Исповеди» Алистера Кроули;

АК — Алистер Кроули, примечания к «Евангелию от Святого Бернарда Шоу» (*Liber 888*);

АК67П — Алистер Кроули, постраничные примечания к «Мечу Песни» (*Liber 67*);

АК67Ф — Алистер Кроули, финальные примечания к «Мечу Песни» (*Liber 67*);

АК67КФ — Алистер Кроули, комментарии к финальным примечаниям к «Мечу Песни» (*Liber 67*);

АЛ — Алистер Кроули под псевдонимом Алан Лютый, примечания к «Багх-и-Муаттар»;

АНО — Анна Нэнси Оуэн (переводчик);

БХ — Билл Хайдрик;

БШ — Бернард Шоу;

НО — Fr. Nyarlathotep Otis (редактор русского издания);

НП — неизвестный переписчик;

РАП — редактор английского издания «Евангелия от Святого Бернарда Шоу»;

РАП67 — редактор английского издания «Меча Песни»;

СТ — С. А. Токарев, примечания к «Золотой ветви» Дж. Дж. Фрэзера.

Выражаем признательность за предоставленные дополнительные материалы и помощь в переводе и составлении комментариев Ксении Хмелевской (Сomahon), Маре Адриановой, Брату Марсию, Брату Атону, Брату Хираму, Брату Эсперосу, А. Мома, а также следующим участникам форума «Город Переводчиков» (<http://www.trworkshop.net/forum/>) — Ана, Florencia, Murena, Naranjaamarga, natalia rostovskaya, valpenta, yves, Митрошин, Старый. (*НО*)

² Непереводимая игра слов: в оригинале используется слово «hum-bug», которое может быть прочитано и как «жужжащий жук», и как «жульничество, подлог, мистификация, ерунда, нелепица». В моей черновой версии перевода этот каламбур был передан через словосочетание «жук-ерундец обыкновенный». (*АНО*)

В работе над этой книгой большую помощь оказала мне «Золотая ветвь» Фрэзера и несколько меньшую — «Психология бессознательного» Юнга. Но главным подспорьем мне послужило глубокое знание текста евангелий и особенностей восточного образа жизни и мышления, а также тонкостей магической и мистической Работы и тех литературных условностей, к которым прибегали древние авторы для передачи своих идей.

...Я заявляю, что в моей книге изложены основы окончательной и неоспоримой теории происхождения христианства.

Алистер Кроули (отрывок из автобиографии)³

Предисловие

Этот мир несовершенен. Даже у величайших умов человечества есть свои ограничения. Сообразительный читатель уже догадался на основании вышесказанного, что объектом этих записок является Джордж Бернард Шоу. Несомненно, сегодняшняя Англия вряд ли сможет похвастаться хотя бы дюжиной человек, способных на такие высочайшие полёты мысли (которые суть дыхание жизни), как мистер Шоу. Он практически неуязвим для самой разгромной критики.

Но, видать, есть всё же некий дефект в изумруде его ума; некая ржавая деталь в его сумке с инструментами. Он проявляет почти всеохватную беспомощность, будучи не в состоянии всецело отделить себя от наблюдаемого явления. Он передёргивает тексты, чтобы проще было вынуть из них свои верёвочки.

Прекрасный пример подобной ошибки мы наблюдали в его книге по Вагнеру. Вагнер был социалистом, как и сам Шоу; и мистер Шоу чувствовал себя обязанным найти социализм в его операх. Подобно тому монархист легко мог бы заметить, что Вагнер был королевским фаворитом, а его оперы — не что иное как дифирамбы королевской власти. Позиция совершенна настолько, насколько легко её отстоять. В результате этого Шоу умудрился наступить на те же грабли, ибо четвёртая драма «Кольца»⁴ не пожелала укладываться в его схемы. Ему пришлось потребовать от нас веры в то, что Вагнер будто бы ни с того ни с сего оставил свою великую и основательную цель, забросил весь путь своих размышлений и вернулся к простеньким операм, напроочь лишённым последовательности. Он на полном серьёзе принуждает нас поверить, будто бы Вагнер спятил, как в той байке про архитектора, который потратил сорок лет своей жизни на постройку собора, а затем вышвырнул чертежи и завершил его минаретами. Но вернёмся к нашим баранам, — или, скорее, к нашим львам!

Критика христианства, предпринятая выдающимся разумом Шоу, отметила эпоху в истории религии. Его предисловие к «Андроклу и льву» имеет такую же ценность, как девяносто пять тезисов, прикреплённых Мартином Лютером к дверям Виттенбергской церкви. Мистер Шоу, как и следовало ожидать от столь оригинального мыслителя, избрал прекраснейшую точку зрения. Он предлагает нам очистить наши разумы от всего, что мы когда-либо слышали о христианстве, и утвердиться на позиции дикого индейца, чей необразованный ум черпает свои первые уроки из миссионерских евангелий. Здесь он делает единственную оговорку, уверяя читателя, что человеческое воображение до определённой степени применимо и к религии. Это, конечно же, скорее подобно пробиванию дырки в днище лодки перед тем, как спустить её на воду. Но мы рассмотрим мистера Шоу как он есть.

Я чувствую, что настало время сделать отступление в порядке личного оправдания. Кто может почувствовать острее меня (я бы даже сказал «больнее») дерзость такой тёмной личности,

³ Алистер Кроули. «Исповедь» (пер. Анны Блейз). (НО)

⁴ Имеется в виду четвёртая опера (музыкальная драма) тетралогии Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунгов». (АНО)

как я, возжелавший войти в летописи и скрестить копьё с Галахадом! Меня извиняет лишь то, что у меня есть та же особая квалификация, поскольку близкое знакомство с Библией оказало на меня столь значительный образовательный эффект, что кажется излишним говорить, что оно целиком и полностью заложило фундамент моего мышления.

Мой отец был лидером Плимутских братьев, и с четырёх лет, когда я научился читать, до тех пор, когда я пошёл в кембриджский Тринити-колледж, у меня практически не было никаких книг, кроме Библии; те же немногие, что мне давали, были тщательно подобранными историями, приспособленными для нужд ханжей, и потому, лишённые всякой литературной ценности, не оставили никакого следа в моём сознании. Это можно объяснить тем, что основной чертой веры Плимутских братьев является абсолютно буквальное принятие текста авторизованного перевода Библии⁵. Некоторое представление о моём чрезвычайно углубленном изучении Писания может дать упоминание о том, что мой отец глубоко постиг прелесть антитезы и его проповеди изобиловали фразами, содержащими слово «но». В девять лет я пробирался через свою Библию пословно и обводил чернильным квадратиком слово «но» всякий раз, когда оно мне там встречалось; если хоть одно слово было мною пропущено, я проходил через это снова и снова, пока не убеждался, что не допустил ни единого пропуска.

Я не отличался крепким здоровьем. Я не мог получать простейших удовольствий от игр. Ещё одним ограничением, которое могло исказить мои представления о морали, был запрет играть с кем-то кроме сыновей братьев, кои встречаются весьма редко, как и всё чистое и прекрасное! Потому чтение стало моим главным богатством, и я вновь и вновь обращался к Библии. У меня превосходная память на слова, и я по-прежнему могу найти любой процитированный текст в считанные минуты. В этом, конечно же, мне помогла особая подготовка. Когда круговерть жизни по какой-то причине ненадолго ослабевала, Плимутские братья предавались легкомысленным забавам «Библейского поиска». Конкурс проводился журналами, предлагавшими частично затупёванные тексты, и соревнующийся должен был отыскать их так быстро и точно, как мог. Конечно же, бесчестным было пользоваться параллельными местами, и даже использование Библии с перекрёстными ссылками считалось не совсем чистой игрой. Эти почти спортивные правила я соблюдаю до сих пор. При подготовке данного очерка я не пользовался книгами, кроме самой Библии — без колонки с перекрёстными ссылками (когда я посчитал это совершенно необходимым, я обзавёлся также «Золотой ветвью»⁶ и прочим).

Надеюсь, эти оправдания могут считаться в таком деле достаточными. Основной нитью этих заметок будет демонстрация ошибок — упущений и допущений⁷, — обнаруженных при пристальном изучении работы мистера Шоу. Другие замечания будут высказаны по поводу других мест этого блестящего очерка по ходу обсуждения, но лезвие топора, призванного подрубить корень дерева Шоу — доказательство того, что он совершенно неправильно истолковал Библию, что он выбрал тексты, подходящие для его целей, и проигнорировал те, что им противоречат; и что сделал он это (без сомнения, непреднамеренно), дабы доказать, что вся сущность учения Иисуса — ни больше, ни меньше, чем квинтэссенция политической пропаганды выдающегося эссеиста. Благодаря бесконечному благоговению, окружающему имя Иисуса, последнее всегда было козырным тузом в руках богословов. Извечной целью всякого религиозного реформатора было подтвердить, что Иисус Христос именно на его стороне. Мнение Иисуса по любому поводу считалось судом высочайшей инстанции. Всякий еретик основывал свой предельный довод на каком-нибудь изречении пророка из Назарета.

⁵ Имеется в виду Библия Короля Иакова. (НО)

⁶ Дж. Дж. Фрэйзер. Золотая ветвь. (АК)

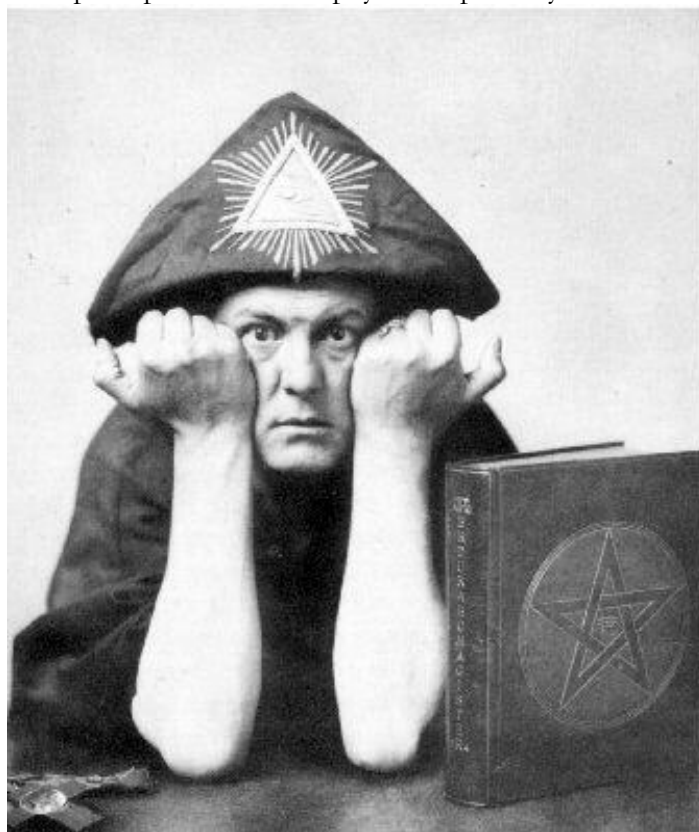
⁷ Не совсем точная передача словесной игры «omission» («ошибка, недосмотр, пробел, пропуск») и «commission» («полномочие, поручение, заказ»). (АНО)

АПОКРИФ

Следовательно, несмотря на блестящий, оригинальнейший склад ума, мистер Шоу на самом деле совершил то же, что делали до него всяк и каждый, от Ария до Ренана. Даже атеист вынужден в полной мере основывать свою позицию на учении Христа. Оно и ничто иное — стандарт, по которому мерит он свою работу. Он со всей очевидностью отличается от святого Павла только тем, что использует эту первопричину как почву для неверия и противоречия вместо веры и строгого соблюдения. Основная цель профессора Гексли в его аргументах, обращённых к Гладстону⁸ — доказать, что Иисус говорил что-то нелепое или неверное и делал что-то недостойное или безнравственное. Он отодвигает на задний план куда более важную точку зрения, что вся книга является собранием баск.

Красная нить предисловия к «Андроклу и льву» — в том, что Иисус Христос был новейшим социалистом в точности тех же убеждений, что и сам Бернард Шоу. Итак, приступим, дабы продемонстрировать, что такое представление несовместимо с католическим толкованием Библии как она есть. Мистер Шоу проявил исключительное благоразумие, работая с Библией Короля Иакова, и потому сделал всё возможное, чтобы ограничиваться исключительно «исторической критикой», ибо никому не ведомо лучше него, что, возмись мы расчищать это болото, оно сомкнётся у нас над головою прежде, нежели мы проделаем три шага. Большинство из тех, кто глубоко копнул фундаментальнейший из вопросов Библии, пришли к выводу, что Иисус Христос — не более чем удобное наименование, своего рода вешалка, на которую цепляют изречения и деяния множества персонажей: вроде той, которой Заратустра является для Халдейских Оракулов, Давид — для еврейских песнопений, которые мы называем псалмами, и, возможно, Гомер — для Илиады и Одиссеи. Несомненно, это универсальная литературная хитрость.

Теперь же настала пора обратиться к очерку мистера Шоу.

⁸ *Вильям Эварт (Уильям Юарт) Гладстон* (1809-1898) — английский государственный деятель и писатель. 41-й, 43-й, 45-й и 47-й премьер-министр Великобритании. (НО)

Джордж Бернард Шоу

О перспективах христианства⁹

Предисловие к пьесе «Андрока и лев»

Не отвратить ли христианства?

Вопрос кажется безнадежным после двух тысяч лет решительно строгого следования старинному возгласу: «Не этого человека, но Варавву». До сих пор всё выглядит так, словно Варавва был ошибкой, несмотря на крепость его десницы, на его победы, его империи, его многомиллионные богатства, на его мораль, и церкви, и политические конституции. «Этот человек» до сих пор не был ошибкой; ибо никто и никогда не был достаточно разумен, чтобы попробовать его путь. Но и у него был один причудливый триумф. Варавва украл его имя и принял его крест за образец. Есть во всём этом своего рода комплимент. Есть в этом даже своего рода лояльность, вроде такого разбоя, который нарушает все законы и призывает к патриотической преданности царю, устанавливающему их.

У нас всегда было занятое чувство, что, хотя мы и распяли Христа на столбе, он всё же уцелился за верный его конец, и что, будь мы чуть получше, мы смогли бы отвратить его замыслов. Недостойными людьми была предпринята пара-тройка нелепых попыток подобного рода, вроде Мюнстерского Царствия Божия¹⁰, закончившегося распятием куда более зверским, чем то, единственное, на Голгофе, когда епископ, принявший сторону Анны¹¹, возвращался домой и умер от ужаса. Но ответственные люди подобных попыток никогда не предпринимали. Богатый, респектабельный, дееспособный мир был неизменно антихристианским и вараввистским со времён распятия; и особая доктрина Иисуса никогда не сказывалась на его политической или социальной практике. Я не более христианин, чем Пилат или ты, мой кроткий читатель; и до сих пор, подобно Пилату, я всерьёз предпочитаю Иисуса Анне и Каиафе; и я готов допустить, что после размышлений над мировой и человеческой природой в течение почти шести десятков лет я закрываю глаза на всемирные бедствия, взирая лишь на путь, который открыл бы Христос, возьми он за работу современного государственного деятеля.

Умоляю, не спеши с первых же страниц сердиться на меня и захлопывать книгу. Я обещаю тебе самые скептические, научные и современные рассуждения, которые ты только можешь пожелать. Я утверждаю, что знаю о политике и экономике много больше, чем знал Иисус, и могу сделать то, чего не мог сделать он. По всем вараввистским меркам я — человек куда как лучшего характера и положения и с куда большим чувством практицизма. Я не испытываю симпатии к бездельникам и болтунам, пытающимся реформировать общество, отрывая людей от их повседневного продуктивного труда и превращая в таких же бездельников и болтунов; и, будь я Пилатом, я признал бы насущной необходимостью запретить всякие нападки на существующий общественный порядок, особенно с учётом того, что порядок может быть разрушен людьми, не владеющими искусством управления или силой создавать политические структуры для воплощения своих взглядов в жизнь, пребывая в опаснейшем из заблуждений, что конец света близок.

⁹ Поскольку текст предисловия Бернарда Шоу к его пьесе «Андрока и лев», «О перспективах христианства» (Лондон, декабрь 1912-го), полемическим ответом на которое является эта работа, также не переведен на русский и неизвестен широкой аудитории, он включён в данное издание: разделы исходного текста (выделен курсивом) предшествуют одноимённым критическим очеркам Алистера Кроули. В тех случаях, когда критика исходной главы отсутствует или, напротив, когда Кроули добавляет собственные разделы, не имеющие аналога в статье Шоу, порядок глав в этом издании соответствует авторскому. (АНО)

В журнальном издании предисловие Бернарда Шоу и работа Кроули разнесены по разным томам. Однако целесообразно читать их с чередованием: текст Шоу и критический ответ на него Кроули (НО)

¹⁰ Имеется в виду Мюнстерская коммуна (1534-1535) во главе с Яном Матисом и Иоанном Лейденским (настоящее имя — Ян Бейкелсон) (ок. 1509-1536). (НО)

¹¹ Имеется в виду тесть первосвященника Каиафы, участвовавший, согласно евангелиям, в суде над Иисусом. (НО)

Я не пытаюсь защищать таких христиан как Савонарола¹² или Иоанн Лейденский: они топили корабль прежде, чем учились строить плоты; и приходилось вышвыривать их за борт, дабы спасти команду. Я говорю об этом, чтобы позволить себе числиться среди порядочных людей; но я повторяю ещё раз, что, займись Иисус практическими проблемами коммунистической конституции, включая обязательство относиться к преступлению без мстительности и желания наказать и все человеческие представления о святом долге, он принёс бы человечеству неоценимую пользу, ибо эти его непреходящие требования оборачиваются теперь здравым смыслом и устойчивой экономикой.

Я говорю «непреходящие», потому что его общая человечность, его обусловленность временем и пространством (то есть сирийским укладом жизни тех лет) привязывала его убеждения к множеству вещей, истинных и ложных, и это никоим образом не отличало его от прочих сирийцев той поры. Но такие общие взгляды составляют специфику христианства не в большей степени, чем ношение бороды, работа в плотницкой мастерской или уверенность в том, что Земля плоская, а звёзды могут посыпаться на неё с неба подобно градинам. Христианство интересует сейчас государственных деятелей из-за доктрин, отличавших Христа от иудеев и всевозможных вававвистов, включая их самих.

Почему Иисус больше других?

Я не утверждаю, однако, что эти доктрины были специфичны для Христа. Доктрина, свойственная одному человеку, будет не более чем чудачеством, если понимание её зависит от проявления столь редких человеческих способностей, что лишь один исключительно одарённый человек может обладать ими. Но даже в этом случае она бесполезна, будучи неспособной к распространению. Христианство есть шаг к нравственной эволюции, не зависящей от какого бы то ни было отдельно взятого проповедника. Даже если Иисуса никогда не было (как и если он существовал таки в какой-то иной форме, нежели та, в которой шекспировский Гамлет задавал свои решительные вопросы), всё равно Толстой мыслил, и учил, и враждовал с православной церковью.

Это вероучение фрагментарно практикуется на весьма обширных территориях, несмотря на то, что законы всех стран относятся к нему, по сути, как к преступному. Многие его защитники были воинствующими атеистами. Несмотря на то, что по каким-то причинам воображение белого человека избрало Иисуса из Назарета христом¹³ и приписало ему все христианские доктрины; и на то, что дело именно в доктрине, а не в человеке, и что, в конце концов, один символ хорош ровно столько же, сколько и другой, если все вкладывают в него одно и то же значение, — я поднимаю сейчас вовсе не вопрос о том, в какой степени достоверны евангелия и насколько состоят они из греческих или китайских заимствований. Писания о том, что сказал по тому или иному поводу Иисус, вовсе не отменяют свидетельства о том, что сказал Конфуций до него. Те, кто призывает к буквальному пониманию его божественного происхождения, не умолкнут только из-за того, что узнают о тех же требованиях в отношении Александра или Августа. II я просто не буду заниматься вопросом фактологической достоверности евангелий; ибо я не действую подобно сыщику, но включаю свет дня нынешнего, дабы некоторые евангельские идеи и доктрины сами отделились от прочих как целиком и полностью противоречащие общепринятой практике, общепринятому здравомыслию и общепринятым убеждениям и по-прежнему, в зубах упрямого неверия и непокорности, производящие неодолимое впечатление, что Христос, отвергнутый таки своими потомками как непрактичный мечтатель и казнённый своими же современниками как опасный анархист и богохульный безумец, был больше своих судей.

¹² Джироламо Савонарола (1452-1498) — итальянский доминиканский священник и глава Флоренции с 1494 по 1498 гг. (НО)

¹³ Здесь и в ряде других случаев слова «Иисус» и «Христос» написаны в оригинале с заглавной буквы, но с артиклем («the Jesus», «the Christ»), как для имён нарицательных, а не собственных. В русском языке этому приёму эквивалентна передача имени собственного со строчной буквы. (АНО)

Это очень больно — чувствовать себя обязанным начинать с лобовой атаки на логику мистера Шоу. «Писания о том, что сказал по тому или иному поводу Иисус, вовсе не отрицают свидетельств о том, что сказал Конфуций до него». Всё верно, но это — несомненная причина поговорить о Конфуции, а не об Иисусе. Мистер Шоу в известной мере допускает это; ибо единственная причина того, что он выбрал именно такой предмет для обсуждения — в том, что «воображение белого человека избрало Иисуса из Назарета христом и приписало ему все христианские доктрины»; и, добавляет он, «дело именно в доктрине, а не в человеке». В таком случае, доктрина должна быть доказана в первую очередь. Она совершенно не связана с тем, существовал ли когда-либо Иисус, и, следовательно, это не более чем риторическая уловка, дабы соединить жизнь Христа с любым из доводов подобного рода.

Переходим к следующей сентенции. «Те, что призывают к буквальному пониманию его божественного происхождения, не умолкнут только из-за того, что узнают о тех же требованиях в отношении Александра или Августа». Это тоже в достаточной мере истинно, ибо такие личности непостижимы рассудком. Если я утверждал прежде нечто невероятное, мои доказательства зависят от изучения фактов; но если случилось так, что мои утверждения идентичны, за исключением имён и мест, с известными утверждениями признанных психопатов или лгунов, ни один серьёзный человек не возьмётся исследовать факты по этой проблеме.

В рассматриваемом случае, как это и бывает, изучение фактов невозможно. Мы выяснили, что таков извечный обычай — почитать всякого выдающегося человека атрибутом его божественного рождения. Истоки этого могут таиться в магии или в религии; но в случае предполагаемой жизни Иисуса это вряд ли было нечто большее, нежели литературное приукрашение. В словах о том, что Ромул и Рем порождены девой-весталкой от Марса, ни один человек с маломальским поэтическим чутьём вкупе со здравым смыслом не усмотрит того, что заявивший подобное желает чего-то большего, нежели подчеркнуть их воинское величие и целомудрие их матерей.

Помимо того, эта история, разумеется, была способна ещё и поражать воображение обывателя. Не стоит забывать, что в те времена писательское искусство считалось волшебством. Старинное слово для обозначения магии, «*gramarye*», означает всего лишь «писание»¹⁴. В глазах обывателя казалось чудом понимать человека на расстоянии иначе, чем посредством устной речи. Само отношение к чудесам зависит, как будет показано далее, от психологии людей, среди которых они сотворяются. Таким образом, претензии на буквальное понимание божественного происхождения того или иного человека означают лишь то, что кто-то решил, будто этот человек был великим. Если мы пытаемся прочесть здесь нечто большее, чем в другом подобном тексте, нам придётся допустить, что ни у кого нет никаких причин присваивать истину в отношении одной истории более, чем в отношении другой. Нет выбора для логика, где наука безмолвствует, но принимать нужно всё или ничего.

Был ли Иисус трусом?

Я прекрасно сознаю, что это впечатление преимущества производится далеко не на всех: даже не на всех тех, кто обладает крайней восприимчивостью к подобному. Невзирая на колоссальную массу насаждённого христопоклонничества, не имеющую реального значения, ибо лишённую интеллекта, среди людей, по-настоящему свободных самостоятельно рассуждать о сути вещей, остаётся много искренней антипатии к Иисусу и неуважения к его отказу спасти себя и противопоставить неприятелю личную храбрость и хитрость, как Магомет. Мне приходилось слышать гораздо более рез-

¹⁴ Отсюда «грамуар». (АНО)

кие высказывания по этому поводу от лиц, воспитанных в Англии, в христианской вере, чем от магометан, которые, как и их пророк, весьма чтят Иисуса и относятся к нему, по меньшей мере, с таким же почтением и благоговением, как мы — к Иоанну Крестителю. Но эта бульдожья непочтительность британцев основана на полном непонимании причин, подвигнувших его на добровольные тяжкие муки и смерть.

Современный секулярист обычно настроен считать Иисуса человеком подобно себе самому и ничем иным и потому невольно впадает в заблуждение, будто бы Иисус разделял эту точку зрения. Но авторы Нового Завета (важнейшие источники для верующих в реальное существование Иисуса) со всей ясностью дают понять, что на момент смерти Иисус сам верил, что был христом, божественным персонажем. Следовательно, нелепо критиковать его поведение перед Пилатом так, словно он был полковником Рузвельтом, или адмиралом фон Тирпицем¹⁵, или даже Магометом. Примите ли вы его убеждённость в собственной божественности так же безоговорочно, как Симон Пётр, или отвергнете её как навязчивую идею, заставившую его безропотно идти на муки и самопожертвование в полной уверенности, что вскоре он вновь восстанет во славе, вам равно придётся признать, что для такого поведения, уподобляющего его трусу или овце, он проявил весьма незаурядную физическую стойкость, проходя через тяжкие испытания, от которых он мог защитить себя с той же эффективностью, с которой изгонял меновщиков из храма. «Кроткий Иисус, смиренный и мягкий» — сопливое изобретение современности, не основанное на евангелиях. Святой Матфей неспроста применяет к Иисусу те же прилагательные, что и к Иуде Маккавею; и даже Лука, изобразивший Иисуса почтительным и любезным, не делает его смиренным. Образ его как английского викария комедийно-фарсового типа, слишком робкого для драки с полицейскими и всеми битого, может быть полезен в детской, чтобы учить детей кротости; но мысль о том, что такая фигура может стать когда-нибудь средоточием мирового внимания, слишком уж смехотворна для обсуждения; взрослые мужчины и женщины могут добродушно поболтать о безобидном создании, которое треплется о дружеских чувствах и оказывается беспомощным простотилей, стоит обратиться к нему за помощью; но они не пойдут за ним и не сделает того, что он скажет им, поскольку не пожелают разделить его поражение и позор.

В этом разделе очерка не так уж и много мест для критики. Никто не спрашивает о смелости того, кто был «слишком горд для драки», когда несколько дней назад он предоставил бесспорные свидетельства этого качества, атаковав местную Уолл-стрит¹⁶.

Но теперь мы подходим к первой из проблем мистера Шоу с текстом евангелий. Ему стоит прочесть их снова. Он говорит: «“Кроткий Иисус, смиренный и мягкий” — сопливое изобретение современности, не основанное на евангелиях». Обратившись к Евангелию от Матфея (11:29), мы обнаруживаем: «Возьмите иго Моё на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдёте покой душам вашим»¹⁷. Это прямое утверждение его кротости.

¹⁵ Альфред фон Тирпиц (1849-1930) — германский военно-морской деятель, гросс-адмирал (27 января 1911), командующий флотом. (НО)

¹⁶ 16 сентября 1920 года, в полдень, у входа в «Дом Моргана» на Уолл-стрит, построенный в 1914 году и долгие годы являвшийся важнейшим адресом в американской финансовой системе, взорвалась бомба, убив 40 и ранив около 400 человек. Незадолго до взрыва в почтовый ящик на углу Бродвея и Седар-стрит было подброшено письмо с предупреждением, которое гласило: «Помни, мы больше не будем терпеть друг друга. Освободи политических заключённых или будь уверен — вы все умрёте. Американские борцы за анархизм». Хотя существовало множество версий, кто это сделал и почему, спустя 20 лет ФБР в 1940 году закрыло дело, не найдя преступников. (НО)

¹⁷ Цитаты из Библии приведены по русскому синодальному переводу, независимо от точности цитирования в работах Шоу и Кроули (кроме особо оговоренных случаев). В квадратных скобках заключены слова, отсутствующие в соответствующем месте Библии, но необходимые для понимания контекста и/или обозначенные у авторов переведённых здесь работ. Указания на неточность названных номеров книг, глав и стихов сохраняются только в том случае, если им сопутствуют дополнительные комментарии; очевидные неточности, замеченные мною и английскими комментаторами, исправлены без примечаний. В тех случаях, когда название книги и номера главы и стихов в ори-

Теперь см. Мф. 21:5. Ему было просто необходимо быть смиренным из-за пророчества: «Скажите дочери Сионовой: се, Царь твой грядёт к тебе кроткий, сидя на ослице и молодом осле, сыне подъяремной».

Кротость также один из важнейших моментов его учения. «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5:3), — и далее: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Кроме того, в той же главе (ст. 44): «А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас». У Луки (6:30) читаем: «Всякому, просящему у тебя, давай, и от взявшего твоё не требуй назад». Есть и дюжина других подобных пассажей.

Это, безусловно, и значит «слишком робкий для драки с полицией». После этого Шоу отмечает: «Мысль о том, что такая фигура может стать когда-нибудь средоточием мирового внимания, слишком уж смешотворна для обсуждения». Но в вышеприведённых фрагментах — несомненные указания на то, что он был именно такой фигурой; и он, без сомнения, стал как раз средоточием мирового внимания, ибо вот они, мистер Шоу и я, брюзжащие над его костями!

Был ли Иисус мучеником?

Таким образом, необходимо очистить наши умы от представления о том, будто бы Иисус умер, как некоторые имеют обыкновение заявлять, во имя своих социальных и политических убеждений. Есть множество мучеников за эти убеждения; но он не был из их числа, да и вообще (о чём свидетельствуют его собственные слова) придавал мученичеству не больше значения, чем Галилея. Иудеи подвергли его пыткам за кощунственные притязания на божественность; Пилат же, для которого всё это было не более чем суеверными бреднями, допустил казнь Иисуса в качестве дешёвого способа утихомирить их, формально сославшись на то, что тот совершил измену против Рима, уверяя, что является Царём Иудейским. Иисус не был ни оклеветан, ни совершенно лишён возможности защищаться. Процедуры были просты и обыденны; и Пилат, которому была подана апелляция, симпатизировал ему и презирал его судей, а, кроме того, был, по всей видимости, достаточно добросовестен, чтобы пойти на мировую. Но вместо отречения Иисус повторил преступление. Он ведал, что творит: он был покинут всеми учениками и побиваем камнями на улицах за то, что сделал. Он не лгал: он в точности верил всему, что утверждал. Ужас первосвященника был вполне закономерен: он был первейшим противником уличного проповедника-еретика, чьи уста произносили то, что казалось ему вопиющим и наглым богохульством. То, что богохульство это было для Иисуса простой констатацией факта и что ныне оно принято таковой всеми странами Запада, не отменяет судопроизводства и не даёт нам права считать Анну и Каиафу большими злодеями, чем Архиепископ Кентерберийский или ректор Итонского колледжа. Если бы Иисус обратился в современный суд, его бы исследовали два врача; обнаружили бы, что его преследуют навязчивые идеи; объявили бы невменяемым; и отправили бы в дурдом: вот и вся разница. Но имейте, пожалуйста, в виду, что если человек предстанет перед современным судом (если рассматривать случай, произошедший в другие времена), заявляя и ручаясь, что является офицером, вернувшимся из-за границы, чтобы получить Крест Виктории из рук короля, хотя на самом деле он простой механик, никто и не подумает о том, что он страдает навязчивыми идеями. Он будет наказан за надувательство, ибо его утверждение правдоподобно и, следовательно, может ввести в заблуждение. Несомненно, притязания на божественность, выказываемые Иисусом, казались первосвященнику, с нетерпением ожидавшему пришествия Мессии, вполне похожими на правду и потому могущими ввести людей в заблуждение тем же опасным образом. Вот почему тот рассматривал Иисуса как шарлатана и святотатца, тогда как мы взяли бы лечить его как душевнобольного.

гинале отсутствуют, цитаты также приведены по синодальному переводу, поэтому, несмотря на то, что я не расставляла на них ссылки, желающие могут самостоятельно отыскать их для ознакомления с ними в контексте. (АНО)

Э тот восхитительно ясный раздел не нуждается ни в каких пояснениях.

Евангелия без предубеждений

Всё это становится очевидным, если мы прочтём евангелия без предубеждений. В молодости я не мог как следует читать их без фантастической путаницы в голове. Путаница эта так явственно ставила меня в тупик, что чтение Библии требовало особого расположения духа. Иисус был младенцем; и при этом он был древнее творения. Он был человеком, который мог быть гоним, побиваем камнями, бичёван и убит; и он был богом, бессмертным и всемогущим, способным поднимать мёртвых и призывать миллионы ангелов себе на помощь. Грешно было ставить под сомнение его точку зрения: иначе говоря, грешно было вообще рассуждать о нём; итогом стало то, что вы не думали о нём, а читали о нём лишь тогда, когда вас принуждали к этому. Когда вы слышали евангельские истории в церкви или изучали их по произведениям художников и поэтов, их содержание производило на вас впечатление, которое могло бы шокировать китайца, ознакомившегося с ними без предубеждений. Даже скептики, которые всегда были начеку, постоянно держали Библию под рукой и читали евангелия с целью обнаружить несоответствия в четырёх повествованиях, чтобы показать, что их авторы были так же способны на ошибки, как и авторы вчерашней газеты.

Всё изменилось за каких-то два поколения. На сегодняшний день Библия является таким мало-значительным чтивом, что язык авторизованного перевода стремительно устаревает; поэтому даже в Соединённых Штатах, где старая традиция словесной непогрешимости «книги книг» держится сильнее, чем в других местах (кроме, быть может, Ольстера), волей-неволей приходится делать переложения на современный английский, дабы писание не утратило ясности. Сегодня нетрудно найти культурного человека, который никогда не читал Нового Завета и на котором поэтому можно поставить эксперимент, попросив его прочитать евангелия и решить для себя, что же свидетельствуют они об истории, убеждениях и характере Христа.

«**В** молодости я не мог как следует читать их [евангелия; А. К.] без фантастической путаницы в голове. Путаница эта так явственно ставила меня в тупик, что чтение Библии требовало особого расположения духа. Иисус был младенцем; и при этом он был древнее творения. Он был человеком, который мог быть гоним, побиваем камнями, бичёван и убит; и он был богом, бессмертным и всемогущим, способным поднимать мёртвых и призывать миллионы ангелов себе на помощь. Грешно было ставить под сомнение его точку зрения: иначе говоря, грешно было вообще рассуждать о нём; итогом стало то, что вы не думали о нём, а читали о нём лишь тогда, когда вас принуждали к этому».

Я вынужден признать свою неспособность уловить какую-либо путаницу в голове при изучении этого вопроса. Объяснение даётся где-то в самом предисловии. Он был «аватарой», если использовать индийскую терминологию. Он играл роль и, конечно же, принял её ограничения.

«Даже скептики, которые всегда были начеку, постоянно держали Библию под рукой и читали евангелия с целью обнаружить несоответствия в четырёх повествованиях, дабы показать, что их авторы были так же способны на ошибки, как и авторы вчерашней газеты». Здесь следует заметить, что без этой работы было не обойтись. Теоретические представления о Библии на тот момент заключались в том, что она была записана непосредственно под диктовку Святого Духа. Эту теорию и пытались разрушить скептики; и потому вся аргументация вращалась вокруг вопроса о противоречиях. На самом деле вопрос был решён столетия назад: католическая церковь, со всей ясностью осознавшая, что скептики правы, запретила мирянам читать Писание и отказалась применять логику и разум для его истолкования.

В наши дни евангелия непонятны непосвящённому

Но невозможно читать евангелия с разумом, настроенным лишь на восприятие, скажем, биографии Гёте. Ты не только не увидишь в них смысла, но даже не сможешь, не устав от скуки, неуклонно продираться через них, если хоть немного не знаком с историей человеческого воображения применительно к религии. Не так давно я спросил у писателя недюжинных интеллектуальных способностей, изучал ли он евангелия с детских лет. Он ответил, что попытался заняться этим в последнее время, но «обнаружил там столько ахинеи, что не в силах им больше следовать». Поскольку я не хочу, чтобы, читая Библию, вы пришли к такому же результату, я постараюсь здесь кратко осветить вопрос о том, как изучение истории религий может сделать евангелия, образ жизни и окончательную судьбу Иисуса понятными и интересными.

Мы не можем согласиться с тем, что среднестатистический читатель не увидит смысла — или того, что он называет «смыслом» — в евангелиях. Мистер Шоу забывает, что критический подход столь редок среди людей, что среднестатистический читатель проглотит, не заметив, целые страницы противоречий или даже откровенную чушь.

Даже подготовленные студенты не всегда могут с лёгкостью распознать нестыковки. Философии, насквозь пропитанные ошибками, проходили сквозь века, несмотря ни на какие ухищрения враждебных школ. Можно сказать, вся история философии — лишь летопись альтернативных гипотез и их критики. Сколько их сменилось прежде, чем обнаружилось, что довод в пользу бессмертия в «Федоне»¹⁸ был одним огромным *petitio principii*¹⁹?

Мирянство большинства

Первая общая ошибка, от которой необходимо избавиться — что человечество состоит из огромного количества религиозных людей и немногочисленных эксцентричных атеистов. На самом же деле здесь можно выделить подавляющее большинство мирян и небольшой процент лиц, глубоко заинтересованных в религии и озабоченных вопросами о собственной душе и душах прочих людей; и эта категория состоит большей частью из тех, кто страстно утверждает господствующее вероучение, и тех, кто столь же страстно атакует его, истинных же философов считанные единицы. Таким образом, ты никогда не получишь страны миллионов Уэсли²⁰ и единственного Тома Пейна²¹. У тебя всегда будет миллион мистеров Житейская Мудрость, один Уэсли с небольшой конгрегацией и один же Том Пейн с конгрегацией ещё меньше. Страстно религиозные — люди особенные; и если бы их число не отставало безнадежно от количества людей мирских, они перевернули бы мир кверху дном, в стремлении к чему, вполне справедливо, упрекали святого Павла.

¹⁸ *Федон* — один из диалогов Платона. Участниками диалога являются Федон и Эхекрат. Имея целью описать последний день жизни Сократа, диалог содержит попытку Сократа доказать своим молодым ученикам, что его душа переживёт его тело и после смерти будет путешествовать по прекрасным местам. Помимо инициирования исторически важного спора о «судьбе и причине», диалог является ключевым источником двух хорошо известных доктрин Сократа: бессмертия души и доктрины о формах. (НО)

¹⁹ (лат.) Претензия на то, чтобы стать основой доказательства. Допущение в качестве основы доказательства положения, которое само ещё требует доказательства. (АНО)

²⁰ *Джон Уэсли* (1703-1791) — английский протестантский проповедник, один из основателей (вместе с Джорджем Уайтфилдом) методизма. (НО)

²¹ *Томас Пейн* (также *Пэн*) (1737-1809) — англо-американский публицист, прозванный «крестным отцом США». Впервые прибыв в Америку в возрасте 37 лет, Пейн поддержал сепаратистские настроения в популярном памфлете «Здравый смысл» (1776). В 1794 году написал важнейший философский труд «Век разума», проникнутый идеями атеизма и верой в торжество разума. (НО)

Мало кто может назвать среди своих личных знакомых хоть одного атеиста или хоть одного члена Плимутского братства. Пока наше собственное религиозное преобразование не приведёт нас к поиску крохотных сообществ, к которым принадлежат эти редкие птицы, мы проводим жизнь среди тех, у кого — какого бы вероучения они ни придерживались, в каких бы храмах ни утверждали свою респектабельность и ни изнашивали свои воскресные одеяния, — есть здоровая совесть, и голод, и жажда: не ради праведности, но ради сытного пропитания, и комфорта, и общественного положения, и привлекательного спутника жизни, и удобства, и удовольствия, и уважения, и почёта; иными словами, ради любви и достатка. Для таких людей одна мораль ничуть не хуже другой, если они привыкли к ней и могут принять без особой неприязни накладываемые ею ограничения; и в деле поддержания этой морали они будут сражаться, и карать, и принуждать без всяких угрызений совести. Они не могут быть солью земли, эти филистимляне; но они — основа цивилизации; и они хранят общество от разрушения преступниками и завоевателями, а также Савонаролами и Книппердоллингами²². И поскольку они совершенно разумно полагают, что религия в маленьких дозах полезна для детей и на службе морали, удерживая бедноту в добром расположении духа или в трепете обещаниями вознаграждения на небесах или угрозами адских мук, они содействуют людям религии до некоего предела: например, пока Савонарола только заявляет дамам Флоренции, что им следует сбросить свои драгоценности и наряды и пожертвовать их Господу, они предлагают ему кардинальскую шапку и восхваляют его как святого; но стоит ему попытаться заставить их на самом деле совершить такое, они сжигают его как помеху для общества.

Мне не удалось найти ни единого изъяна в этом совершенно точном разделе.

Религия меньшинства: сальвационизм²³

Вероучение допустимых религиозных меньшинств всегда было, в общем-то, одним и тем же вероучением; вот почему изменения имени и формы приводили к столь незначительным отличиям. Вот почему, помимо прочего, столь цивилизованная нация как англичане может запросто обращать в свою веру негров, но не магометан или иудеев. Негр находит в цивилизованном сальвационизме невыразимо утешительную версию его грубого вероучения; но ни сарацын, ни еврей не видят в нём никакого преимущества перед собственной версией. Крестоносец был удивлён, обнаружив, что сарацын столь же религиозен и нравственен, как он сам, и скорее более, нежели менее цивилизован. Католик не может предложить православному ничего такого, что уже не было бы предусмотрено православной церковью. Все они по сути своей сальвационисты.

Давайте проследим за этой религией Спасения с самых её истоков. Столь много событий постоянно происходит без желания и замысла человека — смерть, мор, бури, вредители, наводнения, восход и закат, и прорастание, и урожай, и увядание, и два кантовских чуда — звёздное небо над нами и моральный закон внутри нас, — что мы приходим к выводу, что кто-то должен делать это всё, или что кто-то творит всё доброе, а кто-то другой — всё злое, или что полчища незримых существ, добродетельных и злотворных, устраивают всё это; таким образом, ты провозглашаешь существование богов и дьяволов, ангелов и демонов. Ты стараешься умилиловать эти силы дарами, называемыми жертвами, и лестью, называемой молитвами. Затем кантовский моральный закон внутри тебя заставляет тебя думать о своём боге как о судьбе; и тут же ты пытаешься подкупить его, такими же подношениями и славословиями. Это ошеломляет; но все наши возражения на это — совсем недавнее изобретение: не позднее шекспировских времён, когда было абсолютно естественно полагать, что стороны должны приносить дары судьям земным, а взяточничество гневу божьему в виде обычной денежной

²² Бернт Книппердоллинг (1495-1536) — анабаптист, один из сподвижников Иоанна Лейденского. (НО)

²³ Сальвационизм — религия, основанная на представлении о Спасении, Искуплении. (НО)

дани священникам или (в реформатских церквях, стеснявшихся подобного) подписок о благотворительности, церковном строительстве и тому подобном пребывало ещё в самом расцвете. Практический недостаток такой системы в том, что она облегчает дела толстосумам, лишая обездоленных всякой надежды на божью благодать. II это ускоряет нравственную критику со стороны бедноты настолько, что та вскоре обнаруживает моральный закон внутри себя, восставая против идеи подкупа божества золотом и монетами, но будучи всё так же готовой подкупать его банкнотами молитв и векселями о раскаянии. Исходя из этого, вы можете обнаружить, что религия всё-таки может много веков оставаться неизменной в простых обществах, где условия жизни не оставляют места нищете и богатству и процесс задабривания сверхъестественных сил доступен и малому, и великому; но когда цивилизация коммерциализируется и капитализм разделяет людей на горстку богатых и великое множество столь бедных, что едва способны свести концы с концами, движение в сторону религиозных реформ начинается именно в среде обездоленных и является, по сути, движением в сторону дешёвого или совершенно бесплатного спасения. Чтобы понять, чего хотят бедные от умилоствления, мы должны сперва рассмотреть, чего хотят они от правосудия.

В этом разделе я нахожу существенный недостаток, и это важно отметить по соображениям, на которых мы остановимся в дальнейшем, когда приступим к полноценной дискуссии о Джоне Ячменное Зерно. У людей примитивных, каковыми я считаю тех, кто не впитал всей структурой своего разума суть причинности, есть несомненный страх перед счастьем. Есть некое ощущение, что везение не может длиться вечно. Таким образом, мы подходим к жертве, принесённой в миг успеха. Клятва Иеффая²⁴ принести в жертву первое живое существо, которое он встретит, если вернётся с победой, — как раз такой случай.

Подобно тому римляне и греки полагали, что на пике процветания вещь, наиболее дорогая для человека, должна быть пожертвована подземным богам. Греческая драма полна историй о наказании за «*hybris*»²⁵, представление о том, что всё идёт замечательно и что так будет всегда, что человек — чудный парень, слишком великий, чтобы пасть. Мы всё ещё «стучим по дереву» или, в Шотландии, говорим «*cauld airn*»²⁶.

Существовал также обычай умерщвлять человека под фундаментом при строительстве. Самым подходящим подношением считался первородный сын зодчего (см. Нав. 6:25 и 4 Цар. 16:34²⁷). Эта традиция сохранилась до наших дней в символической форме. Обычно мы погребам под фундаментом монеты и всякие прочие сокровища, вроде того, как мы по-прежнему используем талисманы Митры в упряжи наших лошадей.

Подобным же образом мы повелеваем Аврааму принести в жертву его единственного сына, и подобным же образом евангельская история является описанием жертвоприношения своего единственного сына самим Богом. Мы отдаём богам самое драгоценное, что у нас есть, чтобы в других вопросах они оставили нас в покое. Конечно, люди практичные, мы берём для этих целей нечто, что не имеет для нас никакой ценности; но, чтобы обмануть Бога, мы выдумываем представления о том, что оно бесценно. В этом — главнейшая формула «богоедения»; как показали Фрэзер и прочие, распространённая повсеместно, от Месопотамии до Мексики. Мы избираем кого-то, не имеющего значения, называем его царём и Богом, наряжаем его, поклоняемся ему и оказываем все иные необходимые почести. Затем, по окончании назначенного срока, мы жестоко убиваем его. Этот тезис будет разработан дальше, в соответствующем месте.

²⁴ Иеффай — в Ветхом Завете военачальник и один из судей израильских. (НО)

²⁵ (греч.) Заносчивость, гордость, высокомерие. (АНО)

²⁶ (шотл.) Кованный гвоздь; выражение, аналогичное по функции русскому «тьфу-тьфу» или «чур меня». (АНО)

²⁷ Внимание, здесь должна быть 3 Цар. 16:34: Ахил Вефилянин вновь отстроил Иерихон, принеся в жертву двух своих сыновей, под основанием и под воротами. (БХ)

Различие между искуплением и наказанием

Примитивная идея правосудия заключается в частично узаконенной мести и частичном искуплении с помощью жертвоприношения. Она основывается на представлении, что чёрное на чёрное даёт белое, а неправильный поступок должен быть оплачен эквивалентным страданием. Большинство филистимлян, конечно же, полагает, что это ответное страдание должно быть причинено преступнику, дабы другим было неповадно чинить правонарушения; но несложные рассуждения покажут, что это утилитарное, прикладное извращение всей сути сделки. Например, пролитие крови невинного не может быть уравновешено пролитием крови виновного. Принесение преступника в жертву ради задабривания Бога за убийство одного из его праведных слуг подобно жертвоприношению паршивой овцы или чумного вола: оно может лишь призвать на землю гнев божества вместо того, чтоб успокоить его. В таких делах мы приносим Бога в жертву собственной мстительности и сохранению наших жизней без учёта нашей собственной ценности; а в нашей ценности и заключается суть жертвы и искупления. Сколько бы филистимляне ни добивались успеха в запутывании подобных вопросов на практике, они остаются сальвационистами несмотря на это и даже вопреки этому. Кузен баронета из романа Диккенса²⁸, недоумеая по поводу неспособности полиции найти убийцу поверенного баронета, заявляет: «Гораздо лучше повесить не того, кого надо, чем никого», — не только выражая это распространённое чувство, но и балансируя на грани убеждения немногочисленных сальвационистов в том, что гораздо лучше повесить не того парня: что, в общем-то, «не тот, кто надо», вполне себе подходит для того, чтобы быть повешенным.

Это основополагающий момент, поскольку, не осознав его, мы не только не сумеем постичь исторического христианства, но даже те, кого не волнует историческое христианство, способны впасть в заблуждение, решив, что если мы отринем мечь и будем поступать с убийцами так же, как Господь поступил с Каином (то есть освободим их от наказания, заклеивив как недостойных быть принесёнными в жертву и позволив им встретиться с миром лицом к лицу столь всеохватно, как только смогут они с подобным клеймом на челе), то мы избавимся и от наказания, и от жертвоприношения. Последнее никоим образом не вытекает из первого: напротив, ощущение, что убийство должно быть искуплено, может, скорее всего, привести нашего ни в чём не повинного человека — чем более невинного, тем лучше — к жестокой гибели, дабы прийти к согласию с законами божьими.

Спасение — прежде всего, классовая привилегия; и лекарство

Таким образом, даже когда бедняк решает, что метод спасения, купленного за подношения овнов и козлиц или возложение золота на алтарь, неправилен, ибо недоступен ему, мы так и не можем почувствовать себя «спасёнными» без жертвоприношения и жертвы. Напрасно пытаются менять мистические обряды на ничего не стоящие, вроде обрезания или, после изменения, вроде крещения. Наше чувство справедливости по-прежнему требует искупления, жертвы, страдальца за наши грехи. И это оставляет бедняка с его прежней проблемой; ибо если он не мог раздобыть ни овнов, ни козлиц, ни шекелей, то куда труднее будет ему найти соседа, который добровольно примет страдания за его грехи; кто бодро ответит: «Ты кого-то убил. Ладно, чёрт с ним: я с удовольствием буду повешен за это вместо тебя!»

На помощь нам неизбежно приходит воображение. Почему бы и нет, не будем доводить себя до отчаяния, настаивая на отдельном искуплении за каждый грех отдельным избавителем, давайте у нас будет одно великое искупление и один великий избавитель, на которого можно навсегда свалить все грехи мира? Ничего проще, ничего дешевле. Ярмо становится лёгкой, необременительной ношей. Всё, что

²⁸ Имеется в виду роман Чарльза Диккенса «Холодный дом». (НО)

ты должен сделать, когда мы найдём избавителя (или выдумаем его) — это поверить в эффективность сделки, и тогда ты спасён. Овны и козлица перестают истекать кровью; алтари, требующие драгоценных монет и непрерывно повторяемых жертвоприношений, повержены; и Церковь единого избавителя и единого искупления растёт на руинах древних храмов и становится единой Церковью Христа.

Проницательный, как всегда, мистер Шоу, оказывается, страдает от чувства Греха, как и следовало ожидать от протестанта ирландской или шотландской крови. Как показано выше, это не столько стремление избежать кары, сколько средство избавиться от неведения. До Павла идея греха в нашем современном понимании играла весьма несущественное значение, кроме как в религиях женоподобных и трусливых жителей некоторых частей Индостана. Жертвоприношение в Египте — всего лишь магический ритуал, гарантирующий необходимые разливы Нила. «Осуждение греха» есть современное изобретение, объясняемое, главным образом, тиранией паулинистского духовенства. В тёмные века всякое бедствие связывалось священниками с грехом; и, поскольку бедствия были нередки, дух людей был сломлен. В наше время у нас даже случается психоз того сорта, когда основная навязчивая идея заключается в том, что её жертва якобы совершила «грех против Святого Духа».

Такие бредни возможны только среди рабов, подобно тому, как расстройство, в результате которого больной считает, что растерял все свои сбережения, возможно лишь в коммерциализированной цивилизации. У самих евреев было представление о грехе, выработанное благодаря четырём векам рабства в Египте, но ничего подобного не встречается среди храбрых людей вроде арабов или афганцев, не допускающих превосходства священников. Не было этого и в Индии, пока брахманы не вытеснили кшатриев, или касту воинов. Чувство справедливости довольно однобоко у сильного, вооружённого человека. Всё, что он считает справедливостью — исполнение собственной воли по отношению к более слабым. Все представления о грехе и искуплении — прямое метафизическое творение рабской психологии.

Мы полагаем, что Шоу не вполне справедлив в своей этиологии централизованного избавителя. Свою роль сыграла и экспансия Римской Империи, и начало путешествий и торговли, показавших всевозможным жрецам, что множественность соперничающих храмов — плохой бизнес. Они сформировали идею Веры. Позднее христианская религия оказалась полна пережитками языческих обрядов.

Позвольте сослаться на древнюю рукопись, сохранившуюся в одном из тайных святилищ Инициации, хранимую столь бережно и оберегаемую столь ревностно, что, наверно, не наберётся и пяти десятков человек, заслуживших привилегию видеть её.

«Тем, кто сковал себя, кто потемнел в собственных глазах, кто предал собственное здравомыслие в поисках фантастических богов, грязных и запутанных хитросплетений метафизики, сплетаемых кастрированными пауками-исповедниками в бессолнечных монастырях, мыльных пузырях, надутых идиотами и безумцами, мифов, неправильно понятых, басен, принятых за историю, лжей, выталкиваемых вперёд всяким приспособлением для подлога, мошенничества, интриги, предательства и убийства, такая Истина кажется ложью, а Свет — тьмою.

Такие боги как Парабрахман просто ставят человека в тупик и делают его добычей духовенства, тогда как христы, общие для лютеранской, католической и англиканской церквей, есть не что иное как машинные боги всякого шарлатанства и притеснения, украденные и проституированные из того Христа, в коем отцы наши по Гнозису старались объединить враждующих богов Сирии, Греции, Халдеи, Рима и Египта, когда расширение Римской Империи впервые сделало возможными странствия и общение между жрецами Митры, Адониса, Атгиса, Осириса, Диониса, Исиды, Астарты, Венеры и множества иных. Следы этой редактурой до сих пор видны в

Мессе и в Святцах: все боги и богини универсального заимствования получают те же самые почести в тех же самых обрядах, что и прежде, тогда как местные божества заменены святыми, девственниками, мучениками или ангелами, зачастую с тем же именем, всегда с тем же характером.

Поэтому солярно-фаллическое Распятие окружено на алтаре сиянием шести планет, ежели брать лишь один пример из сотен, имеющих в нашем распоряжении; а Рождество приходится на зимнее солнцестояние: рождение Христа установлено во имя рождения Солнца²⁹.

Все эти моменты можно обнаружить в таких книгах как «La Messe et ses Mystères», «Рим — языческий и папский», «Два Вавилона», «Реки Жизни», «Два очерка о культе Приапа»³⁰, а также во множестве иных трактатов³¹. Смешно наблюдать, как ультрапротестантам, называющим римский католицизм языческим и фаллическим (что они делают весьма безапелляционно), приходится постоянно возражать на аргументы католиков, что каждый пункт их вероучения выводится из Писания, дабы сформировать предпосылки силлогизма, вывод которого заключается в том, что христианство есть не что иное как адаптация фаллизма³².

Искушение свершившееся и ожидание Избавителя

Но это случается не сразу. Между старой доброй религией богачей и новой безвозмездной религией бедноты находится период междуцарствия, во время которого избавитель, уже задуманный человеческим воображением, ещё не обнаружен. Его ждут не дождутся под именами Христа, Мессии, Бальдра Прекрасного и т. д.; но он ещё не явился. Однако грешникам можно не отчаиваться. И действительно, хотя они и не могут заявить, что «Христос пришёл и избавил нас» (как говорим это мы), сказать, что «Христос придёт и избавит нас», вполне допустимо для них, а это не менее утешительно, чем искупление, считающееся уже свершившимся. Бывают времена, когда целые страны буквально бурлят этим ожиданием и громогласно выкликают пророчества об Избавителе устами своих поэтов. Чтобы почувствовать эту атмосферу, нам достаточно взять Библию и прочесть у Исаии об одном из таких периодов и у Луки или Иоанна — о другом.

«**Б**ывают времена, когда целые страны буквально бурлят этим ожиданием и громогласно выкликают пророчества об Избавителе устами своих поэтов». Под «цельми странами» Шоу, конечно же, подразумевает всех угнетённых и несчастных в этих странах. Когда народ процветает, ему не нужен Избавитель. Это не более чем проявление рабской психологии. Храбрые люди избавляют себя всякий раз, когда нация или класс освобождает себя от притеснений. Сальвационизм увядает. В наше время мы как раз можем наблюдать разложение

²⁹ Алистер Кроули. Liber CCXXVIII («О природе богов»), http://www.rahoorkhuit.net/library/libers/pdf/lib_0228.pdf (английская версия). В тексте использован фрагмент из пер. Fr. Nyarlathotep Otis. (НО)

³⁰ Рагон, Жан-Мари. «Месса и ее тайны» (фр. Jean Marie Ragon. «La Messe et ses Mystères»). Париж и Нанси, 1844.

Рефорд, Генри. «Рим — языческий и папский» (англ. Henry Wreford. «Rome, Pagan and Papal»).

Хислоп, Александр. «Два Вавилона» (англ. Alexander Hislop. «The Two Babylons»).

Генерал Форлонг. «Реки жизни» (англ. James George Roche Forlong. «Rivers of Life»). Беспенное справочное руководство по старинным посвятельным системам.

Ричард Пейн Найт; Томас Райт. «Два очерка о культе Приапа» (англ. Richard Payne Knight; Thomas Wright. «Two essays on the worship of Priapus»). Беспенный источник сведений для каждого ученика.

Все эти произведения указаны в списке «Литература, рекомендованная соискателям, и основные книги наставлений А.:А.: и О.Т.О.». (НО)

³¹ Последняя фраза, не обозначенная здесь как цитата, также взята из Liber CCXXVIII и продолжается там словами: «...которые можно найти в библиотеке О.Т.О. и в других местах». (НО)

³² Ренан полагал, что единственным рациональным Богом является Солнце, которое в Макрокосме играет ту же роль, что Фаллос — в Микрокосме. (АК)

христианства благодаря росту процветания в мире со времён завершения непрерывных войн Средневековья, и это можно сравнить с рассказом Фрэнка Харриса³³ о его друге-атеисте, который, потеряв на фронте двух сыновей, писал о третьем: «*Que Dieu l'ait en sa sainte garde!*»³⁴

Завершение схемы Лютером и Кальвином

Теперь мы видим нашу религию как причудливую, но вполне понятную эволюцию от грубых попыток умиловить разрушительные силы природы у дикарей до тонкой теологии с дорогостоящим ритуалом жертвоприношения, возможного только для богачей, в качестве роскоши, и, наконец, до религии Лютера и Кальвина. Стоит также заметить, что более ранние формы предполагали совершенно реальные жертвоприношения. Жертва не всегда бывала искупительной, и это бывало далеко не везде. В Индии мужчины собственноручно сдирают с себя кожу, жестоко истязая себя, чтобы достичь святости. На западе святые изумляли мир своей строгостью, самобичеваниями, раскаяниями, бдениями. Но Лютер избавил нас от всего этого. Его реформация стала триумфом воображения и дешёвизны. Она принесла тебе предельное спасение и не требовала от тебя ничего, кроме веры. Лютер не знал, что делает он для научного социологического пути, как знаем об этом мы; но его инстинкт послужил ему больше, чем могли бы знание; ибо именно инстинкт, а не теологическая казуистика, заставил его столь решительно ограничиться Оправданием Верой в качестве главного козыря, которым он должен был побить Папу, или, как определил это он сам, в качестве знака, под которым он должен был побеждать. Можно сказать, он отменил плату за небо. Павел настаивал на этом; но сделали это Лютер и Кальвин.

По этому разделу почти нечего сказать, ностораживает одна сентенция. Мы видим один из главных пороков в критическом инструментарии мистера Шоу. «В Индии мужчины собственноручно сдирают с себя кожу, жестоко истязая себя, чтобы достичь святости».

Это одна из тех полуистин, которые вводят в заблуждение хуже любой лжи. Ибо святость в Индии подразумевает контроль над телом и умом, чувствами, мыслями и страстями, а вознаграждение предполагает обретение владычества над природой, равно как и избавление от греха и воздаяния. На самом деле они действуют точно так же, как химик, рискующий жизнью и лишаящий себя всех обычных человеческих удовольствий ради того, чтобы совершить открытие в своей науке.

Джон Ячменное Зерно

Есть ещё одна страница в истории религии, которая должна быть вызубрена и усвоена прежде, чем мы сможем полностью понять природу Иисуса. Те, кто способен читать длинные трактаты, найдут её во фрззерской «Золотой ветви». Простой народ — в крестьянской песне о Джоне Ячменное Зерно, ставшей теперь доступной нашим салонным дилетантам благодаря прекрасному сборнику Сесила Шарпа «Народные песни Сомерсетшира». Из выдающегося труда Фрззера вы узнаете, как та же нехитрая логика, что заставляет современного англичанина верить, будто, съев бифштекс, он может обрести силу и смелость быка, и сохранять свою веру в это, невзирая на позор-

³³ Джеймс Томас Харрис (Фрэнк Харрис) (1856-1931) — английский писатель, критик и биограф, автор романов «Пантопия», «Непротоптанные водные дорожки», сборника «Покрывала Изиды». (НО)

³⁴ «Да дарует ему Господь Своё Святое Покровительство!» (АК)

нейшие поражения от вегетарианских борцов, или гонщиков, или велосипедистов, вела первых людей, придумавших Бога способным к воплощению, к вере в то, что они могут приобрести искру его божественности, отведав его плоти и испив его крови. А из песни о Джоне Ячменное Зерно вы можете узнать о чуде семени, прорастания и урожая, самом замечательном среди всех чудес и столь же необъяснимом, как прежде, но познанном простым хлебопашцем, и о том (как мы можем теперь заявить, изучив всё с должным тщанием), что Бог пребывает в семени, и что Бог бессмертен. II оно становится проверкой на божественность, поскольку, что бы ты с ним не делал, ты не сможешь его убить, и когда ты похоронишь его, оно поднимется вновь с новой жизнью и красотой и подарит человечеству вечную жизнь, чтобы быть съеденным и выпитым, и снова убитым и погребённым, чтобы подниматься снова и снова, ещё и ещё. Ты можешь и даже должен обращаться с Джоном Ячменное Зерно с «праведной свирепостью», опуская его «на колени» своей косой, бичуя его своим цепом, зарывая его в землю; и он не будет ни сопротивляться тебе, ни упрекать тебя, но восстанет вновь в золотой красе среди великого полыхания солнечного света и пения птиц, и спасёт тебя, и освежит твою жизнь. II, соединив эти две традиции с необходимостью Избавителя, вы получите, наконец, представления о том, что, когда Избавитель придёт, он будет бессмертен; он отдаст нам своё тело на съедение и кровь — на выпивание; и он докажет свою божественность, приняв мученическую смерть без сопротивления или осуждения, и воскреснет из мёртвых, и вернётся на землю во славе как даритель жизни вечной.

Далее в этом очерке найдётся немало ссылок, в которых будет упоминаться ритуал Джона Ячменное Зерно. Но здесь нужно сделать пару замечаний о богоедении. Вполне разумно полагать, что, взяв божественную субстанцию и сделав её частью себя через чудо усвоения, поедающий должен приобретать качества этой субстанции.

Эта теория, по сути, так и не была опровергнута. С позволения³⁵ мистера Шоу, девять из десяти вегетарианцев должны рано или поздно бросить свою отвратительную привычку; и доводом в пользу существования в живой протоплазме некоего метафизического свойства, не исчезающего немедленно в случае смерти, является то, что свежее мясо, как показали опыты исследователей, более живительно, чем консервированное; да и само консервированное мясо заметно вырождается со временем, хотя явных изменений его пищевых свойств не наблюдается. В крайнем случае поедания живой пищи, как может убедиться каждый, сырые устрицы поглощаются быстрее, чем какие-либо иные. Это вопрос не только усвояемости, позволяющей заменять ткани, дабы восполнить их износ. На самом деле это вхождение в тело некой тонкой субстанции, или, как сказали бы древние, субстанции божественной, которая проявляется в поедающем в виде избытка жизни и радости. Нельзя сомневаться и в том, что католики находят в облатках настоящую духовную поддержку.

Мистер Шоу может, несомненно, возразить, что многие исцелялись гомеопатическими средствами и Христианской Наукой. Но этот аргумент легко принять и даже подтвердить, ибо факты неоспоримы. Эффективность обряда богоедения несомненна; и важно разве только для помощи воображению, что субстанция таинства должна быть высочайшей и возвышенной, что вещь всех вещей, в которую верят участвующие, должна быть самой драгоценной, и святой, и сильнейшей из вещей, сущих в небесах или на земле. Это, конечно же, основное доказательство пресуществления. Надо заметить, что съесть кусок хлеба просто для того, чтобы напомнить себе о том, что это происходит в церкви — дело чрезмерное, избыточное и совершенно излишнее.

³⁵ Или лицо (face)? (НП)

Или мир (rease)? (БХ)

В оригинале — «расе». Судя по предыдущим комментариям, неразборчивое место в рукописи, однако исходя из контекста вариант в основном тексте более вероятен (выражение «расе Mr. X» обычно употребляется преим. как вежливое или ироническое извинение за высказывание противоположного мнения). (АНО)

В последнем высказывании Мистер Шоу ступает на исторически опасную почву. «Соединив эти две традиции (теорию богоедения и воскресение Джона Ячменное Зерно) вы получите, наконец, представления о том, что, когда Избавитель придёт, он будет бессмертен; он отдаст нам своё тело на съедение и кровь — на выпивание; и он докажет свою божественность, приняв мученическую смерть без сопротивления или осуждения, и воскреснет из мёртвых, и вернётся на землю во славе как даритель жизни вечной». Это ясно из того, что все три идеи изначально едины и представляют собой символическое выражение или, фактически, симпатическую магию, чья основа кроется в тех фактах из жизни Земли и её обитателей, которые очевидны как самым невежественным дикарям, так и просвещённейшим мужам науки.

В поисках Конца Света

Но ещё одна непреходящая вера стискивает воображение человека религиозного с тех самых пор, когда религия распространилась среди бедноты, или, иначе говоря, с тех самых пор, когда коммерческая цивилизация безнадежно исключила класс бедняков из наслаждений мира сего. Это уверенность в том, что конец мира сего близок, и что он скоро перейдет и сменится царством счастья, справедливости и блаженства, в котором богачам, угнетателям и неправедным не будет места. Все мы сталкивались с подобными ожиданиями: чаще всего их лелеет всякая набожная родня, которая видит в каждом большом бедствии знамение приближающегося конца. Предостерегающие брошюры — в непрерывном обороте: объявления вкладываются в газеты и счета теми, кто убежден (и кто ужасается безразличию к этому неверующих) в грядущей гибели. И проповедники воскресения, теперь, как и во дни Иоанна Крестителя, непрестанно наставляют свои паствы молиться и смотреть, как великий день захватит их, словно тать ночью, и вскорости в мире не останется ничего нечестивого. Верование это также ассоциируется со вторым пришествием Ячменного Зерна; из-за чего оба события начинают, в конце концов, восприниматься как единое целое.

Есть и другая, более нарочитая сторона такой веры, и это — внушаемый страх. Властители, апеллирующие к перспективе небес, дабы утешить обездоленных и удержать их от мятежа, ещё и обурывают непокорных, угрожая им адом. В Коране мы замечаем, как Магомет всё сильнее и сильнее настаивает на целесообразности этого для власть имущих; и опыт подтверждает его очевидное убеждение, что на определённых этапах развития цивилизации управление без этого невозможно. Позднее мы увидим, что подобные верования дают серьёзный довод к представителям об Избавителе, ибо добавляют к совестливому раскаянию, не слишком тревожащему сердца суровых мужей, несомненный страх перед жестокими и вечными муками.

В этом разделе мистер Шоу демонстрирует удивительную даже для него правоту. Любые верования в небеса и ад, в великое преобразование существующих условий и их обращение в вечное состояние вознаграждения и кары вполне подходят и хозяевам для эффективных взяток и угроз, ничему им не стоивших, и рабам для удовлетворения (тоже совершенно бесплатного) их надежды на освобождение и возмездие или, когда они станут рабами неискоренимыми, их перспективы вознаграждения за нынешний подхалимаж.

Привилегия божественного происхождения

Следует отметить ещё одну традицию. Предельным восхвалением царя было заявление о том, что он — сын не земного отца, но бога. Его мать входит в храм Аполлона, и Аполлон является к ней в облике змеи, или что-то вроде того. Римские императоры вслед за Августом принимали титул Бога. Странно, но эти божественные цари весьма настаивали на существовании своих

человеческих царственных предков. Александр, претендующий на то, что был сыном Аполлона, также определял себя как сына Филиппа. Так же и в евангелиях: святые Матфей и Лука приводят родословия (два отличных друг от друга), выводя происхождение Иисуса через Иосифа от царского дома Давида, и тут же заявляют, что отцом Иисуса был не Иосиф, а Святой Дух. Поэтому кто-то может решить, что рассказ о Святом Духе является поздней вставкой, позаимствованной из греческой и римской имперской традиции. Но опыт подсказывает, что одновременная вера в происхождение от Давида и принятие Святого Духа вполне возможны. Такое двоеверие воспринимается человеческим разумом без всякого неудобства или осознания противоречивости элементов. Можно привести множество подобных примеров: например, известное моему поколению дело Тичборна, попытку которого выдать себя за баронета поддержала крестьянская община на том основании, что семья Тичборна, напротив, пыталась препятствовать реализации прав крестьян³⁶. Вполне возможно, что Матфей и Лука не осознавали этого противоречия; тем не менее, теория вставок не снимает проблемы, поскольку сами вставщики, по-видимому, о ней не знали. Лучшая почва для подозрений в поздних добавлениях — неведение святого Павла о божественном рождении и учение о том, что Иисус явился в мир при рождении как сын Иосифа, но восстал из мёртвых через три дня как Сын Божий. Здесь опять несколько режет глаз несоответствие: три точки зрения принимаются одновременно без смущения ума. Порой мы способны придерживаться едва ли не полдюжины противоречащих друг другу версий события, если чувствуем, помимо всего прочего, что это не затрагивает существенных вопросов или что существует некая точка зрения, в которой эти противоречия примиряются.

Но это не современная позиция. Всё, что нужно здесь отметить — что легенда о божественном рождении обязательно рано или поздно применялась к выдающимся лицам во времена Римской Империи и что нынешние богословы, так и не сумевшие этого опровергнуть, вполне закономерно проповедуют чудесные представления не только об Иисусе, но и о его матери.

Не имея много научного инвентаря, кроме знания этих особенностей человеческого воображения, каждый, наверно, сможет прочесть четыре евангелия без путаницы и без презрительного недоверия, портящего характер многих современных атеистов, или бездумного легковерия, которое порой заставляет людей набожных принуждать нас толкать их в сторону катастрофы как непрактичных безумцев, требуя, чтобы мы встречали насилие и несправедливость с немой покорностью в убеждённости, что это странное поведение Иисуса перед Пилатом есть пример нормального человеческого поведения. Предположим, что без подходящих ключей евангелия для современного образованного читателя нелепы и невероятны, а апостолы нечитаемы. Но с ключами они запросто постижимы. Иисус становится человеком понятным и последовательным. Причины, заставившие его действовать «как агнец, ведомый на заклание», вместо того, чтобы защищаться, как Магомет, делаются вполне ясны. Рассказ становится настолько же заслуживающим доверия, как и всякое другое историческое повествование этой эпохи.

Я указывал на этот момент в комментариях к прошлым разделам и ещё буду возвращаться к нему позднее. Здесь следует только отметить небрежность мистера Шоу при чтении анализируемого им текста. Он утверждает: «Так же и в евангелиях: святые Матфей и Лука приводят родословия (два отличных друг от друга), выводя происхождение Иисуса через Иосифа от царского дома Давида, и тут же заявляют, что отцом Иисуса был не Иосиф, а Святой Дух». Далее, чуть ниже, он добавляет: «Вполне может статься, что противоречия Матфея и Луки были неосознанными».

³⁶ Состоятельный англичанин Чарльз Д. Тичборн (1829-1854) исчез во время морского плавания, а в 1868 г. в Австралии объявился человек, выдававший себя за Тичборна и претендовавший на его состояние. После шумевшего во всем мире судебного процесса (в 1871 г.) самозванец, некий А. Ортон, был приговорен к длительному тюремному заключению. (НО)

Противоречий нет; Матфей (1:16) отмечает: «Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от Которой родился Иисус, называемый Христос». Цель его — конечно же, показать, что Мария была *«femme couverte»*³⁷, женой весьма почтенного мужа, даже человека царских кровей. Он, по всей видимости, имеет в виду только это, хотя и спокойно говорит об «Иисусе Христе, Сыне Давида», в первых же стихах. Лука (3:23), опять же, указывает: «Иисус, начиная Своё служение, был лет тридцати, и был, как думали, Сын Иосифов, Илиев». Можно заметить в скобках, что нет согласия даже в отношении того, кто был отцом Иосифа, и не менее интересно обратить внимание на то, что Матфей (1:6) выводит его линию от Давида через Соломона, тогда как Лука (3:31) — через Нафана.

Куда важнее подробно обсудить некоторые аргументы в пользу представления о том, что вся история непорочного зачатия — позднейшая вставка: представления, которого если и не придерживается сам мистер Шоу, то, во всяком случае, и не отвергает. Первое, что необходимо отметить — что Марк и Иоанн совершенно не в курсе этой истории. Иисус появляется у них варут, вроде того, как Илия в Ветхом Завете. Он появляется на сцене взрослым. Матфей, как мы увидим позднее, оказывается всего лишь исправленным и дополненным изданием Марка, специально подготовленным для определённого класса читателей; тогда как Лука — позднейшая небывлица (написанная, по всей видимости, греческим врачом), сравнимая, кроме качества греческого языка, с «Дафнисом и Хлоей» или «Золотым ослом». Вероятно, он имел доступ к рукописи Марка или Матфея, но обращался со своим текстом так же вольно, как Шекспир — с «Макбетом».

Как заявляет Шоу, Павел ничего не знал о божественном рождении. В Послании к Римлянам (1:3-4) он свидетельствует «о Сыне... Который родился от семени Давидова по плоти и открылся Сыном Божиим в силе, по духу святыни, через воскресение из мёртвых, о Иисусе Христе Господе нашем». Скорее всего, однако, Павел знал эти истории, но серьёзно возражал против них: вероятно, как против возможной причины раздора в Церкви; ибо в первой главе своего первого Послания к Тимофею (ст. 3-4) он рассказывает: «Отходя в Македонию, я просил тебя пребыть в Ефесе и увещевать некоторых, чтобы они не учили иному и не занимались баснями и родословиями бесконечными, которые производят больше споры, нежели Божие назидание в вере». Они могли бы пререкаться и о любом другом родословии, а не только о таковом самого Иисуса.

Это Послание к Тимофею было написано из Лаодикии, но после того, как Павел провёл некоторое время в Риме, он мог решить, что эта история — неплохая приманка; ибо в Послании к Евреям, написанном из Италии, он начинает говорить более уклончиво. Вся первая глава — своеобразная ода Иисусу как Сыну Божьему («Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его и держа всё словом силы Своей...»), будто бы он в какой-то степени воспринял метафизические представления Иоанна. Но, разумеется, нет никаких оснований полагать, что он слышал рассказы о непорочном зачатии. Как мы видели, ни Марк, ни Иоанн не упоминают о нём. Большинство учёных полагают, что Марк был писарем Петра или каким-то другим путём черпал информацию из этого источника. Так это или не так, весьма примечательно, что в этом (кажущемся нам столь жизненно важным) материале нет ни единой ссылки на вышесказанное.

Но они не знали даже того, что Иисус родился в Вифлееме! У Марка (1:9) говорится лишь то, что Иисус пришёл из Назарета Галилейского. Иоанн (1:29) указывает: «Видит Иоанн [Креститель] идущего к нему Иисуса», — но не уточняет, откуда именно тот пришёл. Однако в 45-м стихе Филипп, которого Иисус избрал учеником, находит Нафанаила и говорит ему: «Мы нашли Того, о Котором писали Моисей в законе и пророки, Иисуса, сына Иосифова, из Наза-

³⁷ (фр.) Замужняя дама. (АНО)

рета. Но Нафанаил сказал ему: из Назарета может ли быть что доброе? Филипп говорит ему: пойди и посмотри».

В 7-й главе Иоанн упоминает братьев Иисуса без всякого намёка на то, что в этом вопросе есть какая-то тайна, и в этой же главе (ст. 41-42) мы находим: «Другие говорили: это Христос. А иные говорили: разве из Галилеи Христос придёт? Не сказано ли в Писании, что Христос придёт от семени Давидова и из Вифлеема, из того места, откуда был Давид?» И ещё раз — в стихе 52-м, снова возникает спор: «На это сказали ему: и ты не из Галилеи ли? рассмотри и увидишь, что из Галилеи не приходит пророк».

Все вопросы были мигом решены с помощью объяснения, что рождение происходило в Вифлееме из-за кесаря, обложившего весь мир налогами, и что в результате визита волхвов Ирод вырезал невинных: пустяковое обстоятельство, которое должно было вызвать порицание даже в те дни и которое (казалось бы) могло вызвать проблемы с прокуратором. Но они не знали всей истории и не имели точных представлений об иудейском праве. Не будет безрассудством предположить, что этот аргумент против христианства застрял такой костью в горле всякого правоверного иудея, что стало совершенно необходимо сочинить историю, опровергающую его.

Подводя итог первым страницам, Шоу отмечает, что, «не имея иного научного инвентаря, кроме знания этих особенностей человеческого воображения, каждый, наверное, сможет прочесть четыре евангелия без путаницы и без презрительного недоверия, портящего характер многих современных атеистов». Мы можем заметить, что характер современных атеистов испорчен, скорее всего, не презрительным недоверием, но систематическими истязаниями, которым они, словно дети, были подвергаемы во имя Иисуса. Что касается путаницы, мистер Шоу рассуждает сам с собою: «Предположим, что без подходящих ключей евангелия для современного образованного читателя нелепы и невероятны, а апостолы нечитаемы. Но с ключами они запросто постижимы. Иисус становится человеком понятным и последовательным». Ему, наверное, кажется, что он даёт нам эти ключи на просмотренных нами страницах. Воистину, причины, позволившие Иисусу добровольно пойти на крест, стали вполне понятны, но мистер Шоу бездоказательно приходит к выводу, что это и есть суть проблемы. В известной мере, без сомнения, это предисловие к предисловию может нам помочь. Но всё же проникаешься невольным сочувствием к приятелю мистера Шоу, «писателю выдающихся интеллектуальных способностей», который был настолько прост, что у него не было даже такого важного «Научного Инвентаря» как «знание этих особенностей человеческого воображения», явленное нам теперь мистером Шоу, и что в результате он обнаружил в евангелиях «столько ахинеи, что не в силах им больше следовать». Его позиция чрезвычайно болезненна, и теперь он остро ощущает это. Хуже всего (и это звучит ужасно), что речь может идти здесь о Герберте Уэллсе. А разуму, уставшему от осмысления, кажется, что есть ещё множество противоречивых и фантастичных элементов в историях, нуждающихся в новых и новых ключах, дабы вести нас в сердце своего лабиринта.

В конце данного очерка, показав, что все отрывки из евангелий отобраны мистером Шоу столь же тщательно, как любым другим еретиком, мы попытаемся предоставить читателю подлинную теорию повествования, его источников и причин возникновения его формы. Все они взаимосвязаны, и с этими связями стоит разобраться. Но пока давайте проследуем за нашим забавным философом в его исследование элементов Завета.

МАТФЕЙ:

Благовещание; избиеание; путешествие

Начнём с Евангелия от Матфея, не забывая при этом, что оно и не позиционируется как свидетельские показания. Это — хроника, основанная, как и другие хроники, на таких показаниях и на записях, которые хронисты могли получить в архивах. Тот из евангелистов, у кого имелись бы основания претендовать на свой свидетельский статус, конечно же, не преминул бы заявить об этом; и тот факт, что Матфей не выказывает подобных притязаний и пишет как простой хронист, даёт нам понять, что он излагает историю Иисуса точно так же, как Холиншед излагает историю Макбета³⁸; кроме того, по причинам, которые будут обсуждаться позднее, он должен был собрать свой материал и завершить свою книгу при жизни человека, жившего одновременно с Иисусом. Нельзя забывать и о том, что евангелие записано на греческом языке, тогда как родные предания и подлинные изречения Иисуса были, по всей видимости, на арамейском, одном из палестинских диалектов. Эти различия весьма важны, как вы легко поймёте, если прочтёте Холиншеда или Фруассара³⁹, а затем уже возьмётесь за Бенвенуто Челлини⁴⁰. Вы не обвиняете Холиншеда или Фруассара в том, что они утверждают и повторяют то, что прочли или услышали, хотя и не всегда можете поверить описанному ими. Но когда Челлини уверяет, что видел всё собственными глазами или участвовал в событиях, а вы находите, что описанное слишком невероятно, чтобы принимать его на веру, вам это надоедает, и вы начинаете подвергать сомнению каждую строку в его автобиографии. Поэтому не забывайте, что Матфей — Холиншед, а не Бенвенуто. Первые же страницы его повествования определяют ваше отношение к тексту.

Матфей сообщает нам, что мать Иисуса была помолвлена с мужчиной царских кровей по имени Иосиф, достаточно состоятельным для того, чтобы дом его в Вифлееме был пригоден для приёма царей, которые могли бы преподнести в дар золотые монеты без каких-либо нареканий. Ангел говорит Иосифу, что Иисус — сын от Духа Святого, и что он не должен обвинять свою жену в неверности из-за того, что она носит сына, которому он не отец; но этот эпизод выпадает из дальнейшего повествования: нет ни записей о том, рассказали ли о нём Иисусу, ни каких-либо указаний на то, что он оказал какое-то влияние на события. История, в общем-то, продолжается так, как будто благовещание не является её частью.

Прод четверовластник, полагая, что должен родиться ребёнок, который уничтожит его, повелевает зарезать всех младенцев мужского пола; родители же Иисуса бегут с ним в Египет, откуда возвращаются в Назарет, когда опасность миновала. Скажем заранее, что ни один из прочих евангелистов не принимает этого рассказа, как ни один из них, кроме Иоанна (который сплошь и рядом противоречит Матфею), не разделяет его склонности рассматривать историю и родословия всего лишь как свидетельства исполнения древнееврейских пророчеств. Эта склонность, несомненно, заставила его отыскать предания, записанные Осией («Из Египта воззвал Я Сына Моего»), и Рахиль Перемии, плачущую о детях своих; по сути, он говорит именно так. Так что сейчас нас совершенно не интересует

³⁸ Рафаэль Холиншед (ум. ок. 1580) — английский хронист, один из авторов «Хроник Англии, Шотландии и Ирландии», известных как «Хроники» Холиншеда. «Хроники» получили широкую известность у современников. Шекспир использовал второе переработанное издание «Хроник» (опубл. в 1587 году) как источник для некоторых исторических пьес, в частности «Макбет», «Король Лир» и «Цимберлин». (НО)

³⁹ Жан Фруассар (1333 или 1337 — ок. 1405 года) — французский писатель XIV века, автор знаменитых «Хроник» — важнейшего источника по истории начального этапа Столетней войны. (НО)

⁴⁰ Бенвенуто Челлини (1500-1571) — выдающийся итальянский скульптор, ювелир, живописец, воин и музыкант эпохи Ренессанса. Автобиографическая книга «Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции» является одним из самых замечательных произведений литературы XVI в. (НО)

правдоподобие избияния невинных младенцев и путешествия в Египет. Мы можем забыть об этих сюжетах и приступить к важнейшей части повествования, которая начинается с момента зрелости Иисуса.

В этом разделе, увы, снова необходимо привлечь внимание читателя к небрежности мистера Шоу. Матфей называет людей, видевших звезду, не царями, но волхвами. Только в Средние века из них сделали царей. Но даже если считать, что использовалось слово «цари», — в чём проблема? Мистер Шоу ошибся весьма кстати, ибо это позволяет нам отметить, что дальше в нашей критике появится очень важный довод: незнание мистером Шоу жизни на Востоке делает его совершенно беспомощным в деле понимания Иисуса.

«Матфей сообщает нам, что мать Иисуса была помолвлена с мужчиной царских кровей по имени Иосиф, достаточно состоятельным для того, чтобы дом его в Вифлееме был пригоден для приёма царей, которые могли бы преподнести в дар золотые монеты без каких-либо нареканий», — говорит он нам. Он бросает насмешку, и насмешка приходится не туда, куда нужно. Так случилось, что я и сам был достаточно богат для того, чтобы жить в семифутовом шатре, куда цари могли приносить (и приносили) золотые дары. Они были самыми настоящими монархами, которых встречали пушечными салютами, когда они шли по Калькутте; и я касался золота и пересылал его дальше, вознаграждаемый, помимо прочего, несколькими карманными платками из царской руки и, быть может, парой-тройкой рупий или часами. Это совершенно обычная церемония. Они всего лишь хотели оказать почести и поднести дары Британскому правительству в моём скромном лице.

Кому-то это покажется совершенно незначительной деталью, а кому-то — вещью величайшей важности. Главнейшая составляющая данного очерка — указание на то, что знание восточных обычаев необходимо даже для самого примитивного понимания евангельских историй. Стыдно сказать, но хотелось бы, чтобы мистер Шоу для написания этого предисловия проконсультировался сперва у Редьярда Киплинга. Кроме того, данный эпизод у Матфея вполне себе «вызывает нарекания». По сути дела, их выражает Ирод четверовластник всеми своими поступками, и он вырезает всех младенцев в округе в надежде зацепить и того, кого нужно. Но мистер Шоу наверняка заметит, что это — не «честные нарекания», как истец на судебном процессе по клевете!

Шоу рассматривает этот случай, чтобы заметить в конце раздела: «Так что сейчас нас совершенно не интересует правдоподобие избияния невинных младенцев и путешествия в Египет». Шоу — секулярист, и его невозмутимость можно приписать тому, что он давно отверг все подобные моменты как несомненный вымысел. Но мы должны сосредоточиться на этом вопросе. Притязания у мистера Шоу ничуть не меньше, чем у папы Бенедикта: что Иисус был уникальным, значительно опередившим своё время персонажем, создавшим некое учение, в следовании которому мы должны преуспеть.

Дабы опровергнуть эти притязания, стоит рассмотреть репутацию документов, на которых он основывает свои построения. Если установлено, что заявленные факты — ложь, и доказано, что записанные изречения не оригинальны, а обычны для всего этого времени, что станется с такими притязаниями? Мистер Шоу перестанет быть мыслителем, если это так. Он станет ритором, предлагающим аргумент *ad captandum*⁴¹ обывателю, в точности как те люди, что извлекают за столом кости из цыплёнка без помощи вилки, оправдываясь тем, что так поступали королева Виктория и мистер Гладстон. Стоит привести имена этих знаменитых личностей, как всё становится подобающим, хотя в действительности таковы были их обычаи, а бесстыжий демократичка может поинтересоваться даже: пусть они и поступали именно так, но было ли такое пове-

⁴¹ (лат.) В угоду. (АНО)

дение правильным? Допустим мы, что правильным оно не было, и привлечение их имён к аргументации становится неуместным. И тогда окажется, что «Веласкес тут ни при чём»⁴². Тема же правдоподобия евангелий будет обсуждаться более подробно в разделе с соответствующим заголовком.

Иоанн Креститель

В это время сальвационистский пророк, называемый Иоанном, будоражит сердца людей. Иоанн объявляет, что обряд обрезания недостаточен для посвящения человека Богу, и заменяет его рядом крещения. Нам, кому крещение видится чем-то само собой разумеющимся, а обрезание — довольно нелепой, чуждой практикой, не несущей никакого смысла, сенсационный эффект подобной ереси, оказываемый на евреев, непонятен: нам кажется вполне естественным, что Иоанн должен перекрестить людей так, как это делает наш деревенский священник. Но, как позднее раскрыл значение этого святой Павел, отрицание обрезания ради крещения было для иудеев столь же чудовищной ересью, как устранение пресуществления из мессы — для католиков XVI столетия.

В данном разделе наша критика коснётся только того, что Иоанн ни единым словом не обмолвился о том, что обрезание должно быть отвергнуто. Нет указаний на то, что что-нибудь в учении Иоанна особенно раздражало фарисеев. Для жителей Востока ныне, как и прежде, вполне в порядке вещей позиционироваться как странствующий аскет. Ортодоксы обращают внимание на нарушения только тогда, когда нападкам подвергнута некая основная доктрина или практика. Всё это необходимо отметить в связи с тем, что поведает нам Шоу в следующем разделе.

Иисус присоединяется к крестильщикам

В возрасте тридцати лет (как сообщает Лука) Иисус входит в религиозную жизнь своей эпохи, явившись к Иоанну Крестителю и потребовав крестить его, почти так же, как некоторые состоятельные юные джентльмены сорок лет назад «присоединялись к социалистам». Как известно, евреи взволновались; своими действиями он сжигал мосты и удалял себя с путей богатства, респектабельности и традиционности. Затем он начинает проповедь Евангелия от Иоанна Крестителя, каковое (кроме ереси крещения, значение которой состоит во внесении «гоев» — то есть необрезанных — в списки подлежащих спасению) было призывом к людям покаяться в грехах, ибо царствие небесное уже близко. Лука добавляет, что ещё он проповедовал коммунизм подаяний; призывал мытарей не требовать с налогоплательщиков больше положенного; и советовал воинам довольствоваться своим жалованьем, никого не обижать и не клеветать. Других записей об учении Иоанна у нас нет.

Теперь мистер Шоу сообщает нам, как Иисус явился к Иоанну и потребовал крещения. «Как известно, евреи взволновались; своими действиями он сжигал мосты и удалял себя с путей богатства, респектабельности и традиционности». Это прямо противоречит словам Матфея (3:5-7): «Тогда Иерусалим и вся Иудея и вся окрестность Иорданская выходили к нему и крестились от него в Иордане, исповедуя грехи свои. Увидев же Иоанн многих фарисеев и саддукеев, идущих к нему креститься, сказал им: порождения ехиднины! кто внушил вам бежать от

⁴² Отсылка к одному известному историческому анекдоту:

— Во всём мире есть только два художника, — обратилась одна поклонница к Уистлеру, — Вы и Веласкес.

— Да, — сладко ответил Уистлер, — но при чём тут Веласкес? (НО)

будущего гнева?» Из этого явственно следует, что учение Иоанна не считалось столь уж еретичным, как англиканская церковь сегодня не обязательно должна отлучать от церкви за заигрывания с теософией, или, словами самого Шоу, «как некоторые состоятельные юные джентльмены сорок лет назад “присоединялись к социалистам”».

Дикий Иоанн и цивилизованный Иисус

Согласно Евангелию от Матфея, Иисус очень быстро переносит это. Став, подобно Иоанну, бродячим проповедником, он, тем не менее, отбросил образ жизни Крестителя. Иоанн бродил в глуши, не в синагогах; и купелью его была река Иордан. Он был аскетом, облачённым в кожи и живущим на акридах и диком мёде, практикуя суровый аскетизм. Он избрал мученичество и принял его от рук Ирода. Иисус не видел пользы в аскетизме или мученичестве. В противовес Иоанну, он был, по сути, весьма цивилизованным, культурным мужчиной. По словам Луки, он сам отмечал этот контраст, подтрунивая над евреями, которые сетовали, что Иоанн, видно, одержим бесом, раз он трезвенник и вегетарианец, а Иисуса, который ни то и ни другое, честили как обжору и пьяницу, друга чиновников и их жён.

Он говорит своим нетерпимым в вопросах нравственности ученикам, что они должны беспокоиться о ближних как о себе самих и что следует избегать мученичества и любить себя, покуда у них есть такая возможность. «Когда же будут гнать вас в одном городе, — говорит он, — бегите в другой». Он одинаково проповедует в синагогах и на свежем воздухе, куда бы они ни приходили. Он неоднократно подчёркивает: «Милости хочу, а не жертвы», подразумевая, конечно же, избавление от глубоко укоренившегося предрассудка, что страдания угодны Богу. «Не будьте унылы, как фарисеи»⁴³, учит он. Он веселится, пирует с римскими чиновниками и грешниками. Он не следит за собой, и его укоряют, что он не умывает рук перед тем, как сесть за стол. Ученики Иоанна Крестителя, постящиеся и ждущие, что христиане окажутся большими аскетами, чем они сами, быстро разочаровываются, узнав, что Иисус и двенадцать его товарищей не постятся; Иисус же отвечает им, что они должны возрадоваться ему, а не печалиться. Он шутит с ними и говорит, что очень скоро они смогут вволю напоститься, нравится им это или нет. Он не боится заразиться и обедает с прокажённым. Женица (возможно, чтобы уберечь его от инфекции) возливает драгоценное миро ему на голову, за что ученики пожурили её, ибо миро можно было бы продать, а деньги отдать нищим. Он отмахивается от этих малодушных представлений и отвечает (как тогда, когда его упрекнули в несоблюдении поста), что нищие, которым можно помочь, всегда здесь, но возливать на него масло можно будет не вечно, имея в виду, что не следует упускать счастливой возможности, когда на свете и так полно несчастий. Он нарушает субботу; нетерпим к условностям, когда они неудобны или затруднительны; и оскорбляет этими непотребствами чувства иудеев. Он обличает людей, идущих путём лицемерия. Подобно Сэмюэлу Батлеру⁴⁴, он относит болезнь к ведомству греха и при исцелении храмого произносит «прощаются тебе грехи твои», а не «встань и ходи», объяснив впоследствии (когда книжники упрекнули его в том, что он берёт на себя право прощать грехи и исцелять болезни), что эти два явления суть одно. Он не страдает ложной скромностью и заявляет, что больше Соломона или Ионы. Когда его упрекнули, как Баньяна⁴⁵, в том, что он обращается к искусству вымысла, обучая притчами, он оправдывается тем,

⁴³ Правильнее «как лицемеры» (Мф. 6:16). (АНО)

⁴⁴ Сэмюэл Батлер (1835-1902) — английский писатель. В 1859 эмигрировал в Новую Зеландию, где занялся разведением овец. Там он прочёл «Происхождение видов» Чарльза Дарвина и сделался горячим приверженцем теории эволюции. (НО)

⁴⁵ Джон Баньян (1628-1688) — английский писатель, протестантский проповедник, автор книги «Путешествие пилигрима». (НО)

что искусство — единственный путь, которым можно учить людей. Иными словами, весь его образ жизни говорит о том, что его можно называть человеком творческим, божественным.

Если мистер Шоу восплачет желанием улучшить качество своих жизненных флюидов семьюдесятью семью видами малярийных микробов и обогатить «P. and O.S.S. Co.»⁴⁶ какими-нибудь полутора сотнями фунтов, ему придётся тут же признать существование этих двух самостоятельных разновидностей «святых». По сей день в Индии живёт множество Иоаннов Крестителей. Возьмите клочок грязной ткани, немного куркумы, коровью лепёшку и пару хлыстов; и вы получите одного из них. Он — полудикарь, полубезумец, грубый и свирепый в речах, изопрённый в способах, которыми практикует всевозможные самоограничения, отказывая себе в пище и находясь обычно в состоянии более или менее выраженного маниакального возбуждения, вызванного постом, или использованием таких снадобий как опиум и гашиш, или тем и другим вместе взятыми.

В противовес этому типу — мужчина, часто из прекрасной семьи, может быть, даже великий царь, который оставляет мир и суету, едва почувствует, что выполнил свой долг перед человечеством. Такой путь предписывается Священными Книгами Индостана для всех и каждого. Иные испытывают этот зов сильнее прочих и из-за него могут отказываться от таких обязательств, как брак, уходя ещё совсем юными в пустыню или в джунгли.

Такие люди отличаются от описанных выше почти во всех отношениях. Их изучают в Писаниях. Они не изнуряют себя иначе чем студенты, готовящиеся к состязаниям по гребле. Однако они воспитаны куда лучше, чем среднестатистический тори. Их не волнуют общепринятые ценности, но они уважают чувства ближнего; однако, занимаясь наставничеством, они иногда публично используют некоторые нетрадиционные приёмы, дабы привлечь внимание к той или иной стороне своего учения.

Основная позиция таких людей — не в том, что Писания предписывают неверные пути поведения, но в том, что формализм истребил достоинства этого учения; вроде того, как любой серьёзный священник в наше время, не покидая кафедры, мог бы упрекнуть свою паству в мелочности их веры.

Как можно будет заметить, именно этим и занимался Иисус. В общем-то, вся его атака на фарисеев направлена не против строгости соблюдения ими закона Моисеева, но против их формализма, а иногда даже против их распутства. Читаем, например, у Матфея (12:10-11): «И вот, там был человек, имеющий сухую руку. И спросили Иисуса, чтобы обвинить Его: можно ли исцелять в субботу? Он же сказал им: кто из вас, имея одну овцу, если она в субботу упадёт в яму, не возьмёт её и не выгасит?» Он говорит, что его миссия обращена только к погибшим овцам дома Израилева, как показано у Матфея (10:5-6): «Сих двенадцать послал Иисус, и заповедал им, говоря: на путь к язычникам не ходите, и в город Самарянский не входите; а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева».

Как обычный возрожденец, а вовсе не как реформатор, он заявляет как ни в чём не бывало: «Не думайте, что Я пришёл нарушить закон или пророков: не нарушить пришёл Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдёт небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не прейдёт из закона, пока не исполнится всё. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречётся в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречётся в Царстве Небесном. Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдёт праведности книжников и фарисеев, то вы не войдёте в Царство Небесное» (Мф. 5:17-20).

⁴⁶ «P. and O.S.S. Co.» — британская судоходная компания, занимавшаяся, помимо прочего, перевозками между Англией и Индией. (НО)

Очевидно, он считает себя новым Исаией. Есть и другие черты его характера, которые будут обсуждаться в дальнейшем, но была, по крайней мере, и эта, и мы не можем вслед за мистером Шоу считать его таким уж неортодоксальным, ибо его замечают обедающим с фарисеями так же, как и с мытарями, и на протяжении всего евангельского повествования мы обнаруживаем, что ему позволено учить в синагоги.

Тем не менее, один из моментов, упомянутых мистером Шоу, столь жизнен, что следует обсудить его немедленно. Шоу говорит: «Когда его упрекнули, как Баньяна, в том, что он обращается к искусству вымысла, обучая притчами, он оправдывается тем, что искусство — единственный путь, которым можно учить людей».

Здесь мистера Шоу вновь подводит незнание Востока. Он совершенно пропустил мимо ушей смысл объяснения, которое дал по этому поводу Иисус: «И, приступив, ученики сказали Ему: для чего притчами говоришь им? Он сказал им в ответ: для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано, ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет; потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не понимают» (Мф. 13:10-13).

Дело не в искусстве, но в мистериях и инициациях. На Востоке у каждого учителя есть собственные тайны, которые он получает обычно от своего учителя, ревностно хранит и открывает лишь самым избранным из учеников. Это может быть что-нибудь простое, вроде выработки Апана-Вайю⁴⁷ для её подъёма к Свадхистхана-чакре, или что-то более сложное; но чем бы оно ни было, он делает из этого великую тайну, и его притязания на владение подобными тайнами — его главный актив. Зачем кому-то бросать всё и следовать за ним, если он не скажет ничего такого, чего нельзя узнать от кого-нибудь другого?

Теперь мы видим Иисуса в совершенно ином свете. Он не просто вполне себе ортодоксальный возрожденец, но лидер того, что в наше время принято называть тайным обществом. Идея притч, говорить которые нелепо, если никто не собирается понимать их, должна возбудить любопытство слушателя, дабы показать ему, что оратор — личность таинственная, знающая нечто чудесное, и через это побудить его сделаться учеником.

Иисус — не прозелит

Вопрос несомненной практической значимости на сегодня — отринуть представления о том, что религии, уже укоренившиеся, можно выкорчевать, а их место засеять цветами чуждой веры. «Чтобы, выбирав плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы». Потому прозелитские предприятия наших миссионеров целиком и полностью противоречат наставлениям Иисуса; и результатом этого, с его точки зрения, является то, что, обращая человека образованного в другую веру, ты неизбежно деморализуешь его. Эти же представления он применяет и к себе самому и не обращает своих учеников из иудейства в христианство. Христианин и по сей день оставался бы иудеем, иницированным в свою религию с помощью крещения, а не обрезания, и принявшим Иисуса как Мессию, а его учение — как обладающее более высоким авторитетом по сравнению с Моисеевым, если бы не действия иудейских священников, которые, дабы уберечь евреев от поглощения половодьем христианства после взятия Иерусалима и разрушения Храма, определили его как новый религиозный орден, с новыми Писаниями и новыми сложными обрядами, и их список проклятых пополнился ещё одним, Пешуа, незаконнорожденным чародеем, чьи забавные шарлатанские выходы привели его к плохому концу, подобно

⁴⁷ Апана-вайю — жизненный ветер, приписываемый самому нижнему центру (Муладхара-чакре), расположенному возле ануса и связанному с крестцовым сплетением. Апана отвечает за все процессы выделения из организма излишних материалов — в виде кала, мочи, пота, углекислого газа и так далее. Этому ветру символически соответствует красный или оранжевый цвет. (НО)

*Панчу*⁴⁸ или *Тилю Уленишпигелю*: выдумка, которая дорого им обошлась, когда христиане возвысились над ними политически. Такой же еврей, как Иисус (сам из евреев), прекрасно понимал, что тот не мыслит ни о чём подобном, и мог следовать за Иисусом, продолжая оставаться иудеем.

Трудно представить, что хотел сказать мистер Шоу подобной формулировкой: «Вопрос несомненной практической значимости на сегодня — отринуть представления о том, что религии, уже укоренившиеся, можно выкорчевать, а их место засеять цветами чуждой веры. “Чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы”. Потому прозелитские предприятия наших миссионеров целиком и полностью противоречат наставлениям Иисуса». Как, в таком случае, объяснит Шоу следующий пассаж: «И приблизившись Иисус сказал им: да на Мне всякая власть на небе и на земле. Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа» (Мф. 28:18-19)? Мистер Шоу, по всей видимости, доверился притче о плевелах и пшенице. Но это, конечно же, не более чем предписание не совершать никаких попыток искоренить зло до Судного Дня. Что его планом было обращение, очевидно из трёх других притч первой части 13-й главы Евангелия от Матфея.

Позднее в том же разделе Шоу использует выдвинутый выше постулат, что Иисус собирался всего лишь добавить надстройку к закону Моисея, но продолжает его невероятной конструкцией, которую стоит привести без купюр: «Христианин и по сей день оставался бы иудеем, инициированным в свою религию с помощью крещения, а не обрезания, и принявшим Иисуса как Мессию, а его учение — как обладающее более высоким авторитетом по сравнению с Моисеевым, если бы не действия иудейских священников, которые, дабы уберечь евреев от поглощения половодьем христианства после взятия Иерусалима и разрушения Храма, определили его как новый религиозный орден, с новыми Писаниями и новыми сложными обрядами, и их список проклятых пополнился ещё одним, Иешуа, незаконнорожденным чародеем, чьи забавные шарлатанские выходки привели его к плохому концу, подобно Панчу или Тилю Уленишпигелю: выдумка, которая дорого им обошлась, когда христиане возвысились над ними политически. Такой же еврей, как Иисус (сам из евреев), прекрасно понимал, что тот не думает ни о чём подобном, и мог следовать за Иисусом, продолжая оставаться иудеем».

Оказывается, мистер Шоу хочет сказать здесь, что весь курс христианства был задан действиями евреев, последовавшими за уничтожением Храма, будто бы вся их враждебность была вызвана лишь незамысловатыми деталями, отмеченными выше. Надо ли, в таком случае, полагать, что Распятие Иисуса было всего лишь дружеским порицанием или, самое большее, чем-то сродни родительской порки, которая ранит их более, чем его? Первое издание «Сердце моё кровоточит по Лёвену»⁴⁹?

Что может сказать он по поводу Сефер Толдот Йешу⁵⁰, или «Истории Иисуса»? Какое право у мистера Шоу считать, что официальная публикация подобного рода столь же лжива, как всякая официальная публикация наших дней? Это житие Иисуса, более авторитетное, чем

⁴⁸ *Панч* — персонаж английского народного театра кукол, горбун с острым крючковатым носом, в остроконечном колпаке. Он гуляка, плут, весельчак и драчун. (НО)

⁴⁹ Подзаголовок гравюры Эдмунда Салливана «Крокодиловы слёзы» из сборника карикатур «Кайзерова гирлянда» («The Kaiser's garland», 1915), где эта реплика приписывается Кайзеру (см. http://ia310827.us.archive.org/BookReader/BookReaderImages.php?zip=/0/items/kaisersgarland00sull/kaisersgarland00sull_ip2.zip&file=kaisersgarland00sull_ip2/kaisersgarland00sull_0083.jp2&scale=4&rotate=0).

Лёвен (Лувен) — один из университетских центров Бельгии, главный город провинции Фламандский Брабант. Лёвен стоит на реке Дейле. В августе 1914 г. Лёвен был сравнён с землёй немецкой артиллерией в качестве наказания за обстрел лёвенцами немецких солдат. В странах Антанты судьба Лёвена стала символом «гевтонского варварства». (НО)

⁵⁰ С этим замечательным произведением вы можете познакомиться на сайте российского историка и религиоведа Руслана Хазарзара: http://khazarzar.skeptik.net/books/jud/thold_gi.htm. (НО)

евангелия, и более раннее по дате написания. Следует, конечно, отметить, что оно полно нелепостей, а высказывания экспертов — враждебности. Но евангелия столь же полны абсурда и, по общему мнению, записывались ярыми приверженцами Иисуса. Можно ещё ответить, что нынешние евреи переросли Сефер Толдот Йешу. Но и нынешние христиане в той же степени переросли евангелия! Так что, воистину, в мире нет ни единой причины, заставляющей нас склониться в этом споре на ту или иную сторону.

Учение Иисуса

Всё это касается его личной жизни и темперамента. В своей общественной карьере как популярного проповедника он, в значительной степени, продолжает путь Иоанна Крестителя. Он не налагает никаких тягот вроде крещения или клятв и непрестанно проповедует. Он отстаивает коммунизм, расширение границ частной семьи с её стеснительными узами до великой семьи человеческой под отцовским верховенством Бога, отказ от мести и наказания, противопоставление злу добра, а не зла ответного, и органическую концепцию общества, в котором ты — не отдельная личность, но часть сообщества, твой сосед — другая такая же часть, а каждый из вас — соучастник другого, как два пальца на одной руке, из чего со всей очевидностью проистекает, что, если ты не любишь ближнего своего как себя самого и если он платит тебе взаимностью, плохо от этого будет вам обоим. Он преподносит всё это с чрезвычайным обаянием и развлекает своих слушателей баснями (притчами), чтобы проиллюстрировать свои взгляды. У него нет синагоги или регулярной конгрегации, но, странствуя с места на место, он встречается с двенадцатью мужчинами, которых, проходя, отзывает от их занятий, и которые оставляют всё, чтобы следовать за ним.

Не очень удобно, что мистер Шоу не помог изучающим его великолепное предисловие постоянными ссылками на авторитетные источники, ибо порой не хватает информации о том, какой именно отрывок пользуется его доверием. Когда Шоу заявляет, что Иисус отстаивает коммунизм, он не замечает текстов, которые можно бы использовать в качестве источника утверждения, что во многих эпизодах Иисус твёрдо настаивает на праве собственности. В самом деле, он говорит с одним богачом: «Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твоё и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф. 19:21). Это замечание — простая банальность всякого восточного вероучителя, когда кто-нибудь приходит к нему за спасением.

Он настаивает на религиозной добродетели отречения в 29-м стихе той же главы: «И всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестёр, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную». Что опять-таки находится в полном соответствии с обычной восточной доктриной; но не имеет ничего общего с коммунизмом. Он определяет правила для собственного сообщества, которые есть повседневные правила, устанавливаемые любым странствующим йогиним прежде или ныне.

Теперь прочтите у Матфея (22:25-26): «Иисус же, подзвав их, сказал: вы знаете, что князья народов господствуют над ними, и вельможи властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою». Эти отношения характерны для всякого религиозного братства.

Теперь взгляните на следующие пассажи: «Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на поле-

вые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, маловеры! Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам. Итак не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своём: довольно для каждого дня своей заботы» (Мф. 6:25-34).

Всё это прекрасно в качестве инструкции для замкнутого братства. Точно такие же инструкции дал Будда за шестьсот лет до этого. Возьмите три облачения, сказал он своим ученикам, снимите их с трупов перед сожжением. Возьмите чашу, и обходите селение каждое утро, и просите рис для себя.

Бирма по сей день полна людей, которые следуют этим наставлениям, хотя в качестве последней одежды они всё же используют обычно дарованное теми, кто желает «приобрести за слугу». Но как совет для целого мира это безумие. Это будет не коммунизм, а самоубийство. Сеять пшеницу и хлопок — это, несомненно, забота о завтрашнем дне. Без сомнения, человечеству будет весьма проблематично выжить, если оно вернётся к образу жизни своих кузенов-обезьян. Но мы не можем помыслить, что мистер Шоу считает это идеальным состоянием общества, тогда как некоторые разумные люди сочтут оно куда более неприятным, чем то, что мы имеем в настоящее время!

Из других отрывков становится ясно, что Иисус защищает право собственности так же твёрдо, как герцог Веллингтон⁵¹. Уже говорилось о том, что Иисус совершенно искренне подерживал закон Моисея. Его раздражало, по сути, то, что работать с законом взялись казуисты. Читаем у Матфея (15:1-9): «Тогда приходят к Иисусу Иерусалимские книжники и фарисеи и говорят: зачем ученики Твои преступают предание старцев? ибо не умывают рук своих, когда едят хлеб. Он же сказал им в ответ: зачем и вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего? Ибо Бог заповедал: почитай отца и мать; и: злословящий отца или мать смертью да умрёт. А вы говорите: если кто скажет отцу или матери: дар Богу то, чем бы ты от меня пользовался, тот может и не почтить отца своего или мать свою; таким образом вы устранили заповедь Божию преданием вашим. Лицемеры! хорошо пророчествовал о вас Исаия, говоря: приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим».

Кроме того, закон Моисея чересчур индивидуалистичен. Трудно представить, какие его положения могут звучать как коммунистические. У Матфея (5:25-26) Иисус провозглашает: «Мирись с соперником твоим скорее, пока ты ещё на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта». Этот вид долга кажется столь же строгим, как законы Англии времён старой долговой тюрьмы Флит или Массачусетса наших дней. В начале шестой главы он призывает подавать милостыню втайне. Разве это неправильное понимание коммунизма — полагать, что милостыня несовместима с ним вообще? Одно из прошений в молитве «Отче наш» — «и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим» (Мф. 6:12). Этот отрывок, несомненно, требует избрать весьма великодушное обращение, но так же несомненно предполагает существование таких реалий как долги.

⁵¹ *Артур Уэлсли, 1-й герцог Веллингтон* (1769-1852) — английский полководец и государственный деятель. Со своим обычным упорством он противился парламентской реформе и этим возбудил в народе такое негодование, что подвергся публичному оскорблению. (НО)

Далее Шоу заявляет, что Иисус отстаивает «расширение границ частной семьи с её стеснительными узами до великой семьи человеческой под отцовским верховенством Бога». По всей видимости, он полагается здесь на отрывок из Евангелия от Матфея (12:46-50): «Когда же Он ещё говорил к народу, Мать и братья Его стояли вне дома, желая говорить с Ним. И некто сказал Ему: вот Мать Твоя и братья Твои стоят вне, желая говорить с Тобою. Он же сказал в ответ говорившему: кто Мать Моя? и кто братья Мои? И, указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот мать Моя и братья Мои; ибо, кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать».

Здесь у нас опять же обычная практика религиозного учителя Востока. Нет оснований полагать, будто он предписывал это в качестве всеобщего образа жизни для всего света.

Что до брака, то Иисус в этом плане столь же строг, как среднестатистический католический или англиканский епископ. Прочтите у Матфея (19:3-12): «И приступили к Нему фарисеи и, искушая Его, говорили Ему: по всякой ли причине позволительно человеку разводиться с женою своею? Он сказал им в ответ: не читали ли вы, что Сотворивший вначале мужчину и женщину сотворил их? И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает. Они говорят Ему: как же Моисей заповедал давать разводное письмо и разводиться с нею? Он говорит им: Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с жёнами вашими, а сначала не было так; но Я говорю вам: кто разведётся с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует; и женившийся на разведённой прелюбодействует. Говорят Ему ученики Его: если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться. Он же сказал им: не все вмещают слово сие, но кому дано, ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые осклоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит». Это истолкование является расширенной версией пассажа из Нагорной проповеди (Мф. 5:31-32).

Здесь Иисус со всей определённою сообщает, что не ждёт, будто все мужчины должны принять беспечное, беспутное существование, которое мы называем религиозной жизнью. Он ставит благосостояние жены в зависимость от её верности так же строго, как и всякий другой законодатель. По большому счёту, теория заключается в том, что права жены первичны, что она может только лишиться их единственным деянием совершенно непростительного предательства, в каком случае она становится изгнанницей из человеческого общества. Это отнюдь не «расширение границ частной семьи», но ужесточение обязательств. Лёгкий развод признан повсюду, как среди его сторонников, так и среди противников, шагом в сторону социализма.

Нельзя забывать и того, что даже во времена Иисуса развод был тяжким наказанием, если причиной была внебрачная связь, ибо разведённая не имела средств к существованию. Согласно закону Моисея, карой должна быть смерть для обеих сторон, совершивших этот проступок; см. Левит, 20:10: «Если кто будет прелюбодействовать с женой замужнею, если кто будет прелюбодействовать с женою ближнего своего, — да будут преданы смерти и прелюбодей и прелюбодейка». Строгость этого закона, очевидно, была ослаблена примерно в сторону такого же положения, которое до сих пор бытует в магометанских странах. И Иисус возражал против этого!

Далее мистер Шоу говорит, что Христос настаивает на отказе от мести и наказания, по всей видимости, на основании Мф. 5:43-45: «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных». Это ещё одна откровенная формулировка

ка обыкновенных правил индуских аскетов. Идея тут в том, что, придерживаясь «ахимса», или «ненасилия», отказываясь от причинения вреда даже тигру или змее, они приобретают силу устойчивости перед дикостью других. В самом «Андрокле» мистера Шоу, кажется, был человек подобного рода⁵². Доктрина не может заходить дальше этого. Характер «Отца Небесного», столь беспристрастного в этих стихах, в других фрагментах, приведённых ниже, показан совсем иначе:

«Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 8:11-12).

«А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших; истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому» (Мф. 10:14-15).

«Горе тебе, Хоразин! горе тебе, Вифсаида! ибо если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретнице и пепле покаялись, но говорю вам: Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам. И ты, Капернаум, до неба вознёсшийся, до ада низвергнешься, ибо если бы в Содоме явлены были силы, явленные в тебе, то он оставался бы до сего дня; но говорю вам, что земле Содомской отраднее будет в день суда, нежели тебе» (Мф. 11:21-24).

«Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человеку, а хула на Духа не простится человеку; если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Святаго, не простится ему ни в сём веке, ни в будущем» (Мф. 12:31-32).

«А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жёрнов на шею и потопили его во глубине морской. Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит. Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть ввержену в огонь вечный; и если глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную» (Мф. 18:6-9).

«Иисус, продолжая говорить им притчами, сказал: Царство Небесное подобно человеку царю, который сделал брачный пир для сына своего и послал рабов своих звать званых на брачный пир; и не хотели придти. Опять послал других рабов, сказав: скажите званным: вот, я приготовил обед мой, тельцы мои и что откормлено, заколото, и всё готово; приходите на брачный пир. Но они, пренебрегши то, пошли, кто на поле своё, а кто на торговлю свою; прочие же, схватив рабов его, оскорбили и убили их. Услышав о сём, царь разгневался, и, послав войска свои, истребил убийц оных и сжёг город их. Тогда говорит он рабам своим: брачный пир готов, а званые не были достойны; итак пойдите на распутия и всех, кого найдёте, зовите на брачный пир. И рабы те, выйдя на дороги, собрали всех, кого только нашли, и злых и добрых; и брачный пир наполнился возлежащими. Царь, выйдя посмотреть возлежащих, увидел там человека, одетого не в брачную одежду, и говорит ему: друг! как ты вошёл сюда не в брачной одежде? Он же молчал. Тогда сказал царь слугам: связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 22:1-13).

«Придёт господин раба того в день, в который он не ожидает, и в час, в который не думает, и рассечёт его, и подвергнет его одной участи с лицемерами; там будет плач и скрежет зубов» (Мф. 24:50-51).

«Когда же придёт Сын Человеческий во славе Своей и все святые Ангелы с Ним, тогда сядет на престоле славы Своей, и соберутся пред Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по

⁵² Имеется в виду Ферровий, персонаж пьесы. (НО)

левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне. Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня. Тогда и они скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе? Тогда скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне» (Мф. 25:31-45).

Трудно подумать, что мистер Шоу полагает, будто бы никто из проповедников адского пламени — от самих апостолов далее через Торквемаду и Кальвина до Чарльза Сперджен⁵³ и Билли Сандей⁵⁴ — не основывали собственные доктрины на подлинных словах Иисуса! Мистеру Шоу лучше бы поискать основания для своих трудов в работах Перси Биши Шелли.

Следующее утверждение Шоу заключается в том, что Иисус отстаивает «органическую концепцию общества, в котором ты — не отдельная личность, но часть сообщества». Эта формулировка, в общем-то, слишком туманна для опровержения. Даже в Манчестерской школе было что-то в таком духе. Мы полагаем, что Шоу, без сомнения, следовало бы привести пару слов Иисуса, которые позволили бы нам хотя бы поставить его в один ряд с Ману или Платоном.

Притчи⁵⁵

Следует отметить, что нет явного различия между притчами, приписываемыми Иисусу, и теми, что обычны для восточного мудреца. Однако последний обычно иллюстрирует некую духовную истину или восхищается некой добродетелью; тогда как первый не рассказывает о ценностях, а побуждает слушателя следовать за Иисусом или иллюстрирует какой-либо момент его сальвационистской теологии. Последовательный их анализ покажет это качество во всей красе.

1. Мф. 13:3-8. Сеятель и семя.

Мораль (13:18-23). Описаны различные категории слушателей.

2. Мф. 13:24-30. Пшеница и плевелы.

Мораль (13:37-43). Иисус и Сатана: Соответственно, спасение или ввержение в печь огненную, где плач и скрежет зубов.

3. Мф. 13:31-32. Горчичное зерно.

Мораль (...). Моя доктрина изменит весь мир.

4. Мф. 13:33. Закваска.

Мораль (...). Та же, что для № 3.

⁵³ Чарльз Гаддон Сперджен (1834-1892) — английский проповедник и богослов, пастор крупнейшей баптистской церкви Англии. (НО)

⁵⁴ Уильям Эшли Сандей (1862-1935) — американский бейсболист и пресвитерианский проповедник-фундаменталист. (НО)

⁵⁵ Этот заголовок является нашим собственным включением. (АК)

5. Мф. 13:44. Сокровище в поле.

Мораль (...). Оставить всё ради Иисуса.

6. Мф. 13:45-46. Драгоценная жемчужина.

Мораль (...). Та же, что для № 5.

7. Мф. 13:47-48. Невод, закинутый в море.

Мораль (13:49-50). Та же, что для № 2.

8. Мф. 18:23-34. Царь и его должники.

Мораль (18:35). Если ты не проявляешь щедрости к людям, Бог поступит с тобой точно так же.

(Это первая притча, имеющая хоть какую-то нравственную ценность.)

9. Мф. 20:1-16. Работники на винограднике.

Мораль (...). На Моём винограднике величайший негодяй будет вознаграждён наравне с лучшими из людей.

10. Мф. 21:28-30. Два сына.

Мораль (21:31-32). Если ты не веришь в Меня, ты хуже блудницы или мытаря.

11. Мф. 21:33-41. Злые виноградари.

Мораль (...). Евреи будут безжалостно истреблены за то, что отвергли Иисуса.

12. Мф. 22:1-14. Брачный пир царского сына.

Мораль (...). Тьма внешняя с плачем и скрежетом зубов для плохих христиан (ст. 13); истребление для евреев (ст. 7).

13. Мф. 24:32. Смоковница.

Мораль (24:33). Второе Пришествие должно сопровождаться всевозможными бедствиями и чудесными знаменьями.

14. Мф. 24:45-51. Слуги.

Мораль (в тексте). Будь пайнкой, или — как всегда, плач и скрежет зубов.

15. Мф. 25:1-12. Десять дев.

Мораль (25:13). Ждите моего возвращения; или будете покинуты.

16. Мф. 25:14-30. Таланты.

Мораль (в тексте). Будь верен (очевидно, в распространении евангелия), или — плач и скрежет зубов.

17. Мк. 4:1-20. Как № 1.

18. Мк. 4:26-29. Зерно, прорастающее тайно.

Мораль (...). Занимайся делом, а не оглядывайся на происходящее.

(Это вторая притча, имеющая некоторую ценность.)

19. Мк. 4:30-32. Как № 3.

20. Мк. 12:1-9. Как № 11.

21. Лк. 8:4-15. Как № 1.

22. Лк. 8:16-17. Свечи.

Мораль (ст. 18). Наблюдайте, как вы слушаете.

(Эта мораль не следует из притчи.)

23. Лк. 12:16-21. Богатый человек.

Мораль (ст. 22-34). Не копить богатства, но жить подобно воронам или лилиям.

24. Лк. 12:41-48. Как № 14.

25. Лк. 13:18. Как № 3.

26. Лк. 13:19. Как № 4.

27. Лк. 14:16-24. Как № 12, но с кушорами.

28. Лк. 15:3-6. Пропавшая овца.

АПОКРИФ

Мораль (ст. 7). Раскаявшийся грешник лучше девяноста девяти праведников.

29. Лк. 15:8-9. Драхма.

Мораль (ст. 10). Та же, что для № 28.

30. Лк. 15:11-32. Блудный сын.

Мораль — как в № 28: Вся праведность ничего не стоит; только покаяние достойно вознаграждения.

31. Лк. 16:1-12. Неправедный управитель.

Мораль — ???

32. Лк. 16:19-31. Богач и Лазарь.

Мораль (...). Воскрешение из мёртвых не сможет убедить тех, кто не слушает Моисея и Пророков.

33. Лк. 18:1-6. Неправедный судья.

Мораль (ст. 7-8). Бог отомстит за «избранных Своих».

34. Лк. 18:10-14. Фарисей и мытарь.

Мораль (ст. 9). Не быть ханжой и не презирать других.

(Такова третья притча, имеющая ценность.)

35. Лк. 20:9-18. Как № 11.

36. Ин. 10:1-6. Добрый пастырь.

Мораль (ст. 7-8). Опасайся подделок; Я неповторим.

В самом деле, тщательный разбор оставил не так уж и много из этих знаменитых притч; лишь три из них имеют более глубокий смысл, нежели сальвационистская теология.

Чудеса

Он обладает некими сверхъестественными способностями, с помощью которых способен творить чудеса. Он стыдится этих сил, но, сострадательный сверх меры, не может отказаться использовать их, когда немощные просят об исцелении, когда толпы людей голодают и когда его ученики напуганы бурей на озере. Он не требует вознаграждения, но просит не рассказывать об этих его способностях. Есть две очевидные причины его негативного отношения к тому, чтобы к нему относились как к чудотворцу. Первая — естественное возражение всех, кто обладает подобными силами, но имеет куда более важное жизненное призвание, чем выпячивать их, дабы не попасть перво-наперво в список шарлатанов, донимающих своими представлениями, теша праздное любопытство. Вторая же в том, что у него такая же точка зрения на эффективность чудес в его миссии, как та, которую выразил позднее Руссо. Он полагает, что они дискредитируют его и отвлекают внимание учеников и оппонентов от его учения своим полным несоответствием провозглашённому посланию.

Быть может, мои читатели не знакомы с «Письмами с горы» Жан-Жака Руссо, которые могут считаться классическим трудом по чудесам как верительным грамотам божественной миссии. Как показывает Руссо, Иисус предвидел, что чудеса являются основным препятствием для принятия христианства, ибо их неправдоподобность (не будь они невероятны, они не были бы чудесами) настраивает людей на скептическое отношение ко всему повествованию, вполне заслуживающему доверия в своём основании, в своих основополагающих моментах, и подозрительность к доктрине, с которой они неразрывно связаны. «Избавьтесь от чудес, — заявил Руссо, — и весь мир падёт к ногам Иисуса Христа». Он отмечает, что чудеса приводятся как подтверждение божественности и, неспособные убедить, делают божественность нелепой. Как справедливо замечает он, нет ничего особенного в том, что хромой начинает ходить: тысячи хромых исцелились и стали ходить без всякого чуда. Дайте мне человека с единственной ногой и заставьте другую расти прямо у меня на глазах; и я на самом деле буду

впечатлѣн; но простое исцеление недуга, который нередко исцеляется сам собой, совершенно бесполезно в качестве доказательства чего-либо иного, нежели желание помочь и сила исцелять.

Иисус, по Матфею, полностью согласен с Руссо и чувствует эту опасность столь сильно, что, когда люди, не имеющие недугов или иных проблем, приходили к нему и просили явить свои силы как знамение его миссии, он раздражался сверх меры и с негодованием отвергал эти предложения, — что они, не разделяющие взглядов Руссо, наверняка считали весьма безрасудным. Назвать «фродом лукавым и прелободейным» всего лишь за просьбу сотворить чудо ради демонстрации своего могущества — довольно странная реакция. Магомет, между прочим, тоже выходил из себя, когда его просили творить чудеса. Но Магомет недвусмысленно отрицал всякие сверхъестественные силы; тогда как из рассказа Матфея следует, что у Иисуса (к несчастью для него, как считал он сам) были некоторые способности к исцелению. Несомненно также, что обладание такими силами должно было породить безумные истории о проявлениях магического искусства, вынуждающие заклеивать их героя как мошенника среди тех, чьё доброе мнение могло оказать существенное влияние на продвижение его миссии.

Но глубочайшая досада, проистекающая из чудес, вызвана их несоответствием посланию, которое они должны подтверждать. Учение Иисуса не имеет ничего общего с чудесами. Если его задача заключается всего лишь в демонстрации нового метода восстановления потерянного зрения, чудо исцеления слепоты, несомненно, актуально. Но говорить «вы должны возлюбить врагов своих; и для того, чтобы убедить вас в этом, я прямо сейчас вылечу этого джентльмена от катаракты» для человека с интеллектом Иисуса — верх идиотизма. Если бы сегодня можно было доказать, что ни одного из чудес Иисуса не было в действительности, это доказательство не отменило бы ни одного из его назидательных высказываний; и наоборот, если бы можно было доказать, что он сотворил не только все эти чудеса, но и тысячу иных, в тысячу раз более замечательных, это не добавило бы значимости его учению. А интеллектуальная энергия скептиков и богословов до сих пор растрачивается на производство аргументов за или против чудес, поскольку и те, и другие полагают, будто бы судьба христианства зависит от дискуссии о том, правдив или лжив рассказ Матфея. Согласно самому Матфею, Иисус слишком хорошо знал это; ибо куда бы он ни направлялся, по пятам за ним шла слава из-за чудес, хотя учение его вызывало лишь недоумение.

Вот и всё о чудесах! Далее Матфеем свидетельствуется, как Иисус поведал, что доктрины его будут подвержены нападкам со стороны церкви и государства и что простой народ есть соль земли и свет мира. Ученики его будут в своих отношениях с политическими и церковными организациями как овцы среди волков.

Шоу начинает этот чрезвычайно важный раздел следующим заявлением: «Он обладает некими сверхъестественными способностями, с помощью которых способен творить чудеса. Он стыдится этих сил, но, сострадательный сверх меры, не может отказаться применять их, когда немощные просят об исцелении, когда толпы людей голодают и когда его ученики напуганы бурей на озере. Он не требует вознаграждения, но просит не рассказывать об этих его способностях».

Мне не удалось найти никаких оснований для утверждения, что Иисус испытывал хоть какое-то подобие стыда в этих вопросах, а просить не рассказывать о своих способностях — это (опять же) обычная позиция восточного мудреца. Трудно сказать, каковы были истинные причины необходимости хранить молчание. В этом присутствует некое чувство такта, которое должно быть понятно посвящённым ордена.

Шоу не говорит об этом, но продолжает: «Есть две очевидные причины его негативного отношения к тому, чтобы к нему относились как к чудотворцу. Первая — естественное возражение всех, кто обладает подобными силами, но имеет куда более важное жизненное призвание, чем выпячивать их, дабы не попасть перво-наперво в список шарлатанов, донимающих своими

представлениями, теша праздное любопытство. Вторая же в том, что у него такая же точка зрения на эффективность чудес в его миссии, как та, которую выразил позднее Руссо. Он полагает, что они дискредитируют его и отвлекают внимание учеников и оппонентов». Эти причины, без сомнения, очевидны для мистера Шоу, но они не столь очевидны для любого жителя Востока — кроме, разве что, подпричины о донимающих. Они ни в коем случае не были очевидны для Иисуса.

Шоу продолжает разрабатывать этот тезис: «Как показывает Руссо, Иисус предвидел, что чудеса являются основным препятствием для принятия христианства... Учение Иисуса не имеет ничего общего с чудесами. Если его задача заключается всего лишь в демонстрации нового метода восстановления потерянного зрения, чудо исцеления слепоты, несомненно, актуально. Но говорить “вы должны возлюбить врагов своих; и для того, чтобы убедить вас в этом, я прямо сейчас вылечу этого джентльмена от катаракты” для человека с интеллектом Иисуса — верх идиотизма».

Теперь, похоже, Иисус, наоборот, считает свою чудотворную силу единственной и достаточной причиной для принятия его и его миссия. Читаем у Матфея (11:2-5): «Иоанн же, услышав в темнице о делах Христовых, послал двоих из учеников своих сказать Ему: Ты ли Тот, Который должен придти, или ожидать нам другого? И сказал им Иисус в ответ: пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромы ходят, прокажённые очищаются и глухие слышат, мёртвые воскресают и нищие благовествуют». Кроме того, в той же главе (ст. 21-24, на которые я уже ссылался в другой связи) мы видим, как Иисус ожидает от всех и каждого, что они примут его именно на этом — и ни на каком другом — основании и весьма негодует из-за того, что они не уверовали.

Далее он весьма специфическим образом доказывает свою позицию в 12-й главе Евангелия от Матфея (ст. 22-27): «Тогда привели к Нему бесноватого слепого и немого; и исцелил его, так что слепой и немой стал и говорить и видеть. И дивился весь народ и говорил: не это ли Христос, сын Давидов? Фарисеи же, услышав сие, сказали: Он изгоняет бесов не иначе, как силою веельзевула, князя бесовского. Но Иисус, зная помышления их, сказал им: всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит. И если сатана сатану изгоняет, то он разделится сам с собою: как же устоит царство его? И если Я силою веельзевула изгоняю бесов, то сыновья ваши чьею силою изгоняют? Посему они будут вам судьями».

Иными словами, он заявляет: «То, что я способен изгонять бесов, является достаточным подтверждением, что во мне обитает Дух Божий. Будь это не так, мне было бы куда выгоднее поселять бесов в людей, а не наоборот. Если вы принимаете мои аргументы, вывод очевиден: Царствие Божие грядёт, как я и говорил вам. Посему уверуйте».

Шоу заявляет, что Христос ожидал, будто бы практическая здравость его суждений изменит людей, но он не ссылается ни на один отрывок, подтверждающий эту точку зрения. Да от этого и не было бы никакого толку. Ты не сможешь убедить кого-нибудь из людей Востока разумностью. Восточный человек склоняется перед авторитетом. Доказывать ему что-то — пустая трата времени. Он насладится аргументом, но не изменит своего поведения в соответствии с ним. Он склоняется перед авторитетом, и если ты желаешь заставить его действовать в каком-то конкретном направлении, всё, что от тебя требуется — доказать ему свою авторитетность. Ты сможешь сделать это, лишь явив свою силу, а силу ты сможешь явить только одним из двух способов: во-первых, чудесами, во-вторых, палками. Возьмите хорошо известный пример Джона

Николсона⁵⁶, который произвёл такое впечатление на коренных пенджабцев действительностью своей исполнительной власти, что некоторые из них признали его как бога и поклонялись ему. Он, весьма набожный христианский, постарался выбить из них это; но чем больше он бил их, тем более богоподобным становился!

Опять же незнание мистером Шоу Востока повело его неверной дорогой. Он не постиг обычных отношений людей, подобных тем, среди которых жил Иисус. В экспедиции, которая пыталась покорить Чогори в 1902-м, у нас в команде был швейцарский доктор, и на каждой стоянке обустривалась небольшая клиника. Практически вся работа заключалась в голой хирургии, вроде удаления зубов и надрезов при водянке. Однако добрая репутация была заработана, и на обратном пути его поджидали целые деревни, полные людей (некоторые из них были приведены издалека), ждущих исцеления. Но когда доктор достал свои инструменты, на него немедленно обрушился поток отвращения или, самое меньшее, глубокого изумления. Все они ожидали, что будут исцелены наложением рук! Таким образом, учитывая, что эти люди лишь за пару месяцев до того собственными глазами видели действенность применявшихся методов, инцидент этот проливает свет на особенности восточного мышления.

Теперь мы видим ловушку, в которую попался мистер Шоу. Эти люди не только ждут чудес, но и создают чудеса из событий более чем заурядных. Не только человек толпы, но и самые образованные люди доверчивы в отношении чудес. Вся еврейская «история» была чередой чудес; и фарисеи тех времён, как показано в приведённом выше отрывке, регулярно практиковали экзорцизм. Прочтём (к примеру) довольно забавную запись о неких конкурирующих чудотворцах совершенно ортодоксального образца: «Даже некоторые из скитающихся⁵⁷ Иудейских заклинателей стали употреблять над имеющими злых духов имя Господа Иисуса, говоря: заклинаем вас Иисусом, Которого Павел проповедует. Это делали какие-то семь сынов Иудейского первосвященника Скевы. Но злой дух сказал в ответ: Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто?» (Деян. 19:13-16).

Если — что представляется маловероятным — нужны ещё какие-то доказательства, обратите внимание, что Пётр сразу после смерти Христа основывает все свои доказательства на чудесах: «Мужи Израильские! выслушайте слова сии: Иисуса Назорея, Мужа, засвидетельствованного вам от Бога силами и чудесами и знамениями, которые Бог сотворил через Него среди вас, как и сами знаете» (Деян. 2:22). Козырной картой Павла неизменно является воскресение. Мистер Шоу, нимало не усомнившись, ответит, что это всего лишь показывает глупость апостолов; но это не даёт ответа на вопрос, могут ли вообще чудеса дискредитировать какое-либо учение. История свидетельствует об обратном. История свидетельствует, что те, кто называет себя христианами, по сей день прочно цепляются за чудеса, невзирая на аргументы не только Руссо, но и других вольнодумцев. Разве не знает мистер Шоу, что «Естественная теология» Пейли⁵⁸ — до

⁵⁶ Джон Николсон (1822-1857) — генерал, герой Великобритании Викторианской эпохи. Поступив на службу в Британскую Ост-Индскую компанию, отличился на Северо-Западной границе Пенджаба и сыграл выдающуюся роль в подавлении восстания сипаев. (НО)

⁵⁷ «Скитающиеся» — всего лишь грубость переводчиков: слово «странствующие» было бы уместнее. Оно означает то же самое, но может быть применено и к Аристотелю. (АК)

⁵⁸ Уильям Пейли (1743-1805) — английский философ, христианский апологет. В 1802 году издал книгу под названием «Natural Theology: or, Evidence of the Existence and Attributes of the Deity, Collected from the Appearances of Nature» («Естественная теология: Доказательства существования и атрибутов Бога, содержащиеся в природе»), которая была одной из самых раскупаемых книг той эпохи. Широко известно высказывание Пейли: «Если произведения искусства суть творения человеческие, то живые создания должны быть произведениями существа, стоящего неизмеримо выше человека». То, что живые организмы обладают всеми необходимыми свойствами для того, чтобы существовать в тех средах, в которых они живут, по мнению Пейли, является «знаком проявления Бога, представляя собой доказательство существования замысла Творца, его явившего». Подобная аргументация и по сей день регулярно используется креационистами, несмотря на все успехи современной науки. (НО)

сих пор пособие для будущих бакалавров? Когда на их место придут Том Пейн и Инджерсолл⁵⁹, можно будет допустить, что доводы мистера Шоу достигли места света и познания. Мистер Шоу совершенно прав, заявляя, что чудеса не убедят его в значимости учения того, кто утверждает их; но Шоу, как и другие философы, чересчур расположен считать, что все люди сотворены по его подобию. Когда Иммануил Кант решил, что существуют некие вещи, о которых думает и должен думать всякий человек, повсеместно было признано, что он, несомненно, величайший гений, на том основании, что он был первым, кто подумал о них!

Далее в предисловии к «Андроклу и льву» говорится, что «интеллектуальная энергия скептиков и богословов до сих пор растрачивается на производство аргументов за или против чудес, поскольку и те, и другие полагают, будто бы судьба христианства зависит от дискуссии о том, правдив или лжив рассказ Матфея». Судьба христианства действительно «зависит» от этого. Уберите чудеса, уберите пророчества, — и не останется ничего, кроме крохотной доктрины, полной противоречий, как уже было показано выше, и, в любом случае, объяснимой дюжиной других способов, кроме того, к которому апеллирует мистер Шоу. Практически нет ни единого инцидента из жизни Иисуса, который бы не был чудесен, по той простой причине, что евангелисты считали всё естественное недостойным записи. Ниспровержение, которого добивается Шоу, напоминает абстрактные рассуждения Беркли⁶⁰ о свойствах *υλη*⁶¹ или рассмотрение Буддой идеи Атмана. Можно сказать, настоящая цель мистера Шоу — показать, что Иисус есть только имя для персонажа, который придерживается социальной, этической и политической точки зрения самого Шоу. Но, конечно же, подобные мысли — общая черта большинства первоклассных умов.

Матфей приписывает Иисусу фанатизм

Как и большинство биографов, Матфей старается привести мнения и предубеждения своего героя к своим собственным. Хотя он описывает Иисуса как терпимого вплоть до неблагоприятия, он устанавливает предел его иноверия и представляет Иисуса фанатичным иудеем, считающим свою миссию обращённой исключительно «к погибшим овцам дома Израилева». Когда женщина, хананеянка, просила исцелить её дочь, он сперва отказался даже говорить с нею, а затем безжалостно сказал в ответ, что «нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам». Но когда женщина ответила: «так, Господи! но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их», — она растопила в нём иудея и сделала Христа христианином. Он сказал женщине, которую попросту обозвал собакой: «О, женщина! велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоему». Такова одна из самых трогательных евангельских историй; быть может, потому, что женщина упрекает пророка в нехватке у него самой главной его добродетели. Она, несомненно, выпадает из его образа; но поскольку и грехи добрых людей всегда выпадают из образа, не будем спешить отвергнуть этот рассказ как изобретённый в угоду стремления Матфея доказать, будто бы Иисус не имеет ничего общего с иноверцами. Так или иначе, он приводит

⁵⁹ Скорее всего, имеется в виду Чарльз Джаред Инджерсолл (1782-1862), сын Джареда Инджерсолла. Пользовались известностью брошюры и памфлеты Инджерсолла — в частности, «Письма иезуита Инчикуина», в острой форме отстаивавшие не только политическую, но и культурно-интеллектуальную независимость молодого американского государства. (НО)

⁶⁰ Джордж Беркли (1685-1753) — английский философ, известный своей системой спиритуалистической философии; клянский епископ в Ирландии. Последовательно развивал тезис о том, что бытие — это или то, что воспринимается, или тот, кто воспринимает. Впервые сформулировал доктрину субъективного идеализма, последовательное проведение которого невозможно без признания существования только единичного субъекта, «Я» — доктрину так называемого солипсизма. (НО)

⁶¹ *Гиле* (греч.) — материя. (АНО)

эту историю; и это — никоим образом не единственный пример, где, несмотря на обаяние его проповеди, Матфей описывает Иисуса чрезвычайно грубым в личном общении.

На этот счёт говорилось уже достаточно. Дополнительных комментариев не требуется.

Великая перемена

Пока что перед нами история обычного человека, здравомыслящего и интересного, не считая разве что его особых дарований оратора, целителя и пророка. Но происходит разительная перемена. Однажды, после того, как ученики обескураживают его тем, что так долго неверно толковали его миссию, и спорят, действительно ли он — кто-то из древних пророков, явившийся вновь (и если так, то кто именно), его ученик Пётр вдруг решает проблему, восклицая: «Ты — Христос, Сын Бога Живаго». Иисус чрезвычайно обрадован и взбужден этим. Он сообщает, что Пётр получил откровение прямо от Бога. Он делает имя Петра каламбуром и объявляет его основанием своей Церкви. И он смиряется со своей участью бога, заявив, что будет убит, когда придёт в Иерусалим; ибо если он в самом деле христос, необходимая часть его легендарной судьбы — быть убитым. Пётр, не понимая этого, упрекает его в том, что считает всего лишь малодушной меланхолией; Иисус же свирепо обращается к нему и кричит: «Отойди от Меня, сатана!»

Теперь Иисус становится одержим верой в собственную божественность и постоянно говорит об этом ученикам, при этом запрещая им рассказывать об этом остальным. Они принимают спорить меж собой о том, какое место займут на небесах, когда установится царствие его. Он крепко упрекает их за это и повторяет своё учение, что величие есть служение, а не превосходство; но сам он, и прежде несколько надменный бессознательно, теперь ведёт себя высокомерно, авторитарно и даже хамски, никогда не отвечая своим критикам без оскорбительного эпитета, и даже проклинает смоковницу, разочаровавшую его, когда он подошёл к ней, дабы отведать её плода. Он берёт на себя все традиционные атрибуты фольклорных богов и заявляет, что, подобно Джону Ячменное Зерно, будет безжалостно убит и погребён, но восстанет из земли и вернётся к жизни. Он применяет к себе непреходящий племенной обряд богоедения, благословляя хлеб и вино и передавая их ученикам со словами: «Сие есть Тело Моё; сие есть Кровь Моя». Он забывает собственное учение и грозит вечным пламенем и вечной карой. Он заявляет, в доверок к своему ячменнозёрному воскресению, что вновь придёт в этот мир во славе и установит царствие своё на земле. Он опасается, что это может привести к появлению мошенников, выдающих себя за него, и объявляет многократно и недвусмысленно, что, какие бы чудеса ни творили эти мошенники, о его собственном пришествии можно будет узнать безошибочно, когда звёзды спадут с неба и вострубят ангельские трубы. После чего он добавляет, что произойдёт это ещё на веку тех, кто его слушает.

Теперь мистер Шоу отсылает нас к 16-й главе Евангелия от Матфея (13-23)⁶²: «Придя же в страны Кесарии Филипповой, Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Пётр, отвечая, сказал: Ты — Христос, Сын Бога Живаго. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах; и Я говорю тебе: ты — Пётр, и на сём камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют её; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет

⁶² Кроули приводит только стихи 13-22, хотя Шоу действительно ссылается на 23-й стих тоже («Он же, обратившись, сказал Петру: отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божие, но что человеческое»). (АНО)

связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах. Тогда Иисус запретил ученикам Своим, чтобы никому не сказывали, что Он есть Иисус Христос. С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть. И, отозвав Его, Пётр начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою!»

Сразу же стоит сделать одно маленькое замечание. Шоу утверждает: «И он смиряется со своей участью бога, заявив, что будет убит, когда придёт в Иерусалим; ибо если он в самом деле христос, необходимая часть его легендарной судьбы — быть убитым». В иудейских упованиях на Мессию нет ни следа образа Джона Ячменное Зерно. Они лишь ожидали, что Спаситель восстановит легендарную славу своего народа. Конечно, у еврейских пророков есть некоторые пассажи, которые можно истолковать как сравнение Мессии с «убиенным богом», прежде всего знаменитая 53-я глава Исаии. Но у евреев как таковых вряд ли были какие-либо представления в таком духе.

К сожалению, нам не дано узреть «великой перемены» в характере Христа, обнаруженной мистером Шоу. Многочисленные притязания на обладание сверхъестественной силой и страдание божественной мезтью в адрес тех, кто отверг его (вроде приведённых выше), встречались и в более ранних главах евангелия.

К тому же, это был не первый раз, когда Иисуса назвали Сыном Божьим. См. Мф. 14:33: «Бывшие же в лодке подошли, поклонились Ему и сказали: истинно Ты Сын Божий».

Не впервой Иисусу и выказывать симптомы, которые Шоу по ряду совершенно светских причин должен обозвать манией величия. См. Мф. 11:27: «Всё предано Мне Отцем Моим, и никто не знает Сына, кроме Отца; и Отца не знает никто, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть».

Также он настаивает на божественной прерогативе прощать грехи (Мф. 9:6). Теологическое учение Иисуса представляется вполне последовательным от начала и до конца. В самом деле, поражает (и это очень больно отмечать), как небрежно Шоу прочёл евангелие. В этом разделе он уверяет, будто бы Иисус «забывает собственное учение и грозит вечным пламенем и вечной карой». Если читатель пожелает вновь взглянуть на пассажи, приведённые выше под заголовком «Учение Иисуса», он обнаружит куда более ранние проклятия, идентичные по стилю, а порой и по дословным формулировкам, с более поздними.

Иерусалим и мистическая жертва

В этом новом настроении он, наконец, входит в Иерусалим среди великого столпотворения любопытствующих; в гневе изгоняет меновщиков и торговцев священножертвенным из храма; отказывается любоваться величием и красотой храма, утверждая, что скоро от него не останется камня на камне; поносит первосвященников и старейшин непристойными словами; и ночью в саду его арестовывают, дабы избежать народных волнений. Он не оказывает никакого сопротивления, убеждённый, что должен разделить свою участь бога, которому суждено быть убитым и воскреснуть вновь. Один из его последователей затевает бой и отсекает ухо одному из стражников. Иисус упрекает его, но не пытается исцелить рану, однако уверяет, что, возжелай он воспротивиться, ему ничего бы не стоило призвать двенадцать легионов ангелов себе на подмогу. Он предстаёт перед первосвященником, тот же передаёт его римскому правителю, который озадачен его безмолвным отказом как-либо защищать себя или опровергать заявления своих обвинителей и их свидетелей: к Пилату, который, разумеется, совершенно не в курсе того, что заключённый мнит себя проходящим через неизбежный процесс мук, смерти и погребения как прелюдию воскресения. Так же молчалив он и перед первосвященником, разве что, когда тот интересуется, действительно ли он — христос, Сын Божий, отвечает, что от-

ныне узрят они Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных. Он с ужасающей стойкостью упорствует в своих притязаниях, когда они бичуют его, насмехаются над ним, истязают его и, наконец, распинают меж двух разбойников. Его долгая агония жажды и боли на кресте ломает, в конце концов, его дух, и он умирает с криком: «Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?»

Этот раздел требует некоторых замечаний; но можно обратить внимание на то, как Матфей (27:50) сообщает, что «Иисус... опять возопил громким голосом» после того, как, согласно Бернарду Шоу, отказался от своих притязаний. Можно не без оснований полагать, что этим последним криком было слово «свершилось», записанное другими евангелистами. В нём есть не только то, что видится с первого взгляда. Оно (или эквивалентное ему «*Konx Om Pax*»⁶³), с технической точки зрения, есть триумфальный возглас, используемый в инициациях ритуала «убиенного бога».

Рискуя быть обвинёнными в занудстве и повторах, мы, тем не менее, вынуждены снова пожаловаться на немислимую предвзятость, продемонстрированную мистером Шоу при чтении текста. Он не просто предубеждённый секулярист, но секулярист, настолько предубеждённый читать историю как легенду, что опускает в рассказе о Распятии все те инциденты, которые могут нарушить таковое прочтение. Эта критика, в действительности, столь же дурна, как и у занятого джентльмена, совершенно верно охарактеризовавшего Иисуса, сказав, что в нём «утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22:40).

Несомненно, этот метод крайне ошибочен. Он разумен не более, чем взять Арабскую Ночь из «Альф лейла ва лейла»⁶⁴, вырезать все бесспорно невероятные инциденты и сделать вывод, что «нет причин полагать, будто оставшееся не является достоверным рассказом». Совершенно верно; остаток может оказаться истиной, но нет причин и полагать, что всё было именно так; и если, как в рассмотренном случае, в рассказе на самом деле нет практически ничего, кроме невероятных элементов, вселенная нашего дискурса, так сказать, стремится к нулю. Мистер Шоу хочет обратить мир в собственную веру, будто бы евангельский иисус был социалистом по образу и подобию самого Шоу; а его метод — выхватить из огромного множества преданий исключительно те биографические факты, которые подходят для его целей, и только те высказывания, которые кажутся ему удовлетворительными. Точно так же, благодаря измышлениям подобного рода, можно сотворить социалиста из Макиавелли или Гоббса; и было бы весьма забавно пробежаться по этому предисловию мистера Шоу и доказать его принадлежность к тори. Это будет совсем нетрудно.

Не этого человека, но Варавву

Т*ем временем он, очевидно, отвергнут народом, как и священниками. Пилат, жалея его и не в силах полностью осознать, что же именно он сотворил (богохульство, ужаснувшее первосвященника, не задевало римлян), пытается освободить его, напоминая тем, кто его привёл, о существовании одного обычая — права выпустить в эти дни одного заключённого, — и предложив отпустить Иисуса. Но они настаивают, чтобы он взамен освободил узника по имени Варавва, а Иисуса распял. Матфей ни словом не намекает на причины популярности Вараввы, описав его просто как «известного узника». Другие евангелия дают понять (и это очень важно), что его преступление заключа-*

⁶³ Церемониальная фраза, использующаяся при закрытии собрания на Элевсинских мистериях. Смысл её достоверно не известен. По утверждению капитана Уилфорда, это греческое искажение санскритских слов «*Sandscha om Pascha*», которые и теперь в употреблении при религиозных собраниях и обрядах браминов, что считается одним из доказательств того, что мистерии эти имеют восточное происхождение. (НО)

⁶⁴ *Альф Лейла ва Лейла* — Сказки Тысячи и Одной Ночи. (АНО)

лось в подстрекательстве и мятеже; что он был сторонником применения физической силы; и что он совершил убийство. Выбор в пользу Вараввы, таким образом, воплощает собой народный выбор в пользу воинствующего защитника, готового к применению силы, а не безропотного сторонника милосердия.

«**В**ыбор в пользу Вараввы, таким образом, воплощает собой народный выбор в пользу воинствующего защитника, готового к применению силы, а не безропотного сторонника милосердия», — утверждает Шоу. Как он отмечает, это представление о Варавве взято не у Матфея, а из других евангелий. Однако это вовсе не было «народным выбором»! Прочтите у Матфея (27:20): «Но первосвященники и старейшины возбудили народ просить Варавву, а Иисуса погубить». И нигде нет никаких оснований считать, что Варавва был избран именно за то, что являлся сторонником применения физической силы. Скорее уж его имя было выбрано просто потому, что он был знаменитым человеком⁶⁵, которому посчастливилось ступить на популярную от начала времён стезю разбоя. Это повесть о жизни разбойника, своим ремеслом заработавшего народную славу. Нет причин полагать, что Варавва был в каком-то особенном смысле приверженцем применения силы. Ибо никогда и ни в одной стране до самых последних лет не было такого дурака и дегенерата, кто защищал бы до последнего какую бы то ни было идею. И, конечно же, будь принят любой другой план, он будет тут же нарушен первым, кто решится подобрать палку. Да и сам Иисус был вернейшим приверженцем возможности использования силы. Он бахвалится: «Или думаешь, что Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов?» (Мф. 26:53). Причина того, что он не призвал ангелов, проста (ст. 56): «Да сбудутся писания пророков». Это всего лишь отсрочка явления военной мощи, ибо он заявляет первосвященнику (ст. 64): «Отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных». Как могут быть брошены в Озеро Огненное Сатана и неверующие, если не могущественнейшей силой? Вряд ли это может сойти за программу «безропотного сторонника милосердия».

Читателю пора выкинуть из головы всякую мысль о том, что Иисус есть образец всепрощения. Даже в ранние периоды жизни он говорит о своей миссии в самых непреклонных тонах. В Евангелии от Матфея (10:34-35) читаем: «Не думайте, что Я пришёл принести мир на землю; не мир пришёл Я принести, но меч, ибо Я пришёл разделить человека с отцом его, и дочь с матерью её, и невестку со свекровью её». А на Кресте он говорит: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают». Неведение — единственное извинение. У него был великолепный шанс продемонстрировать благородство, простив Иуду; и он пропустил его. Ума не приложу, почему эти предрассудки о «кротком Иисусе» оказались такими стойкими. Даже Шелли, признанный атеист, утверждает в «Освобождённом Прометее» о «его мягком и кротком призраке, принимающем страдания за веру, которую он разжёт», хотя и пишет несколько раньше о «Змие Галилейском». Самая строгая критика не может быть слишком серьёзной для тех, кто намеренно калечит тексты и выхолащивает символы. Адско-пламенные евангелисты в тысячу раз лучшие критики, чем любые Ренаны. Бернард Шоу ставит себя подобными замечаниями интеллектуально ниже Билли Сандея!

Воскресение

Затем Матфей рассказывает, как через три дня ангел открывает семейный склеп некоего Иосифа — богатого человека из Аримафеи, похоронившего в нём Иисуса, — после чего Иисус восстанет из мёртвых, возвращается из Иерусалима в Галилею и продолжает свою проповедь перед учени-

⁶⁵ В этой связи читателю будет полезно обратиться к теории доктора Дж. Дж. Фрэзера относительно Книги Есфирь. (АК)

ками, пообещав им, что отныне он будет с ними до конца света. На этом повествование резко обрывается. История остаётся незаконченной.

Здесь не требуется никаких комментариев, кроме разве что иллюстрации очередной небрежности мистера Шоу. Нигде не говорится, что Иисус был погребён в семейном склепе Иосифа Аримафейского. Напротив, тот «положил его в новом своём гробе, который высек он в скале» (Мф. 27:60). Что значит нечто совершенно иное. Это не так уж и важно; но тому, кто рассыпал яйца, не стоит доверять нести динамит.

Датировка Евангелия от Матфея

Один из эффектов обещания Иисуса явиться вновь во славе ещё при жизни некоторых из его слушателей заключается в том, что его можно датировать без сколь угодно тщательного изучения. По-видимому, эти строки записаны на веку современников Иисуса: то есть тогда, когда это его обетование Второго Пришествия ещё могло сбыться. Смерть последнего человека, жившего тогда, когда Иисус сказал: «Есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своём», — истребила последнюю возможность обещанного Второго Пришествия и возродила недоверчивость Пилата и евреев. А поскольку Матфей пишет как верующий во Второе Пришествие и, по сути, оставляет историю незавершённой, дабы оно послужило её завершением, он, по всей видимости, должен был написать своё евангелие при поколении, заставшем распятие. Кроме того, он должен был верить, что чтение данной книги станет одним из наслаждений царствия небесного на земле.

«Один из эффектов обещания Иисуса явиться вновь во славе ещё при жизни некоторых из его слушателей заключается в том, что его можно датировать без сколь угодно тщательного изучения. По-видимому, эти строки записаны на веку современников Иисуса: то есть тогда, когда это его обетование Второго Пришествия ещё могло сбыться. Смерть последнего человека, жившего тогда, когда Иисус сказал: “Есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своём”, — истребила последнюю возможность обещанного Второго Пришествия и возродила недоверчивость Пилата и евреев. А поскольку Матфей пишет как верующий во Второе Пришествие и, по сути, оставляет историю незавершённой, дабы оно послужило её завершением, он, по всей видимости, должен был написать своё евангелие при поколении, заставшем распятие. Кроме того, он должен был верить, что чтение данной книги станет одним из наслаждений царствия небесного на земле.»

Вся аргументация этого параграфа оказывается основанной на совершенно дурном знании психологии как автора евангелия, так и читателей, на которых оно было рассчитано. Будь Матфей обеспокоен правдоподобием в обычном понимании этого слова, он не написал бы многого из того, что вошло в его евангелие! Будь у нас возможность хоть немного проникнуть в мысли Матфея, самая случайная и поверхностная оценка их показала бы, что любой, кто привёл бы ему аргумент, подобный высказанному мистером Шоу, вызвал бы в нём полнейшее недоумение. Проблемы со Вторым Пришествием Иисуса отмечались довольно часто; и мне пока что не приходилось сталкиваться с христианином, которого бы они заботили. Лишь немногие апологеты пошли так далеко, чтобы взять на себя труд растолковать обещание Иисуса вернуться. Говоря по правде, такое объяснение сделать совсем нетрудно, либо перенеся события на мистический план, либо показав, что отчасти это обетование было исполнено Преображением, отчасти —

явлениями Стефану и Павлу; и так далее. (Мистер Шоу, кажется, забывает, что прошли тысячи лет прежде, чем кто-либо усомнился в Пятикнижии Моисея⁶⁶, хотя там описана его собственная смерть и погребение.)

Этот аргумент столь же недалёк. Нет никаких причин, по которым человек не должен описывать собственную смерть и похороны. (Особенно если речь идёт о Моисее, которого похоронил сам Бог, причём таким образом, чтобы ни единый человек не узнал места погребения его (Втор. 34:5-6)!!!) Как назло, я сам сделал то же самое несколько лет назад в своей «Книге Лжей» (глава 65)! Быть может, мистер Шоу соплётся на неё как на доказательство того, что она была написана не мною, а кем-то после моей смерти? Религиозные авторы тех времён никогда не стремились защитить себя от рациональной критики. Таковой и не было вовсе; и по сей день подавляющее большинство христиан совершенно неспособно понять подобные аргументы, как-то они попросту считают богохульными. Их совершенно не волнует, сколько бы кто ни говорил, что текст испорчен или снабжён более поздними вставками, или, быть может, прочитан каким-то не тем образом. Они просто проходят мимо, ничего не замечая. Самые сильные доказательства даже не качнут их ладью. Иной тип мышления, иная плоскость мышления. Нет никакой общей почвы для интеллектуального диспута между Чарльзом Брэдлафом⁶⁷ и Чарльзом Сперадженом, поскольку Брэдлаф всё строит на помышлениях разума, а Спераджен просто отмечает, что «плотские помышления суть вражда против Бога».

Кроме того, все попытки таких любителей датировать документы совершенно антинаучны. Документ может быть составным и включать более древние элементы. Мы можем попытаться датировать роман Марка Твена «Янки при дворе короля Артура», уверяя, что автор демонстрирует столь глубокое знание личной жизни короля, что наверняка является его современником или, самое меньшее, опирается на рассказы очевидцев. Можно найти пять десятков всевозможных ошибок в любых документах подобного рода, и мистер Шоу игнорирует их всех с упорством, достойным удивления.

Единственным достоверным методом датировки книги может считаться наличие датированного списка с неё. Если среди (или даже превыше) моих сокровищ есть «Листы журнала нашей жизни в горной Шотландии»⁶⁸ и на этом экземпляре наличествует достоверная подпись короля Эдуарда VII, проверенная сопоставлением с той же подписью в государственных архивах, — это одно может послужить основанием для утверждения, что перед нами подлинник. Обычная дата на титульном листе не доказывает ровным счётом ничего. Содержимое может быть нелегальной копией, сделанной много лет спустя, и эта редакция книги может пестрить всякого рода вольностями.

Каждому, кто хоть немного знаком с библиографической работой, хорошо известно, что это не только возможно, но и вполне вероятно. Свидетельство тому — приключения «Тысячи и одной ночи» в переводе Бёртона. У нас есть кодекс с Евангелием от Матфея, который, без сомнения, относится к третьему или четвёртому столетию, но нет достоверных свидетельств того, что список этот есть производное какого-либо предшествующего кодекса. Не исключено, что рукопись впервые появлялась именно в этом виде.

⁶⁶ Или «в Пятикнижии, записанном Моисеем»? (БХ)

⁶⁷ Чарльз Брэдлаф (1833-1891) — английский радикальный политический и общественный деятель, один из самых известных английских атеистов XIX века. (НО)

⁶⁸ «*Leaves from the Journal of our life in the Highlands*», книга королевы Виктории, написанная в 1868 году посвящённая её супругу, принцу Альберту. (АНО)

Классовый типаж матфеевского Иисуса

Следует обратить внимание ещё на одно обстоятельство, имеющее место у Матфея. Несмотря на то, что он начинает свой рассказ напоминанием о том, что Иисус принадлежал к привилегированным классам, позднее он упоминает, что, когда тот пытался проповедовать в своём отечестве и не возымел там успеха, люди говорили: «Не плотников ли Он сын?» Но манеры Иисуса — манеры аристократа или, самое меньшее, сына богатого буржуа, но никоим образом не человека малообразованного. Вероятно, наиболее верно будет рассматривать Иосифа не как нынешнего пролетарского плотника, трудящегося за еженедельную зарплату, но как старшего мастера царского происхождения. Иоанн Креститель, возможно, и был Кейфом Харди⁶⁹; но Иисус Матфея — кем-то класса Рёскина-Морриса⁷⁰.

Эта надменная характеристика обозначена столь явственно, что, не будь у нас иных свидетельств об Иисусе, кроме Евангелия от Матфея, мы бы не чувствовали в отношении него того, что чувствуем. Мы сказали бы без особого отвращения: «Был тут один мужчина, который был нормальным, пока Пётр не назвал его христом, но потом свихнулся». Мы должны были бы отметить, что его заблуждение — вполне обычная для сумасшедших навязчивая идея, и что в рамки подобного умопомешательства вполне укладывается та изоцирённость и проникновенность аргументации, каковую явил Иисус в Иерусалиме, когда идея эта поглотила его целиком. Мы точно так же почувствовали бы ужас от бичевания, и насмешек, и распятия, как если бы Рёскина, когда он тоже сошёл с ума, подвергли подобной экзекуции вместо того, чтобы отнестись к нему как к инвалиду. У нас не было бы чёткого понимания того особого значения, которое он вкладывал, называя Сына Божьего Сыном Человеческим. Мы должны обратить внимание на то, что он был коммунистом; что он считал большую часть того, что мы зовём законом и порядком, аппаратом для ограбления бедных на законных основаниях; что он относился к семейным узам как к силкам для души; что он был согласен с выражением «чем ближе к церкви, тем дальше от Бога»; что ему казалось совершенно очевидным, что хозяевами общества должны быть слуги, а не угнетатели и нахлебники; и что он, тем не менее, заповедовал нам не бороться с нашими врагами, он учил нас любить их и предрекал, что они, взявшие меч, мечом и погибнут. Всё это показывает великую силу, проглядывающую сквозь пошлые иллюзии, и возможность для более высокой нравственности, чем до сих пор существовавшая в любом цивилизованном обществе; но это не ставит Иисуса выше Конфуция или Платона, не говоря уж о более современных философах и моралистах.

Большинство позиций, высказанных в этом разделе, отмечались и в некоторых местах прежде, однако мы должны обратить ваше внимание на последнее предположение мистера Шоу. «Всё это показывает великую силу, проглядывающую сквозь пошлые иллюзии, и возможность для более высокой нравственности, чем до сих пор существовавшая в любом цивилизованном обществе; но это не ставит Иисуса выше Конфуция или Платона, не говоря уж о более современных философах и моралистах». «Всё это», как было показано ранее, совершенно недопустимо. Но нам придётся подождать дальнейших откровений в одном из оставшихся евангелий, которые поставят-таки Иисуса выше Конфуция и Платона. Мы ещё уви-

⁶⁹ Джеймс Кейр Харди (1856-1915) — деятель рабочего движения Великобритании, реформист; основатель и лидер Шотландской рабочей партии (1888), Независимой рабочей партии в Великобритании (1893). Официальный лидер Лейбористской партии с момента ее основания (1900). (НО)

⁷⁰ Джон Рёскин (1819-1900) — английский писатель, художник, теоретик искусства, литературный критик и поэт. Оказал большое влияние на развитие искусствознания и эстетики второй половины XIX — начала XX века. Уильям Моррис (1834-1896) — английский поэт и художник, крупнейший представитель второго поколения прерафаэлитов. (НО)

дим, действительно ли оправдаются наши ожидания или все доказательства окажутся того же сорта, что и относительно Второго Пришествия. Обратим же теперь наши взоры к Евангелию от Марка.

МАРК:

Женщины-ученицы и Вознесение

Давайте рассмотрим, найдём ли мы что-то большее у Марка, евангелие от которого, между прочим, считается более древним, чем от Матфея. Марк краток; и нетрудно заметить, что не он добавляет к Матфею ничего, кроме окончания истории вознесением Христа на небо, и новости, что в Иерусалим с Иисусом пришли многие женщины, включая Марию Магдалину, из которой он изгнал семь бесов. С другой стороны, Марк не говорит ничего о рождении Иисуса и не рассматривает его карьеру до крещения Иоанном в зрелости. По всей видимости, он считает Иисуса коренным назарянином, как Иоанн, а не уроженцем Вифлеема, как Матфей и Лука, Вифлеем — город Давида, от которого, по словам Матфея и Луки, Иисус происходит. Он описывает учение Иоанна как «крещение покаяния для прощения грехов»; то есть, как разновидность сальвационизма. Он сообщает нам, что Иисус входил в синагоги и учил не как книжники, но как власть имеющий: исходя из этого, мы можем сделать вывод, что он проповедует собственную доктрину как сторонник оригинальной морали взамен пришедшей, о которой говорится в книгах. Он описывает чудесное деяние Иисуса, который добирается до лодки, идя по морю, но ни словом не обмолвливается о Петре, попытавшемся сделать то же самое. Марк полагает, Иисус реагирует живее, чем у Матфея, и отмечает малозначительные детали, помогающие более отчётливо донести события до читателя. Например, он рассказывает, что, идя по волнам к лодке, Иисус хочет пройти мимо, когда ученики начинают взывать к нему. Он как будто чувствует, что исцеление Иисусом женщины-хананейки требует некоторых извинений, и потому сообщает, что она была гречанкой из рода сифофиникиян, что, по всей видимости, извиняло в глазах Марка всякую неучтивость к ней. Он описывает отца отрока, исцелённого Иисусом от эпилепсии, который перед своим обращением заявил: «Верую, Господи! помоги моему неверию». Он приводит историю о лепте вдовы, опущенную Матфеем. Он объясняет, что Варавва был «был в узах... со своими сообщниками, которые во время мятежа сделали убийство». Иосифа Аримафейского, похоронившего Иисуса в своей могиле и названного у Матфея учеником, Марк описывает как «того, кто и сам ожидал Царствия Божия», что даёт основание полагать, чтобы искателем он был независимым.

Марк заслуживает нашей признательности тем, что не даёт никаких ссылок на древних пророков и тем самым не только экономит наше время, но и избегает нелепого вывода, будто бы Христос просто собирался подобно часам благодаря преопределённому ритуалу, а не был человеком из плоти и крови. Наконец, Марк рассказывает, как после своего воскресения Христос говорит, что тот, кто будет верить в него, спасётся, а кто нет — будет осуждён; но невозможно представить, будто бы он считал проклятие воздаянием за ошибки. Палеографы относятся к этому отрывку как к дописке, сделанной последующими переписчиками. В целом же Марк оставил современным читателям то же, что и Матфей.

К этому разделу не так уж и много замечаний. Как отмечает мистер Шоу, Марк — это резюме, причём резюме падающее; кроме того, Шоу, по всей видимости, согласен в общем мнении учёных, что Марк, в целом, ближе к истине, чем Матфей. И всё же это сборник, по тем же причинам, которые мы рассматривали применительно к Матфею. Для большинства цитат, которые мы можем рассматривать как подтверждение этой точки зрения, имеются параллельные места в более раннем евангелии.

Нам стоит разве что придраться к одной из интерпретаций. Шоу берёт определение Марка по отношению к Иосифу Аримафейскому и не только неточно цитирует его, но и довольно сомнительно интерпретирует. Шоу говорит, что Марк будто бы описывает Иосифа в тексте просто как «того, кто и сам ожидал Царствия Божия»; на самом же деле он «знаменитый член совета, который также ожидал Царствия Божия»⁷¹ (Мк. 15:43). С чего это Шоу взял, что тот был «независимым» искателем? Напротив, это вполне совместимо с утверждением Матфея, что он «также учился у Иисуса». В своём предисловии мистер Шоу акцентирует внимание на различиях между евангелиями, но, конечно же, он не стал выдвигать на передний план вопроса об их авторитетности. Само слово «также» имеется и у Матфея (27:57), и у Луки (23:51). Вполне очевидно, что Шоу — человек восхитительной доверчивости, но отнюдь не совершенной памяти. Это очень незначительный момент; но он доказывает куда большее: что мистер Шоу будет раз за разом демонстрировать свою невнимательность, а потому мы имеем дело с пособием, не заслуживающим доверия там, где такая исключительная точность была бы крайне необходима.

Очередной пример мы видим в следующем же абзаце мистера Шоу. «Марк заслуживает нашей признательности тем, что не даёт никаких ссылок на древних пророков и тем самым не только экономит наше время, но и избегает нелепого вывода, будто бы Христос просто собирался подобно часам благодаря преопределённому ритуалу, а не был человеком из плоти и крови». На самом же деле евангелие начинается как раз с исполнения пророчеств: «Как написано у пророков: вот, Я посылаю Ангела Моего пред лицом Твоим, который приготовит путь Твой пред Тобою. Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему» (Мк. 1:2-3). Есть и другие ссылки на пророчества (Мк. 12:10,35-36 и Мк. 15:27-28). В большинстве случаев это утверждение Шоу верно; но всё же оно не настолько точно, как следовало бы в работе подобного рода.

Мы должны возразить против последнего заявления, сделанного мистером Шоу в этом предложении. Ритуал, посредством которого Иисус собирался «подобно часам», универсален. Это не так уж и абсурдно. Мы все поныне собираемся посредством этого ритуала. Если бы это было не так, он никогда не смог бы поразить воображение людей всех культур так, как это случилось. Ритуал этот — всего лишь драматическая формулировка самых очевидных и важных законов природы.

Шоу заявляет, что не может представить, будто бы Иисус «считал проклятие воздаянием за ошибки». Действительно, из приведённого пассажа такое не следует; но ссылки на проклятие в обычном христианском понимании регулярны в других частях евангелия.

Напоследок Шоу говорит, что «в целом... Марк оставил современным читателям то же, что и Матфей». Так что вовсе не здесь должны мы искать какие бы то ни было факты, которые «ставят Иисуса выше Конфуция или Платона». Быть может, нам повезёт больше с Лукой?

ЛУКА:

Лука — художественный писатель

Когда мы берём в руки Евангелие от Луки, мы встречаемся уже с новым рассказчиком и с его крепким природным талантом в повествовательном искусстве. Не успев прочесть и двадцати стихов Евангелия от Луки, ты понимаешь, что перешёл от летописцев, пишущих ради увековечивания важных фактов, к художнику слова, рассказывающему истории ради самого рассказа. В самом начале он являет нам очаровательнейшую идиллию всей Библии: историю Марии, которая из-за

⁷¹ В русском синодальном переводе Иосиф назван «знаменитым членом совета, который и сам ожидал Царствия Божия». Цитата немного изменена, чтобы подчеркнуть те моменты, на которые указывает Кроули. (АНО)

переполненности гостиницы пришла в хлев и положила своего новорождённого сына в ясли, и пастухов, которые содержали на поле ночную стражу у своих стад и пред которыми предстал Ангел Господень, и слава Господня осияла их, и внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное. Эти пастухи приходят в хлев и сменяют царей из хроник Матфея. Этот рассказ настолько всецело поглощает нас и поражает наше воображение, что обычно мы полагаем, будто бы он записан во всех евангелиях; но это — повесть Луки и его одного: ни один из прочих ни словом не намекает ни на что подобное.

Ничего не меняет на счету мистера Шоу и Евангелие от Луки. Однако, как может быть небесполезно добавить, многие учёные-библейсты подозревают, что Лука был греческим врачом. Это евангелие действительно весьма напоминает романы эллинистического декаданса. Значение такой характеристики Луки в том, что его способна раскритиковать даже служанка, способная придать подобной работе хоть какую-то историческую ценность. По всей видимости, евангелие это было оставлено из-за своей апелляции к греческому населению Малой Азии, где христианство имело огромный успех. Мы можем согласиться с заурядным учёным, что Евангелие от Матфея изначально предполагалось для убеждения евреев в том, что Иисус — тот самый Мессия, которого они ожидали. Матфей сразу берёт быка за рога: «Родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова». Лука разъясняет своим читателям в первой главе (ст. 5), что Ирод был царём Иудейским, а когда подходит к родословию, не останавливается на Аврааме, но заканчивает (3:38) словами «сын... Адамов, Божий». Также стоит отметить, что Евангелие от Луки адресуется персонально некоему Феофилу — несомненно, греку.

Очарование повествования Луки

Лука придаёт очарование сентиментального романа каждому инциденту. Благовещение, как описано Матфеем, было адресовано Иосифу и являлось всего лишь предупреждением, чтобы тот не разводился с женой по причине её нечестивости. В Евангелии от Луки оно обращено к самой Марии и происходит гораздо раньше, с ощущением экстаза невесты Святого Духа. Иисус делается утончённее и мягче почти до неузнаваемости: непреклонный, безапелляционный ученик Иоанна Крестителя, никогда не обращавшийся с фарисеем или книжником без уничижительного эпитета, становится деликатным, мягким, общительным, почти изысканным мужчиной; а иудей-шовинист превращается в сторонника иноверцев, которого выгоняют из синагоги в его родном городе, когда он напоминает прихожанам, что пророки порой предпочитали язычников иудеям. Более того, они пытаются свергнуть его с некоего подобия Тарпейской скалы⁷², которую они используют для казней; но он, пройдя каким-то образом посреди них, удаляется: единственный намёк на подобное деяние в евангелии. Нет ни слова о женщине из рода сифофиникиян. В конце истории он кротко терпит все свои страдания; следует по пути к месту казни с безмятежным спокойствием; не проявляет ни тени отчаяния на кресте; и умирает с завидным достоинством, восхваляя в душе Бога, после того, как молится о прощении своих преследователей на том основании, что они «не знают, что делают». Согласно Матфею, частью его смертной муки стало то, что даже воры, распятые рядом с ним, злословили на него. Согласно Луке, это делал лишь один из них; и первого попрекает второй, который просит, чтобы Иисус помянул его, когда придёт в царствие своё. На что Христос отвечает: «Ныне же будешь со Мною в раю», — имея в виду, что три дня своей смерти он проведёт там. Короче говоря, используются все доступные средства, чтобы преодолеть безжалостный ужас хроники Матфея, облегчить напряжение Страстей в

⁷² Тарпейская скала — название отвесной скалы в Древнем Риме, с западной стороны Капитолийского холма. С этой скалы сбрасывали осуждённых на смерть преступников, совершивших предательство, инцест, побег (рабов от хозяина). (НО)

соответствующих эпизодах и представить Христа как возвысившегося над человеческими страданиями. Таков Иисус Луки, который и завоевал наши сердца.

Мистер Шоу мог бы подчеркнуть даже более, чем он делает это, экстравагантность воображения Луки. Не ограничиваясь чудесным рождением Иисуса, он переирирует историю Авраама и Сарры в Книге Бытия (главы 17 и 21), дабы превратить в чудо рождение Иоанна Крестителя! Шоу с превосходным глубокомыслием и ясностью объясняет отличия в описании Иисуса, приведённом Лукой, но он не говорит читателям о причине, которая проще вышеприведённой версии о том, что текст рассчитан на другую аудиторию.

Эта причина избавляет нас не только от придирок вольнодумцев к «противоречиям в евангелиях», но и от притязаний ортодоксов на богодухновенность. Вполне понятно, что биография Кайзера, написанная судебным историком в Потсдаме, будет заметно отличаться от составленной в офисе «Дейли Мейл». Но если аргумент подобного типа использовать для объяснения расхождений, правила истинности отменяются, а его место занимает целесообразность. Если мы обнаружим панацею, которую «Дейли Кафдроп» рекламирует как помогающую против истощения, а «Стрэнд Меркьюри» — как исцеляющую от совсем иной болезни, многие усомнятся в том, что она вообще что-то лечит. В самом лучшем случае читатели не обратят на рекламу никакого внимания, но попытаются прояснить вопрос с помощью анализов и клинического эксперимента. Таким образом, для ортодоксов слишком ненадёжный путь — выдвигать подобные вышеприведённым объяснения противоречивости евангельских повествований.

Прикосновение парижского романа

Романтическое вымарывание Лукой всего непривлекательного и его сентиментальность проиллюстрированы его версией истории о женщине с мирровой мазью. Матфеем и Марк указывают, что это случилось в доме Симона прокажённого, где на неё вознегодовали за пустую трату денег. В версии Луки прокажённый превращается в богатого фарисея; женщина становится Дамой с камелиями; и ни слова не говорится о деньгах и нищих. Женщина омывает ноги Иисуса слезами и отирает их волосами; и его упрекают за то, что он позволяет грешнице касаться его. Это практически адаптация неромантического Матфея для парижской сцены. Перед нами несомненная попытка пробудить женский интерес на всей протяжённости текста. Маленький толчок, сделанный Марком, воспринят и разработан. Больше сказано о матери Иисуса и её чувствах. Следующие за Христом женщины, лишь мельком упомянутые Марком как пришедшие ко гробу, появляются в повествовании раньше; и некоторые из них названы по именам; поэтому перед нами предстают Иоанна, жена Хузы, домоправителя Продова, и Сусанна. Есть небольшой причудливый эпизод в доме Марии и Марфы. Есть притча о блудном сыне, взывающая к романтике прощения, ведомой Чарльзу Сэрфесу⁷³ и де Грийе⁷⁴. Женщины следуют за Иисусом до креста; и он обращается к ним с речью, начинающейся словами «дщери Иерусалимские». Эти отличия, вроде бы незаметные, приносят огромные изменения в общую атмосферу. Христос Матфея никогда не стал бы тем, что вульгарно называют дамским кумиром (истина, однако, в том, что народный спрос на чувства, если они не общечеловеческие, скорее мужской, нежели женский); но христос Луки сделал возможным те картины, которые сегодня нередко вешают в своих покоях дамы: где Иисус представлен именно таким, каким его изображают на киностудиях Лурда⁷⁵ в ис-

⁷³ Чарльз Сэрфес — персонаж пьесы Ричарда Бринсли Шеридана (1751-1816) «Школа злословия». (НО)

⁷⁴ Де Грийе — персонаж романа аббата Антуана Франсуа Прево (1697-1763) «История кавалера де Грийе и Манон Леско». (НО)

⁷⁵ Лурд — город во Франции, в департаменте Верхние Пиреней. Стоит на реке Гав. Один из наиболее популярных в Европе центров паломничества. (НО)

полнении статных актёров. Единственный налёт реализма, который инстинктивно не удаляет Лука ради создания столь благородного образа — осуждение, брошенное Писусу за то, что тот садится за стол, не вымыв рук; и оно сохранено лишь потому, что на нём зиждутся интересные рассуждения.

Напиши мистер Шоу «греческий» вместо «парижский», такая характеристика была бы довольно точной. И правда, больше и не о чем говорить. Но Лука совершенно не придаёт значения ничему, кроме своего искусства, а искусство любого рода всегда несёт в себе зерно мистицизма. Чрезвычайно занятно обнаружить, читая «Город ужасной ночи», как Джеймс Томсон развлекается каббалистическими спекуляциями во второй части этого великолепного стихотворения, в некотором роде величайшего среди всех написанных⁷⁶. Однако теперь мы желаем добавить ещё одно замечание: мистер Шоу признаёт здесь, что Лука может писать о Царствии в мистическом понимании, тогда как сам продолжает рассуждать о нём как о вполне материальном. Что же станет теперь с его аргументацией о датировке Евангелия от Матфея?..

В ожидании Мессии

Ещё одна новая характеристика в повествовании Луки — что оно начинается в мире, где все ожидают прихода Христа. У Матфея и Марка Иисус приходит в обыденный мир филистимлян вроде нашего сегодняшнего. Лишь предсказание Крестителя о том, что за ним идёт сильнейший его, заставляет зашевелиться вновь старинные еврейские упования на Мессию; и поскольку Иисус начинает как ученик Иоанна и крещён им, никто не связывает его с этой надеждой, пока Пётр не получает внезапное озарение, оказавшее на Иисуса столь ошеломляющий эффект. Но в Евангелии от Луки умы мужчин — и особенно умы женщин — полны энергичного ожидания Христа не только до рождения Иисуса, но и до рождения Иоанна Крестителя, с которого Лука начинает свою историю. Хотя Иисус и Иоанн ещё во чревах своих матерей, Иоанн возражает при приближении Иисуса, когда две матери навещают друг друга. При обрезании Иисуса набожные мужчины и женщины называют младенца Христом.

Сам Креститель не уверен в этом; ибо, когда карьера его бывшего ученика в самом разгаре, он посылает к Иисусу двух отроков спросить, он ли Христос. Это заслуживает внимания, ибо Иисус тут же приводит прекрасно продуманную демонстрацию чудес и велит им рассказать Иоанну о том, что они видели, и поинтересоваться, что он думает теперь: это полностью противоречит тому, о чём я говорил как о взгляде Руссо на чудеса, когда делал выводы из Евангелия от Матфея. Лука демонстрирует в отношении чудес романтическую неосмотрительность; он считает их «знамениями», — то есть, доказательствами божественности человека, сотворяющего их, а не просто проявлениями тауматургических сил. Он упивается чудесами точно так же, как и притчами: в них — красная нить повествования. Он не может допустить призывание Петра, Иакова и Иоанна от их лодок без комического чуда

⁷⁶ Поэт следует за человеком, идущим в церковь, где умерла Вера, в усадьбу, где умерла Любовь, и в хижину, где умерла Надежда; и этот скорбный круг повторяется вечно.

Я сбился со следу его, и там
 Познал сомнений острые ножи:
 Кружил он неизменно по следам
 Ритмичной дробы, оставляя жизнь.
 Как бесконечен звук его шагов!
 Мертвы Надежда, Вера и Любовь...

(Жизнь делилась этими неизменными тремя = $\frac{LXX}{333} = 0,210$.)

(АК)

Пер. стихотворных фрагментов здесь и далее — Fr. Nyarlathotep Otis. (АНО)

великого улова рыбы, когда переполненная сеть чуть было не потопила их судно, заставив Петра воскликнуть: «Выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный» (что, вероятно, можно перевести так: «Хватит с меня уже твоих чудес: обычного улова вполне достаточно для моих лодок»).

Есть и иные новшества в версии Луки. Пилат отсылает Иисуса к Ироду, которому в эти дни довелось быть в Иерусалиме, всего лишь из-за того, что Ирод выказывал к нему некоторый интерес; но там ничего не происходит: узник не разговаривает с ним. Когда Иисуса плохо принимают в селении самарянском, Иоанн и Иаков предлагают призвать огонь с неба, чтобы истребить его жителей; Иисус же отвечает, что пришёл не губить души человеческие, а спасать их. Предубеждение Иисуса против законников подчёркивается, как и его требование не относиться к своим родственникам лучше, чем к чужакам. Он оскорбляет женщину, благословившую его мать. Поскольку это противоречит традициям сентиментального романа, Лука старается по возможности нивелировать это, уверяя, что Братство Людей и Отцовство Бога превыше даже сентиментальных соображений. История о законнике, спросившем, каковы две главные заповеди, изменена так, что теперь уже Иисус задаёт законнику вопрос, а не отвечает на него.

Что касается доктрины, Лука ясен лишь тогда, когда затронуты его чувства. Его логика слаба; ибо некоторые речения Иисуса бесосновательно соединяются, что немедленно обнаружит всякий, кто читал их в должном порядке и контексте у Матфея. Он не привносит ничего нового в миссию Христа и, подобно остальным евангелистам, полагает, будто главное здесь то, что Иисус был долгожданным Христом и что скоро он вернётся на землю и установит царствие своё, будучи должным образом умерщвлён и воскресши вновь на третий день. Однако Лука определяет учение не только как коммунизм и отвержение ненависти, которые, конечно же, не имеют ничего общего со Вторым Пришествием, но и приводит одно весьма замечательное высказывание, несовместимое с таковым, что на вопрос о том, где царствие небесное, люди не должны отвечать «вот, здесь!» или «вот, там!», ибо царствие небесное — в них самих. Но Лука не подозревает, что это явление совсем другого порядка, чем то, что он считает своим христианством, и продолжает придерживаться взглядов на царствие как на место столь же определённое, как Иерусалим или Мадагаскар.

ИОАНН:

Новая история и новый характер⁷⁷

Евангелие от Иоанна становится после остальных сюрпризом. Матфей, Марк и Лука описывают одни и те же события в одной и той же последовательности (изменения у Луки незначительны), и потому их евангелия принято называть синоптическими. Они описывают, главным образом, ту же историю бродячего проповедника, в конце жизни пришедшего в Иерусалим. Иоанн же говорит о проповеднике, который практически всю свою взрослую жизнь провёл в столице, с редкими визитами в провинцию. Обстоятельства призвания Петра и сыновей Зеведеевых у него отличается от других евангелий; и он ни слова не говорит о том, что они рыбаки. Он явственно утверждает, что Иисус, так же принявший крещение от Иоанна, не стал практиковать крещение сам, и его ученики тоже. Муки Христа, вызывающего отвести погребель в Гефсиманском саду, становятся жлобнокровной просьбой, произнесённой в храме гораздо раньше. Иисус чаще спорит; чаще сетует на неразумность и неприязнь, которыми его встречают; вовсе не безмолвствует перед Каиафой и Пилатом; делает куда больший акцент на своём воскресении и на поедании своего тела (растеряв в конце концов всех учеников, кроме двенадцати); говорит много всего явно противоречивого и бессмысленного, к чему никто из простых читателей не в силах уже найти никакого ключа; и создаёт впечатление образованного мужа,

⁷⁷ В английском языке слово «character» имеет значения «символ, характер, персонаж», каждый из которых может быть использован в этом контексте, но с разными оттенками. (АНО)

АПОКРИФ

чтобы не сказать мудрого мистика, совершенно не схожего характером и грамотностью ни с простым и понятным проповедником Матфея и Марка, ни с учтивым и легкомысленным чародеем Луки. Действительно, евреи говорят о нём: «Как Он знает Писания, не учившись?»

Характеристика, данная Иисусу мистером Шоу, кажется довольно обоснованной. Он говорит, что тот «создаёт впечатление образованного мужа, чтобы не сказать мудрого мистика». Однако это утверждение замаскировано и перекрыто деталями несоответствий.

Как ни странно, он не замечает куда большего несоответствия. Иоанн начинает вовсе не с Иисуса. Он начинает с Логоса. Евангелие начинается в первой главе (ст. 1-4): «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нём была жизнь, и жизнь была свет человеков». Далее мы узнаём вторую половину истории (ст. 9-13): «Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир. В мире был, и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал. Пришёл к своим, и свои Его не приняли. А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились».

Вот два основных момента. Есть вечный Свет или Слово, способное стать плотью. Иными словами, Иоанн имеет дело с аватарой, совершенно такой же, как индийские или гностические. Задача Иоанна, таким образом — всего лишь доказать, что Иисус и есть эта аватара. Поэтому Иоанн Креститель представлен нам исключительно как пророк, а вовсе не как религиозный реформатор. Прочтите у Иоанна (1:6-8): «Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн. Он пришёл для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете, дабы все уверовали чрез него. Он не был свет, но был послан, чтобы свидетельствовать о Свете».

«Иоанн свидетельствует о Нём и, восклицая, говорит: Сей был Тот, о Котором я сказал, что Идущий за мною стал впереди меня, потому что был прежде меня. И от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать, ибо закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Ин. 1:15-17).

«И вот свидетельство Иоанна, когда Иудеи прислали из Иерусалима священников и левитов спросить его: кто ты? Он объявил, и не отрёкся, и объявил, что я не Христос. И спросили его: что же? ты Илия? Он сказал: нет. Пророк? Он отвечал: нет. Сказали ему: кто же ты? чтобы нам дать ответ пославшим нас: что ты скажешь о себе самом? Он сказал: я глас вопиющего в пустыне: исправьте путь Господу, как сказал пророк Исаия. А посланные были из фарисеев; И они спросили его: что же ты крестишь, если ты ни Христос, ни Илия, ни пророк? Иоанн сказал им в ответ: я крещу в воде; но стоит среди вас Некто, Которого вы не знаете» (Ин. 1:19-26).

Здесь же Иоанн Креститель видит Иисуса и свидетельствует, что он и есть эта аватара: «На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берёт на Себя грех мира. Сей есть, о Котором я сказал: за мною идёт Муж, Который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня. Я не знал Его; но для того пришёл крестить в воде, чтобы Он явлен был Израилю. И свидетельствовал Иоанн, говоря: я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нём. Я не знал Его; но Пославший меня крестить в воде сказал мне: на Кого увидишь Духа сходящего и пребывающего на Нём, Тот есть крестящийся Духом Святым. И я видел и засвидетельствовал, что Сей есть Сын Божий. На другой день опять стоял Иоанн и двое из учеников его. И, увидев идущего Иисуса, сказал: вот Агнец Божий» (Ин. 1:29-36).

Один из этих учеников, сопровождавших Иисуса, стал распространять эту весть: «Он первый находит брата своего Симона и говорит ему: мы нашли Мессию, что значит: Христос» (Ин. 1:41). Этот стих великолепен. Два еврея беседуют; один из них сообщает, что Мессия обнаружен; естественно, еврей не понял бы другого намёка. Следует заметить, что Иоанн везде гово-

рит о «евреях» как о чуждой расе. Автор этого евангелия сам ни в коем случае евреем не был. Одного этого факта достаточно, чтобы избавиться от идиотского отождествления его с «возлюбленным учеником». Последний был изобретён Иоанном, дабы потешить некоторые психологические черты, особым образом дорогие для греков. Но Иоанн тут же сообщает своим читателям, что «Мессия» означает всего лишь «Христос», что весьма напоминает объяснение, будто бы «принц Уэльский» означает «Лысый Красавчик»⁷⁸. Невозможно вложить в этот краткий очерк полное повествование об идее Христа, но она столь же отличается от идеи Мессии, как Парсифаль — от Горацио Нельсона. Ошибка возникла из-за этимологической случайности, что оба слова означают «помазанник». Христос — чисто мистическое понятие, которое есть не только человек, но и духовное достижение. Оно пришло из гностицизма, а ещё раньше — из Халдеи, Индии и Китая. Даже самые просвещённые из еврейских пророков, занятых, как это и было, материальным процветанием своей страны, и рядом не лежали с блистательной идеей Христа. Вся теология, философия и эсхатология, связанная с Христом, отлична от всего, что есть в иудаизме, кроме разве что возвышенной Каббалы, которая никоим образом не постигается обычным путём. Некоторые авторитеты (хотя и далеко не лучшие) утверждают, что тогда она ещё не была изобретена, но является средневековым подлогом или, в лучшем случае, появилась никак не раньше Рабби Шимеона, которому приписывается авторство Книги Зогар, датируемой первым веком н. э.⁷⁹

Из всего этого очевидно, что Иоанн писал для крайне специфичной категории лиц. Некоторые прежние высказывания и деяния Иисуса сохранились; но черты восточного «святого» практически исчезли. Синоптические притчи исчезают полностью и заменены единственной притчей (Ин. 10:1-6), которая вообще скорее не притча, а метафора. Речения Иисуса отличаются от таковых, записанных синоптиками. Даже «Нагорная Проповедь» и «Отче наш» опущены. Нет там и ни одного практического предписания о жизни. Речения Иисуса — всего лишь эллинский мистицизм, к которому, скорее всего, ничего кроме этого не примешивается. Он почти такой же антисемит, как Хилэр Беллок⁸⁰. Он даже не соблюдает еврейскую пасху, как в остальных евангелиях. Его вечера — самый обыкновенный ужин (Ин. 13:1-2).

Иоанн, бессмертный свидетель

Кроме того, Иоанн претендует на то, что является не просто хронистом, но и свидетелем. Он заявляет, что он — тот самый «из учеников Его, которого любил Иисус», и что он действительно припал к груди Иисуса на последней вечере и шёпотом спросил, кто из них должен предать его. Иисус, тоже шёпотом, ответил, что он подаст предателю кусок хлеба, а после этого передал один из них Иуде, который съел его и тут же стал одержим сатаной. Это больше похоже на правду, чем другие записи, в которых Иисус прямым текстом указывает на Иуду, не вызвав никаких протестов.

⁷⁸ Можно припомнить аналогичное русское выражение, взятое из какого-то иноязычного источника, где говорилось о «Царе Иоанне Грозном, прозванном за жестокость Васильевичем». (АНО)

⁷⁹ О датировке Каббалы: В тексте Ветхого Завета (Быт. 17:5,15) числовая величина имени Аврам (ABRAM) увеличивается до пяти, и он становится Авраамом (ABRAHAM), тогда как имя Сары (SARAI) уменьшается до пяти, превратившись в Сарру (SARAH), в связи с обетованием сына. Таким образом, нечто от Каббалы, выводящее мистические истины из анализа чисел, несомненно, существовало ещё во времена написания Книги Бытия. Знатки отметят, что такого рода манипуляции со словами повсеместны. Вряд ли можно считать ошибочной трактовкой, что число солнечного бога Митры (MITHRAS) становится 300, а позднее превращается в Мейтра (MEITHRAS), 365, как и его тайное имя Абраксас (ABRAXAS). По поводу 360 и 365 можете проконсультироваться у авторитетов по древним календарям. (АК)

⁸⁰ Жозеф Хилэр Пьер Рене Беллок (1870-1953) — писатель и историк англо-французского происхождения (с 1902 года подданный Великобритании), неоднократно обвинялся в антисемитизме. (НО)

стов и не возбудив никаких комментариев. Здесь также можно найти намёк на то, что Иисус намеренно околдовал Иуду, чтобы тот предал его. Позднее, по словам Иоанна, Иисус говорит Петру: «Если Я хочу, чтобы [Иоанн] пребыл, пока приду, что тебе до того?»; и Иоанн, с довольно явной ложной скромностью, добавляет, что не стоит считать его бессмертным, как решили ученики; ибо Христос не говорил таких слов, но всего лишь заметил: «Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду».

Никто из других евангелистов не претендует на личную близость с Христом и даже не притворяется его современником (нет оснований для сопоставления Матфея-мытаря с Матфеем-евангелистом); Иоанн же — единственный из евангелистов, чьё описание карьеры и характера Христа безнадежно непримиримо с Матфеевыми. При этом он обычно столь же неумело, как и Матфей, толкует действия Христа как не имеющие никакой иной цели, кроме исполнения древних пророчеств. Впечатление тем более неприятное, что Иоанн, в отличие от Матфея, образован, утончён и одержим нарочитыми интеллектуальными мистификациями; предположение о том, что он глуп или поверхностен в столь простых материях, вряд ли вызовет недоверие или недовольство, несмотря на его великое литературное обаяние, хороший пример чего — сделанная им переработка грубого эпизода о женщине-сирофиникиянке в благодушную историю о женщине-самарянке. Возможно, именно поэтому его притязания на то, что он был Иоанном-учеником или хотя бы современником Христа (или даже кого-нибудь, оставшегося из поколения Христа), были оспорены и, наконец, насколько мне известно, отвергнуты. Но повторю ещё раз, что я не собираюсь обсуждать здесь разногласия экспертов о датировке евангелий, и не потому, что не знаком с ними, а потому, что самые ранние списки — это греческие рукописи четвёртого века н. э., сирийские же — это переводы греческих, благодаря чему палеографическим экспертам не составляет труда прийти к любым выводам, соответствующим их вере или неверию; и они никогда не добьются успеха в том, чтобы убедить других экспертов, кроме тех, кто верит или не верит в то же, что и они сами. Поэтому я предполагаю, что даты исходных повествований не могут быть определены и что нам следует наилучшим образом использовать отчёты самих евангелистов.

Как мы видели, различия между ними столь значительны, что несомненным остаётся лишь то, что мы имеем дело с четырьмя совершенно разными авторами; но, в конце концов, в вопросе ожидания Второго Пришествия они сходятся на том, что Иисус прямо и недвусмысленно обещал его при жизни своих современников. Все верующие составляли евангелия после смерти последнего из этих современников; но нельзя опровергнуть или опустить традицию этого обетования на том основании, что оно так и не сбылось и теперь уже не сбудется никогда, потому что в противном случае пришлось бы согласиться с иудеями — непримиримыми критиками христиан — в том, что Иисус был или мошенником, или жертвой заблуждения.

Все евангелисты, кроме Матфея, явственно заявляют, что веруют; но даже изложение Матфея не слишком похоже на скептическое. Поэтому я считаю вопросом здравого смысла, что, не считая заимствований, евангелия восходят к повествованиям, написанным в первом веке н. э. Я говорю и об Иоанне, поскольку, так или иначе, можно заявить, что он защитил свои позиции, уверяя, что Христос, возлюбивший его более других, одалжил его чудесной жизнью до Второго Пришествия, и сделать вывод, что Иоанн жив по сей день; однако я не могу поверить, что литературный фальсификатор мог бы надеяться спасти ситуацию столь возмутительными притязаниями. Кроме того, в истории Иоанна есть много эпизодов, более близких к реальной общественной жизни, чем простая хроника Матфея или сентиментальный роман Луки. Возможно, это связано с тем, что Иоанн, по всей видимости, был более мирским человеком, чем прочие, и знал, как не может знать простой летописец или романист, что на самом деле исходит из книг и с церковных кафедр. Но это может быть и потому, что он видел и слышал случившееся, а не собирал предания о нём. Палеографы и датировщики первых цитат могут говорить всё, что им заблагорассудится: притязания Иоанна на то, что он пишет как очевидец (тогда как другие всего лишь компилировали истории), подтверждаются определённым прав-

доподобием, с которым может обращаться ко мне тот, кто проповедовал новое учение и спорил о нём, равно как и записывал рассказы. Это правдоподобие может быть драматическим искусством, созданным при помощи знания общественной жизни; но даже в этом случае мы не должны забывать, что лучшее драматическое искусство есть управление пророческим инстинктом истины. Быть может, Иоанн вовсе не был человеком, верующим во Второе Пришествие и, тем не менее, называющим его датой после того, как она прошла. На самом деле, нет никаких оснований отказываться от вывода, что подлинники всех евангелий датируются периодом, когда ещё сохранялась возможность того, что Второе Пришествие случится в назначаемый час.

Мистер Шоу принимает как данность, что Иоанн хоть в какой-то степени является автором евангелия, носящего его имя, но подтверждение этой точки зрения почти до смешного косвенное. Во главу угла ставится 24-й стих 21-й главы: «Сей ученик и свидетельствует о сём, и написал сие; и знаем, что истинно свидетельство его». Соотнесение с Иоанном делается на основании того, что ученик, который «свидетельствует о сём» — это ещё и ученик, которого любил Иисус (Ин. 21:20). Но нет никаких, кроме церковной традиции, подтверждений тому, что этот ученик был именно Иоанном, если мы признаем первостепенным литературный факт, что автор евангелия как раз старается не отождествлять себя с ним. Считается, что это из-за скромности Иоанна. Но основание для действительного сопоставления на удивление несущественно. С такими доказательствами добрый народ Джорджии вряд ли вынесет приговор негру за кражу курицы.

Далее можно отметить, что этот аргумент в пользу авторства Иоанна отчасти опровергается им самим. В стихах, приведённых выше, подразумевается, скорее всего, что книга была записана кем-то, кто заявлял, что является учеником Иоанна, а при подготовке документа, по всей видимости, использовались как беседы с ним, так и его рукописи. Это евангелие является смесью из более противоречивых элементов, чем другие евангелия. Ибо в нём пытаются соединить с более или менее еврейскими историями не речения бродячего аскета, но гностические или есейские спекуляции.

Ортодоксы соотносят этого Иоанна с автором Откровения, и здесь мы вновь погружаемся в невероятнейший водоворот противоречий. Конечно, вполне вероятно для писателя переходить от более ранней манеры к более поздней, менять взгляды, увеличивать познания; но редко можно найти подобное развитие у простого рыбака. Крайняя сложность интеллекта свойственна, скорее, грекам или финикийцам. Ничего подобного не найти ни в каких еврейских документах этого периода. Скорее уж, это напоминает папирус Брюса⁸¹.

Представляется вполне очевидным, что евангелие — весьма неуклюжая попытка согласовать некоторые рукописи общего направления вроде Евангелия от Марка с обычным мистическим трактатом. Эффект подобен тому, как если использовать очаровательный сборник цитат

⁸¹ Этот «папирус» — Бруцианский кодекс (Bruce MS. 96. Bod. Lib. Oxford). В нём содержатся основные уцелевшие собрания гностицизма валентинианской линии, сильно отличающиеся от описаний, найденных в святоотеческих источниках. Кодекс содержит также магические и мистические работы, в том числе присвоение греческому алфавиту астрологических соответствий. Он переведён с коптского и опубликован лишь частично, прежде всего в «Коптском гностическом трактате, включённом в Бруцианский кодекс» (A Coptic Gnostic Treatise contained in the Codex Brucianus. Charlotte A. Baynes, 1933). Кроули, по всей видимости, ознакомился с ним у Дж. Р. С. Мида. (БХ) Джордж Роберт Стюарт Мид, ученик Блаватской, переводил только Пистис Софию и Бруцианским кодексом не занимался, разве что мог упомянуть его в одном из своих трудов. С русскими переводами текстов Бруцианского кодекса можно познакомиться на сайте Русской Апокрифической Студии (http://www.apokrif.fullweb.ru/gnost/gnost_lit.shtml) (пер. и доп. информация А. Мома). Сборник «A Coptic Gnostic Treatise contained in the Codex Brucianus» издавался в русском переводе Дм. Алексева (см. издание «Евангелие Истины. 12 переводов христианских гностических писаний». Ростов-н-Д.: Феникс, 2008). (НО)

«Мудрость Бернарда Шоу» для заполнения пробелов в диалоге «Киппса»⁸². Кажется совершенно невероятным — и для примитивнейших умов, и для умов вроде моего — относиться к этому евангелию как-то иначе.

Шоу игнорирует взгляды экспертов на датировку евангелий на том основании, что эксперты грызутся между собой. По его мнению, этого достаточно, чтобы склониться в пользу того, что, каким бы старым ни был документ, никто не сможет с точностью утверждать, что он хотя бы отчасти не скопирован с ещё более раннего документа, написанного, быть может, современником описанных в нём событий. Единственным исключением из этих правил должны быть случаи простой исторической констатации, точность которой доподлинно подтверждена другими источниками.

Забавный пример датировки последнего рода — «пророчества аббата Иоганна»⁸³. Здесь этапы войны в Европе описаны простейшей системой символов. Вплоть до битвы на Марне отчёт демонстрирует похвальную точность. После же неё всё идёт наперекосяк. Из этого нетрудно сделать вывод, что пророчество — не древнее, но написанное сразу после того, как немцы были изгнаны из Парижа. Это тем более несомненно, что человек, ответственный за «пророчества», долгие годы известен как шарлатан, литературный фальсификатор и шут выдающихся способностей. Как можно заметить, до некоторой степени подобный аргумент лежит в основе заключений мистера Шоу о датировке евангелия. Он довольно многословен, чтобы приводить его дословно, но главное в нём то, что Иоанн якобы надеется прожить до Второго Пришествия Христова; и в нём утверждается, что «Иоанн вовсе не был человеком, верующим во Второе Пришествие и, тем не менее, называющим его дату после того, как она прошла». Из этого делается вывод, что Иоанн был жив, а не мёртв, когда писал евангелие.

Мистер Шоу весьма наивен, если предлагает нам своё личное впечатление как человека, изучающего литературу, что это евангелие было написано очевидцем. Он говорит: «Притязания Иоанна на то, что он пишет как очевидец (тогда как другие всего лишь компилировали истории), подтверждаются определённым правдоподобием, с которым может обращаться ко мне тот, кто проповедовал новое учение и спорил о нём, равно как и записывал рассказы. Это правдоподобие может быть драматическим искусством, созданным при помощи знания общественной жизни; но даже в этом случае мы не должны забывать, что лучшее драматическое искусство есть управление пророческим инстинктом истины». Не много ли я потребую от мистера Шоу, если попрошу его увидеть во сне победителя Дерби в трёх забегах? Это замечание может показаться безосновательно гневным, но тут уж действительно почти не остаётся выбора.

Браунинг⁸⁴ интересуется, как нам различить «Зуд в локте Сладжа и Оракул Вашингтонский, // Когда он в висте нам приносит козыря». Как нам отличить рассказ очевидца от рассказа талантливого художественного писателя, пытающегося убедить нас в том, что он очевидец? Сколько военных рассказов написано на Флит-стрит и в Нью-Йорк Сити людьми, слыхом не слыхавшими звука выстрелов? Как правило, «поддельные» истории читаются гораздо убедительнее.

⁸² «Киппс» — роман Герберта Уэллса (1905). (НО)

⁸³ Подробнее об этом (а также об упомянутых далее историях о русской армии и об ангелах Монса) см. в статье Алистера Кроули «Три великие мистификации Первой мировой» («Апокриф», вып. 24). (НО)

⁸⁴ Роберт Браунинг (1812-1889) — английский поэт и драматург. В стихотворении «Мистер Сладж, медиум» (1864) Браунинг высмеял шотландского спиритуалиста Дэниела Дангласа Хьюма.

Дэниел Данглас Хьюм (1833-1896) — шотландский медиум, прославившийся своими способностями, среди которых якобы числилась даже левитация. Хьюм ни разу не был уличен в каком-либо обмане или мошенничестве, а многочисленные свидетельства о его феноменальных способностях сделали его едва ли не самым известным медиумом XIX века. С другой стороны, хотя на его сеансах часто присутствовали ведущие ученые, сами сеансы очень редко или почти никогда не были обставлены с тем тщанием, скрупулезностью и соблюдением всех мер предосторожности, которые предъявляются к научным опытам. (НО)

тельнее, чем подлинные, ибо лжец, понятное дело, куда тщательнее работает над правдоподобием. «Впечатление» литературного критика — слабейший из всех аргументов, которые только могут быть высказаны.

Но мы может продвинуться несколько дальше. Кое-кто может с лёгкостью заметить, что пассаж, на который мистер Шоу ставит столь многое, может быть интерпретирован с точностью до наоборот. Давайте приведём его полностью: «Его увидев, Пётр говорит Иисусу: Господи! а он что? Иисус говорит ему: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того? ты иди за Мною. И пронеслось это слово между братьями, что ученик тот не умрёт. Но Иисус не сказал ему, что не умрёт, но: если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того?» (Ин. 21:21-23). По крайней мере, этот отрывок вполне можно интерпретировать как попытку избежать тех последствий, которых опасается мистер Шоу: «Поэтому я считаю вопросом здравого смысла, что, не считая заимствований, евангелия восходят к повествованиям, написанным в первом веке н. э. Я говорю и об Иоанне, поскольку, так или иначе, можно заявить, что он защитил свои позиции, уверяя, что Христос, возлюбивший его более других, одарил его чудесной жизнью до Второго Пришествия, и сделать вывод, что Иоанн жив по сей день; однако я не могу поверить, что литературный фальсификатор мог бы надеяться спасти ситуацию столь возмутительными притязаниями».

Некоторым может показаться, что мы переливаем из пустого в порожнее. Давайте же представим вполне простую и естественную сцену и увидим, что она практически неизбежна. Сцена происходит, позвольте предположить, в одной из Семи Церквей, находящихся в Азии: вероятно, в Ефесской. Рыбачья лодка возвращается с Патмоса, и один из моряков, христианин, заходит в дом «ангела» церкви, оцепеневший и убитый горем. «Я принёс ужаснейшие новости, — сообщает он “ангелу”. — Иоанн мёртв; а Христос так и не вернулся!» Все присутствующие словно громом поражены. Иисус не выполнил своего обетования. Вся их вера уходит у них из под ног. Это духовное землетрясение. «*Falsus in uno, falsus in omni*»⁸⁵. Вся христианская теория разрушена. Надежда, в которой проходила вся их жизнь, ради которой принимали они изгнание и даже мученичество, уничтожена одним ударом. К счастью, здесь присутствует молодой человек, в мирской своей жизни обучавшийся в школе риторики у софистов. «Всё прекрасно, Братья! — восклицает он. — Иисус же никогда не говорил, что Иоанн пребудет, пока он не придёт вновь. Иисус не говорил такого: “Он не умрёт”, но: “Если Я хочу, чтобы он пребыл, пока приду, что тебе до того?”» Сколько плюсов в этом «если!» Братья тут же одобряют его. Инструкции проясняют смысл этих строк для всей церкви, и всё продолжается так же задорно, как и прежде. Не это ли требовалось доказать?

Согласиться с палеографами, что Евангелие от Иоанна — композитный документ с более поздней датировкой, — и все проблемы исчезают. С другой стороны, какие у нас есть доказательства противоположного, кроме «предчувствия» мистера Шоу, что евангелие написано очевидцем?

Вряд ли можно говорить о том, что мистер Шоу осторожен от и до! «Поэтому я считаю вопросом здравого смысла, что, не считая заимствований, евангелия восходят к повествованиям, написанным в первом веке н. э.». Удалите «заимствования», под которыми может подразумеваться практически всё что угодно, и для мнения, что был некий современный событиям документ, использованный в компиляции, не останется никаких оснований, кроме «здравого смысла».

Давайте сделаем то же самое с «Макбетом». Макбет и Банко должны быть, несомненно, отброшены, ибо они связаны откровенно невероятными элементами вроде ведьм; удаляем леди Макбет как обычную художественную попытку возбудить женский интерес к истории; удаляем Дункана и его танов как «простые заимствования», необходимые для того, чтобы позволить

⁸⁵ (лат.) Солгавший в одном солжёт и в остальном. (АНО)

Макбету кого-нибудь убить, и, наконец, сообщаем, что «определённые намёки на правдоподобие и здравый смысл показывают, что Шекспир был свидетелем тех сцен, которые он описывает».

Особая теология Иисуса

Несмотря на подозрения, пробуждаемые идиосинкразией Иоанна, его повествование имеет огромное значение из-за того, что оно привносит в евангелия ради правдоподобия современной религии. Ибо именно Иоанн добавляет к прочим запискам такие изречения как «Я и Отец — одно»; «Бог есть дух»; он говорит, что цель Иисуса — не только в том, чтобы люди «имели жизнь», но и чтобы имели её «с избытком» (отличие, весьма необходимое людям, полагающим, что человек может быть либо жив, либо мёртв, и никогда не затрагивающим важнейшего из вопросов: насколько он жив); и люди эти должны учитывать то, о чём им было сказано в 82-м псалме⁸⁶: что они боги и ответственны за дела милосердия и суда Божия. Евреи собрались побить его камнями за такие речи, и, когда он увещевал их, что глупо побивать камнями того, кто не сделал им ничего, кроме добра, ответили: «Не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом». Он настаивает (см. 82-й псалом), что, раз уж их собственная религия гласит, что они — боги по обетованию Всевышнего, это не может являться богохульством для того, кого Отец предназначил в жертву и отправил в мир, дабы провозгласить: «Я Сын Божий». Но они не потерпят этого ни за какие коврижки; и ему приходится бежать от их гнева. Это место довольно трудно для понимания из-за того различия, которое делает Иисус между собой и остальными. Он говорит, по сути, вот что: «Если вы боги, тогда я тем более бог». Иоанн заставляет его произнести это точно так же, как он заставляет его говорить «Я свет миру». У Матфея же он обращается к людям: «Вы — свет мира». Иоанн не придаёт никакого значения тем пассажирам, из которых составлена его подборка: значительно более заинтересован он в собственном понимании того, что человек может избежать смерти и творить куда более невероятные чудеса, чем сам Христос; в самом деле, ему кажется, что Иисус недвусмысленно обещает именно это и, в конце концов, дерзко намекает, что он, Иоанн, и сам бессмертен во плоти. Так или иначе, он не пропускает ни одного из значительных изречений. Однако противоречия, в которые вступают они с доктриной, он вводит осознанно: они обращаются к некоему подсознательному инстинкту в нём, что принуждает его навешивать их повсюду, подобно ребёнку, навешивающему мишурные звёздочки на платье игрушечного ангела.

Иоанн не упоминает вознесения; и в конце его истории Иисус воскресает из мёртвых и появляется время от времени среди учеников. В качестве одного из подобных случаев упоминает Иоанн чудесный улов, описанный Лукой совершенно в противоположной точке карьеры Христа, при призвании сыновей Зеведеевых.

Мало что можно сказать по этому разделу, касающемуся, главным образом, позиции Иисуса, хотя мистер Шоу мог бы зайти и гораздо дальше удручающе постоянного цитирования мистической банальности, звучащей в каждой второй строке, на все лады склоняя повторяющиеся притязания Иисуса на то, что он есть христос, аватара Вишну или, как вы ещё любите называть его, Отца.

Но есть одна поразительная фраза. «Иоанн не придаёт никакого значения тем пассажирам, из которых составлена его подборка: значительно более заинтересован он в собственном понимании того, что человек может избежать смерти и творить куда более невероятные чудеса, чем сам Христос; в самом деле, ему кажется, что Иисус недвусмысленно обещает именно это и, в

⁸⁶ По масоретской нумерации, свойственной иудейским и протестантским текстам Библии. В русском синодальном переводе Библии — 81-й псалом. (АНО)

конце концов, дерзко намекает, что он, Иоанн, и сам бессмертен во плоти. Так или иначе, он не пропускает ни одного из значительных изречений». Неимоверная наглость этого высказывания вышибает дух. Иоанн наполняет этими изречениями главу за главой. Он размещает их даже в самых неожиданных местах. Например, между уходом Иуды и завершением Вечери у нас есть не менее четырёх глав, состоящих из 117-и стихов. Около 20 % всего евангелия! И Иоанн не придаёт «никакого значения тем пассажирам, из которых составлена его подборка! Уму непостижимо!

Безусловно, эти мистические пассажи совершенно несовместимы с другими идеями, упоминаемыми такими мыслителями как Шоу. Но это — всего лишь аргумент в пользу композитной природы евангелия. В некоторой степени аналогичный случай можно, тем не менее, наблюдать и сегодня. Возьмём Дао Дэ Цзин, мистический трактат, одновременно непонятный и простой, самый великолепный из всей древней сокровищницы мистицизма. Однако практика даосов сего дня — обыкновенный фетишизм. Можно доказать, что Иоанн был таким же человеком, что он ссылался на собственную классику ради проформы, не вникая в неё. Но документ всё ещё остаётся композитным в любом разумном значении этого слова.

Иоанн согласен с описаниями суда и распятия

Хотя Иоанн, держась своей практики показать Иисуса умелым оратором, заставляет его играть не столь пассивную роль во время суда, он, тем не менее, придерживается в значительной степени тех же взглядов на это, что и остальные. И вопрос, который должен задать любой современный читатель, никогда не адресуется ему в большей степени, чем Матфею, Марку или Луке. Вопрос этот таков: Почему, будучи на земле, Иисус не защищал себя, а предоставлял спасать его от первосвященника другим? Он был столь популярен, что никто не помешал ему изгнать меновищников из храма или не арестовал. Когда позднее они таки решаются задержать его, им приходится делать это ночью в саду. Он мог бы вступить с ними в диспут, как нередко делал в храме, и оправдать себя как перед иудейским законом, так и перед кесарем. И у него была возможность добиться поддержки своим аргументам: всё, что от него требовалось — это речь, воодушевляющая его последователей; и его бы не заставили замолчать. Евангелисты могли бы ответить, что все эти вопросы напрасны, ибо, пожелай Иисус спастись, он смог бы защитить себя всеми средствами, которые вменяет ему Иоанн: то есть повергнув своих стражей наземь своей чудодейственной силой. Если бы вы спросили Иоанна, почему он позволил нарядить в багряницу, и истязать, и казнить его, Иоанн ответил бы, что Иисус принял участь Бога, которого следовало убить и похоронить, дабы он восстал вновь, и отказаться от такой судьбы значило бы отречься от своей божественности. И это единственное несомненное объяснение. Верите вы так же, как и евангелисты, что Христос мог спасти себя с помощью чуда, или же, как современный атеист, полагаете, что он мог бы эффективно защитить себя обычными средствами, фактом остаётся то, что ни в одном из повествований он не сделал ничего подобного. Ему приходится умирать, как подобает богу, а не спасать себя, «как всякий из князей»⁸⁷.

Согласие в этом вопросе архиважно, ибо оно доказывает абсолютную искренность утверждения Иисуса о том, что он был богом. Ни один мошенник не сможет принять таких чудовищных последствий, не попытавшись спастись. Ни один мошенник не сможет упорствовать в убеждении, что воскреснет и восстанет из гроба через три дня. Если мы принимаем всю историю в целом, нам придётся поверить в это, равно как и в то, что его обещание вернуться во славе и установить царствие своё на земле при жизни своих современников было тем, что, как верил он сам, могло и на самом деле должно

⁸⁷ Сам Иисус ссылался на этот псалом (82-й) в котором люди, поступавшие несправедливо и оказывавшие лицемерное нечестивым (что можно отнести практически ко всему белому населению Британских островов и Североамериканского континента, не говоря уже о других местах), осуждаются словами: «Я сказал: вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы; но вы умрёте, как человеки, и падёте, как всякий из князей». (БП)

было случиться. Двое евангелистов утверждают, что во время своей последней агонии он отчаялся и упрекнул Бога в том, что тот оставил его. Двое других показывают, что он умирал в непоколебимой убеждённости и благодарности с простым замечанием, что тяжкое испытание завершилось. Но все четверо свидетельствуют, что его вера не была обманута и что он в самом деле восстал из мёртвых через три дня. И я считаю безрассудством усомниться в том, что все четверо записывали свои истории в полной уверенности, что и другое обетование должно исполниться сполна и что сами они смогут дожить до Второго Пришествия, дабы свидетельствовать о нём.

Содержимое этого раздела с трудом соотносится с названием. Мистер Шоу, по большей части, озабочен вопросом о том, почему Иисус не защищал себя, и даёт очевидный ответ, что Иисус верил, что он есть Джон Ячменное Зерно. Шоу отмечает, что все евангелия сходятся в этом. «Согласие в этом вопросе архиважно, ибо оно доказывает абсолютную искренность утверждения Иисуса о том, что он был богом. Ни один мошенник не сможет принять таких чудовищных последствий, не попытавшись спастись. Ни один мошенник не сможет упорствовать в убеждении, что воскреснет и восстанет из гроба через три дня». К счастью, он подстраховался, продолжив: «Если мы принимаем всю историю в целом, нам придётся поверить в это».

Но с какой стати нам принимать всю историю в целом? Что неестественно для человека, особенно для человека воинствующего, изгоняющего меновщиков из храма, будет вполне естественным применительно к Солнцу или к Семени. Если слова и дела Иисуса — всего лишь таковые главного актёра в драме Джона Ячменное Зерно, это не более заслуживает нашего удивления, чем ежели мы услышим, как дама сомнительной репутации объясняет негодяю, что предпочитает смерть бесчестию (а именно это не менее четырёх раз произносилось со сцены в старые недобрые времена лет сто тому назад).

Шоу повторяет свою точку зрения относительно датировки: «И я считаю безрассудством усомниться в том, что все четверо записывали свои истории в полной уверенности, что и другое обетование должно исполниться сполна и что сами они смогут дожить до Второго Пришествия, дабы свидетельствовать о нём». Но все четверо никоим образом не согласны друг с другом в вопросе о Втором Пришествии. Матфей (гл. 24) приводит всевозможные предзнаменования, по всей видимости, развивающие описанные Марком, причём оба уверяют, что «не прейдёт род сей, как всё сие будет». Но формулировка Луки уже заметно отличается. Слово «род» может означать не только «поколение», но и «народ». Иоанн же и вовсе опускает этот эпизод. Так или иначе, совершенно ясно, что если церковь смогла принять евангелия, несмотря на эту кажущуюся проблему, евангелисты, значительно менее критичные и сообразительные, чем Отцы Церкви (многие из тех выдающихся греческих учёных, хорошо разбирающихся в диалектике, которые составляли канон Священного Писания), могли просто не заметить этого. Нет причин полагать, что авторы евангелий хоть в какой-то степени постигли проблемы, которые они вызвали в окрестностях Тиволи⁸⁸, не говоря уже о берегах озера Паскуани, Нью Гемпшир, США, несколькими тысячами миль дальше!⁸⁹

Кстати, мы подошли к концу Евангелия от Иоанна, но так и не смогли обнаружить, как мистер Шоу исполнит своё обещание поставить Иисуса выше Конфуция или Платона.

⁸⁸ *Тиволи* — древний город в итальянской провинции Лацио, на реке Тевероне (Анио), в 24 км к северо-востоку от Рима. (НО)

⁸⁹ Здесь у Кроули случилось важное мистическое видение, которое он назвал «Видением Звёздной Губки». В этом видении он узрел взаимосвязь всех вещей и описал ночное небо в словах «Ничто, а в нём мерцание... но какое мерцание!» (НП)

Правдоподобие евангелий

Как могут заметить старейшие из моих читателей, ещё не забывшие большей или меньшей одержимости среди пожилых людей перебранками о том, заслуживают ли евангелия доверия как документальные повествования, я лишь поднял этот вопрос и тут же принял правдоподобие и невероятность с равным удовольствием. Я поступил так, поскольку правдоподобие — состояние субъективное, как ясно показывает эволюция религиозных верований. Вера не зависит от доказательств и причин. В пользу того, что чудеса имели место, можно привести столько же доказательств, сколько в пользу реальности битвы при Ватерлоо или того, что армия русских проходила через Англию в 1914-м, чтобы принять участие в войне на западном фронте. Причины верить в гибель Помпей точно такие же, что и в воскрешение Лазаря. И в то, и в другое верят люди равного интеллекта. Чудеса как явления, которые мы не можем объяснить, окружают нас на каждом шагу; сама жизнь — чудо из чудес. В чудесах как событиях, нарушающих, согласно нашему опыту, нормальный ход вещей, клянутся каждый день: процветающая Церковь Христианской Науки зиждется на множестве подобных чудес. Никто не верит во все чудеса сразу: все верят в некоторые из них.

Я не могу сказать, почему люди, которые никогда не поверят, что Иисус когда-либо существовал, твёрдо убеждены, что Шекспир — это Бэкон. Я не могу сказать, почему те, кто верит, что ангелы появились и сражались на нашей стороне в битве при Монсе и что чудеса частенько случаются в Лурде, бывают, тем не менее, шокированы чудом кровотечения святого Януария⁹⁰ и отрицают его как уловку духовенства. Я не могу сказать, почему те, кто не верит рассказу Матфея о трёх царях, подносящих драгоценные дары к колыбели Иисуса, верят в историю Луки о пастухах и о хлеве. Я не могу сказать, почему люди, приученные верить Библии как непогрешимому свидетельству и откровению старинным буквальным способом и отвергающие эту точку зрения впоследствии, начинают отрицать Ветхий Завет и отбрасывают веру в дышащий серою ад (если делают это вообще) прежде, чем в небеса арф, венцов и престолов. Я не могу сказать, почему те, кто ни при каких обстоятельствах не поверит в крещение, продолжают верить в прививки с суровым фанатизмом инквизиторов. Я уверен, что, если дюжина скептиков возьмётся раскидывать по параллельным столбцам список описанных в евангелиях событий, которые они считают правдоподобными и невероятными соответственно, их списки будут различаться некоторыми из пунктов. Воистину, вера — дело вкуса.

В этом разделе мистер Шоу развлекается свойственными ему чудачествами. Он приводит всевозможные примеры того, во что обычно верят из небывалого, и того, во что обычно не верят, но что, тем не менее, случалось. Он замечает в восхитительнейшей манере, что сама жизнь есть чудо из чудес, а под конец заявляет с полнейшим скептицизмом, что нет причин, по которым каждый конкретный человек верит в каждую конкретную вещь. Его раздел завершается следующим образом: «Я уверен, что, если дюжина скептиков возьмётся раскидывать по параллельным столбцам список описанных в евангелиях событий, которые они считают правдоподобными⁹¹ и невероятными соответственно, их списки будут различаться некоторыми из пунктов. Воистину, вера — дело вкуса».

⁹⁰ Святой Януарий — священномученик, почитаемый Католической и Православной Церквами, покровитель Неаполя, известный регулярно происходящим чудом. (НО)

⁹¹ Правдоподобный — глупое слово. Оно означает всего лишь «соответствующий основным моментам наших представлений о Вселенной». Поэтому каждый вновь обнаруженный факт требует расширения этих познаний, казавшегося прежде невероятным.

Сегодня каноны правдоподобия изменяется повсеместно, ибо повсеместно меняются познания человека. Если я описываю падение человека с доски, возвышающейся над дорогой на тридцать футов, и говорю, что «секунду спустя его голова ударится о мостовую», ни один человек из десяти тысяч не увидит здесь ничего специфического или

Вопрос мистера Шоу очень похож на знаменитое «Перестали ли Вы бить свою тётку?» Ни один скептик с крупницей здравомыслия не попадётся в такую дурацкую ловушку. Все сочинения мистера Шоу показывают, что он совершенно неспособен понять научный склад ума. Гексли определил Канон Веры столь великолепно, что с моей стороны будет наглым высокомерием пытаться сделать это лучше. Следует просто отослать мистера Шоу к работам этого великого мужа, равно преуспевшего и в философии, и в науке. Но можно вкратце заметить, что научное мышление всецело заинтересовано в оценке весомости доказательств. Шоу заявляет, что «вера не зависит от доказательств и причин». Всякий человек науки, когда-либо оценивающий результаты, отвергнет эту позицию начисто. Она истинна только в отношении веры непосвящённого и нетренированного ума.

Далее он заявляет: «В пользу того, что чудеса имели место, можно привести столько же доказательств, сколько в пользу реальности битвы при Ватерлоо или того, что армия русских проходила через Англию в 1914-м, чтобы принять участие в войне на западном фронте». Это утверждение (без сомнения, совершенно точное) демонстрирует прискорбное состояние ума. Мистеру Шоу ни на минуту не приходит в голову проверить весомость аргументации. В историю о русских ни на секунду не поверил никто, кому довелось знать, что Архангельск обслуживается единственной железнодорожной линией. В неё не поверил никто, кто располагал фактами. В неё поверили те, чьи разумы были готовы к тому, что, попадись им на глаза железнодорожный состав с опущенными шторами, естественным выводом для них было бы решить, будто эшелон перевозит несколько сот тысяч русских.

В других частях этой статьи даны примеры современной веры в чудеса. Легковерие — исключительно вопрос образования: кстати, порою — весьма специализированного образования. Было множество так называемых образованных людей, полагающих, что самолёты невозможны. Но инженеры, изучившие предмет тщательно, были не из их числа. Поскольку каждый такой человек недоверчив, его недоверие будет полностью открыто для изменений. Он сможет сказать: «Проблема не может быть решена, пока мы не получим двигателя, вырабатывающего необходимый для данного веса коэффициент мощности и не найдём материала с должным соотношением прочности и веса; и я сильно сомневаюсь, что мы в состоянии найти всё это». Такого рода скептицизм вполне разумен и немедленно устраняется новыми доказательствами. Обычное недоверие или легковерие невежественных и предубеждённых слоёв общества просто не стоит обсуждения. «Воистину, вера — дело вкуса»; но лишь среди людей со столь низким уровнем интеллекта, что они так и не научились мыслить.

Особенности веры

*С*егодня делом вкуса является, по большей мере, ещё и вопрос особенностей. Нам известны различия между средневековыми особенностями веры и современными. В частности, мы всё-таки более легковерны, нежели средневековые люди, и нас развлекают такие толпы гадалок, фокусников, чудотворцев, спиритов, изобретателей эликсира жизни, преобразователей металлов, целителей всех мастей, которых в Средние века и представить не могли, но мы не преподносим наши чудеса в той форме, которая была убедительной для Средневековья. Арифметические числа были для Средневековья тем же, чем и для нас, поскольку с ними трудно иметь дело и поскольку величайшие мастера чи-

странного. Но точность формулировки должна подразумевать корчевание огромного баяна метафизики. Я должен описывать «чудо» точно таким же образом, как фокусы Иисуса Навина с Солнцем и Луной. (АК)

Ускорение свободного падения равно 32-м футам в секунду за секунду. (НП)

1 фут \approx 0,3048 м. Таким образом, 30 футов \approx 9,144 м, а 32 фута \approx 9,7536 м. Величину ускорения свободного падения обычно принято округлять до 9,8 м/с². (АНО)

сел, Ньютон и Лейбниц, числятся среди величайших из мужей. Но и у чисел есть свои особенности. Средневековью нравились некоторые хорошо известные числа вроде семи; а поскольку число это было нечётным⁹², то и мир был сотворён за семь дней, и в Большой Медведице — семь звёзд, и дюжина других моментов: они были готовы поверить чему угодно, лишь бы там было чего-нибудь семь или семь раз по семь. Семь смертных грехов, семь мечей скорби, пронзающих сердце Девы Марии, семь поборников христианства, — казалось бы, и так вполне очевидные и разумные вещи, чтобы верить в них только потому, что их семь. Для нас, напротив, число семь — знак предрассудков. Мы не поверим ни во что меньшее, чем миллионы. Средневековый доктор заслуживал доверие своего пациента, сообщая ему, что его жизненные силы пожирают семь червей. Такой диагноз погубит современного врача. Современный врач скажет пациенту, что он болен из-за того, что в каждой капле его крови роится миллион микробов; и пациент поверит ему смиренно и немедленно. Скажи епископ Вильгельму Завоевателю, что Солнце удалено от Земли на семьдесят семь миль, и Вильгельм тут же поверит ему не только из почтения к Церкви, но и потому, что почувствует: семьдесят семь миль — самое подходящее для этого расстояние. Кайзер, разбирайся он об этом столь же плохо, как и Завоеватель, отправил бы этого епископа в дурдам. Тогда как, полагаю, он без колебаний принял бы число девяносто два и девять десятых миллионов миль⁹³ или что-то в этом духе, каким бы огромным ни было это число.

Мистер Шоу разрабатывает свой тезис чрезвычайно забавным способом, вдвойне забавным из-за того, что тем самым он иллюстрирует ещё один изъян своего мышления. Он не изучал Средневековье, и у него нет ключей к языку, на котором они писали. Чтобы объяснять это, нам придётся совершить достаточно длительный экскурс в науку и философию этого исторического периода.

Прежде всего, необходимо отметить, что система, которую мы можем назвать числовыми иероглифами и о которой мы собираемся говорить, датируется много более ранней эпохой, нежели то, что мы зовём Средними веками. Истоки её сокрыты в глубинах времён. В Откровении Иоанна Богослова полно числового символизма. Тому свидетельство — проблема «числа зверя», над решением которой свихнулось множество людей. Обратите также внимание на четырём животных, и на семь печатей, и на двадцати четырёх старцев, и на семь глав, и на десять рогов, и на четвероугольный град Божий с его двенадцатью воротами и двенадцатью основаниями, с длиной, шириной и высотой, равными двенадцати тысячам стадий, и со стеной в двенадцать раз по двенадцать локтей. Всякий, что посчитает, что Иоанн относился к этим числам просто как к числам, ничего не знает о числах.

Но, в конце концов, Иоанн жил гораздо позже Даниила, книга которого почти так же пестрит числами. У него тоже есть четыре зверя, непохожих один на другого и означающих каждый свою сторону света, и у него тоже есть мистические периоды, как то семьдесят седмин, и шестьдесят две седмины, и тысяча двести девяносто дней, и тысяча триста тридцать пять дней.

В истории профанной мы так же разрабатываем системы чисел, как и Пифагор, и у нас есть каббала еврейская и каббала греческая, и эта последняя столь важна, что не кто иной как сам доктор С. Х. Перри⁹⁴ заметил: «Ничто так не важно, как греческая каббала». Старейшая в мире книга, И Цзин, целиком и полностью зиждется на в полной мере числовом основании: на комбинации двух сущностей, взятых сперва по три, а затем по шесть раз.

Воображение древнейших философов волновал один вопрос: Что есть Числа? Простые отношения чисел весьма будоражили их. Они считали «магические квадраты» на самом деле магическими. Им казалось очень важным, что число 9 всегда остаётся результатом сложения цифр

⁹² В английском языке слово «odd» означает не только «нечётный», но и «странный». (АНО)

⁹³ Среднее расстояние от Земли до Солнца действительно составляет 92,9 миль, или 149,5 млн. км. (АНО)

⁹⁴ Доктору С. Х. Перри приписывается авторство дополнительного раздела Liber Yod. (НО)

любого числа, которое делится на 9. В одном из «Оракулов Заратустры» говорится, что «число девять божественно... и достигает вершин богопознания»⁹⁵, и ещё: «Разум Отца повелел, дабы натрое всё разделилось; тотчас же всё разделилось, покорное Отческой Воле»⁹⁶.

Попробуем теперь рассмотреть, что древние вкладывали в число 4. Они обратили внимание на то, что, как бы ты ни пытался, тебе не удастся сделать магического квадрата из четырёх чисел, как ты можешь сделать это с одним, или с девятью, или с шестнадцатью, или с двадцатью пятью последовательными числами. Они обратили внимание и на четыре стороны света, и, конечно же, на сотни других особенностей. Руководствуясь всеми этими соображениями, они получили идею четырёх как выражения наиглавнейшей власти, и ограничения, и противодействия, и так далее, пока, в конечном итоге, число 4 не стало чрезвычайно сложным понятием, в котором определение его как на единицу большего, чем 3, и на единицу меньшего, чем 5, было лишь малой толикой. Таким образом, «четыре животных у престола Божия» означают, что сила его простирается во все стороны. Это вовсе не означает, что их именно четыре.

Мы выбрали исключительно простой случай, дабы проиллюстрировать общую истину. Мистер Шоу называет лишь малую долю истины, утверждая, что семёрки популярны. Все числа популярны, но у каждого есть своё особое значение. 7 считалось совершенным числом или, точнее, одним из совершенных чисел, ибо объединяло духовное 3, которое можно назвать первым раскрытием или истолкованием единицы, и 4, первое раскрытие или истолкование двух.

Единица, конечно же, первое среди совершенных чисел, ибо сколько бы ты ни умножал его на самоё себя, оно останется единицей, тогда как 2 — первое из несовершенных чисел, ибо оно подразумевает конфликт. Поэтому 1 — это дух, 2 же представляет материю; и потому 7 становится гармонизацией духа и материи, числом, в котором они объединяются вновь. По той же причине «совершенным» является число 12 как ещё одна форма гармонизации трёх и четырёх.

Был в семёрке и негативный аспект, поскольку число 10 было завершением единиц измерения и картой вселенной, созданной на основе этих десяти чисел, и первые три из них отводились Троице, остальные же семь назывались Низшими. Потому в Каббале мы имеем «десять адов», собранных в семь дворцов!

Поэтому следует понимать, что, если средневековый философ говорил о семёрке чего-то или дюжине чего-то, он не имел в виду, что ты смог бы насчитать семь или двенадцать этих предметов. Он описывал их в чрезвычайно сложной и тонкой манере, которую не смогло бы выразить ни одно другое слово. Он передавал идею, скрытую за словами, как это делает всякий великий поэт. Точно так же критика, обрушенная вольнодумцами на догмат о Троице, была всего лишь примером *ignoratio elenchi*⁹⁷; христиане же были не в состоянии защитить его, ибо они не имели ни малейшего представления о тех идеях, которые вкладывали в него Отцы Церкви. Критика христианами других культов с их странными обрядами была, по большей части, столь же нелепой. Основатели благоразумно окутывали свои истины священными символами.

Схоласты оставили в этих иероглифах невообразимую мудрость. Вместо того, чтобы потешаться над ними, мы должны пытаться понять их. Возьмём для примера строки, начинающие со слов «*Barbara, Celarent, Darii, Ferio que priores*». Это даже не латынь, но в них содержится практически весь свод законов, известных на сегодняшний день. Каждая отдельная буква в современ-

⁹⁵ The Chaldean Oracles of Zoroaster, ed. by William W. Westcott. London: Theosophical Publishing Society, 1895, §186 (Цитаты из «Халдейских Оракулов» приводятся по седьмому тому магико-гримуарной серии издательства «Телема», *Ordo Templi Orientis*; пер. с англ. Анны Блейз). (НО)

⁹⁶ Там же, §27 (пер. Анны Блейз). (НО)

⁹⁷ *Ignoratio elenchi* — одна из логических ошибок делукции; подмена, при которой доказывается не то, что требовалось доказать. Например, если нужно доказать, что нечто несправедливо в моральном смысле, а кто-нибудь стал бы доказывать, что это несправедливо в юридическом смысле, то он вместо одного доказывал бы совсем иное, хотя и сходное. (АНО)

ной стихотворной форме представляют важнейшую истину⁹⁸! Мы слишком часто готовы считать, что наши предки были дураками.

Но вернёмся к «особенностям веры» мистера Шоу; он сообщает нам: «Число семь — знак предрассудков». Быть может, это верно для людей суеверных, но это совсем не так для мужей науки, категории людей, с которыми мистеру Шоу не мешало бы познакомиться. Слышал ли он когда-нибудь о Периодическом законе, датированном 1828 годом и классифицирующем химические элементы на семеричной основе⁹⁹? Он заявляет, что «мы не поверим ни во что меньшее, чем миллионь». Действительно, в астрономии и бактериологии мы имеем дело с миллионами, но у нас по-прежнему две руки и две ноги. В наших головах по-прежнему семь отверстий, и количество основных объектов Солнечной системы не увеличилось с семи до миллионов, но только с семи до девяти¹⁰⁰.

Правдоподобие и истина

И тут я хочу вам напомнить, что наша доверчивость не должна измеряться истинностью того, во что мы верим. Когда люди верили, что Земля плоская, они не были легковёрны: они пользовались здравым смыслом и, если бы их попросили доказать это, ответили бы просто: «Взгляни на неё». Те, кто отказывался верить, что она круглая, руководствовались здоровым скептицизмом. Современный человек, верящий в то, что Земля круглая, весьма легковёртен. Странники плоской Земли повергают его в ярость, опровергая его с величайшей лёгкостью, когда он берётся доказать это. Выдвиньте ему теорию, что Земля цилиндрическая, или кольцевидная, или имеющая форму часового стекла — и он будет сбит с толку. То, во что он верит, может быть истинным, но он верит в него не поэтому: он верит в него потому, что неким таинственным образом обращается к своему воображению. Если вы спросите его, почему он верит, что Солнце находится от нас в девяносто с чем-то миллионах миль, ему придётся либо признать, что он не знает этого, либо сказать, что Ньютон доказал это. Но он не читал монографию, в которой Ньютон доказывал это, и даже не в курсе, что она была написана на латыни. Если вы поинтересуетесь у ольстерского протестанта, по какой такой причине он считает Ньютона надёжным авторитетом, а святого Фому Аквинского или Папу — суеверными лжецами, за поджариванием которых на вечном пламени он (после своей смерти) с удовольствием понаблюдает из своего уголка на небесах, или если вы спросите меня, почему я принимаю всерьёз соображения сэра полковника Элмрота Райта¹⁰¹, подсчитавшего число стрептококков в данном объёме сыворотки, но только рассмеюсь над подсчётом количества ангелов, способных разместиться на кончике иглы, я не смогу дать никакого разумного ответа, кроме как сказать, что семёрки и ангелы устаре-

⁹⁸ Эти имена и слова образуют часть мнемонического правила, используемого студентами, изучающими логику, для запоминания модусов и структур силлогизма. Гласные в слове означают правильные модусы в каждой фигуре силлогизма, а некоторые из согласных позволяют понять, как свести модусы некоторых силлогических фигур к простой форме. Согласные же «s», «p», «m» и «c» показывают, как упростить несовершенные силлогизмы до совершенных. Выбранная Кроули фигура известна как «первая» и называется сейчас «Barbara Celarent Darii Ferio». Две другие фигуры — «Cesare Camestres Festino Baroco» и «Darapti Felapton Disamis Datisi Bocardo Ferrison». Подробнее см. «Логика» Остерли (Osterle's «Logic», pp. 147-150). (БХ)

⁹⁹ Здесь, по-видимому, имеется в виду не Периодический закон Менделеева, датированный 1869 годом, а более ранняя его версия: периодическая система Дёберейнера (1829 год). Однако эта система была построена не на семеричной системе, а на троичной: семеричной была более поздняя (1860-е) система Ньюлендса. (НО)

¹⁰⁰ Здесь можно вспомнить и о современной «периодической таблице» элементарных частиц, в которой всё многообразие последних сводится к шести лептонам, шести кваркам, их античастицам и фотону. (НО)

¹⁰¹ Сэр Элмрот Райт (1861-1947) — английский медик. Внёс заметный вклад в теоретическую и практическую медицину, за что и получил из рук королевы титул баронета. Самым большим его достижением можно считать открытие в 1903 г. (совместно с Дагласом) опсонинных («приготавливающих в пищу») — сывороточных факторов (в данном случае антител), которые позволяют фагоцитам распознавать и поглощать микробы. (НО)

ли, а миллиарды и стрептококки вошли в моду. Не скажу я вам и о том, почему доверчивость Бэкона, Монтеня и Сервантеса совершенно иного рода, чем легкоеверие и недоверчивость Беды Достопочтенного, или Петра-пахаря¹⁰², или докторов богословия школы Аквинского-Аристотеля, которые, несомненно, были вовсе не глупы и располагали теми же фактами. Ещё менее способен я объяснить, почему (если мы допускаем, что эти предводители умов придерживались тех убеждений, которые провозглашали) они казались непрефикаемыми авторитетами для одного поколения и святотатцами для другого, равно как и почему ни одно поколение не поддавалось увещаниям и не вникло в факты по всем этим вопросам самостоятельно.

Как и следовало ожидать, начался спор с читателем о том, чему он должен верить в евангелиях, а чему не должен. Он верил в то, во что мог, а не в то, во что должен. Если он выбирает какие-то стихи из всех, выбор этот будет совершенно произвольным. Святой Иоанн рассказывает нам, что, когда Иисус недвусмысленно сообщил о божественной славе таинства его плоти и крови, многие из его учеников отошли от него, дабы число их уменьшилось до двенадцати. Многие современные читатели не продвинулись так далеко: они уйдут при первом же чуде. Другие будут разборчивее. Они примут чудеса исцеления и отвергнут умножение хлебов и рыб. Для некоторых прогулки по воде — это всего лишь преувеличенное легендой плавание, завершившееся простым спасением Петра; а воскрешение Лазаря — только подобного же рода превозношение банальнейшего применения навыка искусственного дыхания, тогда как другие лишь посмеются над ним как над преднамеренным шарлатанством, в котором Лазарь выступает соучастником. Между отбрасыванием историй как совершенно невероятных и принятием их так, как того желали сами евангелисты, найдётся множество оттенков веры и неверия, сочувствия и насмешки. Это не значит быть христианином или не быть им. Араб-магометанин примет буквально и без вопросов часть повествования, которую отвергнет или истолкует аллегорически Архиепископ Кентерберийский; а многочисленные теософы и любители индийской мудрости, ни разу не бывавшие в христианской церкви иначе, чем в качестве туристов, возрадуются тем частям Евангелия от Иоанна, которые ничего не значат для набожного и лишённого фантазии предпринимателя из Бредфорда. Каждый читатель вынесет из Библии то, что сможет. Проверять евангельские повествования на точность, я вовсе не имею в виду оценку их правдоподобия или истинности. Я просто рассказываю читателю или напоминаю ему (в зависимости от обстоятельств) о том, что сообщают данные повествования о своём герое.

В этом разделе мистер Шоу продолжает свою хулу. Он заявляет: «Современный человек, верящий в то, что Земля круглая, весьма легковверен. Сторонники плоской Земли повергают его в ярость, опровергая его с величайшей лёгкостью, когда он берётся доказать это». Знакомые мистера Шоу, надо полагать, очень простые люди. Обаяние их речей должно умилять. Большинство школьников знает астрономическое доказательство, экспериментальное доказательство, доказательство с помощью затмений, доказательство через исчезновение судов в море¹⁰³; доказательство можно обнаружить даже в экспериментах в Бедфордском канале¹⁰⁴. «То, во что он верит, — продолжает Шоу, — может быть истинным, но он верит в него не поэтому: он верит в это потому, что неким таинственным образом обращается к своему воображению». Воображение не имеет с этим ничего общего; если он знает всё это, так это потому, что его это-

¹⁰² *Пётр-пахарь* — персонаж поэмы Уильяма Лэнгленда (английского поэта второй половины XIV века) «Видение о Петре-пахаре». «Видение» содержит в себе ранние элементы пуританства, нашедшие полное выражение только в XVII веке в творчестве Баньяна и Мильтона. (НО)

¹⁰³ За линией горизонта. (НП)

¹⁰⁴ Я не знаком с ними, но Бедфордский канал был, по всей видимости, равномерным и прямым водным путем. Если кто-то следил за движением верхушки мачты уходящего вдаль корабля, кривизна Земли заставляла мачту погружаться. (БХ)

му научили, а если его учили правильно, он должен помнить и аргументацию, которую ему тогда приводили.

Шоу полагает, что он «только рассмеётся над подсчётом количества ангелов, способных разместиться на кончике иглы». Это означает лишь то, что познания мистера Шоу в этом предмете полностью проистекают из сообщений какого-то журнального борзописца. Если бы он обратился к первоисточникам, он узнал бы, что вопрос этот был не просто серьёзным, но и жизненно важным для философии. Во всех таких разговорах нет ничего от легковерия или недоверчивости. Это целиком и полностью вопрос знания и невежества. Как отмечал Гексли, вера — патологическое состояние ума. Или ты знаешь, или не знаешь, и если нет, так лучше и скажи. Если приходится говорить обо всех тех предметах, где существуют сомнения, ты должен привести аргументы каждой из сторон от и до, и если твоё решение склоняется в одну сторону, а не в другую, тебе следует со всей тщательностью разъяснить свои причины, и даже в этом случае ты должен быть весьма осторожен.

Позднее в том же разделе Шоу высказывает мысль, что «араб-магометанин примет буквально и без вопросов часть повествования, которую отвергнет или истолкует аллегорически Архиепископ Кентерберийский». Мыслимо ли, что Шоу не видит причины этого? Она заключается в том, что английский архиепископ воспитан определённым образом, который делает для него невозможным принять за истину некоторые несомненные побасенки. У магометанина подобных познаний нет, и поэтому он просто верит в то, что ему говорят. Мы знаем, что Иисус Навин не заставлял Солнце остановиться над долиною Аиалонскою. Мы не можем спасти ситуацию, даже если скажем, что он остановил Землю, поскольку, как замечательно показал мистер Уэллс в рассказе о человеке, который мог творить чудеса, остановка Земли должна была бы отравить всё, что есть на её поверхности, в полёт сквозь пространство, и даже удержи его на поверхности ещё одно чудо, нам потребовалось бы и третье чудо, чтобы удержать астрономов от обнаружения следов подобной пертурбации. Но араб, ничего не смыслящий в механике, ничуть не удивится. Он может остановить верблюда; в самом деле, чаще труднее заставить его идти; и он не видит причин, почему нельзя столь же просто остановить Солнце.

Можно подумать, что Шоу сам пилит сук, на котором осмелился сидеть. Его заключительная мысль такова: «Каждый читатель вынесет из Библии то, что сможет. Проверять евангельские повествования на точность, я вовсе не имею в виду оценку их правдоподобия или истинности. Я просто рассказываю читателю или напоминаю ему (в зависимости от обстоятельств) о том, что сообщают данные повествования о своём герое». Первая сентенция великолепна! Он запинаясь о палец собственной ноги и допускает, что любой другой критик может тоже оказаться прав, считая Иисуса ведантистом или фансигаром¹⁰⁵, как он сам пытается сделать его социалистом. Второе высказывание куда осторожнее; но Шоу строит свою аргументацию на истинности конкретных — тщательно отобранных — разделов Библии. Бессмысленно пытаться облекать свои высказывания в форму «этот (возможно, воображаемый) человек сказал невесть что, имея в виду то-то и то-то». Убедительность его доказательств (во всяком случае, для большинства его читателей) весьма сильно зависит от достоверности некоторых частей евангельской истории.

Последнее предложение в приведённой выше цитате, как можно заметить, является одним из самых удобных для опровержения мест. Как мы и пытались показать, мистер Шоу никоим образом не даёт точного отчёта о том, что евангелия сообщают нам об Иисусе.

¹⁰⁵ *Фансигары (тхаги, душители)* — индийская религиозная секта, служащая богине Кали и во имя её грабящая путешественников, удушая свои жертвы, чтобы не проливать крови. (НО)

Христианская иконолаatria и опасность иконоборчества

Теперь я оставляю эту позицию и возьмусь за более серьёзные с точки зрения читателя дела, вплотную подобравшись вплотную к вопросу о том, почему, несмотря на неудачу, которую потерпела средневековая и методистская вера в сальвационизм и чудесную сторону евангельского повествования в моих глазах, равно как и в глазах ведущих умов современности, кое-что всё-таки остаётся от миссии Иисуса; в общем, почему, несмотря на всё это, мы не сможем выкинуть евангелия в урну или поставить их в наших библиотеках на полке с фантастической литературой. Осмелюсь ответить, что мы, напротив должны подходить с позиции того человека в загадке Баньяна, который обнаружил, что «чем больше он отбрасывает, тем больше у него остаётся». Мы отказываемся, во-первых, от идолослужительского, или иконографического, почитания Христа. Под этим я подразумеваю как буквальное поклонение, которым одаряют его изображения и статуи, так и закослелые и непогрешимые истории о нём. Это свойство нетрудно обнаружить: если вы скажете или напишете об Иисусе как о настоящем живом человеке (или даже как о ныне действующем Боге), такие почитатели ужаснутся более, чем Дон Жуан при виде статуи Командора, сошедшей со своего пьедестала и явившейся к нему на ужин. Вы можете отрицать божественность Иисуса; вы можете сомневаться в том, что он вообще когда-либо существовал; вы можете отвергнуть христианство в пользу иудаизма, ислама, синтоизма или огнепоклонничества; но иконопочитатель, надменно-презрительный, определит вас всего лишь как вольнодумца или язычника. Но стоит вам задаться вопросом, как бы выглядел Христос, если бы побрился или подстригся, или какой он носил размер обуви, или ругался ли он когда-нибудь, наступив на гвоздь в плотницкой мастерской, или мог ли второпях выскочить в распахнутом халате, или смеялся ли он над остроумным ответом, сбивая с панталыку священников, когда те пытались поймать его на подстрекательстве и богохульстве; стоит вам даже пересказать любую часть его истории живыми словечками современного разговорного сленга, — и вы посеете чрезвычайное смятение и ужас среди иконопочитателей. Вы уже заставляете картину покидать свою рамку, памятник сходить с пьедестала, рассказ становится реальностью, со всеми неисчислимыми последствиями, протекающими из этого ужасающего чуда. Вот они, те моменты, благодаря которым вы можете понять, что иконопочитатели ни на единый миг не задумывались о Христе как о реальном человеке, который думал о том, о чём говорил, как о факте, как о силе, подобной электричеству, только требующей создания подходящего политического инструментария, который следует приложить к делам человеческим с революционным эффектом.

Поэтому не неверие опасно для нашего общества: вера. Вот что гнетёт вас (и так бывает каждый день): что Христос — не безжизненный, безобидный образ, каким он был для вас до сих пор, но сплывающий эпицентр революционного воздействия, с которым испокон веку боролось всякое существующее государство и церковь, и что вам придётся взглянуть вглубь себя; ибо вы несёте образ в жизнь; и чернь не в силах стерпеть подобного ужаса.

Теперь же мистер Шоу задаётся вопросом: «Почему, несмотря на неудачу, которую потерпела средневековая и методистская вера в сальвационизм и чудесную сторону евангельского повествования в моих глазах, равно как и в глазах ведущих умов современности, кое-что всё-таки остаётся от миссии Иисуса». Он — один из ведущих мыслителей современности, и, по всей видимости, этот вопрос чрезвычайно волнует его. Он отбрасывает поклонение Иисусу, он отбрасывает истории об Иисусе — и он уверяет, что отвлечённость, которую придал Иисусу идолослужители, сделала того нереальным и незначительным. Он предлагает поиграть в Пигмалиона, превратив этот образ в политическую силу, в «сплывающий эпицентр революционного воздействия».

Здесь сказывается путаница в мыслях. Почему бы не использовать Шелли, или Карла Маркса, или даже самого Шоу? Вот реальные люди, пострадавшие за свою веру. Зачем же тогда выбирать Иисуса, просто из-за Иисусова престижа, целиком и полностью зависящего от того самого поклонения ему и тех самых историй о нём, которые мистер Шоу столь несомненно отверг ради того, чтобы нести его образ в жизнь! Проведу параллель: я признаю, что совет Полония ни лучше, ни хуже других, ибо заметил (будучи занудой), что Шекспир не написал об этом; и когда меня спрашивают, почему я должен забивать себе голову этим советом, я благоговейно заявляю: «Так написано у Шекспира».

Ненавижу пинать дохлую лошадь, — но что делать, если мистер Шоу уверяет, будто бы это Пегас?

Альтернатива для Вараввы

Но с чернью должно встретиться лицом к лицу, если необходимо спасти цивилизацию. Не нужно настоящей войны, чтобы доказать, что ни иконографический христос, ни христос святого Павла не добился успеха в деле спасения человеческого общества. Говорят, что, пока я пишу эти строки, турки вырезают армянских христиан в беспрецедентных масштабах; но Европа не в том положении, чтобы упрекать; ибо её христиане истребляют друг друга всяким приспособлением, вложенным им в руки цивилизацией, столь же прилежно, как и турки. Варавва празднует победу повсюду; и в конце концов он восторжествует, приведя нас всех к самоубийству с героической лживостью жестов и звуков. Теперь те, кто, как и я, рассматривает вараввистскую социальную организацию как ошибку и убеждён, что Жизненная Сила (или что бы вы так ни называли) не должна быть в конечном итоге погублена какой-нибудь ошибкой и что человечество в ходе эволюции может даже быть вытеснено более высокоразвитым видом, если мы не сумеем совладать с проблемами, связанными с ростом нашей численности, всегда помнят, что у Иисуса было подлинное послание, и вдохновляются его характером и учением. Не тем, что мы должны по сей день грезить о притязаниях какого-нибудь сверхъестественного авторитета во имя его или, тем более, о техническом руководстве для современного образованного философа и законника. Но тем, что, всецело избавившись от христианства сальвационистского и даже приглуша предубеждение против Иисуса, вызванное его непреднамеренной связью с оным, мы возьмёмся за чисто научное исследование экономики, криминологии и биологии и обнаружим, что наши практические выводы фактически совпадают с таковыми Иисуса; мы, несомненно, возрадуемся и постараемся понять, что поступили с ним несправедливо и что нимб, окружающий его главу на иконах, сможет когда-нибудь быть истолкован как свет науки, а не как декларация чувств или символ идолопоклонства.

Доктрины, подтверждающие подобный статус Иисуса, в общих чертах таковы:

1. Царствие небесное — внутри тебя. Ты есть сын Божий; Бог же есть сын человеческий. Бог есть дух, поклоняться которому следует в духе и истине, а не пожилой джентльмен, которого нужно задабривать и умолять. Мы — соучастники один другому; поэтому ты не можешь помочь или навредить ближнему своему, не помогая или не причиняя вреда себе самому. Бог — твой отец: ты здесь для того, чтобы творить дела Божьи; и — ты и твой отец едины.

2. Избавься от собственности, раздав её на общественные нужды. Всецело отдели свою работу от денежного вознаграждения. Если ты позволяешь голодать ребёнку, ты позволяешь голодать Богу. Перестань беспокоиться о завтрашней обеде и одеяниях, ибо ты не можешь служить двум господам: Богу и Маммоне.

3. Избавься от суда, наказания и отлучения. Возлюби ближнего твоего, как самого себя, он — твоя часть. И возлюби врагов твоих: они — твои ближние.

4. Избавься от своих семейных привязанностей. Каждая встречная мать — настолько же мать твоя, как и женщина, породившая тебе. Каждый встречный мужчина — настолько же брат твой, как и тот, кого она породила вслед за тобой. Не трать своё время на семейные похороны, скорбя о своей родне: оставайся в жизни, не в смерти; это подобно самой лучшей рыбе, когда-либо пойманной тобой, и даже куда лучше. В царствии небесном (которое, как сказано выше, внутри тебя), ни женятся, ни замуж не выходят, ибо ты не можешь посвятить свою жизнь двум божествам: Богу и человеку, с которыми ты вступаешь в брак.

Сейчас эти предложения весьма интересны; и они становятся всё интереснее с каждым днём, по мере того, как опыт и наука заставляют нас рассматривать их всё более и более благосклонно. Изучая их, мы просто потратим время зря, если не найдём им разумного применения. Следует признать, что человек, разглядевший путь Иисуса сквозь всю массу народных страстей и иллюзий, которые стоят между нами и пониманием ценности этого учения, вполне сознаёт всё возражения, с которыми приходится столкнуться средней руки брокеру в первые же пять минут. Воистину, миром правят, по большей мере, соображения, с которыми приходится столкнуться средней руки брокеру в первые же пять минут; но поскольку в результате этого миром правят так дурно, что знающие истину с трудом способны жить в нём, возражения средней руки брокера становятся, по сути, серьёзным прецедентом для любой социальной реформы.

Итак, мы добрались до точки, когда аргументы отринуты и *petitio principii* — в самом разгаре:
 «Теперь те, кто, как и я, рассматривает вараввистскую социальную организацию как ошибку и убеждён, что Жизненная Сила (или что бы вы так ни называли) не должна быть в конечном итоге погублена какой-нибудь ошибкой и что человечество в ходе эволюции может даже быть вытеснено более высокоразвитым видом, если мы не сумеем совладать с проблемами, связанными с ростом нашей численности, всегда помнят, что у Иисуса было подлинное послание, и вдохновляются его характером и учением. Не тем, что мы должны по сей день грезить о притязаниях какого-нибудь сверхъестественного авторитета во имя его или, тем более, о техническом руководстве для современного образованного философа и законника. Но тем, что, всецело избавившись от христианства сальвационистского и даже приглуша предубеждение против Иисуса, вызванное его непреднамеренной связью с оным, мы возьмёмся за чисто научное исследование экономики, криминологии и биологии и обнаружим, что наши практические выводы фактически совпадают с таковыми Иисуса; мы, несомненно, возрадуемся и постараемся понять, что поступили с ним несправедливо и что нимб, окружающий его главу на иконах, сможет когда-нибудь быть истолкован как свет науки, а не как декларация чувств или символ идолопоклонства».

Следует ли нам ответить перво-наперво, что существует значительное число людей (от Лао-цзы до Чарльза Брэдафа), которые вполне слышаны о Варавве или о Жизненной Силе, но, тем не менее, не ведают и не чувствуют того, что о них тут говорится? Да и подавляющее большинство студентов экономической (как и любых других) специальности вряд ли согласится с тем, что их практические выводы фактически совпадают с таковыми Иисуса или Бернарда Шоу.

Что касается притягательности его характера и учения, хочу обратить самое пристальное внимание читателя на то, что чисто литературные свойства «евангелия» того или иного вида или его перевода имеют такое же значение, какое имеет яркость блесны для ловли лосося. Как показали Фрэнгер и полсотни других авторов, величайшая религиозная классика редко выходит за пределы родного климата; но она никогда не выходит далеко за пределы родного языка. Коран

на английском — по большей части всего лишь сточная канава; на арабском же он — возвышенная поэзия. То же самое истинно для большей части индийской и китайской классики.

Таким образом, протестантизм является следствием случайности, благодаря которой перевод, названный авторизированным, был сделан учёными в период поразительного расцвета английской речи, подарившей нам не только Марло¹⁰⁶, Шекспира и Мэлори¹⁰⁷, но и таких мастеров перевода, как Норт¹⁰⁸ для Плутарха, Флорио¹⁰⁹ для Монтеня, Уркварт¹¹⁰ и Мотт¹¹¹ для Рабле, и дюжину других. Предшествующие переводы, вроде сделанного Уиклифом¹¹², будучи далеко не лучшими с литературной точки зрения, никогда не покоряли сердце и не волновали воображения людей. Говорят, что немецкий перевод тоже в высшей степени прекрасен; что и считается причиной популярности лютеранства в этой стране.

Шоу считает Библию устаревшей точно так же, как видит себя пришедшим на смену Шекспиру. Как посмеётся двадцать первый век!

Нет; Библия — великое литературное произведение (местами); и пребудет таковой, покуда держится Шекспир.

Но эта доктрина никогда не пересилит ислам, покуда не появится переводчик, который сможет потягаться с Мухаммедом в звучности и изысканной сбалансированности прозы, с её внутренними рифмами и несравненным ритмом, похожим сразу и на гром, и на самум¹¹³, и на шёпот пустынного ветра. И такими достоинствами обладает эта во многом безнравственная и порочная книга; что нам остаётся только восхищаться формой столь предосудительного для нас содержимого.

Далее мистер Шоу продолжает формулировать доктрины, которые он решил считать учением Иисуса. Мы разделяемся с ними простой записью параллельных мест, иногда позволяя себе краткое резюме. Как можно будет заметить, почти каждое высказывание, приведённое Шоу, категорически противоречит тому или иному изречению самого Иисуса.

1. «Царствие небесное — внутри тебя».

«Ещё подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег и, сев, хорошее собрали в сосуды, а худое выбросили вон. Так будет при кончине века: изыдут Ангелы, и отделят злых из среды праведных» (Мф. 13:47-49). Из этого пассажа явствует, что это понимание царствия соответствует такому в банальнейшем протестантизме.

«Подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие поищут войти, и не возмогут. Когда хозяин дома встанет и затворит двери, тогда вы, стоя вне, станете стучать в двери и говорить: Господи! Господи! отвори нам; но Он скажет вам в ответ: не знаю вас, откуда вы.

¹⁰⁶ *Кристофер (Кит) Марло* (1564-1593) — английский поэт, переводчик и драматург елизаветинской эпохи, один из наиболее выдающихся предшественников Шекспира. (НО)

¹⁰⁷ *Сэр Томас Мэлори* (ок. 1417-1471) — английский писатель, автор «Книги о короле Артуре и о его доблестных рыцарях Круглого стола». (НО)

¹⁰⁸ *Сэр Томас Норт* (1535- 604) — переводчик «Сравнительные жизнеописания Плутарха» (1579) с французского перевода Амио. По этому тексту ознакомился с Плутархом Шекспир, используя его как источник для своих римских трагедий. (НО)

¹⁰⁹ *Джон (Джованни) Флорио* (1553-1625) — английский языковед, лексикограф, переводчик. Его главным трудом стал перевод «Опытов» Монтеня (1603). Экземплярами этой книги владели Шекспир и Бен Джонсон, с обоими Флорио был в дружеских отношениях. (НО)

¹¹⁰ *Томас Уркварт* (1611 — ок. 1660) — английский переводчик Рабле XVII века. (НО)

¹¹¹ *Питер Энтони Мотт* (1663-1718) — английский писатель, драматург, переводчик. (НО)

¹¹² *Джон Уиклиф (Виклиф)* (1320 или 1324 — 1384) — английский богослов, профессор Оксфордского университета, основатель учения виклифистов, впоследствии превратившегося в народное движение лоллардов, реформатор и предшественник протестантизма. Первый переводчик Библии на среднеанглийский язык. (НО)

¹¹³ *Самум* — горячий сухой ветер, дующий в африканских и азиатских пустынях весной и летом. (НО)

Тогда станете говорить: мы ели и пили пред Тобою, и на улицах наших учил Ты. Но Он скажет: говорю вам: не знаю вас, откуда вы; отойдите от Меня все делатели неправды» (Лк. 13:24-27).

«В доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я» (Ин. 14:2-3). Нет ни единого намёка на духовное царствие ни в одном из этих отрывков. Можно привести и дюжину других цитат, но я ограничусь двумя из них как примерами буквального толкования словосочетания «царствие небесное».

2. «Ты есть сын Божий; Бог же есть сын человеческий».

«Змии, порождения ехиднины! как убежите вы от осуждения в геенну?» (Мф. 23:33). Если верить мистери Шюу, Бог на самом деле — ехидна.

«Ибо извнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство» (Мк. 7:21-22). Вряд ли это совместимо с высказыванием мистера Шюу.

«Никто не восходил на небо, как только спешивший с небес Сын Человеческий, сущий на небесах» (Ин. 3:13). В этом месте Иисус настаивает, что он — единственный сын Божий. Есть и множество других подобных пассажей.

«Он сказал им: вы от нижних, Я от вышних; вы от мира сего, Я не от сего мира» (Ин. 8:23): ещё один стих в том же ключе, отличающий Иисуса от других людей.

«Вы делаете дела отца вашего. На это сказали Ему: мы не от любодеяния рождены; одного Отца имеем, Бога. Иисус сказал им: если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшёл и пришёл; ибо Я не Сам от Себя пришёл, но Он послал Меня... Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нём истины. Когда говорит он ложь, говорит своё, ибо он лжец и отец лжи» (Ин. 8:41-42,44). Ни одно опровержение не может быть красноречивее этого.

3. «Бог есть дух, поклоняться которому следует в духе и истине, а не пожилой джентльмен, которого нужно задабривать и умолять».

«Хлеб наш насущный дай нам на сей день» (Мф. 6:11).

«Итак если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него» (Мф. 7:11).

«Потому говорю вам: всё, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, — и будет вам» (Мк. 11:24).

«Если пребудете во Мне и слова Мои в вас пребудут, то, чего ни пожелаете, просите, и будет вам» (Ин. 15:7).

«И в тот день вы не спросите Меня ни о чём. Истинно, истинно говорю вам: о чём ни попросите Отца во имя Моё, даст вам» (Ин. 16:23). Ни слова о мздоимстве, но сопричастность неизменно необходима для поддержания добрых отношений с Богом. Предложение мзды — неизменная вера Иисуса.

4. «Мы — соучастники один другому; поэтому ты не можешь помочь или навредить ближнему своему, не помогая или не причиняя вреда себе самому».

«И тогда объявляю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие» (Мф. 7:23).

«Я о них молю: не о всём мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои». В последнем высказывании следует обратить внимание на то, что Иисус вполне доволен «избранными» (Ин. 17:9). Он даже не использует своё, несомненно, значительное влияние на Отца, дабы спасти какую-нибудь другую душу.

5. «Бог — твой отец: ты здесь для того, чтобы творить дела Божьи; и — ты и твой отец едины». Это лишь парафраз сентенции, приведённой выше под номером 2.

6. «Избавься от собственности, раздав её на общественные нужды».

«Ибо можно было бы продать это миро за большую цену и дать нищим. Но Иисус, уразумев сие, сказал им: что смущаете женщину? она доброе дело сделала для Меня» (Мф. 26:9-10). Здесь мы видим прямой запрет политики, предписанной Иисусом мистера Шоу.

«Иисус сказал в ответ: истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или братьев, или сестёр, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, во сто крат более домов, и братьев и сестёр, и отцов, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной» (Мк. 10:29-30).

«Он сказал им: истинно говорю вам: нет никого, кто оставил бы дом, или родителей, или братьев, или сестёр, или жену, или детей для Царствия Божия, и не получил бы гораздо более в сие время, и в век будущий жизни вечной» (Лк. 18:29-30). Эти отрывки явственно показывают, что ученики должны заботиться о материальном вознаграждении.

7. «Целиком отдели свою работу от денежного вознаграждения». Здесь вообще неясно, на каких именно евангельских эпизодах основывается мистер Шоу.

8. «Если ты позволяешь голодать ребёнку, ты позволяешь голодать Богу». Опять же трудно найти источник, на который опирался Шоу¹¹⁴.

9. «Перестань беспокоиться о завтрашней обеде и одеяниях, ибо ты не можешь служить двум господам: Богу и Маммоне». Это отчасти противоречит приведённым выше текстам, касающимся материального вознаграждения. Отрывки, из которых мистер Шоу берёт эту доктрину, разъяснялись ранее как часть обычной практики странствующего аскета.

10. «Избавься от суда, наказания и отпущения».

«Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Мф. 12:36-37).

«Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит. Если же рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки их и брось от себя: лучше тебе войти в жизнь без руки или без ноги, нежели с двумя руками и с двумя ногами быть ввержену в огонь вечный» (Мф. 18:7-8).

«Иисус же сказал им: истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною, — в пакибытии, когда сядет Сын Человеческий на престоле славы Своей, сядете и вы на двенадцати престолах судить двенадцать колен Израилевых» (Мф. 19:28).

«Истинно говорю вам: будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили; но кто будет хулить Духа Святого, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению» (Мк. 3:28-29).

«Кто будет веровать и креститься, спасён будет; а кто не будет веровать, осуждён будет» (Мк. 16:16).

«Ниневитяне восстанут на суд с родом сим и осудят его, ибо они покаялись от проповеди Иониной, и вот, здесь больше Ионы» (Лк. 11:32).

«Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь, хотя и медлит защищать их? сказываю вам, что подаст им защиту вскоре. Но Сын Человеческий, придя, найдёт ли веру на земле?» (Лк. 18:7-8).

«Верующий в Сына имеет жизнь вечную, а не верующий в Сына не увидит жизни, но гнев Божий пребывает на нём» (Ин. 3:36).

«Ибо, как Отец имеет жизнь в Самом Себе, так и Сыну дал иметь жизнь в Самом Себе. И дал Ему власть производить и суд, потому что Он есть Сын Человеческий. Не дивитесь сему; ибо наступает время, в которое все, находящиеся в гробах, услышат глас Сына Божия; и изыдут

¹¹⁴ Здесь Бернард Шоу, по всей видимости, имеет в виду один из приведённых выше фрагментов (Мф. 25:31-46). (НО)

творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло — в воскресение осуждения» (Ин. 5:26-29).

«И сказал Иисус: на суд пришёл Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы» (Ин. 9:39).

«Ныне суд миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон» (Ин. 12:31).

«Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судьбу себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день» (Ин. 12:48). Мистер Шоу может возразить, что пассажи эти отсылают обычно к суду божьему, но, несомненно, это — куда более страшное оружие против грешников, чем какие бы то ни были обычные человеческие казни и беззакония.

11. «Возлюби ближнего твоего, как самого себя, он — твоя часть».

«А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших; истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому» (Мф. 10:14-15). Вот вам и любовь к ближнему! Профессор Гексли, часто имея дело с Гадаринскими свиньями, показал, что, любя своих ближних сам Иисус, он, по крайней мере, не относился бы столь пренебрежительно к их собственности, которая была в данном случае их единственным средством существования.

12. «И возлюби врагов твоих: они — твои ближние».

«Тогда станете говорить: мы ели и пили пред Тобою, и на улицах наших учил Ты. Но Он скажет: говорю вам: не знаю вас, откуда вы; отойдите от Меня все делатели неправды. Там будет плач и скрежет зубов, когда увидите Авраама, Исаака и Иакова и всех пророков в Царствии Божием, а себя изгоняемыми вон» (Лк. 13:26-28). Нет смысла убеждать нас, что Иисус предлагал нам возлюбить врагов своих в этом мире, обрекая их на вечное проклятие в мире ином. Доктрина сверхъестественного наказания врагов есть не что иное как изобретение труса и раба¹¹⁵.

13. «Избавься от своих семейных привязанностей. Каждая встречная мать — настолько же мать твоя, как и женщина, породившая тебе. Каждый встречный мужчина — настолько же брат твой, как и тот, кого она породила вслед за тобою. Не трать своё время на семейные похороны, скорбя о своей родне: оставайся в жизни, не в смерти; это подобно самой лучшей рыбе, когда-либо пойманной тобой, и даже куда лучше. В царствии небесном (которое, как сказано выше, внутри тебя), ни женятся, ни замуж не выходят, ибо ты не можешь посвятить свою жизнь двум божествам: Богу и человеку, с которым ты вступаешь в брак».

Трудно найти высказывания, противоречащие утверждениям мистера Шоу, но он тонко искажает значение стихов, на которых строит свою доктрину. Возьмём недвусмысленный отрывок из Луки (14:26): «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестёр, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником». Очевидно, из этого следует, что нужно «возлюбить ближнего твоего» кроме себя самого и своей семьи. Такая формулировка может интерпретироваться разумно исключительно в свете восточного аскетизма. Это характерная формула отречения, которую всякий «святой» предлагает своему ученику. Даже в часы величайшего умопомрачения мистер Шоу вряд ли на полном серьёзе предложит нам отправить наших матерей пинком за двери и попросить остальных жителей города занять их место. Кроме того, мы можем обнаружить, что сам Иисус позаботился о том, чтобы его мать принял его возлюбленный ученик (Ин. 16:25-27). Что же до самой темы предполагаемого противостояния интересов личности и государства, можно заметить, что таковыми были законы развращённых христианством цивилизаций, пользующиеся доктриной, под которой бы мистер Шоу подписался безо всяких колебаний. Сошлёмся здесь на авторитет доктора Дж. Дж. Фрэзера:

¹¹⁵ Как показал Юнг, нереализованные желания раба проявляют себя в его снах и, честно заметим, в его мифах. (АК)

«Греческое и римское общество строилось на подчинении личного начала общественному, гражданина — государству: это ставило благополучие и безопасность государства в качестве высшего мерила поведения, превыше потустороннего (или посюстороннего) благополучия индивида. Граждане, воспитанные на этих идеалах, посвящали свою жизнь бескорыстному служению обществу и готовы были отдать свою жизнь ради общего блага. Если же они уклонялись от принесения этой высшей жертвы, им и в голову не приходило, что, предпочитая свою жизнь интересам общественного организма, они поступают как должно.

С распространением восточных религий, которые внушали мысль о том, что единственно достойной целью жизни является соединение с богом и личное спасение, а благоденствие и даже само существование государства в сравнении с ними ничего не значат, ситуация резко изменилась. Неизбежным следствием принятия этого эгоистичного и аморального учения был всё возрастающий отход верующих от служения обществу, концентрация на личных духовных переживаниях и появление у них презрения к окружающей жизни, в которой они начинают видеть не более как временное испытание перед жизнью вечной. Высочайшим идеалом человека в народном представлении стал святой отшельник, полный презрения ко всему земному и погружённый в экстатическое религиозное созерцание; этот идеал пришёл на смену древнему идеалу самозабвенного героя-патриота¹¹⁶, готового пожертвовать жизнью на благо своей родины. Людям, чьи взоры были устремлены к заоблачному граду божьему¹¹⁷, град земной стал казаться низким и жалким. Центр тяжести, так сказать, переместился с настоящей жизни на будущую, и, насколько от этого перемещения выиграл один мир, настолько проиграл другой. Начался процесс всеобщей дезинтеграции общества: государственные и семейные связи ослабли, общественная структура стала распадаться на составляющие фрагменты, над обществом вновь нависла угроза варварства. Ведь цивилизация возможна только при условии активного содействия со стороны граждан, при условии их готовности подчинить свои частные интересы общему благу. Между тем люди отказывались защищать свою родину и даже продолжать свой род. В стремлении спасти свою душу и души других людей они равнодушно смотрели на то, как гибнет окружающий мир — мир, который стал для них символом греховности. Это наваждение длилось целое тысячелетие. Возврат европейцев к исконным принципам их жизненной ориентации, к трезвому, мужественному взгляду на жизнь отмечен возрождением в конце средневековья римского права, философии Аристотеля, античной литературы и искусства. Долгому застою в развитии цивилизации пришёл конец. Волна восточного нашествия наконец захлебнулась и стала идти на убыль. Отлив этот продолжается до сих пор». (Д-р Дж. Дж. Фрэзер. «Адонис, Аттис, Осирис», т. I, стр. 300¹¹⁸).

¹¹⁶ Страница 97 машинописного издания (от этого места до слов «но, поскольку они интересуют мистера Шоу...»; АНО) набрана другим шрифтом. Вероятно, набор является современной перепечаткой неразборчивой страницы подлинника. Это подтверждается тем, что в последней строке не хватает 19-и символов для завершения, а печать гораздо чётче. Правое поле также значительно больше, чем на других страницах. (НП)

Нет, эта страница 97 входила в первое издание в том же виде. Просто, скорее всего, были обнаружены ошибки, и лист был заменён на подходящей пишущей машинке перед mimeографированием. (БХ)

¹¹⁷ Эта концепция развивается из августинова «Града Божия», будучи введённой в качестве компенсации за разграбление Рима. (БХ)

¹¹⁸ Цитаты из этого произведения (кроме случаев, оговоренных особо, не вошедших в сокращённую версию и не переведённых ранее на русский) приведены здесь и далее по изданию:

Джеймс Джордж Фрэзер. Золотая ветвь. Перевод на русский язык с английского сокращённого издания, подготовленного самим автором (Fraser J. J. The Golden Bough. London, 1923). Под ред. проф. С. А. Токарева. Сканирование и перевод отсутствующих в изданной по-русски версии фрагментов — Skydger.

Глава XXXVII. Восточные религии на западе.

Перевод остальных фрагментов выполнен Анной Нэнси Оуэн. (НО)

Мы оставляем этот материал на ваше рассмотрение. Мы отрицаем, что высказывания, приведённые выше, были характерны для Иисуса, поскольку в состоянии привести изречения самого Иисуса, дабы их опровергнуть; но так как они интересуют мистера Шоу, который считает, что «опыт и наука» заставляют его рассматривать их всё более и более благосклонно, нам стоит отнестись к ним как к достойным самого пристального анализа.

Шоу умеряет ветер для стриженной овцы¹¹⁹, утверждая: «Мы просто потратим время зря, если не найдём им разумного применения». Далее он заявляет: «Следует признать, что человек, разглядевший путь Иисуса сквозь всю массу народных страстей и иллюзий, которые стоят между нами и пониманием ценности этого учения, вполне сознаёт все возражения, с которыми приходится столкнуться средней руки брокеру в первые же пять минут».

В изречениях Иисуса нет ничего, что указывало бы на то, что он видел свой путь сквозь какую-то массу народных страстей и иллюзий. Всё, что он говорил, было вполне обыкновенно для тех людей его времени, которые знали толк в мистицизме любого рода. Но тайная доктрина, более или менее дремавшая на западе, несмотря на таких людей как Бёме¹²⁰ и Уильям О'Нил (в котором те, кто не подкован в генеалогии, были бы рады признать Уильяма Блейка), вплоть до Великого Возрождения, запущенного через Элифаса Леви, Анну Кингсфорд и Е. П. Блаватскую некими лицами, коих я не стану называть, и весь мир, в котором родился мистер Шоу, находился, вне всякого сомнения, в бездуховном рабстве, на которое он сетует.

Человеком, который мог рассмотреть как на ладони все вехи пути, был не Иисус, но сам Шоу, и, несомненно, он отдаёт себе отчёт обо всех возражениях, с которыми сталкивается средней руки брокер. Но как он поступает с этим? «Воистину, миром правят, по большей мере, соображения, с которыми приходится столкнуться средней руки брокеру в первые же пять минут; но поскольку в результате этого миром правят так дурно, что знающие истину с трудом способны жить в нём, возражения средней руки брокера становятся, по сути, серьёзным прецедентом для любой социальной реформы». Это уж явно не ответ брокера, который, в конце концов, такой же человек, как и мистер Шоу, и, наверное, вполне в состоянии помыслить о другом мире (быть может, в чём-то менее приятном, чем тот, в котором живёт мистер Шоу). Впрочем, в следующем разделе мы назовём некоторые из этих возражений.

Сведение христианства к современной практике

Однако если мы хотим как бы то ни было использовать этические советы и предложения Иисуса, нам придётся свести их к современной практике. Если мы попросим нашего брокера поступать в точности так, как Иисус советовал собственным ученикам, он вполне справедливо ответит: «Вы предлагаете мне стать бродягой». Если мы станем уговаривать состоятельного человека продать всё, что у него есть, и раздать нищим, он скажет, что эта операция невыполнима. Если он продаёт свои акции и свои земли, их покупатель продолжит всю ту деятельность, которая угнетает бедных. Если все богачи последуют этому совету одновременно, акции упадут до нуля, а земли обесценятся. Если распродаст имущество и разбросает деньги в трущобах кто-то один, единственным результатом этого станет то, что он и его подчинённые пополнят список нищих, и это даже не принесёт ничего хорошего, кроме возможности пьяного кутежа для некоторых из них.

Мы должны учитывать это, поскольку во времена Иисуса и в века, которые становились всё мрачнее и мрачнее после его смерти, пока тьма (после краткого лжезрассвета Реформации и Возрождения) не достигла своего апогея в коммерческой ночи девятнадцатого столетия, мы убедились, что нельзя

¹¹⁹ Аллюзия к фразеологизму «Бог умеряет ветер для стриженной овцы» («облегчать участь несчастного / страдальца / бедняка; проявить милосердие»). (АНО)

¹²⁰ Якоб Бёме (1575-1624) — немецкий теософ, визионер, христианский мистик. (НО)

сделать людей хорошими указом Парламента; теперь мы знаем, что нельзя сделать их хорошими и любым другим способом и что человек, превосходящий своих товарищей, будет только помехой. Не только сам богач должен распродать всё, но и весь его класс; а это может быть сделано только через министра финансов. Апостол не сможет получать свой хлеб бесплатно, покуда не будет бесплатного хлеба для всех и каждого; а это требует сложной муниципальной системы продовольственных поставок, порядка распределения. Быть соучастниками друг друга — значит «Один Мужчина — Один Голос» и «Одна Женщина — Один Голос», и всеобщее избирательное право, и равенство доходов, и все прочие современные политические средства в том же духе. Даже в Сирии времён Иисуса его учение не могло быть реализовано серией независимых вспышек личной праведности со стороны отдельных слоёв населения. Иерусалим не мог сделать того, на что не была способна даже сельская община, и то, чего не сделал бы сам Робинзон Крузо, если бы не совесть и не строгое принуждение Природы, не стало бы общим правилом для полудюжины робинзонов, борющихся в нём ради удовлетворения совершенно несовместимых устремлений. А то, что не могло свершиться в Иерусалиме или на Хуан-Фернандес, не может быть сделано ни в Лондоне, ни в Нью-Йорке, ни в Париже, ни в Берлине. Иными словами, христианству — доброму ли, дурному ли, правому или неправому — придётся волей-неволей оставить вопросы о делах людских, пока оно не станет применимым на практике к сложному политическому механизму человечества; а чтобы делать вид, что бродячий проповедник с подвластных Понтию Пилату земель (или даже сам Пилат, заручившийся поддержкой всей мудрости Рима) смог приспособить христианство или любую иную систему морали к реалиям двадцатого века, необходимо отстранить его от дел куда более эффективно, чем это удавалось Нерону и прочим гонителям. Личная добродетель и представления о том, что ты не сделаешь людей нравственными указом Парламента, есть, по сути, излюбленная защита для тех, кто — сознательно или бессознательно — не совсем ещё решил принять вмешательство Иисуса или любого другого реформатора.

В данном разделе мистер Шоу (в испытанной манере всех утопистов) расправляет крыльшки и летит. Он боится, что на жёстком грунте реалий жизни покажется таким же неуклюжим, как бодлеровский альбатрос, поставленный на палубу. Здесь, сообщает Шоу, есть пара проблем; и одним взмахом крыла оставляет их в миллионе миль под собою. «Апостол не сможет получать свой хлеб бесплатно, покуда не будет бесплатного хлеба для всех и каждого; а это требует сложной муниципальной системы продовольственных поставок, порядка распределения». Не думаю, что эта система мистера Шоу не подразумевает, что кто-то будет думать о завтрашнем дне.

«Даже в Сирии времён Иисуса его учение не могло быть реализовано серией независимых вспышек личной праведности со стороны отдельных слоёв населения». Сколько я ни читал евангелия, Иисус не был ни дураком, ни социалистом; единственное подтверждение, которое я могу принять за некую склонность к социализму — его нежелание умыться; и он ни на миг не думал о том, что всё население должно удариться в религию. Он был вполне в курсе незабываемого восточного различия между домовладельцем и аскетом, и услышь он точку зрения мистера Шоу, он бы понял её почти так же плохо, как я. Когда Шоу заявляет, что «человек, превосходящий своих товарищей, будет только помехой», он сам — одна большая помеха! Ибо кто столь явственно превосходит своих товарищей, как не мистер Шоу!

Современный коммунизм

Посмотрим же на то, что современный опыт и современная социология могут поведать об учении Иисуса, как оно представлено здесь. Прежде всего, избавься от своей собственности, раздав её на общественные нужды. Послушаем, что говорят фарисеи Иерусалима, Хоразина и Вифсаиды: «Мой добрый товарищ, если Вы сегодня же разделите всё среди жителей Иудеи поровну, ещё до конца года у Вас снова появятся богатые и бедные, нищета и изобилие, точно такие же, как и сегодня; ибо всегда есть ленивые и прилежные, бережливые и расточительные, пьяницы и трезвенники; и, как Вы сами весьма справедливо заметили, нищих мы всегда имеем с собою». И выслушаем ответ: «Горе вам, лжецы и лицемеры; ибо сегодня же разделил я всё в этой стране среди вас так, как и должно быть тому всякий день (ибо живёт человек не иначе как от рук своих до уст своих, и ни яиц, ни рыбы не хватит навеки); вы же поделили всё несправедливо; также приняли вы упрёк мой к вам, что нищих всегда имеете с собою, за закон для вас, дабы зло сие упорствовало и распространяло зловолие пред ноздрями Господними во веки вечные; потому думается мне, что узрит вас Лазарь в аду вместе с богачом». Современный капитализм сделал непродолжительный труд простым оправданием неравенства. Фарисеи устроили себе коммунизм посреди капитала. Совместное пользование стало повседневной нормой. Попытка вернуться к частной собственности как основе нашего производства уничтожит цивилизацию вернее десятка революций. Сегодня вы не сможете вспахать поля, пока фермер не станет кооператором. Отдайте акционеру его железную дорогу и попросите его выбрать конкретную протяжённость рельсов, конкретное место в железнодорожном составе, конкретный рычаг в двигателе, который станет его и только его собственностью; и он (весьма благоразумно) сбежит от вас как от безумца. И если, как Анания и Сапфира, вы попытаетесь утаить свою маленькую лавчонку или что-то ещё от предоставления на общественные нужды, предписанные трестом, или комбинатом, или картелью, трест вскоре заморозит ваше состояние и арестует вас, сделав вас индустриальным покойником столь же неумолимо, как сам святой Пётр. Ни один практический вопрос не оставался открытым так долго, как коммунизм в производстве: борьба сегодня ведётся за распределение продукции, то есть за каждодневную раздачу, которая есть первейшая необходимость организованного общества.

Отождествление апофеоза капитализма с трестом — знакомая ошибка. Сотрудничество — это одно, а коммунизм — совершенно другое. Единственная цель создания трестов — увеличить неравенство в распределении общих богатств, не менее того; и если этот стимул будет уничтожен, вся ткань расплывётся. Задача концентрированной власти не в том, чтобы заключать честные сделки. Маленький человечек будет арестован просто потому, что он может создать помехи для игр в разорение людей. Есть, без сомнения, и экономика, которую мистер Шоу ошибочно называет «коммунизмом в производстве». Но это экономика волков, охотящихся стаями, чтобы загнать добычу. Такая софистика, превращающая политэкономия в болото, нам хорошо известна. И, как можно заметить далее, этот «коммунизм в производстве», над которым злорадствует мистер Шоу, был тем самым средством, при помощи которого уважающий себя подмастерье с защищённым будущим превращался в то, что блестящий молодой «Ангел Революции», Герда фон Котек¹²¹, называла «фабричным кормом».

¹²¹ Герда Мария фон Котек — немецкая проститутка, с которой Кроули практиковал сексуальную магию в 1916 году. (НО)

Перераспределение

Сегодня уже не нужно никакого Христа, дабы убедить кого-нибудь, что наша система распределения дико и чудовищно несправедлива. У нас есть дети — долларовые миллионеры — бок о бок с нищими, потрёпанными долгой жизнью непрерывного кропотливого труда. Каждый пятый умирает в тюрьме, в общественной больнице или в сумасшедшем доме. А в городах вроде Лондона — чуть ли не каждый второй. Разумеется, столь возмутительное распределение порождено насилием, откровенным и незамысловатым. Если ты против, ты будешь продан. Если ты сопротивляешься продаже, тебя отдубасят и бросят в тюрьму, процесс будет назван для приличия служением закону и порядку. Беззаконие не может зайти дальше этого. На этот раз никто, кому известны цены распределения, не защитит его. Самый фанатичный из британских консерваторов постесняется сказать, что его король куда беднее Рокфеллера, или объявить нравственный приоритет проституции перед шитьём на том основании, что первая прибыльнее. Потребность в решительном перераспределении доходов во всех цивилизованных странах теперь столь же очевидна и первоначально важна, как и потребность в санитарии.

В этом разделе почти ничего критиковать, кроме его риторических и гротескных формулировок.

Кто это делает?

С этого следует начинать дискуссию, когда мы задаёмся вопросом пропорций, в которых нам следует вести перераспределение. Нас ставит в тупик нелепо непрактичное заявление, что (тем или иным путём) жалование человека должно предоставляться ему не как средство поддержания жизни, но как своего рода Премия Воскресной Школы за примерное поведение. И эта глупость осложнена не столь нелепым, но таким же непрактичным убеждением, что, вероятно, каждому человеку следует присуждать ровно ту часть национального дохода, которую он или она произвёл.

Ребёнку может показаться, что, если кузнец выковал подкову, то подкова ему и принадлежит. Но кузнец-то знает, что подкова будет принадлежать не ему одному, но и его хозяину, и его инкассатору, и сборщику налогов, и людям, у которых он купил железо, наковальню и уголь, и только сухой остаток этой величины пойдёт ему самому; и с этого сухого остатка ему придётся выменять у мясника, пекаря и портного (оплатив им всю причитающуюся стоимость) те вещи, которые на самом деле станут частицей его живых тканей или гардероба; ибо у этих торговцев, его товарищей, тоже есть хозяева и ростовщики, требующие своей доли.

Если даже такие простые и прямолинейные деревенские примеры чисто индивидуального производства оказываются (в ходе несложного исследования) результатами сложной общественной организации, то что, в таком случае, можно сказать о такой продукции как дредноуты, булавки и иглы фабричного производства и перьевые ручки? Если Бог возьмёт дредноут в одну ладонь, а ручку — в другую, и спросит Иова¹²², кто произвёл их и кому они должны принадлежать как изготовителю, Иов озадаченно поскоблит макушку глиняной черепицей и промолчит, если только до него не дойдёт, что настоящий изготовитель — Бог, и что у всех нас есть право на то, что он создал, дабы прокормить своих ягнят.

¹²² В оригинале — непереводаемая игра слов: «Job» — не только «Иов» (этот смысл обозначен и самим фактом разговора с Богом о мудрости его мироустройства, и такой деталью, как черепица, которой Иов скоблил проказу), но и «работа» (кому как не работе знать, кто и в какой степени её выполнял?). (АНО)

В этом разделе повторяются элементарные трюизмы Джона Стюарта Милля¹²³. Некто удивляется тому, что следует разрушить теорию «права изготовителя». Раздел завершается следующим образом: «Если Бог возьмёт дреднот в одну ладонь, а ручку — в другую, и спросит Иова, кто произвёл их и кому они должны принадлежать как изготовителю, Иов озадаченно поскоблит макушку глиняной черепицей и промолчит, если только до него не дойдёт, что настоящий изготовитель — Бог, и что у всех нас есть право на то, что он создал, дабы прокормить своих ягнят». Пожалуйста, не числите меня среди ягнят! Моя конституция, уже порядком подпорченная ответами на прежние возражения, может смертельно пострадать от долгих диет на тех продуктах, о которых тут может идти речь!

Рабочее время

Поэтому право изготовителя не может служить альтернативой принятию совета Иисуса. На практике в этом вопросе нельзя придумать ничего иного, кроме как платить рабочему за рабочее время, в зависимости от затраченных часов, или дней, или недель, или лет. Но по сколько? Когда бы ни возникал этот вопрос, на него давался единственный ответ: «Так мало, сколько можно, чтобы он не умер с голоду», — с нелепыми результатами, уже упомянутыми выше, и той дополнительной аномалией, что наибольшую долю получают те, кто не работает совсем, а наименьшую — кто вкалывает как лошадь. В Англии девять десятых богатств попадают в карманы одной десятой населения.

В данном разделе мистер Шоу излагает доктрины Манчестерской школы так, словно они неизбежны. Наверное, не стоит приводить все доводы по этому поводу на столь ограниченном пространстве, имеющемся в нашем распоряжении. Но вполне очевидно, что некоторый установленный государством минимальный размер заработной платы — альтернатива, хотя и не в полной мере, но всё же приемлемая.

Мечта о распределении в соответствии с качеством

На это теоретики воскресной школы могут возразить: «Почему бы не заниматься распределением в соответствии с качеством?» Тут так и представляешь, как Иисус (улыбка которого постепенно исчезала с каждым веком, когда попытки раз за разом отбросить его учение приводили к всё более и более глубокой катастрофе) сгибается от хохота. Не слишком ли идиотский проект — спорить об оценке добродетели деньгами? Лондонская школа экономики, надо полагать, существует как раз для того, чтобы разрабатывать экзаменационные листы с вопросами вроде такого: «Взяв денежную величину добродетели Иисуса за 100 %, а Иуды Искарюта — за 0 %, укажите верные величины для Понтия Пилата, хозяина Гадаринских свиней, вдовы, положившей последнюю лепту в коробку для подаяний, мистера Горацио Боттомли¹²⁴, Шекспира, мистера Джека Джонсона¹²⁵,

¹²³ Джон Стюарт Милль (1806-1873) — известный английский мыслитель и экономист. (НО)

¹²⁴ Уильям Горацио Боттомли (1860-1933) — английский финансист, журналист, аферист, политик-популист и член парламента, один из крупнейших мошенников за всю историю Британии. (НО)

¹²⁵ Джон Артур Джонсон, более известный как Джек Джонсон (1878-1946) — американский боксёр-профессионал, первый чернокожий чемпион мира в супертяжелом весе. (НО)

сэра Исаака Ньютона, Палестрины¹²⁶, Оффенбаха¹²⁷, сэра Томаса Липтона¹²⁸, мистера Поля Чинкевалли¹²⁹, вашего семейного врача, Флоренс Найтингейл¹³⁰, миссис Сиддонс¹³¹, вашей уборщицы, Архиепископа Кентерберийского и общественного палача соответственно! Или: «Ныне покойный Барни Барнато¹³² получал доход в три тысячи раз больше, чем английский крестьянин доброго нрава. Назовите главные добродетели, благодаря которым мистер Барнато превзошёл крестьянина в три тысячи раз; и покажите в цифрах ущерб, понесённый цивилизацией, когда Барнато впал в отчаяние и покончил с собой, разделив его показатели на тысячу». Идея воскресной школы с её принципом «каждому тот доход, который он заслужил», воистину, слишком нелепа для обсуждения. Гамлет избавился от них триста лет тому назад: «Если обходиться с каждым по заслугам, кто уйдёт от порки?»¹³³ Иисус остаётся непоколебимо практичен; а мы стоим, беззащитные, как дурни, как растяпы, как нефрактичные фантазёры. В миг, когда вы попытаетесь свести идею воскресной школы к цифрам, вы обнаружите, что это приведёт вас к безнадёжному плану платить человеку за время; и в своём экзаменационном листе вы прочтёте: «Время Иисуса не имело ценности (он сетовал, что лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнёзда, а ему негде приклонить голову). Время доктора Криппена¹³⁴ стоило, как утверждают, триста пятьдесят фунтов в год. Критически разберите такое положение дел; и, если Вы не согласны с его правомочностью, оцените в фунтах, долларах, франках и марках, какова должна быть их повременная заработная плата». Вы можете сказать в ответ, что вопрос этот дурно пахнет и что вы отказываетесь на него отвечать. Но найдутся ли у вас возражения на вопрос, сколько минутам букмекера равняется стоимость двух часов астронома?

Здесь мистер Шоу становится предельно забавен; и мы почти расположены посмеяться вместе с ним. Жизнь — не воскресная школа, но поле боя; и конфликт между эволюцией и этикой ещё не решён окончательно в пользу последней. Кое-кто из нас даже готов полагать, что этого не случится никогда. Ибо прогресс, сделавший этику возможной, есть результат эволюционных изменений, а результатом этики (при проверке её законами эволюции) являются определённые способы противодействовать изменению и вызывать стагнацию общества.

Посредственность неизбежно выгодна для сохранения общественного порядка; и это создаёт причину для атрофии человеческих достоинств. Искусственной альтернативой войне стал спорт — весьма выхоленная подмена! — точно так же, как религия лишилась азарта и страсти, когда на смену человеческим жертвоприношениям пришли символические подношения. Однако спорт лучше, чем ничего; и когда общество в опасности, его спасает спортсмен. Битва при Ватерлоо выиграна на спортивных площадках Итона; и те, кто бросается в бой на войне, свирепствующей ныне — крикетисты, гольфисты и футболисты: любители, не профессионалы. Тех, чьи умы забиты деньгами, торговлей и пивом, приходится призывать.

¹²⁶ Джованни Пьерлуиджи да Палестрина (настоящее имя — Джованни Пьерлуиджи) (1514-1594) — один из величайших композиторов церковной музыки. (НО)

¹²⁷ Жак Оффенбах (1819-1880) — французский композитор и музыкант, основоположник и наиболее яркий представитель французской оперетты. (НО)

¹²⁸ Томас Липтон (1850-1931) — основатель фирмы «Lipton», изобретатель чайных пакетиков. (НО)

¹²⁹ Поль Чинкевалли (1859-1918) — знаменитый жонглер итальянского происхождения. (НО)

¹³⁰ Флоренс Найтингейл (1820-1910) — сестра милосердия и общественный деятель Великобритании. (НО)

¹³¹ Сара Сиддонс (Сара Кембл) (1755-1831) — английская актриса. (НО)

¹³² Барни Барнато (1851-1897) — английский лорд, известный промышленник, бизнесмен, владелец бриллиантовых и золотых приисков в Южной Африке около 1870 г. (НО)

¹³³ Пер. Б. Пастернака. (АНО)

¹³⁴ Хоули Харви Криппен (более известен как доктор Криппен) (1862-1910) — американский врач-гомеопат и дантист, ставший фигурантом одного из самых громких дел об убийстве в криминалистике XX в. Стал первым преступником, чьё задержание стало возможным благодаря радиосвязи. В начале XXI в. некоторыми исследователями виновность в Криппена убийстве собственной жены оспаривается. (НО)

Живое распределение

В конце концов, нам приходится вернуться к вопросу, который вы могли бы задать в самом начале. Зачем обеспечивать человека жалованьем? Очевидно, чтобы поддерживать его жизнь. Поскольку не вызывает сомнений, что первое условие, благодаря которому он смог бы поддерживать свою жизнь, не поработав никого другого, — в необходимости производить эквивалент необходимого ему для поддержания жизни, совершенно разумным будет удерживать его от тунеядства теми же способами, которые мы применяем, дабы удерживать его от убийства, поджога, подлога или любого иного преступления. В высшей степени глупо мириться с тем, кто ничего не делает; то есть пребывает в праздности, лени, и бездушен в делах с собой точно так же, как и в делах с нами. Даже если мы будем работать за него вместо того, чтобы (как это делаем мы) разъяснить ему всю систему нашей индустрии, с её чередованием конкурентных пиков сверхурочной работы и впадин безработицы, нам должно ещё накрепко воспрепятствовать ему считать тунеядство альтернативой; ибо в результате он должен стать нищим и привести к нищете своих детей, если они у него есть; нищие же — раковая опухоль на сообществе, обходящаяся куда дороже, чем если бы она получала добротный уход как неоперабельная.

Иисус предложил нам гораздо большее, чем какое бы то ни было разделение. Действительно, он заповедовал своим ученикам: «Творите дела свои ради любви; и пусть другие привычают, и кормят, и одевают вас ради любви». Или, как принято говорить сегодня, «за просто так». Весь человеческий опыт и все некоммерциализированные человеческие стремления указывают на это как на верный путь. Как говорили греки, «сначала обеспечить себя доходом; потом беришься за добрые дела». Все мы стремимся к самостоятельному заработку. Все мы знаем не хуже Иисуса, что если мы вынуждены заботиться о еде или питье на завтра, мы не можем думать о чём-то более благородном или жить более возвышенной жизнью, чем крот, существование которого от начала и до конца есть иступлённые поиски пищи. Пока общество не будет организовано таким образом, чтобы страх перед истощением можно было забыть столь же тотально, как сейчас — страх перед волками в столицах развитых стран, у нас не будет нормальной светской жизни. Действительно, вся притягательность нашей нынешней системы в том, что она освобождает от этого страха большинство из нас; но поскольку облегчение это производится бездумно и дурно, избранной кучкой паразитирующих на других нахлебников, охваченных вырождением (которое кажется неизбежной биологической расплатой за полный паразитизм) и разлагающих культуру и искусство государственного управления вместо того, чтобы их развивать, их чрезмерный досуг столь же порочен, как и чрезмерный труд рабочих. Так или иначе, мораль ясна. Две основные проблемы организованного общества — как обеспечить средствами к существованию всех своих членов и как избежать разграбления этих средств бездельниками — должны быть полностью размежеваны; а неудача в решении одной из них сама собой должна привести к осознанию другой и воздействию на неё. Мы все без какого-либо изучения более поздних экономических явлений не можем обладать присущей Иисусу психологической силой видения, что такие попытки обречены на провал; но перед нами жестокий факт, что это так. Единственные, кто цепляется ещё за вялое заблуждение, будто бы можно добиться правильного распределения, действующего без посторонних усилий — те, кто провозглашает некое революционное преобразование вроде национализации земель, которое само по себе может привести лишь к ещё более серьёзным проблемам, нежели распределение продуктов с этих земель среди всех индивидумов данного общества.

«**В** конце концов, нам приходится вернуться к вопросу, который вы могли бы задать в самом начале. Зачем обеспечивать человека жалованьем? Очевидно, чтобы поддерживать его жизнь. Поскольку не вызывает сомнений, что первое условие, благодаря которому он смог бы поддерживать свою жизнь, не поработав никого другого, — в необходимости производить эквивалент необходимого ему для поддержания жизни, совершенно разум-

ным будет удержать его от тунеядства теми же способами, которые мы применяем, дабы удержать его от убийства, поджога, подлога или любого иного преступления». Не будет ли великим дерзновением попросить мистера Шоу написать краткий очерк о различиях в значении между его высказыванием «Мы должны удержать его от тунеядства» и другим, «Мы должны поработить его»?¹³⁵

Мне придётся заявить, что лично я считаю свободный¹³⁶ класс единственным возможным полем для взращивания самых высоких сортов пшеницы. Социалистическая идея о том, что каждый обязан батрачить по часу в день, задержит развитие всего народа. Всякий механический труд отупляет; его необходимо кому-то делать, поэтому работать на производстве всегда будет низшее сословие. Уравнивание людей в этом опустит их всех до уровня докового грузчика.

Мои родители потратили несколько тысяч фунтов, обеспечивая меня школьным и университетским образованием. По его окончании я обнаружил, что ничего не знаю. После этого я истратил на самообразование пятьдесят тысяч фунтов из собственных сбережений; но так ничего и не узнал. Однако это неплохое начало; и у меня большие надежды. Но, несомненно, я не добрался бы даже до своей нынешней ступени, если бы мне приходилось тратить по паре часов в день на чистку чьего-нибудь сортира. Прежде всего, все более возвышенные виды деятельности требуют от силы рук и разума утонченности и деликатности, поэтому досуг жизненно необходим для их должного функционирования. Руки хирурга или пианиста безвозвратно погибнут, если ему придётся целый месяц рубить деревья. (Кстати, как общество может «заставлять» людей без того, чтобы сперва их «судить»?)

Когда это касается творческого элемента и мистера Шоу первым готов согласиться, что человек творчества есть соль земли, события доходят до своего апогея. Праздность воистину необходима подавляющему большинству художников как особое состояние ума, позволяющее в конечном итоге производить идеи. Лично я знаком с одним художником, который может заставить себя работать лишь унынием продолжительного безделья. Если вы подарите ему хоть немного целебного труда, он станет человеком совершенно заурядным. Все утонченные качества человечества зависят от досуга. «Заставлять» художников «работать» столь же разумно, как сеять зёрна в поле и продолжать его вспахивать круглый год.

Эти факты прекрасно знакомы и мистеру Шоу. Действительно, он говорит: «Все мы знаем не хуже Иисуса, что если мы вынуждены заботиться о еде или питье на завтра, мы не можем думать о чём-то более благородном или жить более возвышенной жизнью, чем крот, существование которого от начала и до конца есть иступлённые поиски пищи». Однако одно из требований к благородному мыслителю — воздержаться от мыслей неблагородных. Нельзя по-настоящему ценить литературу, если ты гноишь свой ум регулярным чтением газет. Как менее стоящая валюта вытесняет более дорогую, так и в жизни следует обзавестись абсолютным золотым стандартом, иначе же падение твоё за ужасающе короткий срок станет необратимым. Стремления ума должны быть непрерывными, неутомимыми, неодолимыми, ибо потерянного времени не вернуть никогда.

Мистер Шоу, по всей видимости, не признаёт чрезвычайного пристрастия к возвышенному, которое демонстрируют девять десятых не обделённых досугом выходцев из хороших семей. Неудобства, на которые он сетует, проистекают обычно из плутократии; а предпринимаемые

¹³⁵ Я не пытаюсь доказать, что нечто в этом духе неизбежно; я лишь отмечаю путаницу в голове мистера Шоу: характерную для британцев особенность мышления, что если ты называешь порку «отеческим наказанием», она уже не наносит ран. (АК)

¹³⁶ В оригинале используется слово «leisured» («обладающий досугом»). (АНО)

меры должны не мешать мужчине вроде лорда Дансени¹³⁷ посвящать всё своё время своему искусству, но возрождать в аристократии стандарты чести и благородных амбиций.

Шоу заявляет: «Пока общество не будет организовано таким образом, чтобы страх перед истощением можно было забыть столь же тотально, как сейчас — страх перед волками в столицах развитых стран, у нас не будет нормальной светской жизни. Действительно, вся притягательность нашей нынешней системы в том, что она освобождает от этого страха большинство из нас; но поскольку облегчение это производится бездумно и дурно, избранной кучкой паразитирующих на других нахлебников, охваченных вырождением (которое кажется неизбежной биологической расплатой за полный паразитизм) и разлагающих культуру и искусство государственного управления вместо того, чтобы их развивать, их чрезмерный досуг столь же порочен, как и чрезмерный труд рабочих».

Я попытался в меру сил решить эту проблему девять лет назад в очерке под названием «Тяньдао». Простите ли вы меня, если самодовольство возьмёт во мне верх и я сошлюсь на важные моменты оттуда?¹³⁸

*

«Состояние Японии было в то время (в какое время? Тут мы не оберёмся проблем с историками. Но позвольте заметить, что никто из всех этих нудных и важных людишек не помешает моему рассказу. Я приступлю прямо к делу, и если рецензенты будут неблагоприятны, я с радостью помогу им убить себя об стену) опасно неустойчивым. Военная аристократия Старшего Дома была столь разбавлена удачливыми сыроторговцами, что подлог стал достоинством столь же высокочтимым, как и прелюбодеяние. В Младших Домах ум всё ещё ценился, но он рассматривался как сноровка в проходящих испытаниях.

Давешний рост привилегий для женщин подарил Ёсиваре¹³⁹ ужаснейшую из политических организаций, тогда как физическое состояние населения страны было порядком подорвано последствиями закона, который, гарантируя им в случае травмы или болезни долгу жизнь в почёте и праздности (каковых в противном случае они не добились бы никогда, даже самым кропотливым трудом), поощрял всех тружеников к полному пренебрежению собственным здоровьем. Действительно, подготовка слуг стала состоять теперь исключительно из тщательных практических инструктажей на случай падения со ступенек; а самым богатым жителем страны стал бывший дворецкий, который, сломав ногу никак не менее тридцати восьми раз, заслужил пенсию, дающую сто очков вперёд фельдмаршальской.

Страна, однако, не была ещё безнадежно обречена. Система интриги и шантажа, вознесённая правящими классами до самых вершин эффективности, служила мощным противовесом. В теории все были равны; на практике же неизменные чиновники, подлинные хозяева страны, являлись людьми безупречными и надёжными. Они были заинтересованы в добротном правлении, ибо всякая неприятность внутри страны или за её пределами могла, несомненно, раздуть искры недовольства, превращая их в ревущее пламя революции.

А недовольство было. Неудачливые сыроторговцы точили зуб на Старший Дом; а те, кто провалил испытания, исторгали потоки брани на тупость образовательной системы.

¹³⁷ *Эдвард Джон Мортон Дракс Планкетт, восемнадцатый барон Дансени (1878-1957)* — ирландский англоязычный писатель и поэт. Богатый аристократ, Дансени писал для развлечения, иногда публикуя книги за свой собственный счет (под фамилией «Дансени», а не «Планкетт»). По признаниям Говарда Лавкрафта и Роберта Э. Говарда, оказал большое влияние на их творчество. Считающийся одним из пионеров современной фэнтези, лорд Дансени создал воображаемую страну Пегана, навеянный ирландским фольклором и романтической литературой XIX века. (НО)

¹³⁸ Алистер Кроули. Liber 41: Тяньдао, или Синагога Сатаны (пер. Анны Нэнси Оуэн). См. «Апокриф», вып. 14. (НО)

¹³⁹ *Ёсивара* — исторический район Токио. (НО)

Беда была в том, что они были правы; правительство было достаточно толковым на деле, но в теории — ни в зуб ногой. Нарастающая шумиха будоражила чиновничество; ибо многие из их числа были достаточно умны, чтобы разглядеть, что нарочито иррациональная система, как бы прекрасно ни работала она на практике, не может вечно противостоять нападкам тех, кто умеет выдвигать неоспоримые доказательства (которые можно, однако, между нами говоря, заклеить как доктринёрские). У людей была сила, но не благоразумие; потому и оказались они столь склонны к ошибкам, в которые впадали, следуя благоразумию, а не силе, казавшейся им тиранией. Интеллигентный *плебс* послушнее; образованное *быдло* ждёт логики от всего. Мелкие софизмы социалиста понятнее; их нельзя опровергнуть глубокими и потому тяжеловесными предложениями тори.

Чернь смогла бы понять поверхностные сравнения ребёнка; но она не доросла до осознания того, что условия воспитания и среды создавали лишь малую толику оснащения для осмысленного бытия. Резкое и правдивое «из дерьма конфетку не сделать»¹⁴⁰ было забыто ради гладких и правдоподобных заблуждений авторов вроде Ки Ра Ди¹⁴¹.

Ситуация стала, по правде говоря, настолько серьёзной, что правящие классы оставили все догматы Божественного Права и иже с ними как несостоятельные. Теория наследственности рухнула, а облагородившиеся сыроторговцы сделали её не только ложной, но и нелепой.

Потому и находим мы их бестолковые тяжбы аномалией, осточертевшей всему народу своей искромётной и корыстной софистикой. Последняя не смогла никого обмануть и только раздула презрение (по всей видимости, вполне безобидное) в ненависть, грозящую погрузить общество в пучину чудовищнейших потрясений.

Таким и было то лезвие бритвы, по которому ступали шаткие ножки республики, когда после бурного плаванья (за несколько лет до моего визита) в Нагасаки с материка прибыл философ Ква».

*

Теперь взгляните на это решение!

*

«— О великое Дао, — спросил Дзюдзю, — что посоветуете Вы как средство от недуга, терзающего мою несчастную страну?

Мудрец же ответил:

— О могущественный и помпезный даймё, ваша аристократия не есть аристократия, ибо это не аристократия. Тщетно пытаетесь Вы изменить сие обстоятельство, платя докучливым короедам из “Дэй Ли Пэй Пар”¹⁴² за написание бессмысленного вранья, что ваша аристократия есть аристократия, ибо это и есть аристократия.

— Как Гераклит¹⁴³ преодолел антиномию Ксенофана и Парменида, Мелисса и Зенона Элейского¹⁴⁴, Бытие и Небытие своим Становлением, так позвольте же и мне поведать Вам; аристократия будет аристократией, если станет аристократией.

¹⁴⁰ Русский эквивалент английского выражения, дословно переводимого как «из свиного уха не сделать шёлкового кошеля». (АНО)

¹⁴¹ Судя по использованию автором этого приёма по всему тексту «Тяньдао», здесь зашифрована фамилия какого-то реального персонажа (вероятно, некоего Kirady), однако более точной информации об этой личности не обнаружено. (НО)

¹⁴² Намёк на газету «Daily Paper». (НО)

¹⁴³ Гераклит Эфесский (VI-V вв. до н. э.) — древнегреческий философ-досократик. Единственное сочинение — «О природе». Автор известной фразы «Всё течёт, всё меняется». Диоген Лаэртский сообщает, что Гераклит, возненавидев людей, удалился и стал жить в горах, кормясь быльём и травами. Он же пишет, что к философу в его добро-

АПОКРИФ

— Ки Ра Ди и его чумазые приятели жаждут опустить добрую практику до дурной теории; Вам следует в пику ему возвысить дурную теорию до доброй практики.

— Ваши завистники бахвалятся, что Вы ничем не лучше их; докажите им, что они так же хороши, как и Вы. Они талдычат о благородстве глупцов и плутов; покажите им мудрых и честных мужей, и социалистический имбирь растает на индивидуалистических устах.

Дзюдзю согласно прихрюкнул. Он погрузился в дремоту, но Ква, захваченный предметом своих речей, даже не заметил этого. Он продолжал с напористостью парового катка и прямой, целенаправленной бодростью зачарованной бабочки:

— Человек становится совершенным благодаря своему тождеству с великим Дао. Вдобавок к этому да уравновесит он в полной мере Инь и Ян. Проще всего управлять шестиконечной звездой Интеллекта; тогда как первейший шаг для начала — управление телом и чувствами.

— Равновесие есть великий закон, а совершенное равновесие увенчано тождеством с великим Дао.

Он подчеркнул это величественное утверждение точно рассчитанным ударом в выпирающее пузо достойного Дзюдзю.

— Молю Вас, продолжайте Вашу досточтимую речь! — воскликнул полупроснувшийся даймё.

Ква продолжил, и мне кажется весьма уместным заметить, что продолжал он довольно долго и что, раз уж вам хватило дури дочитать до этого места, вы не сможете отбрезаться от того, что дурны достаточно, чтобы прочесть и далее.

— Фенацетин¹⁴⁵ — превосходное лекарство от лихорадки, но горе тому пациенту, кто проглотит его при коллапсе. Хотя каломель¹⁴⁶ весьма опасна при аппендиците, нам не возбраняется применять её при простом несварении.

— “Что наверху, то и внизу!” — изрёк Гермес Триждывеличайший. Законы физического мира в точности параллельны таковым в сфере нравственной и интеллектуальной. Блуднице я даю подготовку, которая учит её святости секса. Целомудрие есть часть такой практики, и я надеюсь увидеть в ней однажды счастливую жену и мать. Скромнице я всё равно даю подготовку, которая учит её святости секса. Разнузданность есть часть такой практики, и я надеюсь увидеть в ней однажды счастливую жену и мать.

— Фанатику посоветую я путь Томаса Генри Гексли; неверному — практическое изучение церемониальной магии. Затем, когда фанатик обретёт знание, а неверный — веру, каждый сможет без предубеждения следовать естественным своим склонностям; ибо не погружён он более в прежнюю свою чрезмерность.

— Тогда та, что была блудницей из прирождённой страсти, сможет бестрепетно наслаждаться удовольствиями любви; та, что была холодна от природы, сможет возрадоваться девственности, не вкусив порока в своём учебном курсе разнузданности. Но каждая будет понимать и любить другое.

— Я плачу свою дань захватчику, коего именуют обычно добродетелью. Воистину; я ненавижу его, но лишь в той же степени, как ненавижу я то, что именуют обычно пороком.

вольном изгнании явился ученик Парменида Мелисс и представил Гераклита эфесцам, которые не хотели его знать. (НО)

¹⁴⁴ Древнегреческие философы-элеаты, представители Элейской школы (конец VI — первая половина V вв. до н.э.). (НО)

¹⁴⁵ Фенацетин — лекарственное средство, фенилацетамид, ранее использовавшийся в качестве анальгетика. (НО)

¹⁴⁶ Каломель (Hg₂Cl₂) — хлорид ртути (I). Каломель использовалась в медицине как противомикробное средство, применяемое наружно в виде мази при заболеваниях роговицы, бленнорее, а также для предохранения от венерических заболеваний (местно). Иногда принимали внутрь как желчегонное средство. (НО)

— Посему должно признать, что тот, кто неуравновешен лишь слегка, нуждается в более мягкой коррекции, чем тот, кого гложут предубеждения. Есть люди, сотворившие кумира из чистоты; им следует поработать в слесарной мастерской и познать, что грязь есть знак достойного труда. Есть те, чья жизнь есть жалкий страх перед инфекцией; они видят микробов всех мастей на каждом предмете, не обработанном раствором карболовой кислоты и сулемы¹⁴⁷, при помощи которых иступлённо сражаются они со своим незримым противником; таковых я отправляю жить на базар в Дели, где им посчастливится узнать, что грязь, в общем-то, не так уж и важна.

— Есть люди медлительные, нуждающиеся в нескольких месяцах суматохи на скотных дворах; есть деловые мужи, охваченные спешкой, и таковым должно отправиться в странствия по Центральной Азии, дабы обрести искусство отдохновения.

— Это всё, что касается равновесия, и за два месяца в год каждый член ваших правящих классов должен пройти эту подготовку под квалифицированным наблюдением.

— Но что есть Великое Дао? В год по месяцу каждому из этих людей полагается самозабвенно искать Философский Камень. Уединением и постом для общественного и роскошного, пьянством и дебошем для чопорного, бичеванием для страшащегося телесной боли, отдохновением для беспокойного и трудом для праздного, боем быков для человеколюбивого и заботой о малых детях для бессердечного, обрядами для рационального и философией для легковверного станут они, неуравновешенные ныне, коли будут искать единства с великим Дао. Но для тех, чей разум очищен и сосредоточен, для тех, чьи тела пребывают во здравии, а страсти одновременно энергичны и управляемы, станет оно законом, дабы избрать свой собственный путь к Единой Цели; *videlicet*¹⁴⁸, тождество с этим великим Дао, кое превыше противостояния Инь и Ян.

Даже Ква почувствовал усталость и приложился к сакэ с содовой. Освежённый, он продолжил:

— Те, кто добровольно воспользуется этими средствами, чтобы стать спасителями своей страны, да назовутся они Синагогою Сатаны, дабы уберечь себя от дружбы глупцов, путающих имя с предметом. Да будут среди них мастера Синагоги, но да не попытаются они господствовать. Да воздержатся они со всей тщательностью от потугов всякого человека искать Дао любым другим путём, нежели то самое равновесие. Да будут развивать они собственный гений, невзирая на то, к добру ли, ко злу ли для их страны и мира приведут их старания; ибо кто они, чтобы препятствовать душе, чьё равновесие увенчано святым Дао?

— Да будут мастера лучшими среди людей; но среди величайших да будут они друзьями.

— Когда станет равновесие совершенным, да явится больший, чем Наполеон, и миролюбивые возрадуются; больший, чем Дарвин, и священники на кафедрах своих возблагодарят Бога.

— Обученный неверный не станет более насмехаться над прихожанином, ибо принуждён будет посещать церковь, покуда не разглядит там доброе так же, как и дурное; и обученный верующий не будет более ненавидеть богохульника, ибо сам воссмеётся ныне с Инджерсоллом и Саладином.

— Дайте льву сердце агнца, и агнцу — силу льва; и возлягут они в мире рядом.

Ква закончил, и тяжёлое, ровное дыхание Дзюдзю было ему свидетельством того, что слово его не пропало втуне; наконец эта мятущаяся и суетная душа обрела высочайшее отдохновение».

¹⁴⁷ *Сулема* (HgCl₂) — хлорид ртути (II). Применяют как дезинфицирующее средство в медицине, для протравливания семян, в фармацевтической промышленности, для пропитки дерева и др. (НО)

¹⁴⁸ (лат.) А именно, то есть. (АНО)

*

Есть, конечно, и другое решение проблемы человеческих печалей, и именно о нём знали странствующие аскеты по всему свету. Кто бы ни сказал «царствие небесное — внутри тебя», он, без сомнения, знал об этом.

Человек лишь самую малость ниже ангелов. Он куда менее зависим от обстоятельств, чем считает большинство людей. Счастье не так далеко от него, как полагают те, кто никогда не имел удовольствия подниматься в горы.

Но есть средства более доступные, нежели могучая пирамида Чогори и усеянный палатками шатёр массива Канченджанги. Ты можешь втянуть в ноздри дорожку гипохлорида кокаина¹⁴⁹ — и наполнишься глубокой зрелостью и энергией, сметающей препятствия; выкурить несколько трубок опиума — и вознесёшься к безоблачному и бесстрастному блаженству философа; принять немного гашиша — и узришь фантастическое великолепие легенд, и тысячекратно большее; или открыть флагу эфира, вдыхая его, точно душу Возлюбленной, — и поймёшь всю Красоту всех банальных и хорошо знакомых вещей.

Каждое из этих снадобий дарует совершенное забвение всех несчастий; нет, ты можешь считать страшнейшие катастрофы неизбежными или уже обрушившимися на тебя; и это будет волновать тебя не более, чем Саму Природу.

Единственный недостаток в потреблении наркотиков — что скоро наступает привыкание и эффект затухает; однако для слабаков всегда есть риск попадания в зависимость, когда слуга-предатель становится хозяином и собирает дань за блаженство своих эфемерных небес отравой вечного ада. Эти замечания сделаны лишь для того, чтобы подчеркнуть, что счастье — состояние внутреннее; ибо каждый из этих наркотиков дарует счастье высочайшее и чистое, совершенно независимое от внешних условий, в которых находится человек. Глупостью будет наполнять квартиру опиумного курильщика шедеврами Рембрандта или Сётэцу¹⁵⁰, когда грязной колоды или разбитого стула будет вполне достаточно, чтобы затопить его душу большим великолепием, чем он способен вынести; когда он понимает, что свет прекрасен сам по себе, на что бы он ни падал; и когда, спроси ты его, что он будет делать, если вдруг ослепнет, ему придётся снизойти с небес, дабы ответить, что тьма всё же прекраснее, что свет есть не что иное как нарушение душевного спокойствия, сирена, сбивающая его с пути блаженного стремления к собственной невыразимой святости.

Но к чему все эти разглагольствования о наркотиках? Они — лишь фальшивые векселя или, в лучшем случае, банкноты разорившегося государства, мы же ищем золото.

Это чистое золото — цель наших исканий; оно называется мистицизмом.

Начнём же, приободрившись. Воистину, золото находится в хранилищах Казначейства. Мистические поиски — не химера. Наркотики обещают нам это. Они не привносят в нас ничего сверхъестественного; они не открывают в нас ничего, чего бы уже там не было. Они просто являются для нас стимулом. Они дарили нам всё спокойствие, всю радость, всю любовь, всю красоту, всё понимание; всё это уже было в нас, кость нашей кости, плоть нашей плоти и душа нашей души. Всё это в нашей сокровищнице, под надёжной защитой; и главная причина, почему нам не стоит взламывать её, используя отмычки вроде морфия, в том, что, делая так, мы, скорее всего, повредим замок.

Теперь мы видим, что мы — не что иное как крохотные ангелочки; что самый пустяковый стимул может вознести нас до уровня, где мы получаем наслаждение, не ведая даже, что дарует

¹⁴⁹ *Гипохлорид кокаина* — одна из растворимых (в отличие от нерастворимого крэка) форм кокаина. (НО)

¹⁵⁰ *Сётэцу* — псевдоним японского поэта XIV в., одной из самых интересных и загадочных фигур в истории японской литературы. Автор знаменитого в свое время трактата о поэзии и более четырех тысяч стихотворений, написанных в необычной, не имеющей аналогий манере, нищий поэт-скиталец, предтеча Басё. (НО)

нам его. Поднимите человечество процентов на пять — и проблема решена! Все наши беды коренятся в законе, что действие и противодействие равны и противоположно направлены. За удовольствие нам приходится расплачиваться болью. Мы просидели вчера всю ночь, а теперь должны лечь спать пораньше; мы выпили слишком много шампанского, а теперь пора хлебнуть минералки.

Вопрос всегда заключался в том, можно ли преодолеть этот закон дуализма, можно ли подняться — единственным шагом — на эти высочайшие планы, где всё в наших руках. Ответ даёт мистицизм.

Мистическое достижение можно определить как Союз Души с Богом, или как самореализацию, — или ещё пятью десятками наименований того же самого опыта. Состояние это — будь ты христианин или буддист, теист или (как, слава богу, я сам!) атеист¹⁵¹ — достижимо для тебя так же, как кошмар, или безумие, или отравление. Религиозный люд похоронил этот факт под горами догм; но сравнительное религиоведение позволяет осознать его. Достаточно всего лишь записать параллельные высказывания мистиков всех времён и религий, дабы увидеть, что они говорят об одном и том же; порою получаются даже словесные тождества, как например: «Дао, которое есть Дао, не есть Дао» у китайского, «Ни То, Ни Это» у индуистского, «Глава, что над всеми Главами, Глава, что не есть Глава» у каббалистического, «Бог есть Ничто» у христианского и «То есть, чего нет» у современного атеистического или пантеистического мистика¹⁵².

Мистицизм (если это не обычная пустая интеллектуальная доктрина) всегда включает некий личностный религиозный опыт подобного рода; и потому подлинная сила любой религии соответствует числу её мистиков. Ощущение истины, получаемое при каждом значительном духовном переживании, столь велико, что оно, хоть и длится порой лишь пару секунд, может смело противостоять опыту всей жизни, если речь заходит о реальности. Мистик всегда в сомнении, является ли он вообще человеком, ибо он, несомненно, есть и пребывающий в нём Бог; а об этих двоих так трудно сознательно рассуждать как о существующих вместе!¹⁵³

К тому же, предельное состояние Бытия, Знания и Блаженства, характеризующее промежуточные ступени мистического опыта, тысячекратно интенсивнее любой другой разновидности счастья. Оно совершенно не зависит от обстоятельств. Можно было бы привести уйму свидетельств со всех концов земли; но одного, персидского барда аль-Кахара¹⁵⁴ с его шедевром «Багх-и-Муаттар»¹⁵⁵, должно хватить.

«Есть Аллах или нет — невелика разница, покуда наслаждаются почитатели Его мистическим экстазом¹⁵⁶... Есть Он или нет, любит Он аль-Кахара или нет, аль-Кахар будет любить Его и петь Ему хвалу¹⁵⁷».

¹⁵¹ Это высказывание чрезвычайно важно, поскольку в нём Кроули говорит не только о совместимости атеизма с мистицизмом, но и о том, что сам он придерживается именно атеистического мировоззрения. (НО)

¹⁵² По всей видимости, у самого Кроули. (НП)

¹⁵³ См. статью Кроули «Берешит» в Собрании Сочинений, часть II. (НП)

¹⁵⁴ Сам Кроули под одним из своих псевдонимов. (БХ)

В оригинале «Багх-и-Муаттар» имя автора передано как «El Qahar», тогда как в оригинале «Евангелия...» — как «Al Qahar». (АНО)

¹⁵⁵ Также «Благоуханный Сад Абдуллы, сатирика из Ширази». Авторство приписывается некоему Абдулле аль-Хаджи аль-Кахару, перевод с персидского и большинство комментариев — Алану Лютому (Alain Luty), но следует иметь в виду, что в обоих случаях тексты написаны самим Кроули.

Здесь процитированы XI («Азиз») и XVIII («Свидание») фрагменты. С оригиналом этого текста можно ознакомиться здесь: <http://bbs.bapho.net/bbs/i-drive/ac-texts/ac/bagh.html>, русский перевод ожидается в приложении к 26-му (майскому) выпуску «Апокрифа». (НО)

¹⁵⁶ Утверждает субъективную ценность Верности. Ср. Фуллер, «Звезда на Западе», где говорится о «сознательном причащении Богу со стороны атеиста» и т. п. (АА)

¹⁵⁷ Утверждает субъективную ценность Верности. (АА)

«Совершенный возлюбленный безмятежен и тих; громовые шторма, дрожь земли, убытки в торговле, кары сильных мира сего, — ничто из этого не заставит его подняться с ложа или отнять от уст шелковистую трубку благоухающего розами кальяна».

Таким образом, вовсе не обязательно беспокоиться о социальных проблемах и тому подобным вещам; корень бед — дуализм, противостояние Эго и Не-Эго; лечение же — Достижение Единства. Зачем лечить симптомы, когда мы можем уничтожить болезнь, особенно если симптомы — чистой воды галлюцинации пациента?

Вот бородатый анекдот о мужчине с корзиной в железнодорожном вагоне и назойливом незнакомце. «Пр'шу пр'щения, гражданин, не подскажете ли Вы, что у Вас в этой корзине?» — «Мангуста». — «Что за чёрт эта мангуста?» — «Мангуста ест змей». — «Но зачем Вам мангуста?» — «Моему брату мерещатся змеи». (Пауза) «Но, пр'стите, гражданин, это же не настоящие змеи!» — «А это не настоящая мангуста».

Социализм, религия, любовь, искусство, — всё фантастическое прекрасно помогает усыпить зло жизни: грёзы восстают против грёз. Но единственное лечение — атаковать причину всех проблем, иллюзию дуализма.

Сейчас это должно быть известно каждому; если же нет, в том нет моей вины, ибо я написал на эту тему пару миллионов слов, а то и больше, и вовсе не горю желанием множить здесь их число; но чрезвычайно важно отметить, что как цель, так и средства постоянно отстаиваются не только иисусом Иоанна, но кое-где и иисусом из синоптических евангелий. Важнейшие из его наставлений ученикам — «не заботься о завтрашнем дне», «оставь отца своего и мать свою, и всё прочее», «не имей двух одежд», «не противься злему» — есть неизменные правила всякого восточного и западного мистика. Ничто не должно отвлекать его ум от концентрации.

Весь секрет йоги открыт в Евангелии от Матфея (6:22): «Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то всё тело твоё будет светло». Здесь — совершенно чёткая формулировка добродетели, которую индусы называют «экаграта», «однонаправленность».

Евангелие от Иоанна тоже полно дифирамбов, описывающих результаты мистической практики. «Я и Отец — одно»; «Я есмь путь и истина и жизнь»; «Я в Отце Моём, и вы во Мне, и Я в вас». Капна Тау Лямбда¹⁵⁸.

Можно между делом заметить, что куда больше может дать изучение греческого подлинника этих строк, в которых отмечается техническая значимость заимствованных слов в мистической фразеологии¹⁵⁹.

Весьма неразумно обвинять евангелистов в копировании подобных пассажей из китайской и индийской классики на основании абсолютного тождества идеи и даже близкого словесного параллелизма. Было бы тяжело опровергнуть эти выпады, если бы речь шла о чём-то абстрактном. Доведись мне начать стихотворение словами: «Пурпурный свин рыдал балладу барселонки; // Он жарил соловья с глазёнками ребёнка», — справедливо будет полагать, что я слизал это у Миссинглинка¹⁶⁰, с его «*Les cochons rouges pleurent un musique espagnol; // Leurs yeux de suède boitent à cuire le rossignol*»¹⁶¹, ибо вряд ли два столь сложных отрывка полной ахинеи могут прийти в две головы

¹⁵⁸ К, Т, Л. (НП)

¹⁵⁹ См. Комментарий почтенного П. Рамантана Ч. М. Г. (мистическое имя которого — Шри Парананда) к Евангелиям от Матфея и от Иоанна. (АК)

¹⁶⁰ Вероятно, словесная игра Кроули: гибрид словосочетания «missing link» («недостающее звено») и фамилии бельгийского драматурга Мориса Метерлинка (1862-1949). (АНО)

¹⁶¹ (фр.) «Красные кабаны поют навзрыд испанскую музыку; // их замшевые глаза хромают зажарить соловья».

Слово «*español*» написано по-испански, а не по-французски («*espagnol*»), в первой строке неправильно используется мужской род вместо женского. По-видимому, эти строки написаны самим Кроули, возможно — в качестве пародии на стихотворение Эдмона Ростана (1868-1918) «Pastorale des cochons roses» (http://www.recmusic.org/licder/get_text.html?TextId=13973). (НО)

независимо друг от друга, — если, говоря откровенно, они не принадлежат немецким метафизикам. Но пятьдесят человек независимо друг от друга могут заметить, что вода способна отражать образы, и написать об этом; вопроса о заимствовании даже не возникнет.

Несомненно, существует универсальная традиция средств и результатов мистицизма, и мы вполне можем предположить, что у Иисуса, как и у других мистиков, был свой учитель; но в таком предположении нет надобности. Во время одного из экспериментов, проведённых мною с одним из наркотиков в одной из больниц центральных графств Англии, у экономки, входившей в число исследуемых, не было даже поверхностных познаний в истории или даже терминологии мистицизма; но она прошла транс за трансом в установленном порядке и описала свои переживания тем же языком, что и Лао-цзы, и Бёме, и Шри Сабхапати Свами¹⁶², и все прочие, о которых она не знала ничего, кроме разве что имён.

Таким образом, одно из средств от зла жизни — работать с субъективным умом, развивая в нём независимость от чувств, очищая душу от бациллы иллюзий; и неважно, считаем мы этот путь наилучшим, а то и единственным, или же, напротив, относимся к нему как к обыкновенной навязчивой идее, ни у кого из тех, кто изучает сравнительное религиоведение, нет разумных поводов сомневаться, что этот путь отмечен, как минимум, одним из евангельских персонажей, называющимся исчерпывающим именем — Иисус.

Корень проблемы — стандартизация всеобщего добра и богатства в умах профанов. Эта иллюзия муссируется, главным образом, в жёлтой прессе, каковая пребывает в неизменной уверенности, что обладание покупными ценностями — единственное правильное желание людей. Потому бедняк приучается завидовать сварливому и раздражительному миллионеру, а не художнику, святому или атлету.

Лекарство от всех несчастий бедности — умение ценить подлинные сокровища.

Греки и китайцы процветали (последние процветают до сих пор) потому, что, обеспечив себя всем необходимым вроде зерна и вина, они отдавали избыток сил не производству той роскоши, что способна принести лишь мимолётное наслаждение, а творению прекрасного. Прекрасное стоит у дверей всякого, кто способен ценить его; а с ним приходит и счастье.

О глушцы! кто околдовал вас? Впредь не желайте иметь, но стремитесь быть!

Равное распределение

Когда мы встречаем, наконец, эту проблему лицом к лицу, на вопрос о пропорциях, в которых должен распределяться национальный доход, можно дать лишь один ответ. Все мы должны получать равную часть. Так было всегда; так всегда и будет. Действительно, доходы грабителей сильно менялись от личности к личности; различия заметны и в доходах их прихлебателей. Коммерциализация отдельных выдающихся дарований тоже приносила исключительные прибыли, прямо и косвенно. Те, кто наживался на аренде земли и ростовщичестве, относились экономически (хотя и не юридически) к категории грабителей и получали до абсурдности беспрецедентную выручку. Но в подавляющем большинстве зависимость дохода от индивидуальных особенностей не просматривается, ибо её до смешного трудно воплотить в жизнь. Пока есть способы убедить плотника, что судья сам по себе есть творение высшей природы, способное арестовать и даже предать смерти, мы можем выплачивать плотнику сто фунтов в год, а судье — пять тысяч; но зарплата одного плотника есть зарплата всех плотников; жалование одного судьи есть жалование всех судей.

¹⁶² Шри Сабхапати Свами (1840-?) — тамильский поэт и мистик, буддист, мастер йоги; автор книги «Ведантическая раджа-йога: древняя тантра-йога риши», впервые опубликованной в 1880 г. (НО)

Трудно спорить всерьёз с выводами мистера Шоу о том, что доля каждого члена общества должна быть одинаковой. Такое положение дел означает лишь, что всё самое редкое и прекрасное просто перестанет существовать. Даже если мы допустим (что является огромным преувеличением), что доход каждого человека будет равен пятистам фунтам в год, кто сможет носить жемчужное ожерелье ценой в сотни тысяч фунтов? Его денежная стоимость оказывается превыше всеобщего распределения. Ожерелье придётся разобрать на запчасти или сдать в музей, и вся его ценность будет потеряна для человечества.

Подобно тому частной собственностью не смогут являться картины какой бы то ни было ценности, прекрасные дома или сады, какие-либо парки кроме публичных, не приносящих (во всяком случае, мне) ничего, кроме ощущения мрачной неудовлетворённости, и даже неспособных порадовать тех людей, для пользы которых они были устроены. Парк Баттерси¹⁶³, например, находится в трёх минутах ходьбы от многочисленных трущоб; но дети играют в трущобах, не в парке.

Очевидно также, что никто не станет работать отлично, если не будет получать за это отличную зарплату. Не будь возможности так или иначе улучшить своё положение — даже злодея на меня (Мф. 5:11-12) более, чем я сам в этом очерке, — я и не подумал бы рыпаться. Люди готовы пойти на смерть, чтобы улучшить этот мир или сделать счастливее жизни тех, кого они любят. Но когда ничто не может сдвинуться с мёртвой точки, они «не станут вредить себе», они не будут рисковать. Человечество погрузится в стагнацию.

Капитан и юнга

Позтому речь идёт и всегда шла не о чём ином как о классовом различии достатка. Уже установилось экономическое равенство и между капитанами, и между юнгами. Однако предметом обсуждения до сих пор является экономическое равенство между капитанами и юнгами. Что тут мог бы предложить Иисус? Наверное, он сказал бы, что, если твоя задача состоит лишь в том, чтобы нанять капитана и юнгу доставить тебя из Ливерпуля в Нью-Йорк или управлять судами и подносить порох от погреба до пушки, тебе стоит давать юнге не более шиллинга на каждый фунт, который ты даёшь капитану, чья подготовка обошлась гораздо дороже. Но если, помимо этого, ты захочешь взглянуть на две человеческие души (неотделимые от капитана и юнги и единственно отличающие их от паровой машины), дабы оценить все их качества, тогда ты можешь обнаружить, что юнга куда ценнее капитана, ибо труд юнги не творит с душой всего того, что может сотворить с ней труд капитана. Поэтому ты должен дать ему, как минимум, столько же, сколько и капитану, если только не хочешь сделать его низшей тварью (и тогда лучше просто повесить тебя, как подпольного аборциониста). Таков фундаментальный аргумент.

Мистер Шоу приводит следующий довод касательно заработной платы этих двоих: «Поэтому речь идёт и всегда шла не о чём ином как о классовом различии достатка. Уже установилось экономическое равенство и между капитанами, и между юнгами. Однако предметом обсуждения до сих пор является экономическое равенство между капитанами и юнгами. Что тут мог бы предложить Иисус? Наверное, он сказал бы, что, если твоя задача состоит лишь в том, чтобы нанять капитана и юнгу доставить тебя из Ливерпуля в Нью-Йорк или управлять судами и подносить порох от погреба до пушки, тебе стоит давать юнге не более шиллинга на каждый фунт, который ты даёшь капитану, чья подготовка обошлась гораздо дороже. Но если, помимо этого, ты захочешь взглянуть на две человеческие души (неотделимые от

¹⁶³ Большой парк на берегу Темзы. (НО)

капитана и юнги и единственно отличающие их от паровой машины), дабы оценить все их качества, тогда ты можешь обнаружить, что юнга куда ценнее капитана, ибо труд юнги не творит с душой всего того, что может сотворить с ней труд капитана. Поэтому ты должен дать ему, как минимум, столько же, сколько и капитану, если только не хочешь сделать его низшей тварью (и тогда лучше просто повесить тебя, как подпольного абортониста). Таков фундаментальный аргумент».

Воистину, здорово услышать, наконец, фундаментальный аргумент! Единственное, чем можно это объяснить — тем, что Шоу допускает обычную ошибку, путая деньги с выражаемой деньгами стоимостью. Если у человека есть всё, чего он желает, он всё равно может быть одержимым деньгами, в терминах которых он исчисляет своё богатство. Предположим (к примеру), что мне хочется достичь высочайшего и всепревосходящего мастерства в том или ином искусстве, например, в систематизации английских законов. Чтобы я смог достичь этого, мне придётся с детства следовать по чрезвычайно специфическому пути. Со мною всегда должны быть слуги, доставляющие мне пищу и одежду, дабы я никогда не задумывался о них. У меня под рукой должны быть секретари, хранящие мои рукописи, разыскивающие для меня справочную информацию и оказывающие мне тысячу иных услуг. Мне понадобится комфортабельный дом, огромная библиотека и тысяча других вещей, каковые есть выражение богатства и каковые, конечно же, не могут быть у каждого. В таких условиях я не буду раздумывать, определите ли вы моё жалованье как цент в год или доллар в минуту. И поскольку я наслаждаюсь этими особыми преимуществами, они не могут в равной степени ублажать всех тех, кто работает под моим началом. Совершенно непонятно, как можно духовно компенсировать им низкий уровень их рода занятий, просто дав им большую зарплату, чем у меня. Если устроить что-то в этом духе, это сделает их непригодными к той работе, для которой они предназначены¹⁶⁴.

Не знаю, правда ли мистеру Шоу хотелось бы повесить меня, как подпольного абортониста. Я определённно не «хочу сделать кого-то низшей тварью по сравнению с кем-то другим», но я признаю, что между разными людьми есть неизбежные и многочисленные различия. Таковы уж свойства природы, что мистер Шоу не равен среднестатистическому аборигену Дагомеи. Его, должно быть, совершенно не вдохновит чья-нибудь просьба напиковать и приготовить пухленькую молодку!

Главная ошибка всех социальных идеалистов — в их определении равенства. Индийская кастовая система и даже, в какой-то степени, идеал англиканской церкви куда разумнее. Индийцы признают, что должны быть и воры, и шлюхи, и убийцы, и даже судьи; и у каждого класса есть особая гордость. Каждый может в полной мере проявить свою душу на собственной жизненной орбите, если только исполнит свой долг на «том поприсе, на которое Богу было угодно его призвать».

Судья не «ниже» шлюхи; он просто другой¹⁶⁵; и уважающий себя судья не станет жаловаться на своё бессилие. Он компенсирует собственное желание извлечь наибольшую пользу из своего положения, веселя народ нелепостью своих решений. Он дарит материал для насмешек

¹⁶⁴ Кроули, очевидно, полагает, что дворецкий, получающий жалованье, соотносимое с доходом своего хозяина, не захочет долго оставаться дворецким! (НП)

¹⁶⁵ Несомненно, Кроули иронизирует над судьями. (НП)

Свифту, Гилберту¹⁶⁶ и самому Шоу и на смертном одре сможет сказать так же бодро, как Уэйнрайт¹⁶⁷ или Кришпен: «Я совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить».

Что нужно — так это самоуважение, копаешь ты яму для отхожего места или командуешь армиями. Ты должен понимать, что оказываешь обществу услугу. Твоё правительство должно помогать тебе делать это. Немцы, с их здравым смыслом и грамотным пониманием психологии, уже далеко ушли в этом направлении, поэтому у нас есть мясничиха Шмидт, и булочница Мейер, и свечница Ринглер. Счастье приходит с гордостью за то, кто ты есть, несчастье — с желанием быть чем-то, чем ты не являешься. Недовольство в Англии — главным образом результат царящего повсюду глубокого общественного снобизма.

Политическое и биологическое возражения против неравенства

Но есть и другие причины возражать против классовой стратификации¹⁶⁸ доходов, накопившейся со времён Иисуса. В политике она побеждает всякий способ правления, кроме всё той же — непременно коррумпированной — олигархии. Демократия самых демократических современных республик — например, Франции и Соединённых Штатов, — есть обман и заблуждение. Она умаляет законность и закон до фарса: закон становится всего лишь документом для удержания бедняка в подчинении; и судить рабочих берутся не по решению их сотоварищей, но по сговору их эксплуататоров. Пресса есть пресса толстосумов и проклятие обездоленных: становится опасно учить людей читать. Священник становится простым дополнением к полицейскому среди тех средств, которыми помещик угнетает крестьян. Хуже того, брак становится классовым делом: неограниченный выбор, предоставленный природой всякому молодому человеку в поисках пары, сужен до множества лиц со схожим доходом; а красота и здоровье превращаются из нормы жизни в мечты художников и лозунги знахарей. Общество не просто разделено, но и, воистину, раздроблено на мелкие кусочки межклассовым неравенством прибыли: устойчивость такого положения вещей есть следствие огромной сплочённости людей, обладающих равным доходом.

То, что Шоу говорит о демократии в этом разделе, в полной мере истинно, но он забывает привести какие-либо доказательства того, что причина испорченности, против которой он столь рьяно возражает — «классовая стратификация доходов». Возражения, которые он предоставляет, есть возражения против демократии. Проблемы, на которые он сетует, вряд ли существенны в Германии, с одной стороны, но, с другой, весьма распространены в Индийских Штатах.

¹⁶⁶ Гилберт Кит Честертон (1874-1936) — выдающийся английский христианский мыслитель, журналист и писатель конца XIX — начала XX веков. При жизни Честертон был близко знаком с большинством выдающихся людей своего века; среди его друзей были Бернард Шоу, Беллок, Герберт Уэллс, Эдмунд Клирихью Бентли. Вместе с тем дружба не мешала ему вести с ними продолжительную полемику в прессе, которая нередко выливалась в открытую словесную дуэль. (НО)

¹⁶⁷ Возможно, имеется в виду нечистый на руку юрист, поверенный господина Литамы (см. К. Маркс, «Избирательная коррупция в Англии»). (НО)

¹⁶⁸ Социальная стратификация — деление общества на социальные слои (страты) путём объединения различных социальных позиций с примерно одинаковым социальным статусом, отражающее сложившееся в нём представление о социальном неравенстве, выстроенное по вертикали (социальная иерархия), вдоль своей оси по одному или нескольким стратификационным критериям (показателям социального статуса). (НО)

Иисус как экономист

Поэтому, думается, нам следует начать утверждать право на доход как неотъемлемое и одинаковое для всех точно так же, как мы уже утверждаем как неотъемлемое и одинаковое для всех право на жизнь. На самом деле одно право есть лишь подтверждение второго. Повесить меня потому, что я перерезал горло докеру, когда тот набросился на меня за то, что я бросил его голодать, не найдя ему судна на разгрузку — идиотизм; ибо поскольку он может причинить куда меньше вреда с перерезанным горлом, чем когда голодает, рациональное общество должно ценить головореза много больше, чем капиталиста. Всё стало таким очевидным, а зло — таким неустойчивым, что, если очередная попытка нашей цивилизации не провалится точно так же, как предыдущие, мы должны организовать наше общество так, чтобы оно смогло сказать каждому человеку на Земле: «Итак не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться?» У нас больше не будет племени людей, чьё сердце — в их карманах, в их сейфах, у их банкиров. Ибо Иисус говорил: где сокровище ваше, там будет и сердце ваше. Вот почему он учил, что деньги не должны быть сокровищем и что нам следует постараться относиться к ним с большим пренебрежением, освободив наш ум для более высоких целей. Иначе говоря, все мы должны стать хозяевами, заботящимися о своей стране так же, как страна заботится о нас, а не скупыми хамами, которыми мы становимся, когда делаем всё и вся ради денег и продаём наши тела и души фунт за фунтом и дюйм за дюймом, полдня набивая цену. В самом деле, считаете вы Иисуса Богом или нет, вам, тем не менее, придётся признать, что он был первоклассным политэкономом.

В данном разделе мистер Шоу немного идёт на попятную. Под равным доходом он, оказывается, имеет в виду, что всем должны быть гарантированы минимальные условия для жизни. Это более разумное предложение. Возражения на это носят, в основном, чисто практический характер, и средней руки брокер, конечно же, способен обмозговать их за пять минут, так что они не обязательно должны становиться камнем преткновения.

Но затем мы возвращаемся к Иисусу, чей совет кристаллизуется в следующем предложении: «Иначе говоря, все мы должны стать хозяевами, заботящимися о своей стране так же, как страна заботится о нас, а не скупыми хамами, которыми мы становимся, когда делаем всё и вся ради денег и продаём наши тела и души фунт за фунтом и дюйм за дюймом, полдня набивая цену». Отсутствие здесь практической схемы, позволяющей реализовать эту замечательную программу, может привести некоторых думающих людей в лёгкое недоумение. Раздел завершается словами: «В самом деле, считаете вы Иисуса Богом или нет, вам, тем не менее, придётся признать, что он был первоклассным политэкономом». Похвала сэра Хьюберта Стэнли — похвала искренняя¹⁶⁹, и никому не устоять перед искушением попытаться заслужить её так просто; итак, начнём. Я полагаю, все мы должны быть царственными, как Карл Великий, с умом как у Ньютона, с сердцем как у Шелли, с душой как у Гёте, и с телом, в котором Геракл соединяется с Антиномом¹⁷⁰. В самом деле, считаете вы меня Богом или нет, я тоже в некотором роде парень что надо!

¹⁶⁹ Сэр Хьюберт Стэнли — персонаж комедии английского драматурга Томаса Мортон (1764-1838), автора популярных, но легковесных комедий и водевилей. (НО)

¹⁷⁰ Антиной (около 110-130) — греческий юноша, уроженец малоазийской провинции Вифиния, любовник римского императора Адриана, обожествленный после смерти. В Египте Антиноя отождествляли с Осирисом. (НО)

Иисус как биолог

Как мы можем заметить, он был ещё и первоклассным биологом. Полтора столетия пропагандистов эволюционного учения, от Бюффона¹⁷¹ и Гёте до Батлера и Бергсона¹⁷², убедили нас в том, что мы и наш отец едины; что царствие небесное — внутри нас, и что нам не нужно ходить в поисках его и кричать: «вот, здесь!» и «вот, там!»; что Бог — не напыщенный старичок в белых одеяниях, нарисованный в семейной Библии, но дух; что через этот дух эволюционируем мы к жизни с большим избытком; что мы есть светильники, в которых горит свет мира: что, наконец, мы — боги, хотя и умираем, как люди. Всё, о чём говорит сегодня биология и психология; и стремление сторонников естественного отбора вроде Вейсмана¹⁷³ свести эволюцию к простому автоматизму не затрагивает доктрины Иисуса, хотя и сводят на нет труды теологов, представляющих Бога магнатом, разводящим людей и ангелов, как лорд Ротшильд разводит в Тринге буйволов и эму¹⁷⁴.

Уму непостижимо, из каких таких соображений мистер Шоу утверждает: «Как мы можем заметить, он был ещё и первоклассным биологом». Все приведённые доказательства — это фраза, что «мы и наш отец едины», которой Иисус никогда не произносил, и ещё пара-тройка высказываний в том же духе, которые, как показано выше, вовсе не представляют доктрину Иисуса.

Мистеру Шоу можно напомнить, что со времён задолго до Иисуса и по сей день обычное приветствие двух индусов при встрече — сложить ладони вместе (что означает для них отрицание двойственности) и сказать: «Ты есть Оно», где слово «Оно» означает высшее существование за и над каким бы то ни было личностным и творящим Богом. Подлинное высказывание Иисуса («Я и Отец — одно, ваш же отец — диавол») вряд ли соотносится с подобными рассуждениями.

Полстолетия назад искусство интерпретации самовлюблённой мании величия и сектантского фанатизма как мистического монизма дало сто очков вперёд тем, кто попытался усмотреть современную науку в Книге Бытия. Но я совершенно не представляю, как мистический монизм может сочетаться с фанатичностью.

Деньги, повивальная бабка научного коммунизма

Непонятливый читатель может здесь поинтересоваться, почему бы нам не прибегнуть к нерафинированному коммунизму, предписанному апостолам. Это будет совсем несложно в деревне, где производство ограничено теми простейшими потребностями, которыми природа наделила каждого в равной мере. Мы знаем, что всем людям нужны хлеб и обувь, и не ждём, что они придут, потребуют эти вещи и предложат за них заплатить. Но когда цивилизация развивается до точки, когда начинают производиться товары, не являющиеся абсолютно необходимыми, которыми увлекаются или могут пользоваться лишь немногие люди, становится важно, чтобы кто-то смог из-

¹⁷¹ Жорж-Луи Леклерк, граф де Бюффон (1707-1788) — французский натуралист, биолог, математик, естествоиспытатель и писатель XVIII века. (НО)

¹⁷² Анри Бергсон (1859-1941) — один из крупнейших философов XX века, представитель интуитивизма и философии жизни. Бергсон утверждает в качестве подлинной и первоначальной реальности жизнь, которая, пребывая в некоей целостности, отличается от материи и духа. Материя и дух, взятые сами по себе, являются продуктами её распада. Основные понятия, с помощью которых философ определяет сущность «жизни» — «длительность», «творческая эволюция» и «жизненный порыв». (НО)

¹⁷³ Август Вейсман (1834-1914) — немецкий зоолог и теоретик эволюционного учения. (НО)

¹⁷⁴ Лайонел Уолтер Ротшильд (1868-1937) — потомок семейства Ротшильдов, британский банкир, финансист, политик, зоолог. В своём фамильном поместье Тринг он содержал множество экзотических зверей и птиц. Финансируемые им экспедиции открыли около 5 000 новых для науки видов. (НО)

готовить эти предметы на заказ и назначить за них свою цену. Безопаснее предоставить хлеб каждому, ибо каждый испытывает голод и ест хлеб; но будет абсурдом обеспечивать всех микроскопами и тромбонами, домашними змеями и клюшками для поло, дистилляторами и пробирками, из которых девять десятых пропадут без толку; и девять десятых населения, никогда не пользующиеся всем этим, будут против обладания подобными безделушками.

В неоценимом инструменте, именуемом деньгами, мы имеем средства, позволяющие каждому заказать и оплатить именно то, что он желает, в доверок к тому, что ему нужно для выживания, и тому, на обладании и использовании чего — хочет он того или нет — настаивает государство; например, на одежду, медицину, армию и флот. В больших обществах, где, в общем и целом (плюс-минус небольшая погрешность), может быть предусмотрен даже самый эксцентричный спрос на производимый товар, можно будет (после недолгих экспериментов) найти прямой коммунизм (бери бесплатно то, что пожелаешь, как это делают в моррисовских «Вестях ниоткуда»¹⁷⁵) не только возможным, но и выгодным в такой степени, которая кажется сейчас невозможной. Спортсмены, музыканты, физики, биологи получают свои инструменты по первому требованию, так же легко, как свой хлеб или (в настоящее время) свои мостовые, уличное освещение и мосты; и глухой не станет возражать против производства общинных флейт, если музыкант будет участвовать в производстве общинных слуховых аппаратов.

Бывает, что спрос (например, на радиий) может ограничиваться узким кругом лабораторных работников, но за его удовлетворение приходится платить всему обществу, ибо цена превосходит средства любого конкретного сотрудника. Но даже когда увеличение пособий поднимет коммунизм до высот, кажущихся сегодня недостижимыми, ещё на долгое время останутся области спроса и предложения, в которых людям будут нужны деньги или частные кредиты и для которых, следовательно, им понадобятся личные доходы. Очевидный пример — поездка за рубеж. Пока мы не вырвемся за пределы наций, коммунизму, по всей видимости, придётся ещё как следует развиваться на местном уровне прежде, нежели житель Манчестера сможет отправиться на денёк в Лондон, не захватив с собою ни гроша. Поэтому современная для нас практика коммунизма Писуса — равное распределение избытков национального дохода до тех пор, пока не восторжествует прямой коммунизм.

Мистер Шоу немного спускается с небес на землю. Он признаёт, что чрезвычайное разнообразие имущества, потребного разными людьми, получается, удобства ради, посредством обмена. Передовой мыслитель, он открывает нам, что у бартерной системы есть свои недостатки.

Но, отдавая должное такой проницательности, мы вынуждены выразить сожаление, что она не распространяется ещё и на представление о том, что большинство вещей (во всяком случае, новых вещей), которые действительно желательны и даже полезны для человечества, создаются теми, у кого много лишних денег. Всякий, кто хоть как-то работал на правительство, знает, что весьма непросто уломать его на эксперимент. Может ли Шоу предположить хоть на миг, что у нас были бы когда-нибудь железные дороги или самолёты, не выдели правительство средств на них? Слишком хорошо известно, что государство, наряду с выделением денег на усовершенствование удобств¹⁷⁶, всегда заинтересовано в войне.

¹⁷⁵ «Вести ниоткуда, или Эпоха спокойствия» — одно из самых значительных произведений Уильяма Морриса, наиболее полно отражающих его политические взгляды. Моррис считал, что социализм должен представить большую степень свободы, чем капиталистическое общество. Стимулом полезного труда по Моррису должна быть радость, исходящая из самого труда. Города превратились в огромные сады, нет более частной собственности, классов, в любви следуют своему чувству, исчез институт брака, порождённый корыстью. Отмирает государство, так как нет необходимости в насилии, общество состоит из небольших самоуправляемых общин. (НО)

¹⁷⁶ Этой фразой мне хочется подчеркнуть консерватизм всего глупого и старого. Несмотря на то, что при коммунизме не будет строиться никаких финансовых препятствий, чтобы камнедробильщик мог стать бронзолитейщи-

Практически все сколь угодно крупные и значимые изобретения проходят свой путь, преодолевая тысячи препятствий. Как можно было бы внедрить автомобиль, если не верой капиталистов? Эти люди менее всего стремились принести человечеству пользу; они видели в этом свой счастливый билет, и они бросали деньги на ветер сотнями тысяч в надежде получить много больше, как человек из притчи о талантах. Покойный Исаак Райс¹⁷⁷, например, ежегодно терпел убытки, весьма ощутимые даже для такого богатого человека, как он, дабы усовершенствовать голландскую субмарину. Изобретатель (если ему повезёт) может убедить одного человека — или даже полдюжины — в том, что его предложение небезнадёжно. Но убедить госдепартамент — чудо куда большее, чем все записанные в евангелиях. Даже если изобретение проработало довольно долго, государство остаётся Старой Гвардией скептиков. Такова другая причина, по которой человечеству стоит удержаться от коммунизма. Воистину, изобретателю не понравится, что на его эксперименты никто не сможет выделить денег, по той простой причине, что ему не захочется возиться с изобретениями, если он не сможет ничего за них получить.

Не судите

В вопросе о преступлениях и семье современная мысль и опыт не прольют нового света на точку зрения Иисуса. Когда Свифт удосужился проиллюстрировать в своих произведениях испорченность нашей цивилизации, составив каталог творимых ею негодяев, он всегда выделял судьям место рядом с осуждёнными ими. И, по всей видимости, он делал это не в качестве переосмысления доктрины Иисуса, но в результате собственных наблюдений и суждений.

Расследуя уголовное дело, судья, герой одного из рассказов Гилберта Честертона, оказывается настолько поражён нелепостью своей позиции и жестокостью того, что ему приходится делать, что, без промедлений и не сходя с места, сбрасывает с себя мантию и выходит в мир, дабы вести жизнь честного человека, а не эдакого бессердечного идолища. Там же приводится пропаганда бездушной глупости, именуемой детерминизмом, представляющей человека неодушевлённым предметом, который швыряют туда-сюда среда, предпосылки, обстоятельства и иже с ними, и, однако, напоминающей нам, что есть пределы в количестве локтей, которые может добавить человек к своему росту морально или физически, и что глупо и жестоко наказывать человека пяти футов ростом за то, что он не способен сорвать плод, висящий в пределах досягаемости человека среднего роста. Мне довелось услышать историю о несчастной крохе, которую побили за то, что, когда ей разъяснили значение сложных знаков на циферблате часов, она, тем не менее, не смогла назвать время, поскольку была близорука и не могла разглядеть их. Такова типичная картина абсурда и бесчеловечности, к которым привела нас обратная по отношению к детерминизму глупость: доктрина Свободной Воли. Представление о том, что человек сможет быть хорошим, стоит ему только захотеть, и что тебе надо давать ему дополнительный мощный стимул к добру, наказывая его, когда он поступает дурно, немедленно обращается в нелепость, если требование выходит за установленные природой пределы самоконтроля большинства из нас. Никто не станет утверждать, что человека без музыкального слуха или каких-либо математических способностей можно заставить под страхом смерти (а тем более — зверских истязаний) напеть все темы бетховенских симфоний или доделать ньютоновскую работу по производным.

ком, он по-прежнему будет относиться неодобрительно к утомительному обучению новой профессии. И он должен отвергать всякий эгонистический стимул; следовательно, он упрям, как извозчик в ту пору, когда мы ввели в обиход паровые двигатели. (АК)

¹⁷⁷ Исаак Леопольд Райс (1850-1915) — американский изобретатель и шахматный меценат. (НО)

Пределы Свободной Воли

Позтому те из наших законов, которые есть не просто устрашение (благодаря которому тирания и может прикрываться правопорядком), могут управлять при помощи развития общей степени доказательной силы и самоконтроля. Большинство мужчин и женщин могут вынести простые горести и разочарования жизни, не занимаясь смертоубийством. Из этого они делают вывод, что каждый способен воздержаться от этого, если примет такое решение и будет развивать самоконтроль под угрозой серьёзного наказания. Но они ошибаются. Есть люди (иные из них весьма сильны умам и телом), способные сдерживать ярость по каждому пустяку не более, чем собака может удержаться от укуса, если её внезапно и больно ущипнуть. Люди швыряются ножами и жгут друг друга парафиновыми лампами в перебранке за обеденным столом. Едва оказавшись на воле, отмотавшие несколько долгих сроков каторги за убийства хватают своих жён и, злобно ругаясь, швыряют их под лямовые телеги. Нам встречаются не только те, кто бессилен противостоять возможности украсть ради удовлетворения своих желаний, но и честные люди, имеющие особую манию к хищениям и крадущие тогда, когда в этом нет необходимости. Кража со взломом влечёт иного мужчину так же, как морские путешествия влекут иного мальчишку. Сколько среди порядочных людей тех, кого увещевания врачей и горький опыт не могут заставить есть и пить то, что для них полезно!

Действительно, между людьми самоуправляемыми и необузданными есть узкое поле нравственных симулянтов, способных заставить контролировать себя под страхом последствий; но это не оправдывает сохранения отвратительной системы жестокого, планомерного, дорогостоящего и отупляющего истязания преступников ради этих крайних случаев. Для практической работы с преступностью детерминизм, или предопределённость, — вполне подходящий закон. Людей, лишённых самоконтроля настолько, что они становятся опасны для общества, можно уничтожать или содержать в приютах, следя за их состоянием и успехами независимо от того, излечимы ли они. Истязать их и создавать вокруг себя добродетельную атмосферу за их счёт — нелепость и варварство; а желание делать так — мстительность и жестокость. И всё же мстительность и жестокость являются, по крайней мере, человеческими качествами, если они откровенно провозглашаются и поощряются; они отвратительны, когда рядятся в овечью шкуру Законности. Итак, я совершенно уверен, почему шекспировская Изабелла устроила такой нагоняй судье Анджело¹⁷⁸ и почему Свифт забронировал для судей жаркий уголок в своём аду. Тогда понятно, почему Иисус говорил «не судите, да не судимы будете» и «если кто слышал слово Моё и не уверовал, не осужу его», ибо он «уже осуждён» — Отцом, который с ним един.

Если нас ограбили, мы обычно уповаем на уголовное право, не подозревая, что, будь оно эффективно, нас бы не ограбили. Оно судит нас из мести.

Можно не продолжать. Я уже неоднократно рассматривал этот аргумент. Я лишь хочу отметить, что мы не прекращали судить и наказывать после того, как Иисус заповедал нам не делать этого; и я презираю тех, кто считает это правильным, ибо уверен, что мир был бы лучше, чем сейчас, если бы в нём никогда не было судей, тюрем и виселиц. Мы всего лишь добавляем страдание наказания к страданию преступления и жестокость судьи — к жестокости преступника. Мы берём плохого человека и делаем его ещё его хуже пыткой и отуплением, между делом растлевая и самих себя. Это не кажется слишком разумным, не так ли? Было бы куда проще либо убить его так милосердно, как это возможно, либо заклеить и отдать на суд совести, либо лечить, как поступают сейчас с инвалидами и умалишёнными (к слову сказать, лишь в последнее время сумасшедших избавили от хлыстов, цепей и клеток; и, полагаю, именно так и должно осуществляться учение Иисуса).

¹⁷⁸ Персонажи шекспировской пьесы «Мера за меру». (НО)

Иисус о семье и браке

Когда мы обращаемся к теме брака и семьи, мы видим, что Иисус возражает против этого частного присвоения людей, которое составляет суть супружества, точно таким же образом, как и против частного присвоения богатств. Женатый мужчина, говорил он, старается угодить своей жене, а замужняя женщина — угодить своему мужу, вместо того, чтобы радовать о Боге. Это вариация на тему «где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Восемнадцать столетий спустя ту же мысль высказывает человек, совершенно не схожий с Иисусом — Галейран. Женатый мужчина с семьёй, говорит Галейран, делает всё ради денег. Однако поныне эта не очень точная с научной точки зрения формулировка правомочна в достаточной мере, чтобы являться моральным возражением против брака. Точно так же, как человек имеет право рискнуть во имя идеи своей жизнью или имуществом, ему нужна лишь храбрость и убеждённость, дабы сделать свою целостность неопровержимой. Но он лишается этого права, когда вступает в брак. Понадобилась революция, чтобы спасти Вагнера от дрезденского судилища; но его жена так и не простила ему это радостное и осязаемое освобождение, когда он потерял всё и снова погрузился в нищету. Милле¹⁷⁹ мог бы до окончания дней своих малевать обнажённую халтуру, если бы его жена героически не изменила ради него свою жизнь. Ради детей и родителей женщины становятся рабынями и проститутками, на что не может пойти ни одна самостоятельная женщина.

Таковы начало и конец возражений Иисуса против брака и семейных связей и разъяснение его понимания небес как места, где ни женятся, ни выходят замуж. Сейчас нет причин полагать, что он говорил о чём-то другом. Он не пытался (как позднее от его имени Павел) навязывать безбрачие как норму жизни; ибо он был не дурак, нет, когда осуждал брак: он просто верил, как и Павел, что конец света близок и, таким образом, больше нет необходимости плодиться и размножаться. Он имел в виду, что род человеческий не будет делиться более на мужчин и женщин, но все соединятся в Боге. Это ставит перед нами практический вопрос о том, что мы можем защищать духовную свободу и целостность священника и монашки без их бесплодной и несовершенной практики. Женившись на монашке, священник Лютер не решил проблемы: он всего лишь убедительно и на деле показал, что целибат — ещё большая ошибка, нежели брак.

Почему Иисус не женился

Судя по всему, этот вопрос беспокоит лишь немногих исключительных личностей. Совершенно обычные женщины выходят замуж за совершенно обычных мужчин, зная не зная ни о каких ограничениях: цепи не только оставляют им свободу делать всё, что им заблагорассудится, но и существенно облегчают эту задачу. Нападки на брак для них — удар не по их свободе, но по их правам и привилегиям. Следовало бы ожидать, что они не только станут горячо возражать на учение Иисуса об этом, но и возмутятся тем фактом, что он сам не был женат. Даже те, кто считает его богом, сошедшим на землю со своего небесного трона, дабы на время стать человеком, имеют полное право утверждать, что, поскольку он был холостяком, его мнимая человечность была, по всей видимости, неполной в самом существенном.

Однако факты свидетельствуют об обратном. Сама мысль об Иисусе как о женатом мужчине воспринимается простыми верующими как страшнейшее богохульство; и даже те из нас, для кого Иисус — не сверхъестественный персонаж, но всего лишь пророк, вроде Магомета, считают, что в воздержании Иисуса было что-то более величественное, чем в зрелище Магомета, возлежащего в смущении.

¹⁷⁹ Джон Эверетт Милле (1829-1896) — крупный английский живописец, один из основателей Братства прерафаэлитов. (НО)

нии на полу своего гарема, пока его жёны бранятся, и ссорятся, и топчут вокруг него башмачками. Нас не удивляет, что, призвав сыновей Зеведеевых следовать за ним, Иисус не призвал их отца, и что все ученики, подобно самому Иисусу, были мужчинами несемейными. Это явственно следует из его нетерпимости к тем, кто оправдывал свой отказ следовать за ним семейными похоронами или полагал, что первым делом он должен заботиться о собственной матери; из того, что он на каждом шагу своего пути сталкивался с семейными узами и сердечными привязанностями и, в конце концов, осознал, что никто не сможет пойти за его внутренним светом, покуда не избавится от их гнёта. Отсутствие всякого противодействия этому подбивает нас заявить, что такое отношение к браку — не для простых людей; и что все мы, с точки зрения доброго христианина, сексуальны.

Первое, что мы можем отметить — очередной пример небрежности Шоу при чтении Библии. Он утверждает, что «все ученики, подобно самому Иисусу, были мужчинами несемейными». Обратимся к Евангелию от Матфея (8:14): «Придя в дом Петров, Иисус увидел тещу его, лежащую в горячке». Конечно, жена Петра могла к тому времени и умереть, хотя нам об этом и не сказали, да и теща — худшая из семейных связей, как легко может доказать всякий актёр водевиля в любой части света. Но Шоу говорит ещё и о воздержании Иисуса, и это стоит того, чтобы изучить подлинное значение подобного, внешне увлекательного, утверждения.

Мы не сомневаемся — более того, мы совершенно уверены — в том, что в одном занятом отношении Иисус отличался от всех прочих «святых мужей» Востока. Одна из регулярных функций пророка или аскета — избавлять от проклятия бесплодия, ибо его святость способна дать ему сокровенную связь с творящим божеством, а его образ жизни придаёт физическую бодрость. Таких людей повсюду сопровождают женщины всех сортов, и это не считается для них зазорным; ибо в Иудее в частности и на Востоке в целом позорнее, скорее, быть бесплодной, чем шлюхой; поэтому все средства хороши, чтобы избавиться от этого клейма. Как правило, используется тонкое покрывало, бросаемое для заключения соглашения; это может быть святыня с мощами умершего святого или горячий чудотворный источник¹⁸⁰.

Доктор Фрэзер приводит неисчислимы примеры этой традиции, и по всему Востоку её блюдут до наших времён.

Задумавшись над условиями жизни в Сирии две тысячи лет назад, мы будем вынуждены признать, что женщины не могли следовать за пророком, не будь это оправдано паломничеством или чем-то в этом духе. Они должны были бы потерять всякий стыд; ибо поведение восточной проститутки скромнее, нежели английской или американской девственницы; и потому они не смогли бы даже заработать себе на жизнь. Это были женщины с положением в обществе, равно как и «грешницы», что сопровождали Иисуса и «служили Ему именем своим», как сообщает нам Лука.

После этого мы не можем усомниться в том, что целью всех этих женщин было исправлять «недоработку» своих мужей; и столь же трудно сомневаться, что, в таком случае, их ждало глубокое разочарование. Иисус наверняка прекрасно понимал их желания; но он знал, как унять их чувственность, не поддаваясь на их поползновения, ибо они не переставали следовать за ним.

Любопытно, что легенда предполагает нечто подобное и в случае с Буддой, который тоже был странствующим аскетом и тоже хранил целомудрие, хотя в этом случае ему пришлось оставить свой гарем и своих детей, дабы начать религиозную жизнь. Однако его целомудрие было обеспечено предписанными в пророчествах анатомическими особенностями¹⁸¹; ибо при рожде-

¹⁸⁰ Такое место не так давно находилось возле Ниццы; Фрэнк Харрис написал забавный рассказ на эту тему. (АК)

¹⁸¹ Имеется в виду один из 32 великих телесных признака Будды: «Мужской орган Будды был спрятан, как у коня. Его нельзя было увидеть». (НО)

нии «*membrum ejus membrano quodam continebatur, ne copulare posset*»¹⁸², как уверял меня его ранний биограф, не сумев, однако, объяснить, откуда тогда взялись дети, на которых он ссылался выше.

Поэтому не вызывает сомнений, что Иисус был исключением из пророческих правил.

Если вольнодумец некстати потребует с нас оснований для подобных убеждений, тщетно будет искать их в Священном Писании, ибо евангелия не дают ни единого намёка на то, что всё было именно так; но он бездумно доверится в этом вопросе мнению моего дяди Тома, который является президентом Детской службы особого назначения и потому в курсе всех дел.

Следует уделить также некоторое внимание тем критикам, которые утверждают, что греческие слова «агапе» (любовь или благотворительность) и «агапао» могут обладать любым иным смыслом кроме строго духовного; ибо слово это использовались при описании отношений Иисуса и Иоанна, которого называют также словом *ἅγιος*, или «святой»: термином, применявшимся для обозначения определённого рода служителей Иудейского Храма¹⁸³ и совершенно неправильно¹⁸⁴ переведённым во Втор. 23:17, 3 Цар. 14:24; 15:12; 22:46 и 4 Цар. 23:7; гораздо точнее передавать его как «божественный». Такое предположение, поддерживаемое, как это бывает, вульгарными, так сказать, учёными, становится в данном случае самой отвратительной бессмыслицей. То, что могли подумать учёные — на Востоке, как принято считать, совершенно обычная и естественная практика; однако в случае Иисуса мы абсолютно точно знаем, что это было не так.

Бесполезно убеждать, что у нас нет никаких оснований для такого знания; это знание — того возвышенного рода, которому, в общем-то, и не нужна никакая основа; по этой простой причине оно непоколебимо. Факты, которыми мы можем обладать, неизменно противоречат друг другу; во всех людях соответствующего настроения это должно усиливать, а не ослаблять их веру. Каков лучший тест на веру, чем то, что она слишком противоречива для рассуждений?

Мне было необходимо попать ваши чувства, высказав эти совершенно необоснованные и отвратительные предположения, ибо мистер Шоу придерживается поповских взглядов на безбрачие Иисуса; теперь же придётся заметить, что такая точка зрения не основывается ни на антропологии, ни на теологии, ни на любых иных отраслях науки, ни на здравом смысле; она не основывается даже ни на одном из высказываний, приведённых в евангелиях; она держится лишь на этом чудном таланте веры — убеждённости в незримом, — которая есть наш единственный истинный проводник по Жизни.

¹⁸² (лат.) Его член был окружен некой оболочкой, дабы он не мог совокупляться. (АНО)

¹⁸³ Кроули делает завуалированный намек на свою гомосексуальную практику XI° О.Т.О. Масонское титулование этой магической степени описывается словом «Кадеш», которое переводится также как «Святость Господа». Очевидно, Кроули намекает, что Иисус занимался с Иоанном содомией. (НП)

Хотя степень XI° часто воспринимается как гомосексуальная и находится, по сути, за пределами первичной структуры О.Т.О., нет исторических оснований приравнивать практику XI° к гомосексуальной. Доказательства основываются на том, что изредка говорил и делал сам Кроули, когда находился на XI° О.Т.О. Для большинства Книг, помеченных «Бафомет... XI°», вполне достаточно гетеросексуального символизма или внесексуальных материй (как, например, Liber XV и другие в «Голубом Равноденствии» [Equinox, т. III, № 1; прим. НО]). Что же до Иоанна — да, вполне возможно, что Кроули имел в виду гомосексуальные отношения, хотя не менее вероятно, что Иоанн был «священной проституткой» и исполняющим обязанности сексуально бессильного Иисуса. Эту последнюю точку зрения также можно прочесть в намеках Кроули, и она проще увязывается с контекстом. Если мы пойдём чуть дальше, мы приблизимся к новой интерпретации «возлюбленного ученика» как любимого не только и не столько Иисусом, сколько всеми поклонниками последнего. С некоторой натяжкой мы можем предположить, что у жаргонного «джон», означающего клиента проститутки, есть веские основания в Новом Завете! В конце концов, гомосексуальная дружба в библейские времена была распространена в тех краях столь широко, что сделалась обыденностью. Этот нелепый свод западных табу — явление относительно недавнее. В библейские времена нарушения гетеросексуальности были куда пикантнее. В любом случае, контекст указывает на импотенцию Иисуса; поэтому логичнее предположить, что «Иоанн занимался с Иисусом содомией», а не наоборот. (БХ)

¹⁸⁴ Как «блудник». (АНО)

Здесь, однако, можно заметить, что целомудрие было, в первую очередь, жреческой предосторожностью. Первый гений, которому пришла в голову идея ничегонеделания (полученная им от деревенского дурачка, считавшего, что обладает даром прорицателя), говорил деревенщинам: «Я тоже вдохновлён; вы должны позволять мне бродить, где угодно, и делать, что мне нравится; и вам следует кормить меня». «Как, — возмущённо воскликнули они, — ты тоже святой? Откуда же в тебе святость?» «Ах, — отвечал кандидат в Орден Святых, — всё в порядке. Я совершенно не похож на вас. Вы жрёте свиней и собак; я не касаюсь ничего, кроме цыплёнка и газели. У вас есть жёны; я же никогда не опускаюсь до уровня животного. Стыдитесь!» Иными словами, его святость доказывалась тем, что он отказывался следовать общепринятым нормам (как в евангельской истории о сборе колосьев в день субботний).

Это естественная и даже необходимая формула. Как иначе он мог бы доказать свою святость и получить бесплатный паёк?

Другие варианты — пророчества и тауматургия; а лучшие из святых всегда использовали все эти методы. Как говаривал Соломон, «нитка, втрое скрученная, нескоро порвётся».

Конечно, вскоре священник научился предаваться удовольствиям тайно, под покровом святости; если его всё же застукивали за прелюбодеянием, достаточно было объяснить, что это не он, но бес, принявший его облик, дабы опорочить его. Тот, кто вызывал такую злобу Сил Зла, был, несомненно, святым!

Так и возникло безбрачие; позднее, сделавшись более упорядоченным, оно стало означать сексуальную свободу без сексуальной ответственности, как это можно увидеть и по сей день¹⁸⁵.

Противоречивость полового инстинкта

Однако вопрос гораздо сложнее. Половое поведение — чрезвычайно тонкий и сложный инстинкт; и большая часть человечества не знает, да и не сильно заботится о свободе совести, о которой думал Иисус, но почти до одержимости озабочена сексом, о котором Иисус не говорил ни слова. Наша сексуальная природа разрывает нас меж непомерным влечением и неодолимым омерзением и отвращением. В нас сосуществуют две деспотические физические страсти: похоть и целомудрие. Мы теряем голову в поисках секса; мы становимся такими же безумцами, подавляя эти стремления. Если мы не удовлетворим своих желаний, род человеческий прервётся; если не сможем сдерживать их — погибнем сами. Поэтому нам пришлось придумать институт брака, который одновременно способствует удовлетворению наших сексуальных потребностей и возводит для него бесчисленные препятствия; который освящает секс и клеймит его как порок; который отождествляет его с добродетелью и грехом одновременно.

Совершенно очевидно, что бесполезно искать в этом институте какой бы то ни было стабильности; и только благодаря непрерывным изменениям и приспособлениям (а также значительной пластичности в их применении) может достигаться сносный результат. Я не буду повторять здесь длинное и сложное исследование, предваряющее мою пьесу «Женитьба». Меня заботит сейчас лишь взгляд Иисуса на этот счёт; а для того, чтобы понять отношение мира к нему, надо иметь в виду, что не стоит принимать всеобщее одобрение Иисусова решения оставаться холостяком за согласие с его точкой зрения. Просто мы слишком запутались в этом вопросе; однако частью этой путаницы является то, что мы уверены в целомудренности Иисуса (и придерживаемся этого мнения, даже если считаем, что он родился вполне естественным путём), а сами настырно цепляемся за святость учреждения, представляющего нам убежище от безбрачия.

¹⁸⁵ См. древнюю клятву Военного Ордена Рыцарей Мальты, в которой они отрекались от брака в обмен на обязательство Ордена обеспечивать наследство и покровительство любому из их будущих отпрысков. (БХ)

Весь этот раздел базируется на серьёзнейшем заблуждении. «Наша сексуальная природа разрывает нас меж непомерным влечением и неодолимым омерзением и отвращением. В нас сосуществуют две деспотические физические страсти: похоть и целомудрие. Мы теряем голову в поисках секса; мы становимся такими же безумцами, подавляя эти стремления. Если мы не удовлетворим своих желаний, род человеческий прервётся: если не сможем сдерживать их — погибнем сами»¹⁸⁶.

Это вовсе не сексуальный инстинкт. Это сексуальное вырождение: массовое, болезненное и отвратительное. Если приведённый выше отрывок прочитать афганцу, он не сможет даже понять его; после трёхнедельных объяснений он осознает содержание достаточно, чтобы воскликнуть, что всё это — наглая ложь. Это доведение до безумия факта, описываемого латинским выражением «*post coitum animal triste*»¹⁸⁷: факта, который, между прочим, и сам зависит от незнания сексуальной техники и гигиены.

Так что же возвращает это лёгкое недомогание до психоза, каковой Шоу, надо полагать, считает присущим всему человечеству? Существенное влияние самого христианства. Доктрина «греха» есть корень всех зол. Именно это заставило пророка провозгласить: «Слово Греха — Ограничение». «Делай, что изволишь — таков весь Закон».

К счастью, к несчастью

Однако Иисус не выражал комплексных представлений о браке. Как мы могли заметить, его возражения были весьма просты. Он понимал, что никто не смог бы жить возвышенной жизнью, не принеся ей в жертву деньги и сексуальную любовь; и видел, что эффект замужества в том виде, как оно имело место быть у евреев (и как оно до сих пор существует у нас самих), заставляет пары жертвовать более высокими соображениями, куда они не накормят и не усладят друг друга. Хуже того: опасная бессмысленность в браке не уменьшается по мере того, как улучшается поведение семейных пар в целом, но, напротив, становится всё заметнее.

Боязнь подорвать благосостояние супруга не спасёт от духовной или любой иной опасности ни эгоцентричного мужчину, для которого жена — не более чем рабыня, ни эгоцентричную женщину, для которой муж — не более чем козёл отпущения и кормилец. Жёны не сделают их ленивыми и трусливыми; мужья не прикуют их к люльке и кухне, когда их ноги «прекрасны на горах»¹⁸⁸. Точно так же люди становятся более любезными, более добросовестными, более готовыми взвалить на плечи тяжкую ношу (из чего следует, что сильный вынужден уступать слабому, а медленный — удерживать быстрого), и в результате этого брак становится непреодолимым препятствием для собственного развития. Вот почему раз за разом, когда цивилизация повышает стандарты супружеского долга и привязанности, этот бунт против брака (примером которого был Иисус) повторяется и в то же время создаёт значительную потребность в личной свободе ради достижения более высоких ступеней эволюции.

К счастью, это лишь одна из сторон брака; и возникает вопрос, можно ли её превозмочь? Ответ ободряет: конечно же, можно. В природе вещей нет непреодолимых причин, почему супруги должны сохранять зависимость друг от друга. Коммунизм, сторонником которого был Иисус, совершенно практичен, и, если мы желаем уберечь цивилизацию от гибели, нужно, несомненно, целиком и полностью отделаться от вышеназванной проблемы. А с экономической зависимостью приходит сила возмущения

¹⁸⁶ Кроули критикует эту точку зрения со своих телемитских позиций, согласно которым христианство есть мерзкий и противоземный источник так называемого «инстинкта целомудрия», вступающего в конфликт с природной сексуальной энергией. (НП)

¹⁸⁷ (лат.) После соития [всякая] тварь тоскует. (АНО)

¹⁸⁸ См. Ис. 52:7: «Как прекрасны на горах ноги благовестника, возвещающего мир, благовествующего радость, проповедующего спасение, говорящего Сиону: “воцарился Бог твой!”». (АНО)

тельных притязаний, которые черпают искреннюю поддержку из экономического давления за их спиной.

Когда мужчина позволяет жене отвернуть себя от лучших дел, которые он способен совершить, и продать его душу по самой высокой рыночной цене; когда он позволяет ей запутать себя в социальных программах, утомляющих и ослабляющих его, или привязать себя к её фартуку, когда ему требуется редкое уединение — одно из самых священных прав человека, — он поступает так потому, что у него нет права навязывать ей эксцентричные стандарты потребления и асоциальных привычек, и потому, что эти условия создавались под давлением столь важного обычая, привязывающего супругов друг к другу, что состоящие в браке люди подвергаются жестоким насмешкам, буде их партнёры рвут эту цепь. И когда женщина приговаривается родителями к ожиданию мужа в добропорядочном девичестве и ничёмности (когда все её здоровые социальные инстинкты взывают к ней, дабы она приобрела профессию и устроилась на работу), здесь снова сказывается её экономическая зависимость от них, делающая их тиранию эффективной.

В этом разделе мы находим чрезвычайно глубокий и ценный анализ. Похоже, нас ведут к выводу, что доброта, добросовестность, альтруизм являются, в действительности, помехой человеческому прогрессу. Об этом говорил Ницше (и я с ним согласен), и тут вряд ли можно что-то добавить. Выход, похоже, можно найти в словах Иисуса: «Ибо, кто имеет, тому дано будет, а кто не имеет, у того отнимется и то, что он думает иметь». Любопытно, кстати, что Шоу не ссыался на этот текст в своей аргументации коммунизма и равенства! Само собой разумеется, необходимо именно это; великий человек сделает своё величие ощутимым — и получит толпы маленьких людей, вполне готовых из преданности ему пожертвовать собственным благом и развитием, или, как предпочитаю утверждать я, обретающих через эту преданность собственное благо и развитие. В этом, кстати, и заключается подлинная христианская доктрина: «Сберегший душу свою потеряет её; а потерявший душу свою ради Меня сбережёт её» (Мф. 10:39).

Лекарство

Предлагаемое мистером Шоу средство решения проблемы, очерченной в предыдущей главе — экономическая независимость. Аргумент здесь выражен в почти непостижимых для меня терминах. Властолюбие — сильнейший человеческий инстинкт из выходящих за пределы простейших потребностей, и если мы избавляемся от одного оружия, нужно изготовить другое. Позвольте сослаться здесь на одну из самых замечательных притч, которые когда-либо были написаны. Это одно из наименее известных произведений Роберта Льюиса Стивенсона.

СТАРЫЙ ДОМ

Из «Басен» Роберта Льюиса Стивенсона¹⁸⁹

Как только ребёнок начинал говорить, на него надевали кандалы; мальчики и девочки, играя в свои игры, двигались как осуждённые преступники. Несомненно, это выглядело ещё более жалко и переносилось куда более болезненно в юности. Даже взрослые люди передвигались крайне неловко и часто страдали от язв на ногах.

¹⁸⁹ Перевод: Александр Сорочан (bvelvet@rambler.ru), 2006. (АНО)

С другими баснями Р. Л. Стивенсона можно познакомиться здесь: <http://lib.ru/STIVENSON/fables.txt>. (НО)

Когда Джеку исполнилось десять лет, в той стране появилось великое множество чужеземцев. Мальчик видел, как легко они преодолевают огромные расстояния, и это поразило его.

— Интересно, как это получается, — спросил он, — все эти чужеземцы так быстро передвигаются, а мы должны медленно ползать в наших оковах?

— Мой милый мальчик, — сказал его дядя, вероучитель, — не плачь о своих оковах, поскольку они — единственное, ради чего стоит жить. Несчастливы, нехороши, недостойны все те люди, которые не скованы так, как мы. Кроме того, хочу тебе сказать, что это очень опасный разговор. Если ты будешь проклинать свои кандалы, тебе ни в чём не будет удачи; если ты когда-нибудь снимешь их, ты будешь тотчас поражён ударом молнии.

— А почему не ударяет молния в этих чужестранцев? — спросил Джек.

— Юпитер долготерпелив к отсталым, — объяснил вероучитель.

— Честное слово, мне хотелось бы оказаться не столь удачливым, — сказал Джек. — Ведь если б я был рождён отсталым, я мог бы теперь свободно ходить; ведь нельзя отрицать, что носить железные оковы неудобно и что язвы сильно болят.

— Ах! — вскричал его дядя. — Не завидуй язычникам! Печальна их судьба! Ах, бедные души, если б они только познали радости оков! Бедные души, моё сердце тоскует о них. Но истина в том, что они отвратительные, глупые, наглые, жестокие, вонючие скоты, а не люди — ибо что такое человек без оков? — и тебе не следует касаться их или говорить с ними.

После этого разговора ребёнок, встретив на дороге свободных людей, всегда плевал в их сторону и называл их разными словами, которые были в ходу у детей в тех краях.

Но однажды, когда ему исполнилось пятнадцать, он вошёл в лес, и язва причинила ему боль. Это был чудесный день, небо было чистым; птицы вокруг пели; а Джек лечил свою ногу. Тут зазвучала другая песня; она казалась куда более весёлой, чем обычные песни; в то же самое время слышался звук шагов.

Джек сбросил целебные листья; а потом в зелёной лощине появился парень из его собственной деревни, он прыгал, танцевал и что-то пел; и на траве рядом с ним валялись оковы танцора.

— О! — закричал Джек. — Ты сбросил свои оковы!

— Ради Бога, не говори своему дяде! — заплакал парень.

— Если ты боишься моего дяди, — ответил Джек, — отчего ты не боишься удара молнии?

— Это всего лишь старые сказки, — ответил юноша. — Их просто рассказывают детям. Многие из нас приходят сюда, в лес, и по ночам танцуют вместе, и ни с кем ничего не случается.

Это навело Джека на множество новых мыслей. Он был серьёзным парнем; он не хотел танцевать; он носил свои оковы и терпел свои язвы без единой жалобы. Но ему не нравилось, когда обманывали его или кого-то ещё. Он начал прятаться в укромных уголках дороги, поджидая путешествующих язычников, чтобы в сумерках, оставаясь невидимым, беседовать с ними; и они были очень рады побеседовать с любопытным юношей и поведали ему немало интересно. Ношение оков (сказали они) не было повелением Юпитера. Это было приказание бледнолицего существа, волшебника, он обитал в той стране в Древнем лесу. Он был подобен Главкусу, который мог принимать любой облик, но всё-таки его всегда можно было узнать; ибо когда его собирались убить, он кулдыкал как индюк. У него было три жизни; но лишение третьей будет его погубить; в тот миг его колдовской дом исчезнет, оковы падут и деревенские жители возьмутся за руки и станут танцевать как дети.

— А в вашей стране? — спрашивал Джек.

Но при этом путешественники единодушно прерывали его; так случалось, пока Джек не начал подозревать, что на земле не было ни единого счастливого уголка. А если он существовал, то его обитатели оставались дома; и это было вполне понятно.

Но случай с оковами повлиял на него. Образы хромающих детей постоянно являлись ему; их стоны и боль от язв часто ему мерещились. И наконец он решил, что рождён освободить всех узников.

Был в той деревне небесный меч, сотворённый на наковальне Вулкана. Им никогда не пользовались, только в храме, да и то лишь тупой стороной. Меч висел на гвозде у дымохода вероучителя.

Однажды после наступления темноты Джек встал, взял меч и в темноте ушёл из дома и из деревни.

Всю ночь он шёл без передышки; а когда настал день, он встретил незнакомцев, собиравшихся на поля. У них он справился о Древнем лесе и колдовском доме; и одни говорили, что это место находится на севере, а другие — что на юге; так продолжалось, пока Джек не понял, что они обманывают его. Теперь, спрашивая у кого-нибудь дорогу, он обнажал свой сверкающий меч; при этом оковы на лодыжке человека звенели и отвечали на вопрос; и ответ всегда был один: ПРЯМО. Но один человек, когда его оковы заговорили, плюнул, ударил Джека и начал бросать в него камни; Джек был сильно ранен в голову.

В конце концов он достиг леса, и вошёл в него, и обнаружил дом в низине, где росли грибы, сплетались ветви деревьев и поднимался огромными клубами пар от болот. Это был прекрасный дом, но очень хаотичный; некоторые части его были древними, как сами холмы, а некоторые как будто вчера построены, но ни одна часть не была завершена; и дом оставался открытым со всех сторон, так что войти в него можно было откуда угодно.

Однако дом находился в хорошем состоянии, и из всех труб шёл дым.

Джек вошёл через фронтон; и внутри оказались комнаты, все пустые, но частично обставленные, чтобы человек мог там жить; и в каждой был пылающий очаг, возле которого человек мог согреться, и стоял накрытый стол, где он мог поесть. Но Джек нигде не видел ни единого живого существа; только останки чьей-то трапезы.

— Это дом для странников, — сказал Джек. — Но земля здесь, должно быть, слишком болотистая, поскольку при каждом шаге здание трясётся.

Он провёл в доме некоторое время, а потом ощутил голод.

Тогда он взглянул на еду и поначалу испугался; но он обнажил меч, и в сиянии меча стало ясно, что продукты хороши. Тут он набрался храбрости, чтобы сесть и перекусить, после чего окреп телом и душой.

— До чего странно, — подумал он, — в колдовском доме оказалось столько вкусной еды.

Пока он ел, в ту комнату вошёл его дядя, и Джек до того испугался, что выхватил меч. Но дядя был необычайно добр, присел с ним за стол и похвалил его за то, что он взял меч. Никогда прежде им не было так хорошо вместе, и Джек был полон любовью к этому человеку.

— Это было очень хорошо, — сказал ему дядя, — взять меч и прийти в Старый дом; мудрая мысль и храбрый поступок. Но теперь ты счастлив; и мы можем вместе вернуться домой к обеду.

— Нет, дядюшка, нет! — сказал Джек. — Я ещё не счастлив.

— Как! — воскликнул дядя. — Ты не согрелся у огня? Тебе не понравилась эта еда?

— Я вижу, что пицца очень недурна, — сказал Джек; — но всё это не доказывает, что люди должны носить оковы на правой ноге.

И тогда призрак его дядюшки закулдыкал, как индюк.

— О Юпитер! — воскликнул Джек, — неужели он и есть волшебник?

Его руки опустились и сердце замерло в груди, поскольку он любил дядюшку; но он поднял меч и ударил призрака в голову; и призрак громко закричал голосом дяди и упал на землю; и маленькая бескровная белая тварь выбежала из комнаты.

АПОКРИФ

В ушах у Джека звенело, и коленки его дрожали, и совесть его была беспокойна; но он всё равно не терял присутствия духа, и оттого пробудилась в душе его жажда крови того чародея.

— Если оковы должны пасть, — сказал он, — мне нужно пройти через всё это, а когда я вернусь домой, то увижу своего дядю танцующим и поющим.

И он отправился в погоню за бескровной тварью. В пути он встретил призрак своего отца; и отец сердился, и кричал на него, и напоминал о сыновнем долге, и предлагал ему вернуться домой, пока ещё есть время.

— Ведь ты ещё можешь, — сказал он, — придти домой к закату. И тогда всё будет прощено.

— Видит Бог, — сказал Джек, — я боюсь твоего гнева; но всё же твой гнев не доказывает, что люди должны носить оковы на правой ноге.

И тогда призрак его отца закулдыкал как индюк.

— Святые небеса! — вскричал Джек. — Это опять волшебник!

Кровь, казалось, застыла в теле, и руки его предали, поскольку Джек любил своего отца; но он всё же поднял меч и вонзил его в сердце призрака; и призрак громко закричал голосом его отца и упал на землю; и маленькая бескровная белая тварь бросилась прочь.

В ушах у Джека звучал этот крик, и душа его затмилась; но теперь в ней пробудилась ярость.

— Я сделал то, о чём не осмеливался и подумать, — сказал он. — Теперь я пойду до конца или погибну. И когда я вернусь домой, молю Бога, чтобы это оказалось сном. И тогда увижу своего отца танцующим и поющим.

Так он продолжал гнаться за бескровной тварью; и в пути он встретил призрак своей матери, и она плакала.

— Что ты наделал? — кричала она. — Что же ты наделал? О, вернись домой (ты будешь там к часу сна), пока ты не принёс мне ещё больших горестей; ибо достаточно того, что ты сразил моего брата и своего отца.

— Дорогая мать, это не их я сразил, — сказал Джек. — Это был всего лишь чародей, принявший их облик. И даже если ты и права, это всё равно не доказывает, что человек должен носить оковы на правой ноге.

И в то мгновение призрак закулдыкал как индюк.

Он так и не понял, как сделал это; но он взмахнул мечом и разрубил призрак надвое; и тот громко закричал голосом его матери; и пал на землю; и когда он упал, дом над головой Джека исчез, и он стоял один в лесу, и кандалы с его ноги упали.

— Что ж, — сказал он, — чародей теперь мёртв, и оковы исчезли.

Но крики всё ещё звучали в его ушах, и день казался ему ночью.

— Это было страшное дело, — сказал он. — Мне нужно выбраться из леса, и посмотреть, сколько добра я сделал другим людям.

Он хотел оставить оковы там, где они лежали, но когда собрался в обратный путь, то передумал. Он наклонился и повесил оковы на грудь; и грубое железо ранило его, и на груди появилась кровь.

И когда он вышел из леса на дорогу, он повстречал людей, которые возвращались с работы; и те, которых он встречал, не носили оков на правой ноге, но увь! — они носили оковы на левой. Джек спросил их, что это значит; и они ответили:

— Это новое облачение, ибо старое теперь считают суеверием.

Тогда он присмотрелся к ним повнимательнее и обнаружил, что на левых лодыжках появились новые язвы, а старые справа ещё не зажили.

— Помилуй меня Боже! — закричал Джек. — Мне лучше пойти домой.

А когда он вернулся домой, там лежал его дядя, поражённый в голову, и его отец, пронзённый в сердце, и мать, рассечённая надвое. И он сел в пустом доме возле распростёртых тел и заплакал.

Мораль:

Дерево старо и плод хорош,
Древний лес особенно пригож.
Дровосек, душою крепок ты?
Берегись, ведь корни непросты:
Матери любовь, душа отца
Исчезают, коли рубишь до конца.

В защиту брака

Позтому слишком сильно будет сказать, что коммунизм сможет преодолеть всё неприятное, что есть в браке и семейной жизни, однако нетрудно допустить, что он преодолет то, против чего в этих институтах возражал Иисус. Он не производил их исчерпывающего исследования; он лишь со всей пламенностью выразил своё недовольство: недовольство столь глубокое, что все встречные соображения на другой чаше весов подобны пылинкам. Несомненно, такие соображения имеются, и даже местами весьма серьёзные. Когда Галейран сказал, что женатый мужчина с семьёй способен на всё, он имел в виду «на всё дурное»; но оптимист вправе заявить такую же полуистину, что женатый мужчина способен на всё доброе; именно брак превращает бездельников в добропорядочных граждан; и именно ради любви к своим супругам и детям мужчины и женщины будут культивировать достоинства, на которые неспособны самостоятельные индивидуумы. Действительно, одна из важнейших составляющих этой внутренней добродетели — самоотречение, которое и не достоинство вовсе; однако следование за внутренним светом во что бы то ни стало есть, главным образом, потакание своим прихотям, столь же самоубийственное, столь же беспомощное, столь же малодушное, как и самоотречение. Ибсен¹⁹⁰, обращавшийся к этому вопросу куда более решительно, нежели Иисус, не может найти ни одного золотого правила: и Бранд, и Пер Гюнт плохо кончили; и хотя Бранд не причинил столько вреда, сколько Пер, вред, причинённый им, чрезвычайно силен.

Наконец это превосходное предисловие допускает то, по поводу чего мы спорили. Наличие внутренней добродетели больше не отрицается. Однако до сих пор остаётся много неразберихи: например, Шоу говорит о «самоотречении, которое и не достоинство вовсе». Корень всей проблемы — то адское осознание греха, которое было погибелью человечества и которое берёт своё начало ещё в грубом анимизме и фетишизме. Посевы не взойдут, если мы не приносим в жертву по семьдесят семь девственниц в месяц. Мы не смазали идол Мумбо-Юмбо должной разновидностью крови — и это навлечёт на нас гром и молнии.

Нет такой вещи как самоотречение. Самоотречение — не более чем самодовольство самоотрекающихся. Есть старая-престарая история старой-престарой женщины, совершенно невежественной, слухом не слышавшей о христианстве до тех пор, пока не пришёл читавший Писание и не прочёл ей историю Распятия, на которой она запласть горькими слезами; но она быст-

¹⁹⁰ Генрик (Хенрик) Йоган Ибсен (1828-1906) — выдающийся норвежский драматург, основатель европейской «новой драмы». Занимался также поэзией и публицистикой.

В 1864 году Ибсен получил писательскую стипендию и уехал в Италию с семьёй, где в течение двух лет пишет две пьесы — «Бранд» (1865) и «Пер Гюнт» (1867). В театроведении принято рассматривать эти пьесы комплексно, как две альтернативные трактовки идеи самоопределения и реализации человеческой индивидуальности. (НО)

ро вытерла слёзы, заметив: «Что ж тут поделасешь, это ж было его хобби». Делай, что изволишь — таков весь Закон; или, как высказался недавно сам мистер Шоу, «золотое правило в том, что нет золотых правил».

Безбрачие — не средство

Плагаю, нам стоит считать протест Иисуса против брачных и семейных уз желанием человека особого рода быть свободным от них, ибо они — неодолимое препятствие для его трудов. Утверждая, что, буде желаем мы следовать за ним (то есть разделить с ним его труды), нам стоит отречься от всех наших семейных привязанностей, он всего лишь обозначил положение вещей; и по сей день римско-католический священник, буддийский лама и факиры всех восточных деноминаций принимают это изречение. То же самое относится к предприимчивым, любознательным, неутомимо энергичным людям всех мастей, — иначе говоря, к людям деятельным. Величайшая жертва в браке есть жертва деятельной жизни: оседлость. Утомлённые могут искать постоянства; но для молодых и сильных духом оно равнозначно самоубийству.

Чтобы утверждать, что тот или иной институт несовместим ни с созерцательной, ни с деятельной жизнью, жизненно важно помнить, что все поучения всех настоятелей и старейшин не заставят наши души смириться с собственным рабством. Неженатый Иисус и неженатый Бетховен, незамужние Жанна д'Арк, Клара¹⁹¹, Тереза, Флоренс Найтингейл кажутся само собой разумеющимися; а высказывание, что всегда есть что-то нелепое в женатом философе, становится неизбежным. Однако сейчас холостяк всё ещё более нелеп, нежели состоящий в браке: священник, принимающий безбрачие как альтернативу, дискредитирует себя; а лучшие из священников — те, что были мужами мира сего прежде, чем стали мужами мира грядущего. Но поскольку принятие обетов не аннулирует существующего брака, а женатый не может стать священником, мы снова сталкиваемся с абсурдом, что лучший священник — раскаявшийся грешник. Поэтому брак, сам недопустимый, толкает нас к недопустимым альтернативам. Практическое решение — сделать личность экономически независимой от брака и семьи, а брак — столь же легко расторгимым, как любое другое партнёрство: иными словами, принять решение, что опыт неторопливо направляет и наших социологов, и наших законодателей. Он не исправит всех несчастий брака незамедлительно, не выкорчует из человека одним ударом отвратительной традиции собственничества. Но он освободит целительные силы Природы; а на очищенной почве корневище зачахнет и погибнет.

Это опровергает все мысли и учения Иисуса, служащие неизменным поводом для споров. Все они созвучны лучшим мыслителям современности. Он поведал нам, что мы должны сделать; а нам следует изыскать для этого возможности. Большинство из нас в наши дни (как и большинство людей в его время) чрезвычайно непокорны и следуют этим путём под болезненным давлением обстоятельств, возмущённо заявляя на каждом шагу, что ничто не принуждает нас идти; что это нелепый путь, позорный путь, социалистический путь, атеистический путь, безнравственный путь, и что авангарду следует устыдиться и немедленно повернуть назад. Но они обнаруживают, что вынуждены идти в авангарде, если их жизни стоят того, чтобы жить.

Мистеру Шоу действительно очень не повезло; он намеренно стремится к ухудшению жизни. «Недопустим не только брак, но и его альтернативы»; и всё же мы делаем потрясающие успехи! Чёрный юмор замечания сэра Ричарда Бёртона по поводу женщин — «Ах, и с ними невозможно — и без них никак» — куда более точная формулировка для этого!

¹⁹¹ Вероятно, имеется в виду святая Клара Ассизская, урождённая Кьяра Оффредуччо (1194-1253) — итальянская святая, одна из первых последователей Франциска Ассизского и основательница ордена клариссинок. Также может иметься в виду святая Клара из Монтефалько (ок. 1268-1308) — августинская монахиня и настоятельница. (НО)

Можно заметить, однако, что — неважно, считает мистер Шоу на самом деле, будто экономическая независимость может помочь, или же нет, — он смутно осознаёт, что главная проблема — в ощущении греховности; примерно такой вывод можно сделать из следующего его пассажа: «Практическое решение — сделать личность экономически независимой от брака и семьи, а брак — столь же легко расторгимым, как любое другое партнёрство: иными словами, принять решение, что опыт неторопливо направляет и наших социологов, и наших законодателей. Он не исправит всех несчастий брака незамедлительно, не выкорчует из человека одним ударом отвратительной традиции собственности. Но он освободит целительные силы Природы; а на очищенной почве корневище зачахнет и погибнет».

После Распятия

Вернёмся же теперь к новозаветному повествованию; ибо случившееся после исчезновения Иисуса весьма поучительно. К несчастью, распятие обернулось полным политическим успехом. Помнится, написав об этом в словах, приведённых чуть выше, я серьёзно шокировал самую приличную газету своего родного города, «Дублин Дейли Экспресс», ибо моё журналистское высказывание свидетельствовало, что я отношусь к этому как к ординарному событию вроде самоуправления или страхования: то есть (хотя подобное и в голову не приходило редактору) как к событию реальному, всамделишному, а не как к части богослужения. Могу лишь повторить, что (если согласиться с моей точкой зрения, что это было реальное событие и что оно на самом деле имело место быть) оно возымело гораздо более полный успех, чем любое другое в истории. Христианство как особая доктрина погибло вместе с Иисусом, неожиданно и всецело. Он едва не замёрз в своей могиле — или высоко в своих небесах (как вам угодно), — пока апостолы волокли его традицию до того уровня, который мы наблюдаем теперь. А интеллектуальный язычник может ознакомиться с нею (если он только может научиться чему-то из современных книг) в романе Сэмюэла Батлера «Путь всякой плоти».

Итак, мы возвращаемся к новозаветному повествованию. Как утверждает мистер Шоу, «христианство как особая доктрина погибло вместе с Иисусом, неожиданно и всецело. Он едва не замёрз в своей могиле — или высоко в своих небесах (как вам угодно), — пока апостолы волокли его традицию до того уровня, который мы наблюдаем теперь. А интеллектуальный язычник может ознакомиться с нею (если он только может научиться чему-то из современных книг) в романе Сэмюэла Батлера “Путь всякой плоти”».

Вряд ли надо повторять, что христианство, против которого выступает мистер Шоу, в той же степени основывается на евангелиях, как то, которое он одобряет. Всё, что удостоилось его похвалы — обычная программа всякого восточного аскета: великолепные правила для личности исключительного темперамента, но совершенно неприемлемые для общества в целом.

Что касается другого христианства, не каждый читал «Путь всякой плоти» или даже «Отца и сына» Эдмунда Госса, но это их вина, а не моя, и именно они должны постараться искупить её. Но я готов простить им то, что они не читали книгу под названием «Мировая трагедия»¹⁹², ибо она редка и труднодоступна, поэтому сошлюсь лишь на фрагмент автобиографического предисловия её автора, в котором сухие факты изложены без всяких недомолвок, неясностей и намёков.

¹⁹² Крупная драматическая поэма Кроули, излагающая историю мира перед рождением Христа и после этого события в чрезвычайно кошунственной форме. Ему предшествует длинное прозаическое вступление — как утверждает здесь Кроули, автобиографическое. Крикливая гомосексуальность и антиклерикальные взгляды привели к тому, что книгу быстро запрещали (и сжигали). В настоящее время (по состоянию на 1988 г.) она выпущена издательством «Falcon Press». (НП)

Отрочество в аду¹⁹³

«Преподобный Х. д'Арси Чемпни, окончивший колледж Тела Христова со степенью магистра искусств, был закоренелым сектантом. На парламентских выборах он вычёркивал имена всех кандидатов и писал на бюллетене: “Я голосую за Царя Иисуса”.

В Кембридже, на Бэйтмен-стрит, 51, он открыл школу для мальчиков из семей Плимутских братьев. Да вгрызается в кости людские мука этого ада на земле (так я часто молился), и да не будет им покоя до тех пор, пока не засыплют сие узилище солью и не предадут его вечному проклятию! Дева, прошедшая мимо него, да сделается неплодна, а женщина, узревшая его, да выкинет плод чрева своего! Птицы небесные да убоятся пролетать над ним! Образом проклятия и ужаса, знаком отвращения и мерзости да пребудет оно меж людьми! Да будут ввергнуты в него нечестивые! Свет солнца да затмится над ним, свет луны не воссияет над ним! Да станет оно обиталищем мертвецов, да населят его демоны преисподней! Будь оно проклято, проклято, проклято — во веки веков!

Самую память о нём я проклинаяю по сей день — даже и теперь, в расцвете сил, когда с тела и души моих спали, наконец, все оковы.

Полагаю, с точки зрения экзаменаторов школа была весьма недурна. В нравственном же и физическом плане это была настоящая машина уничтожения и растреления. Не стану больше рассуждать об этом — просто представлю факты в том произвольном порядке, в каком подсказывает их память, и пусть читатель сам делает выводы.

1. Нам разрешалось играть в крикет, но не разрешалось вести счёт перебежкам, дабы в нас не пробудился “греховный дух соперничества”.

2. Однажды Чемпни сообщил мне, двенадцатилетнему мальчику, что так никогда и не осуществил брачные отношения со своей женой. Лишь благодаря отличной памяти на слова я понял, что он имел в виду, когда вспомнил этот эпизод много лет спустя. Он использовал куда более грубое выражение.

3. Нам твердили, что “Господь заботится о нашей школе особо, а потому выводит на свет всё, что творится под покровом тьмы, и делает всё тайное явным...”, и т. д., и т. п., до тошноты. “На сей раз орудием Ему послужил такой-то и такой-то, самоотверженно вышедший вперёд...”, и т. д., и т. п. Иными словами, добродетелей было всего две: лицемерие и подхалимство.

Естественно, из нескольких мальчишек, соучаствовавших в проступке, кто-то непременно пугался и спасал свою шкуру доносом. Доносчику всегда верили на слово, даже если рассказ его не укладывался ни в какие рамки здравого смысла. Свидетельства других очевидцев и независимые мнения в расчёт не принимались.

К примеру, один мальчик, некто Гласкотт, явно страдавший каким-то психическим отклонением, заявил мистру Чемпни, что на каникулах (когда мне было двенадцать лет) он приехал ко мне в гости, в дом моей матери (так оно и было), и застал меня в неподобающем виде. Я, по его словам, валялся пьяным под лестницей. Обратиться к моей матери за подтверждением никто и не подумал. Более того, мне самому никто не объяснил, в чём дело. Мне просто-напросто объявили бойкот: всем учителям и ученикам запрещено было заговаривать со мной, а мне — с ними. Меня посадили на хлеб и воду; в часы отдыха я в одиночестве занимался в классной комнате, а в часы уроков бродил в одиночестве вокруг спортивной площадки. Предполагалось, что

¹⁹³ Отрывок из предисловия к «Мировой трагедии» Алистера Кроули. Цитируется по переводу, выполненному Анной Блейз, с незначительными правками там, где были замечены отклонения от текста, приведённого в Liber 888. (НО)

я должен сознаться в преступлении, которого не совершал, при том что обвинение мне так и не предъявили.

Это наказание, которое в уголовном суде, пожалуй, сочли бы слишком тяжким даже для отравителя, я отбывал полтора семестра. В конце концов, мне пригрозили исключением, если я не “признаюсь”, и так красочно живописали все ужасы подобной кары (“жалкий негодяй, презираемый даже себе подобными, плетётся под бременем своей вины к позорной кончине”, и т. д., и т. п.), что я предпочёл терпеть мучения и дальше, благословляя руку палача.

Физически я был сломлен. Лишения и постоянное напряжение подорвали моё здоровье. В конце концов, у меня обнаружилась почечная болезнь¹⁹⁴, и меня забрали из школы на два года. По справедливости должен добавить, что против меня выдвигались и другие обвинения — но, как вы увидите, почти столь же нелепые.

Какие ещё проступки вменялись мне в вину, я узнал лишь благодаря вмешательству дяди (когда у того временно прояснилось в голове). Оказалось, что я будто бы пытался “совратить Чемберлена” — по счастью, не великого нашего государственного мужа, хитроумного Джо, а всего лишь его однофамильца, моего однокашника. (Напомню, что мне было двенадцать лет и я ещё ровным счётом ничего не знал о сексе.) Кроме того, я “устроил кощунственную пародию на молитвенное собрание”. Это я помню. Однажды я подошёл во дворе к компании мальчишек, которые всегда держались заодно. Заметив меня, кто-то из них сказал: “А теперь брат [...]”¹⁹⁵ начнёт читать молитву, а мы подхватим”. Брату [...] стало скучно, и он отошёл. Умный мальчик на моём месте направился бы напрямиком к директору и обвинил всю эту компанию разом в сорока шести непотребных грехах. Но я пренебрёг своим священным долгом. А остальные, опасаясь, что я опережу их, поспешили к директору сами и заявили, что нечестивый [...] пытался отратить их от Иисуса¹⁹⁶.

Хуже того, я назвал нашего первого ученика фарисеем. Это — чистая правда. Я действительно это сказал. Как у меня только язык повернулся?! Конечно же, первый ученик, “ходивший очень близко пред Иисусом”, пошёл и донёс.

О да, они все ходили очень близко пред Иисусом — совсем как Иуда.

4. Одного мальчика, Бартона, за какую-то мелкую кражу, в которой он, вероятно, и не был виновен, приговорили к ста двадцати ударам тростью по голой спине.

Какое грандиозное устроили над ним судилище! Сначала была молитва длиннее обычно; потом нам прочли с выражением рассказ о грехе Ахана из Иисуса Навина. Затем ещё часа два толковали о длани Господней, простёртой над нашею школой, и о том, как Он всё тайное делает явным. И вот мы надлежащим образом приутожились. Затем — сакраментальный вопрос: кто украл? Молчание. Тогда Господь являет Свою заботу, предоставив свидетеля — как во время оно свидетелей против Навуфея¹⁹⁷! Свидетель выступает, гладко, что твой полицейский. Затем — приговор. И, наконец, наказание — с перерывами на молитву!

Ввиду слабости здоровья, подорванного, надо полагать, чрезмерным усердием в поклонении Иисусу, Чемпни постановил шестьдесят ударов отвесить преступнику в тот же день, а оставшиеся шестьдесят перенести на завтра.

Память меня подводит; быть может, Бартон когда-нибудь любезно поделится собственными воспоминаниями; но, насколько мне помнится, уже в первый день он подошёл к смертной черте так близко, что от продолжения казни был избавлен.

¹⁹⁴ Почечная недостаточность является одним из основных следствий недоедания. (БХ)

¹⁹⁵ У Анны Блейз здесь и далее вместо пропусков стоит фамилия, «Кроули». (НО)

¹⁹⁶ У Анны Блейз — «сбить их с пути истинного». (НО)

¹⁹⁷ 3 Цар. 21:1. (АБ)

АПОКРИФ

Помню одну порку, доставшуюся лично мне (били по ногам, потому что бичевание ягодиц, как полагали, вводит жертву в чувственное возбуждение!): пятнадцать минут молитвы, пятнадцать ударов тростью, ещё пятнадцать минут молитвы, ещё пятнадцать ударов, и, в довершение, ещё молитва!

5. Воскресный день безраздельно посвящался “религии”. Утренние молитвы и проповедь (минут сорок пять). Утреннее “собрание” (от полутора до двух часов). Проповедь под открытым небом на участке Паркера¹⁹⁸ (допустим, ещё час). Чтение и заучивание Библии наизусть. Чтение какой-либо из немногих книг, “дозволенных для воскресенья” (скажем, два часа). Молитвенное собрание, именовавшееся добровольным, — но того, кто от него уклонялся, на следующий день ябедники непременно обвиняли в каком-нибудь преступлении (допустим, один час). Вечерняя молитва и проповедь (минут тридцать). Проповедь на евангельскую тему в зале собраний (полтора часа). То же самое на участке Паркера (ещё час). Молитва перед сном (около получаса).

6. “Вспомоществование убогим”. Каждый понедельник вечером всю школу выстраивали полукругом в большом классе. Затем туда впускали всякий сброд из Барнсвелла (это кембриджские трущобы), кормили их, читали им проповедь и отпускали восвояси.

Результат? Эпидемии стригущего лишая, кори и свинки. О, нет! Не в нищих дело; это Господь карал нас за некий грех, так и не ставший явным.

Продолжать в таком духе можно было бы долго, но я не стану. Надеюсь, в мире найдутся счастливые, которые сочтут, что я лгу или, по крайней мере, преувеличиваю. Однако же я ручаюсь, что всё сказанное выше — чистая правда, и до сих пор живо множество свидетелей, способных подтвердить мои слова или, напротив, изобличить меня во лжи. Все имена, адреса и прочие детали приведены доподлинно».

Юность¹⁹⁹

«Из-за альбуминурии, до которой Чемпини меня довёл своим жестоким обращением, я больше не мог учиться в обычной школе и перешёл под крыло разнообразных частных учителей — по большей части молодых людей из Кембриджа, членов этой омерзительной банды под названием КМХС²⁰⁰.

Припоминаю, как на первом году учёбы в Кембридже я посетил одного светоча КМХС, преподобного Как-Его-Там Доддриджа.

Припоминаю, как красноречиво он разглагольствовал о том, сколь великая отвага требуется человеку, чтобы пресекать все “непристойные разговоры”. Помню, какое сильное это произвело на нас впечатление; но тут внезапно вошёл некий джентльмен, чьё имя предварялось эпитетом “достопочтенный” и которому суждена была громкая слава в мире моторов и воздушных шаров²⁰¹, и поведал нам какую-то довольно пикантную историю. Памятуя о его “достопочтенности”, преподобный Как-Его-Там Доддридж мило посмеялся.

¹⁹⁸ Проповеди почти целиком сводились к чистому устрашению. Кроме живописания адских мук, были ещё «судилища». К примеру, над Мясником-Богохульником, который на призыв «омыться в Крови Агнца» отвечал: «Да-да, у меня тут есть один ягненок». *И в ту же самую ночь расудок его пошатнулся на своем престоле*, и т. д. (АК)

¹⁹⁹ В «Евангелии от Святого Бернарда Шоу» эта глава предисловия к «Мировой трагедии» даётся под одним заголовком с предыдущей. (НО)

²⁰⁰ КМХС (CICCU) — Кембриджский межвузовский христианский союз. (АБ)

²⁰¹ Он стал авиатором, одним из первых в стране, и погиб во время демонстрационного полета под Борнмутом. *In gloria requiescat!* (АК)

In gloria requiescat (лат.) — Покойся в славе! (АНО)

Помню, как мы, тогда ещё совсем мальчишки, поднялись и строем покинули его комнату, не попрощавшись. Просто мы ещё не знали, что такое КМХС.

Припоминаю ещё, как тот же Доддридж, когда его назначили надзирать за моим моральным обликом, подобрал меня отправиться гасить уличные фонари и сам помогал мне; но как только нас заметил полицейский, бросил меня ему на растерзание и бежал без оглядки. Настоящий ученик Иисуса!

Играть с другими детьми мне не позволялось — ведь они могли меня испортить! Теоретически, для совместных игр годились только «дети братьев», но, как правило, по социальным соображениям не подходили и они.

За мной постоянно следили, не занимаюсь ли я мастурбацией, и постоянно предостерегали меня и тревожились на этот счёт. Сколь же велика врождённая невинность человека, если за четыре года подобного обращения я так и не понял, хотя всеми фибрами души жаждал узнать, что же это за штука, вокруг которой люди разводят такую суету!

Но всё это меркнет перед теми, кого назначали мне в учителя! Вот уж поистине зануды из зануд! Правда, из-за болезни и нравственных мук (ни то, ни другое так и не прекратилось) я пребывал в таком душевном смятении, что следующие два года почти что выпали у меня из памяти.

Впрочем, по крайней мере, я позабочусь о том, чтобы эта книга попала в руки его высокопреподобия Армитейджа Робинсона, эсквайра, магистра искусств, доктора богословия и настоятеля Вестминстерского собора. Вероятно, он и без меня знает о том, как его брат-миссионер Джек склонил к содомии ещё одного их общего брата, Фреда, тоже миссионера; но едва ли он в курсе, что вышеупомянутый брат Фред (один из моих учителей) как-то раз попытался совратить меня в доме своей собственной матери на Мэйз-хилл. Это произошло, когда я был уже немного постарше и прекрасно понимал, что он делает. Я специально позволил ему зайти достаточно далеко, чтобы убедиться в этом полностью.

Думаю, мои читатели согласятся — довольно об учителях!²⁰²

И всё же следует сделать одно почётное исключение — для Арчибальда Дугласа, выпускника Оксфорда и путешественника. Он научил меня здравому смыслу и мужеству, и едва ли я когда-нибудь забуду, скольким ему обязан. До меня дошёл слух, что он уже умер, — да будет похоронен ему земля!

Разумеется, моя мать и её братец его не потерпели. (Не судите моих мать и дядю слишком строго! Первая была лучшей из матерей, но характер её до неузнаваемости исказила религиозная моноomanия, начавшаяся с того, что я бы определил как «истерический невроз вдовства»; последний же был типичным сексуальным дегенератом.) Они украли его письма и измыслили какой-то предлог, чтобы от него избавиться. И если уж «проклятье сироты святого ввергнет в ад»²⁰³, то что можно сказать о проклятье ребёнка, падшем на головы тех, кто по своему фанатизму и убожеству обрёл его на муки, подобные вышеописанным?

Вся моя душа томилась в оковах; доступ в общество для меня был закрыт; книги тоже были под запретом, не считая Скотта, Баллантайна, кое-чего из Диккенса и нескольких ещё более ужасных авторов.

Имеется в виду *Чарльз Стюарт Роллс* (1877-1910) — один из первых британских авиаторов и автомобилистов, предприниматель, в 1906 году совместно с Генри Ройсом основавший знаменитую автомобильную компанию «Роллс-ройс». (АБ)

²⁰² Этот краткий пассаж, касающийся поведения одного из преподавателей с необычайно крепкими связями среди чиновников и слишком шокирующий для того, чтобы издавать его в книге, предназначенной для широкой публикации, здесь опущен. (АК)

В 1-м издании эта сноска размещена в тексте, а не в постраничных комментариях. (БХ)

²⁰³ Цитата из поэмы С. Т. Кольриджа «Сказание о Старом Мореходе» (пер. В. Левика). (АБ)

Приведу примеры, чтобы читатель увидел, на каких принципах строилась в этом доме литературная критика.

“Дэвида Кошперфильда” мне запретили из-за “бедняжки Эмили” — дабы я не потерял уважения к матери, носившей то же имя. По этой же причине она наложила вето на “Баллады Бэба”, опрометчиво порекомендованные одним из учителей, — потому что “Эмили Джейн гувернанткой была...” А “Старый Мореход” Кольриджа подвергся осуждению из-за морских змей, которых он “благословил в сердце своём”: ведь в Книге Бытия змеи были прокляты!

Но я был не столь уж бесхребетен. В своё время, у Чемпни, я так и не примкнул к лицемерной шайке доносчиков; вот и теперь я принял вызов и решил отвоевать себе свободу. Я по долгу гулял в горах, куда не могли за мною последовать мои воспитатели и где мне могли повстречаться — и нередко встречались — прелестные сельские девушки, благослови их Господь!

Однажды я разошёлся во мнениях с одним учителем, и в ходе нашей дискуссии он упал со скалы в озеро (не помню, как оно называлось) неподалёку от Форсинара. С чего начался спор, я забыл; но, насколько припоминаю, в какой-то момент я швырнул в озеро его удочку и рассудил, что ему не худо бы попытаться её выловить.

Тем же вечером он застал меня в вересковых зарослях в обществе Белли Маккей, местной красотки (благослови её Боже!), и отказался иметь со мной дело впредь, сочтя безнадежным.

Вот так я сражался с этими свиньями! Они отправили меня в Малверн, где по слабости здоровья я оказался лёгкой добычей для всех хулиганов, но зато был защищён от знаков внимания со стороны всех начинающих Ойленбергов²⁰⁴. Мужеложство в Малверне было в порядке вещей; один из моих соучеников даже брал за это деньги. Собрав факты, я разумно распорядился ими, чтобы вырваться из этой школы.

Не следует полагать, будто развлечений другого рода там не имелось. Была, например, «чистка яиц» — род борьбы, цель которой состояла в том, чтобы ухватить противника за яички и прищемить как следует; была «смазка» — плевки в лицо или просто друг на друга, тайком, так, чтобы жертва поначалу ничего не заметила. К тому времени, как я там появился, на других факультетах к этим забавам уже потеряли интерес, но на нашем, хантингдоновском (№ 4), они цвели пышным цветом. Драки тоже случались; а ещё то и дело случались крикет и футбол.

Меня отправили в Тонбридж, и там я заболел; будь я достаточно осведомлён, то можно было бы утверждать, что отчасти это произошло по собственной моей вине или недосмотру; но на деле это явилось прямым последствием влияния той порочной системы, коя, не удовольствовавшись пытками собственного изобретения, предала меня, связанного по рукам и ногам и ослеплённого, на растерзание Её Величеству Природе.

Спасшись из Тонбриджа, я был отправлен в Истбурн, в семью одного П. Б.²⁰⁵, где получил больше свободы и мог бы быть счастлив; но отвратительная жестокость, с которой они обращались с единственным приятным и порядочным человеком во всём семействе, с моей дорогой «сестрой» Изабеллой, вынудила меня в конце концов прибегнуть к радикальным мерам во имя восстановления справедливости и покинуть их дом навсегда.

После этого меня отправили в Кембридж. Увидев, что теперь я — сам себе хозяин, я взялся за ум и стал добропорядочен, благочестив и трезв, дабы наверстать упущенное и заполнить пробелы в своём образовании.

Помимо чисто академических предметов, в Кембридже я учился кое-чему ещё: сражаться, любить истину и ненавидеть тиранию, — и, Богом клянусь! учили меня хорошо.

Этим моим учителям я благодарен от чистого сердца».

²⁰⁴ *Филипп Ойленберг* (1847-1921) — немецкий князь, политик и дипломат, в 1907-1909 гг. ставший участником скандального судебного процесса по обвинению в гомосексуальной связи с генералом Куно фон Мольтке. (АБ)

²⁰⁵ Плимутского Брата. (АБ)

Мстительные чудеса и камневание Стефана

Возьмём, например, чудеса. У Иисуса — единственного из всех христианских чудотворцев — не отмечено (кроме разве что в некоторых всеми отвергаемых евангелиях) ни одного злобного или разрушительного чуда. Непогодная смоковница была единственной жертвой его гнева. Каждое из его чудес в отношении чувствующих объектов было деянием доброты. Иоанн сообщает, что он исцелил рану человека, чьё ухо было отсечено Петром во время ареста в саду.

Один из первых случаев, когда апостолы использовали свою чудотворную силу — умерщвление жалкого мужичонки и его жены, которые обманули их, утаив некоторую часть денег от уплаты на общественные нужды. Они ослепляли и умерщвляли людей, не давая им покаяться, судя, ибо судимы были. Они исцеляли немощных и воскрешали мертвецов, скорее всего, ради чистой показухи и рекламы. В их учении не осталось ни единого лучика от того света, который указывает на Иисуса как на одного из избавителей людей от глупости и порока. Они отбросили его и вернулись напрямик к Иоанну Крестителю и его формулам, обещающим отпущение грехов через покаяние и обряд крещения (нового рождения водою и духом).

Первая тирада Петра утешает меня человеческим налётом своего вступления, ставшим для его слушателей своеобразным заверением того, что они должны поверить, будто он в здравом уме, лишь потому, что слишком ранний час, чтобы быть пьяным; но об Иисусе он не сообщает ничего, кроме того, что тот был христом, которого предрекли пророки как исходящего из семени Давидова, и что они должны поверить в это и принять крещение. Другие апостолы постоянно добавляют по этому поводу порицания евреям, распявших его, и грозят истреблением, которое постигнет их, ежели те не покаются: то есть, ежели не присоединятся к секте, которую создавали теперь апостолы.

Совсем уж нетерпимый молодой проповедник по имени Стефан выступил перед членами совета с речью, занудно пересказав им сперва историю Израиля (с которой, по всей видимости, они были знакомы не хуже его), а затем понося их самыми оскорбительными словами: например, «жестоковейные» и «необрезанные». Наконец, надоев им и рассердив их сверх всякой меры, он объявил, возрев на небо, что увидел небеса отверсты и Христа, стоящего одесную Бога. Это уж было слишком: они выволокли его из города и побили камнями до смерти. Это был слишком радикальный способ заткнуть бестактного и высокомерного зануду; но он был вполне простительным и человеческим по сравнению с убийством несчастных Анании и Савфiry.

«**У** Иисуса — единственного из всех христианских чудотворцев — не отмечено (кроме разве что в некоторых отвергаемых всеми евангелиях) ни одного злобного или разрушительного чуда. Непогодная смоковница была единственной жертвой его гнева. Каждое из его чудес в отношении чувствующих объектов было деянием доброты».

Это действительно так. Но Иисус постоянно одобряет мстительные чудеса. Он не моргнёт и глазом, слыша об истреблении всей земли потопом, а Содома и Гоморры — огнём. Кроме того, он подробно рассказывает о своих причинах непротivления злу в притче о пшенице и плевелах. Он предпочитает ждать конца света, чтобы устроить всем грандиозную гекатомбу.

Здесь простой читатель может усмотреть то же дурное милосердие — оставлять людей одних в этих условиях, — и инквизицию, сжигающую людей заживо, дабы спасти их души, с такой точки зрения нельзя считать более жестокой, нежели хирурга. В то же время, помимо всего прочего, этот оттенок чудес обладает, по общему признанию, и особым воздействием. Он добавляет правдоподобия этому иначе бесцветному и неубедительному повествованию. Он напоминает, что фонтан авторитета иссяк, а его преемники были вынуждены предпринять практические меры, чтобы гарантировать преемственность. Это самая естественная мера в подобных обстоятельствах.

Но мистер Шоу проговорился. Он упомянул о «некоторых всеми отвергаемых евангелиях». Но если мы обратим внимание на то, что «все», о которых здесь говорится, вовсе не «все» — ибо, несомненно, авторы этих евангелий не отвергали их, — а лишь приверженцы, настроенные не пропустить ничего без своей цензуры, — разве не будет этот факт причиной для несогласия? Совершенство биографии не должно определяться по тому, благожелательная она или нет, в зависимости от наших личных представлений о том, что мы пожелаем считать истиной. Прагматизм может завести слишком далеко!

Например, всего несколько лет назад у нас было не менее пяти англоязычных биографий (или «евангелий») Оскара Уайльда. Те непревзойдённые глупцы, которые не могут поверить, что драматург был не чем иным как сочетанием всякой добродетели и изысканности, с негодованием отвергают Евангелие от Фрэнка Харриса²⁰⁶. Однако мы, кому небезразлично, был Уайльд вторым принцем-консортом²⁰⁷ или вторым Калигулой, но кто желает при этом понять, как человек такого типа мог написать «Идеального мужа», с сомнением относимся к точке зрения подобных людей. Слишком пристрастное выпячивание делает нас недоверчивыми. К слову сказать, мы принимаем точку зрения Фрэнка Харриса на Уайльда потому, что, прежде всего, он говорит о лучшем и худшем в человеке с небрежностью столь всеохватной, которую только можно вообразить.

Есть те, кто считает преданность высочайшей истиной. Это благородное отношение; но не критическое. Несомненно, решение не за ними, и тот факт, что они отвергают некоторые евангелия, не должен мешать человеку объективному в тщательном их изучении.

Павел

Неожиданно в этой сцене появляется гениальный человек, Павел, ярый антихристианин, хранящий одежды мужей, побивающих Стефана камнями. Он терзал христиан с великим рвением: досуг, который совмещал он с деланием палаток. Эта предвзятая ненависть к Иисусу, которого он никогда не видел, — патологический симптом характерных свойств его совести и нервной конституции, предающих своих жертв тирании двух навязчивых страхов: страха греха и страха смерти, которые могут называться также страхом секса и страхом жизни.

Что до Иисуса, с его здоровой совестью более высокого порядка, он был свободен от этих страхов. Он свободно водил компанию с грешниками и, насколько нам известно, ни разу не задумывался о том, было его поведение греховным или нет; поэтому он убедил нас в том, что он — человек без греха. Даже если мы посчитаем его последние дни днями заблуждения, он, тем не менее, довольно убедительно показал нам преодоление страха смерти. Это должно было и восхищать, и ужасать Павла, или Савла, как он прежде звался. Ужас можно прочесть в его свирепом преследовании христиан. Увлечённость — в причудах его воображения: воображения, позволившего превратить имя Иисуса Христа в великую идею, открывшуюся ему по дороге в Дамаск; идею, что он сможет не только превратить два своих страха в религию, но и сделать начинания Иисуса ядром своей новой Церкви. Идея была чудовищной; и потрясение от этого, как он впоследствии заявил, сделало его слепым на несколько дней. Он услышал Иисуса, взывающего к нему из облаков: «Что ты гонишь Меня?» Природная ненависть к учителю, не страшась Греха и Смерти, превратилась у него, видевшего чудовищность прекрасного в ложном свете, в неистовое личностное поклонение.

²⁰⁶ Фрэнк Харрис. «Оскар Уайльд: его жизнь и признания». (НО)

²⁰⁷ *Принц-консорт* (принц-супруг) — супруг правящей королевы (за исключением тех случаев, когда он сам является королём). В данном случае имеется в виду *Альберт, герцог Саксен-Кобург-Готский* (Франц-Август-Карл-Эммануил) (1819-1861) — герцог Саксонский, муж королевы Великобритании Виктории, родоначальник ныне царствующей в Великобритании Виндзорской династии. (НО)

Автор Деяний Апостолов не замечает важности этого. Великая опасность обращения во все времена заключалась в том, что, когда религия высокого ума предлагается более низкому, более низкий ум чувствует увлечение, не понимая её и будучи не в состоянии возвыситься до неё, опуская её до своего уровня десакрализацией. Несколько лет тому назад я говорил, что обращение дикаря в христианство есть обращение христианства в дикость. Обращение Павла вовсе не было обращением: это Павел превратил религию, возвысившую одного человека над грехом и смертью, в религию, столь полно подчинившую себе миллионы людей, что их собственная природа сделалась для них ужасом, а религиозная жизнь — отрицанием жизни.

Павел не стремился отбросить свой иудаизм или своё римское гражданство ради нового нравственного мира (как назвал его Роберт Оуэн²⁰⁸) иисусианства и коммунизма. Как в XIX веке Карл Маркс, не удовлетворившись известной ему политэкономикой, перефразировал её сверху донизу на собственный манер и тем самым дал новую жизнь тем же ошибкам, которые перефразировал, так и Павел воскресил прежний сальвационизм, от которого Иисус тщетно пытался избавиться, и создал фантастическую теологию, которая до сих пор остаётся самой невероятной из всех известных нам. Будучи заядлым римским рационалистом, всегда отвергающим всякую иррациональную реальность ради нереального, но рационального постулата, он отринул Человека как он есть и заменил его постулатом, который называл Адамом. И когда его спросили (как это и должно было случиться в не вполне свихнувшемся мире), что есть природный²⁰⁹ человек, он ответил: «Адам И ЕСТЬ природный человек». Это может сбить с толку простаков, ибо, согласно традиции, имя «Адам» относится, несомненно, к природному человеку как к сотворённому в Эдемском саду. Точно так же нынешний проповедник мог бы описать как типичного британца чудовище Франкенштейна и назвать его Смитом — и кто-то на вопрос, что есть «человек с улицы», ответил бы: «Смит и есть человек с улицы». Это случается довольно часто; ибо мир действительно полон таких Адамов, и Смитов, и людей с улицы, и простых плотских людей, и экономных мужчин, и женственных женщин, и т. д., и т. п., всех тех воображаемых атлантов, что несут воображаемый мир на своих бесплотных плечах.

Эдемская история наделяет Адама грехом: «первородным грехом», что лежит проклятием на нас на всех. На первый взгляд это кажется нелепостью; однако это хорошо перефразируется с тем, что можно обнаружить в сознании не только Павла, но и нас самих. Первородный грех — это не поедание запретного плода, но осознание греховности, вызванное этим плодом. Когда Адам и Ева отведали яблоко, они устыдились своих сексуальных отношений, до сих пор казавшихся им совершенно невинными; и нет факта более жестокого, чем то, что этот стыд, или состояние греха, держится до сего дня, и что он — один из сильнейших наших инстинктов.

Таким образом, постулат Павла об Адаме как природном человеке был истинен с точки зрения прагматизма: он работал. Но слабость прагматизма в том, что работает большинство теорий, если мы положим всю жизнь на то, чтобы она работала, — ежели только у них найдётся некая точка взаимодействия с человеческой природой. Гедонизм проходит проверку прагматизмом точно так же, как и стоицизм. В некоторых пределах действительной оказывается всякая социальная система, кроме, разве что, совершенно дурацкой: автократия работает в России, а демократии — в Америке; атеизм — во Франции, политеизм — в Индии, монотеизм — в исламе, а прагматизм (или ноизм²¹⁰) — в Англии.

²⁰⁸ Роберт Оуэн (1771-1858) — английский социалист, один из первых социальных реформаторов XIX века. «Книга о новом нравственном мире» (1842-1844) — одно из главных его произведений. (НО)

²⁰⁹ В синодальном переводе (1 Кор. 2:14) — «душевный», в противовес «духовному». (АНО)

²¹⁰ Ноизм (апейротеизм) — термин, введённый шотландско-американским философом Томасом Дэвидсоном (1840-1900) и означающий учение о божественной природе или идеальной рациональности, распределённой среди бесконечного множества личных разумов. (НО)

Невероятные представления Павла о проклятом Адаме, которого Баньян описывает как пилигрима, несущего на спине великое бремя греха, соответствуют фундаментальным условиям эволюции, которые заключаются в том, что жизнь (в том числе человеческая) непрерывно развивается и потому вынуждена неизменно стыдиться себя, и своего настоящего, и своего прошлого. Пилигрим Баньяна желает избавиться от обузы своих грехов; но ещё ему хочется достигнуть «того сияющего света»; и когда, наконец, его бремя падает ко Гробу Господню, его паломничество ещё не закончено, а тяжкие испытания по-прежнему ждут его впереди. Его совесть всё ещё беспокойна; «первородный грех» всё ещё мучит его; и его приключения с великаном по имени Отчаяние, швыряющим его в темницу Замка Сомнения (откуда ему удаётся улизнуть при помощи отмычки) — страшнее всего, что встречал он, когда обуза ещё лежала у него на спине. Таким образом, аллегория Баньяна о человеческой природе пересекается с Павловским богословием в сотне мест. Его теологическая аллегория — Священная Война с её полчищем избранных скептиков и коней, «на которых скакали реформадо²¹¹», — по большей части абсурдна, невероятна и (кроме разве что тех пассажей, в которых старый поэтический Адам в мгновение ока становится лучшим из сальвационистских богословов) вряд ли удобочитаема.

Теория Павла о первородном грехе была, в некоторой степени, идиосинкратичной. Павел уверенно говорит нам, что нашёл превосходный способ избежать греховности секса в практике целибата; но он признаёт (довольно высокомерно), что в этом отношении он не подобен остальным людям, и добавляет, что лучше им вступить в брак, нежели разжигаться, допуская таким образом, что (хотя брак и может привести к тому, что желание угодить жене или мужу окажется выше желания угодить Богу) озабоченность неудовлетворённым желанием всё же может оказаться куда более безбожной, нежели озабоченность семейными привязанностями. Эта точка зрения неизбежно заставляла его настаивать на том, что жена — скорее рабыня, нежели партнёр; что её настоящая обязанность — не искать мужской любви и понимания, а, напротив, позволять мужу посвятить их Богу, освобождая его от всяческой заботы о сексе точно так же, как своими способностями в качестве экономки и кухарки — от заботы о хлебе насущном: простым удовлетворением его appetitov. Подобное рабство тоже можно прагматично оправдать действенной эффективностью; но она делает Павла вечным врагом Женщины. По стечению обстоятельств это привело к множеству нелепых домыслов о личности Павла и обстоятельствах его жизни со стороны чрезмерно озабоченных сексом людей, воспринимающих холостяка как своего рода чудовище. Они забывают, что не только всё духовенство, официальное и неофициальное (от Павла до Карлайла²¹² и Рёскина), бросали вызов тирании секса, но и огромное количество простых граждан обоих полов (добровольно или под давлением легко преодолимых обстоятельств) берегло силы для не столь примитивной деятельности.

Как бы то ни было, Павел преуспел в присвоении образа распятого Христа в качестве носовой фигуры своего сальвационистского судна с его Адамом, позиционируемом как естественный человек, доктриной первородного греха и проклятием, преодолимым лишь верой в крестную жертву. И в самом деле, не успел Иисус повергнуть дракона суеверия, как Павел смело поставил его на ноги вновь именем самого Иисуса.

Теперь мы добрались до того раздела предисловия, который в значительной степени является средоточием всей аргументации (не хочу лишать автора единоличных лавров, но будет честно по отношению к памяти Анны Кингсфорд²¹³ напомнить читателю о том, что

²¹¹ Реформадо — 1) офицер расформированного подразделения; доброволец в офицерском чине, но без подчинённых рядовых; 2) монах реформатского ордена. (НО)

²¹² Распространённая шотландская фамилия. Судя по контексту, здесь может иметься в виду, например, Александр Карлайл (1722-1805) — шотландский церковный лидер и автобиографист, Томас Карлайл (1803-1855) — шотландский юрист и апостол Католической Апостольской Церкви, и др. (НО)

²¹³ Анна Кингсфорд (1846-1888) — английская религиозная писательница, поэтесса, врач, астролог, мистик. Оказала большое влияние на МакГрегора Мазерса, одного из основателей Ордена Золотой Зари. (НО)

теория о характере Павла, изложенная в данном предисловии, восходит именно к ней и являлась одной из основополагающих черт её попытки возродить христианство на основе учения Иисуса²¹⁴). Нам не так уж и много известно о Павле, чтобы уверенно говорить о физических недугах, которыми он страдал. Однако свидетельств его отношения к половому вопросу вполне хватает, чтобы вызвать у нас подозрение, что он был своего рода сексуальным дегенератом. Всякий сексуально неуравновешенный человек, сочетающий с этой проблемой могучий интеллект и определённый личностный уровень — куда более опасный дикий зверь, нежели какой-нибудь скалочный дракон. По всей видимости, Павел был чудовищем именно такого рода.

Мистер Шоу более или менее разделяет такую позицию, хотя и не говорит об этом прямым текстом. Обычный рационалист добавляет к этому диагнозу эпилепсию на основании явлений, описывающих обращение Павла. Но эпилепсия — опасное оружие. Люди, утверждающие это слишком часто — сами обычно моральные эпилептики. Кто там — Ломброзо²¹⁵ или какой-то ещё псих — приводил аргументы в пользу того, что эпилептиками были Мухаммед, Цезарь, Гёте и другие величайшие мужи мира сего? Специалисту всегда хочется доказать, что девяносто пять процентов человечества страдают именно той болезнью, которую он изучает. Достаточно лишь собрать консилиум докторов, дабы обосновать, что каждый болен всеми недугами одновременно!

Однако цель этих страниц — показать, что павловская доктрина вполне согласуется с таковой самого Иисуса. «Павел воскресил прежний сальвационизм, от которого Иисус тщетно пытался избавиться, и создал фантастическую теологию, которая до сих пор остаётся самой невероятной из всех известных нам. Будучи заядлым римским рационалистом, всегда отвергающим всякую иррациональную реальность ради нереального, но рационального постулата, он отринул Человека как он есть и заменил его постулатом, который называл Адамом. И когда его спросили (как это и должно было случиться в не вполне свихнувшемся мире), что есть природный человек, он ответил: “Адам И ЕСТЬ природный человек”».

Благодаря цитированию многочисленных отрывков мы уже продемонстрировали сальвационистское учение Иисуса в самых доступных словах. Теперь же рассмотрим один из самых примечательных евангельских пассажей. Это первая приведённая Иоанном беседа Иисуса, которая ведётся с фарисеем по имени Никодим. Она приведена в третьей главе Евангелия от Иоанна (ст. 14-20): «И как Моисей вознёс змию в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасён был чрез Него. Верующий в Него не судится, а неверующий уже осуждён, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия. Суд же состоит в том, что свет пришёл в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы; ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет и не идёт к свету, чтобы не обличились дела его, потому что они злы».

Эти рассуждения начинаются в той же главе (ст. 1-5) следующим образом: «Между фарисеями был некто, именем Никодим, один из начальников Иудейских. Он пришёл к Иисусу ночью и сказал Ему: Равви! мы знаем, что Ты учитель, пришедший от Бога; ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если не будет с ним Бог. Иисус сказал ему в ответ: истин-

²¹⁴ Кажется, она была одержима подсознательной уверенностью в том, что Иисус был синтезом языческих богов. Это одно из самых значимых проявлений непреднамеренной точности интуиции; ибо её сознательные интеллектуальные способности не более чем посредственны. (АК)

²¹⁵ *Чезаре Ломброзо* (1835-1909) — итальянский тюремный врач-психиатр, родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве, основной мыслью которого стала идея о прирождённом преступнике. Главная заслуга в криминологии Ломброзо заключается в том, что он сместил акцент изучения с преступления как деяния на человека — преступника. (НО)

но, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия. Никодим говорит Ему: как может человек родиться, будучи стар? неужели может он в другой раз войти в утробу матери своей и родиться? Иисус отвечал: истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие».

Из этих фрагментов мы узнаём, что «человек» — то есть любой человек (или, если вам угодно, «мир» — то есть все люди) неисправим. Он не может узреть Царствия Божия. Он должен погибнуть, и Иисус явился в мир специально для того, чтобы спасти его от этого состояния. Изменение символизируется новым рождением. Совершенно очевидно, что эта операция должна свершиться благодаря вере в Иисуса. Вера эта не является исключительно вопросом доброй воли, как очевидно из Ин. 6:28-29,37,44: «Итак сказали Ему: что нам делать, чтобы творить дела Божии? Иисус сказал им в ответ: вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал... Всё, что даёт Мне Отец, ко Мне придёт; и приходящего ко Мне не изгоню вон... Никто не может придти ко Мне, если не привлечёт его Отец, пославший Меня; и Я воскрешу его в последний день». Довольно забавно читать в 60-м стихе той же главы комментарий учеников: «Какие жестокие²¹⁶ слова! кто может это слушать?» Таково наглядное изложение доктрины о выборе и предопределении.

Однако основное положение здесь — что человек как таковой неисправим и что требуется спасение, каковое и составляет практическую часть доктрины Павла. Единственное, в чём можно придаться к Шоу — отождествление «человека» Иисуса с «Адамом» Павла. Но Иисус не говорил «человек»; он говорил на иврите (или на одном из его диалектов) и сказал «Адам». Если мистер Шоу будет так добр, чтобы привести чёткие различия между доктринами Павла и Иисуса, он, несомненно, заслужит признательность всего человечества.

Как можно заметить, Адам — это человечество, а не только имя первого человека. Оно равнозначно немецкому «*mensch*». Просвещённая или мистическая школа комментаторов иудейских Писаний не верила историям, изложенным в Книге Бытия, в грубой манере, предусмотренной древними дикарями и современными так называемыми либералистами. Это был бунт человека против Бога, его падшая природа, описанная в Бытии в виде притчи. Комментаторы взяли часть популярных народных знаний и обнаружили в них философский смысл точно так же, как любой человек может извлечь универсальную мораль из игр и романов, вовсе не полагая, что у них есть какая-то историческая подоплёка.

В этом разделе продолжается отождествление греха с сексом: «Теория Павла о первородном грехе была, в некоторой степени, идиосинкратичной. Павел уверенно говорит нам, что нашёл превосходный способ избежать греховности секса в практике целибата; но он признаёт (довольно высокомерно), что в этом отношении он не подобен остальным людям, и добавляет, что лучше им вступить в брак, нежели разжигаться, допуская таким образом, что (хотя брак и может привести к тому, что желание угодить жене или мужу окажется выше желания угодить Богу) озабоченность неудовлетворённым желанием всё же может оказаться куда более безбожной, нежели озабоченность семейными привязанностями. Эта точка зрения неизбежно заставляла его настаивать на том, что жена — скорее рабыня, нежели партнёр; что её настоящая обязанность — не искать мужской любви и понимания, а, напротив, позволять мужу посвятить их Богу, освобождая его от всяческой заботы о сексе точно так же, как своими способностями в качестве экономки и кухарки — от заботы о хлебе насущном: простым удовлетворением его appetitov. Подобное рабство тоже можно прагматично оправдать действенной эффективностью; но она делает Павла вечным врагом Женщины. По стечению обстоятельств это привело ко множеству нелепых домыслов о личности Павла и обстоятельствах его жизни со стороны чрезмерно озабоченных сексом людей, воспринимающих холостяка как своего рода чудовище».

²¹⁶ В русском синодальном переводе — «странные». (АНО)

Дело вовсе не в этом. Дело в Павле, который одержим сексом до такой степени, что делает его «грехом»; тогда как это — столь же естественная человеческая потребность, как еда или питьё. Холостяк на самом деле «своего рода чудовище». Сексуальный процесс так тесно связан с сознанием (или, если вам угодно, с подсознательным²¹⁷), что любое отклонение от нормальной палитры уводит самыми невероятными дорогами не только ум, но и характер. Достаточно лишь вспомнить пресловутую жестокость евнухов, особые перемены в характере, наблюдаемые у старых дев, и несомненные изменения на физическом плане в результате подобных ограничений. Можно подумать и о чрезвычайно распространённых формах безумия, с одной стороны, связанных с половым созреванием, а с другой — происходящих у женщин во время менопаузы, а у мужчин — при импотенции, чтобы увидеть, что современная медицина абсолютно права в убеждении, что всякое отступление от нормальной, здоровой реализации этих функций чрезвычайно опасно для умственной устойчивости. Среднестатистический человек, лишённый должной заботы в этом вопросе, может стать в этом случае опасным психопатом.

Там, где есть врождённая недееспособность, мы почти всегда сталкиваемся с фанатизмом. Показательны случаи с людьми, «избавившимися от тирании секса»²¹⁸, на которые ссылается мистер Шоу. Карлайл и Рёскин — примеры величайшей умственной неполноценности, почти неизменно вызываемой половыми аномалиями. Он говорит также обо «всём духовенстве»; здесь можно лишь заметить, что он вряд ли смог бы привести жрецов Аттиса как пример безвредности пренебрежения важнейшими жизненными функциями! На людей, занимающихся тяжёлыми атлетическими упражнениями, сопровождаемыми реальными трудностями и полным истощением (например, на естествоиспытателей), долгие лишения могут и не оказать разрушительного воздействия. Но любой человек с маломальскими школьными или университетскими познаниями прекрасно знаком с недостатком душевного равновесия, вызываемым подобными проблемами. Религиозная истерия в возрасте полового созревания — феномен почти универсальный. Ни один нормальный человек во всём мире не будет ни в малейшей степени одержим сексом. Только больные твердят, и твердят, и твердят о нём в манере, вызывающей тошноту даже тогда, когда их речи звучат так сострадательно!

Неразбериха в христианском мире

Теперь совершенно очевидно, что нельзя смешивать под одним именем две религии, оказавшие на человечество столь противоположные эффекты. Ни единого слова павловского христианства не найти в характерных изречениях Иисуса. Когда Савл следил за одеждами людей, побивающих Стефана камнями, он исходил не из тех убеждений, от которых позднее отрёкся Павел.

Нет ни одной записи о том, что Христос хоть раз сказал хоть одному человеку: «Иди и греши, сколько тебе вздумается: можешь свалить потом всё это на меня». Он говорил «не греши больше» и настаивал, что пришёл утвердить Закон, а не нарушить его, и что праведность христианина должна превзойти таковую книжника и фарисея. Ни один авторитетный источник не позволяет вменить ему в виду представление о том, что он пролил свою кровь, дабы всякий мелкий обманщик, и фальсификатор, и распутник могли омыться ею и стать белее снега. «Я пришёл как панацея от нечистой совести» — высказывание не из евангелий.

Мы можем сделать вывод из учения Иисуса, что, узнай об аллегории Баньяна о ноше греха, падающей со спины пилигрима при виде креста, он убедительно разъяснил бы Баньяну, что в жизни своей не совершал столь великой ошибки и что задачей Христа было заставить самодовольных грешников

²¹⁷ Психоналитики называют это теперь «бессознательным»: неуклюже неоднозначное слово! (АК)

²¹⁸ Человека, родившегося слепым, вряд ли можно назвать «избавившимся от тирании», заставляющей других людей видеть то, что находится у них перед глазами. (АК)

почувствовать бремя своих грехов и перестать их творить, а не уверять их, что ничего всё равно не исправит, ибо во всём виноват Адам, но что это не имеет значения, если ты легковерен и самолюбив.

Даже уверовав, что он есть бог, он не считал себя козлом отпущения. Он собирался избавить мир от греха добрым правлением, правосудием и милосердием, поставив благосостояние малых детей превыше княжеской гордости, отбросив всё знахарство и идолослужение (узурпировавшие ныне Божью силу и злоупотребляющие ею, превратив Бога в то, что наши местные авторитеты причудливо называют попирателем праха) и рассекая по облакам небесным во славе, а не в автомобиле за тысячу гиней. Если вам угодно, это была бредовая идея; но это был бред души свободной, а не скованной позором, вроде Павла. Воистину, нигде и никогда не свершалось мошенничества более ужасного, чем ограничения, наложенные душой Павла на душу Иисуса.

Секрет успеха Павла

Вскороности Павел должен был обнаружить, что его последователи обрели душевный покой и победу над смертью и грехом ценой всякой моральной ответственности; ибо он сделал всё возможное для такого нововведения, компенсируя добрые дела проверкой на искреннюю веру и настаивая на том, что искренняя вера необходима для спасения. Но поскольку его система коренилась на том простом факте, что к тому, что он называл грехом, относится секс и, следовательно, неискоренимая часть человеческой природы (иначе для чего Христос искупил грехи всех будущих поколений?), — он не мог утверждать, что грех этот, даже в худших своих крайностях, может лишить грешника спасения, ежели тот покается и уверует. И по сей день павловское христианство — это плата за грех, и тем самым оно обеспечивает свою огромную популярность. Последствия этого сдерживались умудрённым большинством с помощью весьма антихристианской системы уголовного закона и жёсткой морали. Но, конечно же, основным ограничителем является человеческая природа, которой добрые импульсы свойственны так же, как и злые, а от краж, убийств, жестокости люди воздерживаются даже тогда, когда научены, что могут творить любые из них за счёт Христа и благополучно взойти впоследствии на небеса: просто потому, что не всегда хочется убивать, или грабить, или истязать.

Теперь нетрудно понять, почему христианство Иисуса не могло утвердиться политически и социально и легко подавлялось полицией и церковью, тогда как паулинизм покорил весь западный цивилизованный мир, которым на тот момент была Римская Империя, и был принят в нём как официальная религия: прежние мстительные боги беспомощно пали перед новым Избавителем. До сих пор (как мы можем увидеть это на примере Африки) оно является силой, несущей простым людям послание надежды и утешения, которых не может предложить ни одно другое вероисповедание. Но это очарование вызвано случайной ассоциацией с личным обаянием Иисуса и существует лишь для неподготовленных умов. В руках подкованного по части логики француза вроде Кальвина, строящего на нём свои предельные выводы и создающего «институты» для практичных зрелых шотландцев и скрупулёзных швейцарцев, оно становится самым адским из всех фатализмов; и жизни цивилизованных детей бичует его логика, пока негритянская детвора восторгается его легендами.

Черты Павла

Однако Павел заслужил свою отличную репутацию не одним лишь только жульничеством и реакцией. Лишь по сравнению с Иисусом (которого можно ему предпочесть) он был грубым и высокомерным. И хотя в Деяниях он — всего лишь банальный ревивалист, в собственных посланиях он являет себя истинным поэтом, — пусть и отдельными проблесками. Он христианин не в большей степени, чем Иисус был крестильщиком; он ученик Иисуса лишь настолько, насколько Иисус был учеником Иоанна. Он не делает ничего, что сделал бы Иисус, и не говорит ничего, что сказал бы

Иисус, но весьма (как в знаменитой оде милосердию) восторгается им. Он более еврей, чем евреи, более римлянин, чем римляне, и тщеславный, как те и другие, вместе взятые; он полон поразительных признаний и собственных откровений, которые не удивили бы нас, попадись они нам на страницах Ницше; он измучен расудочной совестью, требующей доказательств даже ценой софистики; он — обладатель всевозможных дивных добродетелей и редкостных озарений, но всегда безнадежно очарованный Грехом, Смертью и Логикой, каковые не имели власти над Иисусом. Как мы можем заметить, он добился этого благодаря введению унижения и страха в христианскую доктрину, приспособленную им для церковной и государственной системы, которую превзошёл Иисус, и он воплотил её в жизнь, старательно уничтожая иисусианский взгляд на неё. Он оказался бы совершенно на своём месте в любом современном протестантском государстве; и он, а не Иисус — истинный глава и основатель нашей реформатской церкви, так же как Пётр — глава и основатель римско-католической. Последователи Павла и Петра создали христианский мир, истребив назореев.

Мистер Шоу продолжает своё оригинальное утверждение, что у известного нам христианства нет оснований в словах, приписанных евангелию. Точь-в-точь Балабон из «Охоты на Снарка!» «Если трижды сказал, значит, верно»²¹⁹. Что до меня, я готов отречься от этого семьдесят раз по семь и всякий раз отыскивать свежие тексты. В этом разделе, однако, Шоу выдаёт себя, заявив: «Ни единого слова павловского христианства не найти в характерных изречениях Иисуса». По-моему, это равносильно признанию, что он полностью отдаёт себе отчёт о масштабах своего *petitio principii*. Весь вопрос в том, что считать «характерными» изречениями Иисуса. Допустим, я попрошу найти с полдюжины утверждений мистера Шоу, в которых искажены факты. (Человеку свойственно ошибаться, и я сомневаюсь, что кто-нибудь способен проделать такую работу, как он, без единой ошибки.) Допустим, позднее я сошлюсь на эти высказывания и заявлю: «Ни единого слова смысла или истины не найти в “характерных” высказываниях Бернарда Шоу». Нетрудно простить мистера Шоу, если он уличит меня в несправедливости, особенно потому, что это — обычный метод, используемый его критиками (прежде всего теми, кто не утруждает себя поиском ошибок или не может опознать их, если увидит).

В этом разделе Шоу обращает наше внимание на диспут о Вере и Делах. Но, несомненно, приведённые выше цитаты из третьей и шестой глав Евангелия от Иоанна (и сотня других) показывают, что Лютер был прав, утверждая, что спасение целиком зависит от веры, а Кальвин — подтвердив, что вера — вопрос не свободной воли, но выбора. Действительно, в Евангелии от Иоанна (14:15) Иисус добавляет: «Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди». Но, несомненно, это соблюдение заповедей — всего лишь подтверждение веры. Св. Иаков в своём Послании (2:17-26) утверждает: «Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе. Но скажет кто-нибудь: “ты имеешь веру, а я имею дела”: покажи мне веру твою без дел твоих, а я покажу тебе веру мою из дел моих. Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют, и трепещут. Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва? Не делами ли оправдался Авраам, отец наш, возложив на жертвенник Исаака, сына своего? Видишь ли, что вера содействовала делам его, и делами вера достигла совершенства? И исполнилось слово Писания: “веровал Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность, и он наречён другом Божиим”. Видите ли, что человек оправдывается делами, а не верою только? Подобно и Раав блудница не делами ли оправдалась, приняв соглядатаев и отпустив их другим путём? Ибо, как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва».

²¹⁹ Льюис Кэрролл. «Охота на Снарка» (пер. Григория Кружкова). (НО)

АПОКРИФ

Поэтому Лютер собирался убрать Послание Иакова из канона, ибо знал, что делами (да ещё продажей индульгенций) спасается лишь презренный Тетцель²²⁰. Однако такая позиция покинута исключительно на утверждении, что человек оправдан делами, а не одной только верой. Но слово «оправдан» не идентично слову «спасён». Можно быть ребёнком непослушным, но оставаться ребёнком, и если он верует, что в Иисусе обретёт жизнь вечную, это ещё не значит, что он потеряет её, если не сможет подтвердить это своей жизнью.

Общий тон этого отрывка из Иакова (который, по сути, есть всего лишь практическая инструкция для церкви, как это следует из всего Послания) — в том, что спасение верой — качество незаметное. Католики имеют полное право отлучить от церкви того, кто не подтверждает живущей в нём веры. У кающегося вора нет времени подтвердить что-либо делами. В качестве практического руководства для церкви будет вполне естественным и верным повторить вслед за поэтом: «Это, конечно, весьма замечательно — скрывать свою любовь, но зачем было спускать меня с лестницы?»²²¹ Если человек избран быть спасённым, он спасётся. Но только Бог знает, избран он или нет. Богу ведомы сердца; мы же можем лишь судить о дереве по плодам.

Павел полностью согласен с Иисусом в вопросах Веры и Дел. Его доктрина вполне ясна из пассажей вроде нижеследующего:

Рим. 6:12-22: «Итак да не царствует грех в смертном вашем теле, чтобы вам повиноваться ему в похотях его; и не предавайте членов ваших греху в орудия неправды, но представьте себя Богу, как оживших из мёртвых, и члены ваши Богу в орудия праведности. Грех не должен над вами господствовать, ибо вы не под законом, но под благодатью. Что же? станем ли грешить, потому что мы не под законом, а под благодатью? Никак. Неужели вы не знаете, что, кому вы отдаёте себя в рабы для послушания, того вы и рабы, кому повинуетесь, или рабы греха к смерти, или послушания к праведности? Благодарение Богу, что вы, быв прежде рабами греха, от сердца стали послушны тому образу учения, которому предали себя. Освободившись же от греха, вы стали рабами праведности. Говорю по рассуждению человеческому, ради немощи плоти вашей. Как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию на дела беззаконные, так ныне представьте члены ваши в рабы праведности на дела святые. Ибо, когда вы были рабами греха, тогда были свободны от праведности. Какой же плод вы имели тогда? Такие дела, каких ныне сами стыдитесь, потому что конец их — смерть. Но ныне, когда вы освободились от греха и стали рабами Богу, плод ваш есть святость, а конец — жизнь вечная».

Рим. 6:1-3: «Что же скажем? оставаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать? Никак. Мы умерли для греха: как же нам жить в нём? Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились?»

Бог, избравший нас из вечности, дабы избавить нас от проклятия наших товарищей, взывает к нашей щедрости и благодарности. Но он никогда не откажется от своих слов, кроме как в случае с «Сыном Погибели». Вот Павел, а вот Иисус, мистер Шоу никуда не денется от этого.

Деяния Апостолов

Теперь вернёмся к повествованию Деяний Апостолов, которое мы оставили в том месте, где камневание Стефана последовало за появлением Павла. Автор Деяний, рассказчик столь же замечательный, как и Лука, был (тоже подобно Луке) куда слабее в крепости мысли, нежели в искусстве художественной литературы. Посему те, кто любит истории и непригоден для богословия,

²²⁰ Иоганн Тетцель (также Тецель) (1470-1519) — саксонский монах, настоятель доминиканского монастыря в Глогау. Получил известность распространением индульгенций, которые он продавал самым беззастенчивым образом, навязывая их, вымогая за них деньги, утверждая, что значение индульгенции превышает значение крещения. (НО)

²²¹ Джон Филип Кембл (1757-1823). «The Raffle», действие I, сцена 1. (НО)

обычно приписывают авторство Деяний Луке, тогда как сама книга изобличается паулинистскими богословами как поддельная, ибо Павел (как, впрочем, и все апостолы) представлен в ней как банальнейший ревивалист, интересный нам скорее своими приключениями, нежели какими бы то ни было качествами ума или характера.

И правда, не будь Посланий, мы могли бы составить куда как скудное представление об апостолах. Павел, в частности, описывается как создатель метода, непрерывно использующегося до сего дня. Всякий раз, обращаясь к публике, он с великим рвением прохаживается по своим прегрешениям до псевдообращения (надёжно утвердившего его в нынешнем состоянии святости); и повторяет историю этого обращения раз за разом, завершая её увещанием слушателей последовать за ним и спастись и страданиями карой небесной, которая настигнет их, буде они откажутся. И сегодня на каждом ревивалистском собрании можно услышать те же самые вещи, сопровождаемые такими же обращениями. Это вполне естественно; но это совершенно не похоже на проповеди Иисуса, который ни разу не заикнулся о собственной личной истории и никогда не «доводил» публику до испуга. Такая тактика только нервирует; она не несёт ни малейшего просвещения; самому невежественному человеку достаточно лишь упиваться собственным тщеславием и принимать своё самодовольство за Святого Духа, чтобы сойти за апостола; и в этом нет ничего похожего на характерные доктрины Иисуса.

Святой Дух способен делать что угодно, создавая чудеса науки и искусства, и укрепляя людей, дабы позволить им снести всевозможные мучения во имя торжества знания, и обогащая, и насыщая жизнь («чтобы имели жизнь и имели с избытком»); но, как описано в Деяниях, апостолы не принимают участия в борьбе, кроме как с преследователями и гонителями. С того дня, когда их преемники добились самых вершин, как в Женеве (ноксовском «совершенном граде Христовом»²²²), в Шотландии, в Ольстере, всякая духовная деятельность кроме зарабатывания денег и походов в церковь была искоренена; еретики жестоко преследовались; а удовольствия, которые можно было приобрести за деньги, попали под запрет, дабы их владельцы были вынуждены продолжать делать деньги, ибо не могли делать ничего иного. Отчасти компенсация за все эти лишения — нездоровое самомнение избранников Божьих, с их зарезервированным местечком в небесах, а отчасти (ибо даже самый выживший из ума тупица не может провести всю свою жизнь в самалюбовании) — куда менее невинное возбуждение от возможности карать других людей за то, что те не восторгаются ими, и выискивать грехи у тех, кто достаточно умен, чтобы быть неспособным к убогому ханжеству, всецело стремится к прекрасному и заинтересован в подлинных деяниях Святого Духа, пытается жить более разумной и насыщенной жизнью.

Отвратительные игры чудовищных детей с адскими угрозами — ещё одно из этих отклонений и, возможно, самое омерзительное и вредоносное из них. Оно ведёт исключительно к тому, что подражателей апостолов (которые называют себя святыми Вилли и Стиггинсами: в насмешку ли, в честь ли пуритан и святых) от всего сердца ненавидят все, кто не принадлежит к их общинам, а зачастую и те, кто к ним принадлежит. Пока что никто не ненавидит Иисуса, однако многие из тех, кого истязали в детстве от его имени, переносят на него своё общее отвращение ко всему, что связано с религией Слова; тогда как другие, знающие о нём только в искажённом виде, как сентиментального пацифиста и аскета — свою общую антипатию к персонажам подобного рода. Точно так же студент, вынужденный «проходить» Шекспира как университетский предмет, может возненавидеть Шекспира; а тот, кто испытывает неприязнь к театру, может перенести эту антипатию и на Мольера, не прочтя ни единой его строки и не посмотрев ни единой его пьесы; но никто, мало-мальски знакомый с творчеством Шекспира или Мольера, не смог бы, скорее всего, ненавидеть их или без ужаса и сострадания читать описание их оскорблений, пыток и убийств. То же самое верно и в отношении Иисуса. Но требуются напряжённейшие усилия совести, дабы воздержаться от восклицания «Так ему и надо!», когда

²²² Джон Нокс (ок. 1510-1572) — крупнейший шотландский религиозный реформатор XVI века, заложивший основы пресвитерианской церкви. Отзывался о Женеве как о «городе-рае» из-за её чистоты, порядка, приветливости, благочестия, тишины и духовной радости. (НО)

мы читаем о камневании Стефана; и никого ни на два пенса не заботит мученичество Петра; куда лучшие люди умерли дурной смертью: тот же почтенный Хью Латимер²²³, сожжённый нами, стоил пятидесяти Стефанов и дюжины Петров. В конце концов начинаешь чувствовать, что, призвав Петра из его лодки, Иисус испоганил честного рыбака, а на месте испорченного не сумел сотворить ничего лучшего, нежели торговца спасением.

Вот единственное требующее комментариев утверждение этого раздела: «Автор Деяний, рассказчик столь же замечательный, как и Лука, был (тоже подобно Луке) куда слабее в крепости мысли, нежели в искусстве художественной литературы. Посему те, кто любит истории и непригоден для богословия, обычно приписывают авторство Деяний Луке». Как можно заметить, в число таковых людей включены практически все ортодоксальные богословы. Аргумент мистера Шоу заключается в том, что Деяния полны сальвационистской теологии; однако столь же обильно представлена она и у Луки. Даже будь это иначе, нет причин сомневаться, что один человек мог написать обе книги. Все богословские труды полны ограничений; кроме того, Лука мог изменить своё мнение. Но однозначных противоречий мы здесь не наблюдали. Да и если бы они тут были, это ничего не значит для нас по сравнению с незамысловатым утверждением, которым начинаются Деяния Апостолов:

«Первую книгу написал я к тебе, Феофил, о всём, что Иисус делал и чему учил от начала до того дня, в который Он вознёсся, дав Святым Духом повеления Апостолам, которых Он избрал, которым и явил Себя живым, по страдании Своём, со многими верными доказательствами, в продолжение сорока дней являясь им и говоря о Царствии Божиим... Но вы примете силу, когда сойдёт на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян. 1:1-3,8).

Ср. с Лк. 1:1-3: «Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях, как передали нам то бывшие с самого начала очевидцами и служителями Слова, то рассудилось и мне, по тщательном исследовании всего сначала, по порядку описать тебе, достопочтенный Феофил».

Лк. 24:49-50: «И Я пошлю обетование Отца Моего на вас; вы же оставайтесь в городе Иерусалиме, доколе не облечётесь силою свыше. И вывел их вон из города до Вифании и, подняв руки Свои, благословил их».

Есть небольшие расхождения по поводу последних слов Иисуса, но нет ничего такого, что заставляло бы любого разумного человека усомниться в том, что одно повествование написано той же рукой, что и второе.

Диспут о крещении и пресуществлении

Тем временем неизбежный эффект падения особых доктрин Иисуса и возвращения к Иоанну Крестителю привёл к тому, что обращать язычников стало проще, чем евреев; и, следуя путём наименьшего сопротивления, Павел стал апостолом для язычников. У иудеев был собственный обряд инициации: обрезание; и они относились к нему с суровой ревностью, ибо он отмечал их как избранный народ Божий и выделял из числа необрезанных язычников. Обнаружив, что крещение быстрее прокладывало себе путь среди язычников, чем среди евреев (ибо позволяло им претендовать на то, что их благословляет обряд более современный и авторитетный, нежели Моисеев), Павел был вынужден признать, что обрезание потеряло смысл; для иудеев же это было недопустимым святотатством. Для иноверцев же вроде нас самих значительная часть Послания к Римлянам занудна до нечитаемости,

²²³ Хью Латимер (ок. 1485-1555) — епископ Вустерский, известный деятель английской Реформации. Во времена правления королевы Марии I Католички был сожжён на костре как еретик. (НО)

ибо состоит из безнадежных попыток Павла уклониться от вывода, что, буде ты покрестился, не имеет значения, был ли ты прежде обрезан. Павел признавал обрезание как превосходную в своём роде процедуру для евреев; но если оно неэффективно для спасения, а спасение — вещь необходимая (а Павел как раз считал верными оба утверждения), его просьбы о смягчении наказания лишь усиливали решимость иудеев камневать его.

Таким образом, в самом начале апостольское христианство немедленно столкнулось с конфликтом: достигается спасение хирургической операцией или же обливанием водой, — простыми обрядами, на которые Иисус не пожелал потратить и пары десятков слов. Позднее, когда новая секта завывала языческий запад, где прежний спор потерял практическую значимость, другая церемония — уже упомянутое выше богоедение — стала причиной конфликта куда более катастрофического, убеждения участников которого различались не тем, нужно ли её вообще исполнять, но тем, является это вкушение божественной субстанции реальным или символическим: конфликта, породившего чудовищную волну преследований, смертоубийства, ненависти и всего того, что было столь чуждо Иисусу.

Но задолго до этого предрасудки, укоренившиеся на почве новой веры, сделали проблему. Теологи взялись усложнять представления о партеногенетическом рождении Христа, поначалу выглядевшем достаточно незатейливо в качестве популярного чуда. Они стали задаваться вопросом, из какой субстанции состоял Христос в матке девственницы. Когда вера дополнилась Троицей, возник вопрос, была ли девственница Богородицей или только матерью Иисуса? Арианский и несторианский расколы произошли именно на почве этих вопросов; а предводители этих равновеликих колебаний злобно свергали друг друга и отлучали от церкви в зависимости от того, кому удавалось привлечь на свою сторону императора. В IV веке они принялись жечь друг друга из-за различия во мнениях по подобным вопросам. В VIII веке Карл Великий сделал христианство обязательным, истребляя тех, кто отказывался принять его; и хотя это стало концом добровольного обращения, Карл Великий может считаться первым христианином, предававшим людей смерти за любые сколь угодно незначительные особенности доктрины. С этого времени история христианских диспутов начинает разить кровью и пламенем, пытками и войнами. Крестовые походы, преследования в Альби и в других местах, Инквизиция, «религиозные войны», сопровождавшие Реформацию, — всё это преподносится как явления христианские; но кто может усомниться, что Иисус с ужасом отрёкся бы от них? Наши представления о том, что Варфоломеевская бойня была грубым нарушением христианства, тогда как кампании Густава Адольфа²²⁴ и даже Фридриха Великого — действием, направленным на его защиту, столь же нелепы, как противоположное мнение, будто бы Фридрих был Антихристом, а Торквемада и Пена-тий Лойола — мужами, пребывавшими у самого сердца Иисуса. Ни они, ни их подвиги не имели с ним ничего общего. Скорее всего, архиепископ Лод²²⁵ и Джон Уэсли умерли равно убеждёнными в том, что Иисус, чьим именем прославились они на земле, встретит их на Небесах с распростёртыми объятиями. Бедный квакер Фокс²²⁶ даёт им десять очков вперёд; хотя дело жизни Фокса было куда как более жалким.

Однако все эти искажения учения Иисуса получали свою моральную силу благодаря доверию к нему и потому позволяли донести его евангелие в целостности и сохранности. Когда протестанты переводили Библию на разговорные языки и позволяли ей распространиться среди людей, они занимались чрезвычайно опасной работой, о чём свидетельствуют преследующие их неприятности; но волею случая они даровали изречениям Иисуса возможность открытой конкуренции с высказываниями Павла, и Еккле-

²²⁴ Густав II Адольф (1594-1632) — король Швеции (1611—1632), сын Карла IX и Кристины Голштинской. Погиб в ходе Тридцатилетней войны в битве при Лютцене. (НО)

²²⁵ Уильям Лод (1573-1645) — английский церковный деятель, один из ближайших и наиболее ненавистных народу советников английского короля Карла I накануне английской буржуазной революции. (НО)

²²⁶ Джордж Фокс (1624-1691) — английский ремесленник из Северной Англии, основатель Религиозного Общества Друзей (квакеров). (НО)

сиаста, и Давида, и Соломона, и авторов Пова и Пятикнижия; и, как мы видели, Иисус выглядит куда привлекательнее. Ослепительное противоречие его учения с практикой всех государств и церковью так и не исчезло. II несмотря на то, что со дня рождения Иисуса прошло девятнадцать столетий (дата его рождения сейчас парадоксально определяется 7-м годом до Рождества Христова, хотя некоторые настаивают даже на 100-м), а его церковь так и не пытается руководствоваться его политической системой, банкротство всех иных подтверждается нашей живой статистикой (позволяющей нам предельно чётко рассмотреть всякую систему), в связи с чем нам так трудно принять его не в качестве козла отпущения, но как того, кто смыслил в практических делах куда больше, чем все мы считали до сих пор.

Этот раздел опять же довольно точен, за исключением того, что мы не можем согласиться, будто бы имел место какой бы то ни было конфликт между крещением и обрезанием как «средствами спасения». Они были всего лишь «внешними и зримыми признаками внутренней и духовной благодати».

Альтернативный Христос

Теперь рассмотрим простенькую ситуацию. Новый Завет рассказывает две истории для двух различных категорий читателей. Первая — старая история об обретении нами спасения через искупительную жертву божественного персонажа, жестоко убиенного и восставшего из мёртвых на третий день: история, которую принимали апостолы. II в этом рассказе политические, экономические и нравственные представления Христа не имеют значения: всё дело в искуплении; мы же спасаемся своей верой в него, а не делами или мыслями (кроме, разве что, этой конкретной), воплощёнными в практические дела.

Вторая — история о пророке, который потерял голову, высказав несколько весьма интересных мыслей о практическом образе действий (как личном, так и политическом, имеющем ныне первостепенную ценность) и завещав ученикам следовать им в повседневной жизни; уверовал, что он — легендарный изначальный образ божий; и под влиянием этой навязчивой идеи был судим и подвергся жестоким истязаниям в полной уверенности, что воскреснет из мёртвых и восстанет во славе, дабы властвовать над обновлённым миром. В этой версии политические, экономические и нравственные представления об Иисусе интересны и важны как справочные пособия по поведению; остальное же — всего лишь психопатия и суеверия. Описания воскресения, партеногенетического рождения и иные невероятные чудеса отвергаются в этом случае как домыслы; такие же эпизоды как беседа с дьяволом воспринимаются подобно таковому, записанному св. Дунстаном, Лютером, Баньяном, Сведенборгом и Блейком.

Под этим заголовком делаются дальнейшие разъяснения. Шоу утверждает: «Теперь рассмотрим простенькую ситуацию. Новый Завет рассказывает две истории для двух различных категорий читателей. Первая — старая история об обретении нами спасения через искупительную жертву божественного персонажа, жестоко убиенного и восставшего из мёртвых на третий день: история, которую принимали апостолы. II в этом рассказе политические, экономические и нравственные представления Христа не имеют значения: всё дело в искуплении; мы же спасаемся своей верой в него, а не делами или мыслями (кроме, разве что, этой конкретной), воплощёнными в практические дела.

Вторая — история о пророке, который потерял голову, высказав несколько весьма интересных мыслей о практическом образе действий (как личном, так и политическом, имеющем ныне первостепенную ценность) и завещав ученикам следовать им в повседневной жизни; уверовал, что он — легендарный изначальный образ божий; и под влиянием этой навязчивой идеи

был судим и подвергся жестоким истязаниям в полной уверенности, что воскреснет из мёртвых и восстанет во славе, дабы властвовать над обновлённым миром. В этой версии политические, экономические и нравственные представления об Иисусе интересны и важны как справочные пособия по поведению; остальное же — всего лишь психопатия и суеверия. Описания воскресения, партеногенетического рождения и иные невероятные чудеса отвергаются в этом случае как домыслы; такие же эпизоды как беседа с дьяволом воспринимаются подобно таковым, записанным св. Дунстаном, Лютером, Баньяном, Сведенборгом и Блейком».

Местами это весьма забавно. Мистер Шоу выбрал дюжину отрывков из всего евангелия, понял их неправильно, неправильно применил и сделал вывод, что всё остальное — всего лишь психопатия и суеверия. Это похоже на знаменитый рецепт приготовления маслины. Нафаршируйте жаворонка маслиной, перепела — жаворонком, курицу — ржанкой, гуся — курицей, индейку — гусем; зажарьте, вышвырните птиц в окошко и ешьте маслину. Я полностью согласен с ним касательно тех мест, которые он называет ценным справочным пособием по поведению. Я возражаю лишь против его представлений, будто бы все учителя Востока настолько глупы, что полагают, будто бы превосходные правила, разработанные ради свободы затворника от всяких помех со стороны материальных сует и желаний, можно сделать законом для всего общества в целом.

Теперь же можем попытаться рассмотреть весь вопрос жизни Иисуса в свете того, что мы знаем о религиях Востока от «Йоги» Патанджали до культов Диониса и Аттиса.

Йог Иисус²²⁷

Жизнь Иисуса, прошедшего мистическое рождение и смерть, полностью характерна для восточного «святого». Единственная запись о его детстве приведена у Луки (2:42-51). «И когда Он был двенадцати лет, пришли они также по обычаю в Иерусалим на праздник. Когда же, по окончании дней праздника, возвращались, остался Отрок Иисус в Иерусалиме; и не заметили того Иосиф и Мать Его, но думали, что Он идёт с другими. Пройдя же дневной путь, стали искать Его между родственниками и знакомыми и, не найдя Его, возвратились в Иерусалим, ища Его. Через три дня нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их; все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его. И, увидев Его, удивились; и Мать Его сказала Ему: Чадо! что Ты сделал с нами? Вот, отец Твой и Я с великою скорбью искали Тебя. Он сказал им: зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему? Но они не поняли сказанных Им слов. И Он пошёл с ними и пришёл в Назарет; и был в повиновении у них. И Мать Его сохраняла все слова сии в сердце Своём». Этот обычный, в общем-то, инцидент из ранних лет Учителя вспомнили и сочли достойным упоминания. Иисус был довольно умным и даже одарённым мальчиком; и он слушался родителей. (Сделать его чудесным ребёнком — ошибка автора; ибо объект его повествования должен был доказывать, что мистические практики способны сделать гением самого заурядного человека.) Мы ничего не найдём здесь о жизни Иисуса с двенадцати до тридцати лет. Ничто не говорит о том, что он работал плотником. Когда спорили, из Галилеи ли он (как описано выше), люди спрашивали: Не плотников ли Он сын? не это ли его братья? Никто не говорил: «Не плотник ли он?»²²⁸ Похоже, не было никакой особой тайны в том, чем он занимался до тридцати лет.

В этом нет тайны для любого, кто знаком с религиозной жизнью Востока. Очевидно (скажет любой такой человек), что Иисус, будучи юношей, ощутил зов религиозной жизни, нашёл гуру, или учителя, и стал его учеником. Далее он вполне оперился как адепт (или же умер его

²²⁷ Этот и семь последующих заголовков разделов принадлежать мне, а не мистеру Шоу. (АК)

²²⁸ Однако именно так выглядит эта фраза в русском синодальном переводе Евангелия от Марка (6:3). (АНО)

старый учитель) и вернулся в мир из своего изгнания, готовый принять собственных учеников. С ними он бродит по стране, живя, как это принято у таких людей, за счёт гарантированной щедрости набожного большинства по отношению к человеку, отринувшему мирское. Он находит учеников в других местах; избрав нескольких из них, он даёт им особые и тайные инструкции о духовной работе, иных же отправляет как своего рода агентов по продвижению с простым посланием, дабы они подготовили людей к его приходу.

Восточному «святому» свойственно также блистать в диалогах с «захидами»²²⁹ или ортодоксами. Он начинает делать что-нибудь нетрадиционное и доказывает несостоятельность тех, кто его упрекает. Бесконечные примеры этого мы можем найти в сочинениях суфиев и дервишей, а также в индийских описаниях жития их «святых мужей». Можно не трудиться, разыскивая что-то сверх того.

Все те изречения Иисуса, которые одобряет мистер Шоу — подробное описание такого образа жизни. Возьмём, к примеру, несколько древних афоризмов Патанджали. «Йога есть удержание материи мысли от облачения в различные образы»²³⁰. Таково всецелое определение «йоги». Разуму предлагается сосредоточиться на «лучезарном, который недоступен никаким страданиям» или на чём-нибудь в этом духе; а «заботиться о завтрашнем дне» — ошибка. Мы должны управлять умственной субстанцией через «упражнение и отречение», которые определены далее следующими условиями: «Результат, получаемый теми, которые отвергли жажду восприимчивых зрением или слухом предметов, и состоящих в господстве над этими предметами, есть отречение». Это равносильно совету не допускать привязанностей и страстей, дабы не мешать концентрации ума.

Затем мы узнаём, что «скорбь, спутанность мыслей, дрожание тела, неправильное дыхание сопровождают неудержание сосредоточения». Сравните с изречением Иисуса: «иди за Мною, и предоставь мёртвым погребать своих мертвецов». Опять же, «дружба, милосердие, радость, равнодушие, делание себя предметом размышления в связи с предметами, счастливым или несчастливым, добрым или злым, смотря по условиям, успокаивает ум». Сравните с советом Иисуса возлюбить ближнего твоего, как самого себя. У тебя не должно быть ни жестоких, ни страстных мыслей, ибо все они мешают уму.

Отметим ещё одно высказывание Патанджали: «Связанные со страданием препятствия суть: неведение, ложное самосознание, пристрастие, отвращение и привязанность к жизни... Неведение есть принятие невечного, нечистого, мучительного и не составляющего истинное “Я” за вечное, чистое, счастливое, сущее “Я”. Ложное самосознание есть отождествление зрящего с орудием зрения. Пристрастие есть устремление сознания к удовольствию. Отвращение есть реакция на страдание. Привязанность к жизни проникает самую её природу и присуща даже мудром». Это весьма похоже на те части учения Иисуса, которые во всех отношениях одобрены мистером Шоу.

Можно продолжать до бесконечности, но, как мне кажется, этого вполне достаточно для чёткого сопоставления учения Иисуса с универсальной и куда более древней доктриной. Ни единого нового пункта.

Что касается образа жизни Иисуса, следует также отмечать, что он часто «уходил в пустынные места и молился». Это обычная практика всех йогов Востока: немаловажно, чтобы

²²⁹ *Захиды* — последователи зухда. Призывали к воздержанию в пище, в одежде, в украшении жилища, в отношениях с женщинами, а также к отказу от сотрудничества с представителями власти. Они придавали особое значение частому поминанию имени Бога (зикр) и упованию на Бога при отречении от собственной воли (таваккуль). Центральным понятием мировоззрения поэтов-захидов (Абу-л-Атахши, Абу-л-Аля ал-Маарри) была судьба, рок. Иногда почитание судьбы даже преобладало над верой в Создателя. Это приводило к утверждениям, которые ортодоксальные (строго придерживающиеся учения) богословы считали еретическими. (НО)

²³⁰ «Йога-сутра» Махариши Патанджали цитируется по переводу с санскрита Свами Вивекананды. (АНО)

никто не помешал им во время медитации. Можем сослаться на Кшуррика-упанишаду, которая рекомендует «тихое место»²³¹, и Шветашватару, где говорится:

«На ровном, свободном от валунов и песка месте;
На месте, свободном от огня, дыма и луж с водою,
Благоприятствующем размышлению и не оскорбляющем взора,
В защищённом от ветра убежище пусть предаётся человек самосовершенствованию»²³².

Сила творить всевозможные чудеса также даётся «йогой». Как сообщает Патанджали, «совершенением Самаямы над формой чужого тела, при устранении способности восприятия образов и отделении способности проявления в глазу, тело йога становится невидимым». Это вполне объясняет записанное в евангелиях чудо, когда «[они] взяли камень, чтобы бросить на Него; но Иисус скрылся и... пройдя посреди них... пошёл далее».

«Карма бывает двух родов: приносящей плоды рано или поздно, — продолжает Патанджали. — Совершая Самаяму над нею или посредством знаков, называемых Артиштха, предзнаменования, йоги знают точное время разлучения со своими телами». Это объясняет, как Иисус предрёк время своей смерти.

Далее мы находим у Патанджали, что «[сосредоточение] над углублением у горла» заставляет голод прекратиться, что объясняет, как Иисус сопротивлялся искушению Сатаны сделать камни хлебами.

Затем мы читаем, что «победою над током Самана... [йог] окружается светом», как при описании Преображения; и опять же: «Совершенением Самаямы над отношением Акаши и тела» йог, становящийся лёгким, как вата, проходит сквозь небеса; в связи с чем Вознесение становится самым естественным событием в мире.

Нет нужды продолжать. Все авторы по йоге рассказывают нам и о других силах, в том числе о способности ходить по воде, умножать пищу и исцелять недуги. Каждый человек, сведущий в литературе по этому предмету, всецело обязан читать истории об Иисусе-чудотворце как биографию «святого мужа», преуспевшего во всех этих методах и подчинившего все эти силы.

Кстати сказать, сила-то на самом деле одна. Теоретически все материальные объекты — иллюзии, вызванные неведением, и тот, кто победил неведение осознанием истины «Я и Отец — одно» (под осознанием мы подразумеваем здесь не просто сознательную декларацию понимания того, что это так, но нечто куда более глубокое), знает промежуточные причины («тонкие», в отличие от грубых, и духовные по своей природе), поэтому, видоизменяя силою разума то умственное состояние, которое вызывало иллюзию притяжения или непроницаемости материи, способен преодолеть эти явления и вознестись в воздух или пройти сквозь кирпичную стену²³³. Мы обсудили этот вопрос лишь в крайне обобщённой форме; однако мы верим, что он найдёт окончательные подтверждения.

²³¹ «В тихом месте устроившись, там в *асане* находящийся, втягивая чувства, как черепаха члены, ум запирая в сердце, постепенно, посредством *пранавы* в течение 12 *матр*, запирая все двери тела, пусть возвышенный сердцем наполняет всё существо: грудь, лицо, бедро, шею» (Кшуррика-упанишада, ст. 2-4).

Асана — неподвижная и удобная поза.

Права — слог Ом.

Матра — единица времени, равная времени спокойного дыхания или дыхания во сне. Также — время, необходимое для того, чтобы, не торопясь, сделать круг пальцами по колену и затем щёлкнуть ими. (НО)

²³² Шветашватара-упанишада, часть 2, стих 10. На русском языке известен также следующий перевод этого фрагмента: «На ровном, чистом месте, свободном от камешков, огня, песка; своими звуками, водой и прочим благоприятствующем размышлению, не оскорбляющем взора; в скрытом, защищённом от ветра убежище пусть он предаётся упражнениям». Поскольку этот вариант значительно отличается от приведённого у Кроули, я сделала свой, более близкий к английскому оригиналу. (АНО)

²³³ Чтобы помешать человеку услышать колокол, расположенный рядом с ним, достаточно лишь поместить колокол в вакуум. Всё зависит от определенных условий; и если нам удастся удалить условия, позволяющие им проис-

Еврейский пророк Иисус

Этот элемент в характере Иисуса не нуждается в обстоятельном рассмотрении. Из множества пассажей, приведённых в этом очерке, следует, что он лишь продолжил традицию Исаии, Иеремии и Иезекииля, — как, например, отрывок из Евангелия от Матфея (11:21-24), на который мы ссылались в доказательство склонности Иисуса прибегать к угрозам. Ср. Ис. 17:1: «Пророчество о Дамаске. — Вот, Дамаск исключается из числа городов и будет грудой развалин», — и ещё пару десятков цитат.

Несчастья, накликаемые на книжников и фарисеев, строго соответствуют таковым у Иеремии (23:1-3): «Горе пастырям, которые губят и разгоняют овец паствы Моей! говорит Господь. Посему так говорит Господь, Бог Израилев, к пастырям, пасущим народ Мой: вы рассеяли овец Моих, и разогнали их, и не смотрели за ними; вот, Я накажу вас за злые деяния ваши, говорит Господь. И соберу остаток стада Моего из всех стран, куда Я изгнал их, и возвращу их во дворы их; и будут плодиться и размножаться», — и ещё целая куча высказываний.

Длинный отрывок из двадцать четвёртой главы Матфея (и его повтор у другого синоптика) весьма напоминает по стилю Даниила (12:1-2): «И восстанет в то время Михаил, князь великий, стоящий за сынов народа твоего; и наступит время тяжкое, какого не бывало с тех пор, как существуют люди, до сего времени; но спасутся в это время из народа твоего все, которые найдены будут записанными в книге. И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление».

Иисус даже признаёт авторитет Даниила (Мф. 24:15). Возвращение к Богу, покаяние людей и восстановление царства — почти единственная тема Иисуса как патриотического еврейского пророка. *Sufficit*²³⁴.

Иисус как типичное божество Азии

(с добавлением египетских, греческих и римских элементов)

Приступая к этой теме, желательно обратиться на минуту к истории. Азия в это время открывалась западному миру. Александр Великий захватил Индию, а войны Греции с Персией прекратились достаточно давно для установления торгового и идейного взаимобмена. Что же до Египта, падение Птолемеев случилось на памяти ещё живущих людей, а Александрия всё ещё оставалась кладёзем знаний, несмотря на разрушения, учинённые Цезарем.

Абсолютным географическим центром этих трёх основных потоков являлась Сирия.

Рим распространял цивилизацию, упрочившую *Pax Romana*²³⁵ среди кочевых племён и оседлых варваров, делая жизнь торговцев относительно безопасной, а их собственность — за-

ходить, мы сможем им воспрепятствовать. Все материальные вещи *и есть* «иллюзии, вызванные неведением». Профессор Элью Томсон недавно писал мне, что наши представления о любом феномене должны основываться на «чём-то таком, что, как мы знаем, существует, но что мы не в силах как следует описать», и что все эти феномены должны — в конце концов — сводиться к электрическим законам. Электрический ток и сам — пример «материи, проходящей сквозь материю», если использовать старые и ещё более примитивные термины; для нас же проходить сквозь кирпичные стены — всего лишь вопрос понимания, как поместить наши тела и стены в такие электрические условия, чтобы это могло случиться. Слова вроде «твёрдое тело», «тяжелый», «материя» — лишь формулы для описания нашего невежества. (АК)

Элью Томсон (1853-1937) — американский инженер-электрик, изобретатель, основатель компании «Thomson». Вместе с Эдвином Хьюстоном, преподавателем, разработал (1880) дуговую осветительную систему, которая имела финансовый успех. Изобрел высокочастотный генератор (1890), высокочастотный трансформатор, генератор с тремя обмотками, счетчик ватт-часов и др. Вёл работы в области рентгенологии, усовершенствовал рентгеновскую трубку, был пионером в создании стереоскопических рентгеновских изображений. Для предотвращения кессонной болезни первым предложил использовать дыхательную смесь из гелия и кислорода для рабочих в кессонах и горных выработках. Был держателем ок. 700 патентов. (НО)

²³⁴ (лат.) Довольно, достаточно, хватит. (АНО)

щищённой. Люди принялись пускаться в дальние странствия, а новые идеи стали возможными и даже неизбежными. Нечто подобное мы можем наблюдать сегодня; британское завоевание Индии послужило причиной ориентализации европейской мысли, в результате чего, как и тогда, появились предпосылки для возникновения синкретической религии.

Наконец, три эти основные составляющие распространились и на Сирию. Им противостояло непреодолимое предубеждение и упрямство ортодоксальных евреев, цеплявшихся за Моисея и Пророков с настёрной неумолимостью. Однако иудаизм, по сути, так никогда и не укоренился в народе Израиля. «Потерянные десять колен» — и даже Иуда и Вениамин — постоянно «блудодействовали вслед богов своих», настаивая на том, что Иегове лучше всего поклоняться под именем Царя, или «Молоха», проводя через огонь детей своих в его честь, творя «высоты» и «рощи», укомплектованные священными проститутками, мужского и женского пола, и даже предаваясь чистому идолослужению, почитанию резных и литых кумиров. Достаточно лишь прочесть пророков, с занудным упрямством поносящих все эти практики. Большинство из них не говорит ни о чём другом — никто на них не ссылается; надо бы их переиздать.

Мы видим Иезекииля осаждающим кирпич с начертанном на нём городом Иерусалимом, и делающим укрепление против него, и насыпающим вал вокруг него, и располагающим стан против него, и расставляющим кругом против него стенобитные машины, с железной доской между всем этим и настоящим городом, в лучших традициях симпатической магии (Иез. 4:1-3). А в пятой главе он подобным же образом сжигает волосы, и изрубает их ножом, и развеивает их по ветру; кроме того (опять же в гл. 4), он готовит себе пищу с коровьим помётом, дабы заставить иудеев «есть нечистый хлеб свой среди... народов».

Осия по велению Бога взял «жену блудницу», от которой породил целую серию незаконных детей и нарёк их «несчастливыми» именами, дабы они ещё более умножили беды, доставшиеся их несчастным соплеменникам.

Даже Книги Царств свидетельствуют о том, что (после нескольких внешних войн) евреи творили то удобное пред очами Господа, отрекаясь от «мерзостей», то неудобное в очах Господа, принимаясь за них вновь: точно так же, как позднее об этом пишут апостолы, тратя половину своего времени на упрёки христианам за всевозможные отвратительные преступления, не говоря уж о самых обыкновенных пороках²³⁶.

Очевидно, сыны Израилевы в целом никогда не жили по заветам своих пророков, которых, говоря по правде, побивали камнями и шилили на части, а, напротив, творили всевозможные бесчинства.

Но времена Ирода были ещё хуже прежних. Тогда же случилось и небольшое возрождение благодаря восстановлению храма, однако прочтение Книг Маккавеев покажет, что число иудеев оставалось таким же небольшим. Всего в нескольких днях пути от самого Иерусалима находилась Самария, с жителями которой иудеи «не общаются», а на территории самого храма располагались враждующие секты фарисеев и саддукеев и много кто ещё.

Задумаемся же о том, как эти три потока, о которых мы говорили раньше, сталкиваются в самом центре храма, под протекцией римской власти, столь же практичной в вопросах религиозной терпимости, как и нынешняя Британская Империя. А теперь рассмотрим эти потоки более детально.

²³⁵ *Pax Romana* (лат. Римский мир) — долгий (по разным данным с 29 г. до н. э. до 180 года н. э. или с 70 по 253 г. н. э.) и относительный мирный период в истории Римской империи и её колоний. Римские правители и законодатели смогли на некоторое время прекратить междоусобные войны на подвластных им территориях. (НО)

²³⁶ Рим. 13:13. 1 Кор. 5:1; 6:18; 11:20-21. Еф. 4:25,28; 5:3-5,18. Фил. 3:17-19. Кол. 3:8-9. 1 Фес. 4:3-7. 1 Тим. 1:6-10. Тит. 1:10; 1:16; 2:1-3. 1 Пет. 2:11. 2 Пет. 2:13-14. 3 Ин. 9-10. Иуд. 4,12-13. Отк. 2:14,20-22... И т. д., и т. д., и т. п. Мне кажется, у всех апостолов были подобные переживания! (АК)

Пройдёмся же вскользь по всевозможным религиям Азии; и обнаружим, что многочисленные значимые черты практически универсальны, различия же между ними ограничиваются небольшими локальными особенностями.

Хочется верить, что я не отклонюсь чересчур далеко от учения доктора Дж. Дж. Фрэзера (я счастлив, что был скромным членом колледжа, осенённого его достопочтенным присутствием), если попытаюсь обобщить аграрные, винные, солярные, лунарные, фаллические и прочие культы, сведя их к единому знаменателю; а именно — к могуществу периодических циклов.

Природа повторяется, как и история. Мы празднуем всё то, чем мы более всего дорожим в Природе; всё то, что мы считаем самым необходимым для нашей жизни и радости; поэтому всё празднование лирично или драматично: мы отмечаем миг победы нашего «героя» над смертью, идёт ли речь о возрождении земли по весне или солнца на рассвете.

Центральная точка всех подобных инсценировок — его смерть и воскресение того, кто спасает нас (от голода или от чего-нибудь ещё): иными словами, «Нашего Спасителя»²³⁷.

Не следует также забывать, что эти празднования появлялись изначально не просто так; у древних людей земли, чья история и география ограничивались несколькими годами и несколькими милами, не было несомненной уверенности в том, что природа неизбежно повторяется, и наступление зимы могло казаться чем-то сродни катастрофе. Сперва дикарь не сеял зёрен; он просто обратил внимание, что всё прорастает вновь. Когда некий гений осмыслил причины и следствия настолько глубоко, что они побудили его возделывать землю, это была своего рода магия, откровенный заговор человека покорить природу, — и, в общем-то, так оно и было. Поэтому он сеял семя со всеми формальностями, полагающимися для умиловивления неведомых сил, господствующих над судьбами земли.

Поэтому когда мы обнаруживаем, что разлив Нила приписывается слезам Исида, и при этом знаем, что Исида, великая Мать Природы, плачет из-за смерти Осириса, пожинающего зёрна, нам нетрудно догадаться, что зерно нужно бросить в Нил, чтобы позволить ей заплакать! Но Осирис был воплощён позднее в облике человека или человекобога, и обряд вскоре стал выглядеть как разрубание на части человека, представляющего Осириса, и бросание в Нил его конечностей, а не настоящего зерна. Царь страны ответственен за процветание людей, а потому что может быть естественнее, чем принести в жертву самого царя? В сотнях племён всё было именно так; царю приходилось страдать лично. В ряде случаев, действительно, практиковались каждодневные жертвоприношения. Однако куда чаще дикарь пытался одурачить Природу, наряжая простого человека царём, поклоняясь ему, а затем убивая.

Всё вышесказанное не может считаться достоверным и детальным примером, однако его достаточно, чтобы показывать часть общих рассуждений, приведших к обычаю периодической жертвы человека, одетого царём. Читатель может изучить предмет до тончайших (и даже весьма захватывающих) деталей в «Золотой ветви». С этой основной идеей ритуала связаны некоторые очевидные моменты церемониала вроде предварительного посвящения силам Природы через очищение водой и освящение огнём, и мы готовы рассмотреть магическую биографию Иисуса, типичного азиатского бога. Следует отметить, что в этой роли Иисус не творит чудес (кроме, разве что, сомнительного случая с исцелением уха Малха, записанного лишь в одном евангелии, причём, что делает этот случай ещё менее достоверным и практически наверняка домысленным, как раз у Луки), но, бахвалясь своими могучими силами, даже не пытается их проявить. История чудесна от и до, но чудеса творятся с Иисусом, а не им самим. Подлинное исключение из этих правил мы можем заметить после воскресения, когда, несмотря на демонстрацию Фоме (Ин. 20)

²³⁷ Я не считаю в данном случае строгое соблюдение какой бы то ни было доктрины первопричиной подобного праздника; на каких бы фактах оно ни строилось. (АК)

и готовность покушаться, он ведёт себя точь-в-точь как Чешпирский Кот из «Алисы в Стране чудес», появляясь и исчезая, словно призрак.

Теперь, наконец, мы готовы сравнить истории, рассказанные нам о жизни Иисуса, с такими об аналогичных божествах; но предварить этот разговор мы должны заголовком нашего нового раздела —

МАЛЫЕ МИСТЕРИИ:

1. Непорочное зачатие

Практически всех героев древности называют рождёнными от божественных отцов, или иногда — от божественных матерей.

Геракл был сыном Зевса, увеличившего ночь на сорок восемь часов, дабы «*mak siccav*»²³⁸; Ромул и Рем — сыновьями Марса; Александр — Аполлона, и так далее. Более явственным полубогам, чем эти, не менее повезло в происхождении; Нана, мать Аттиса, чудесно родила, не вступая в отношения с мужчиной. Но мы хотим обратить самое пристальное внимание на историю Диониса. Семела зачинает от Зевса, явившегося в виде вспышки молнии. Гера (имя, на удивление похожее на «Ирод»²³⁹) старается уничтожить ребёнка, но Зевс укрывает его в своих «чреслах», если использовать выражение из Писания.

Здесь вспышка молнии — «божественный огонь»; читаем в Деяниях (2:3-4): «И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого...» Этот символизм неслучаен. Еврейская буква Шин похожа на пламя о трёх языках; она означает «зуб»; числовое значение — 300, идентичное таковому слов «Руах Элохим», Дух Бога, или Богов²⁴⁰. Далее: имя «Иисус» (или «Йехошуа» по-еврейски) образуется путём размещения этой самой Шин среди четырёх еврейских букв имени «Иегова»²⁴¹ и представляет собой смягчение этого ужасного божества под воздействием Духа. Потому Иисус — это ещё и эквивалент Иешуа, «спасителя», «ибо Он спасёт людей Своих от грехов их».

Дабы облечь эту историю в драматическую форму, достаточно лишь изобразить девственницу, зачинающую от этих огненных языков.

Здесь не хватит места на изучение значение имени «Мария», связанного с «*mare*», «море»²⁴², порождающей, таким образом, в результате мистической свадьбы огня с водой. На эту тему и так написан не один том.

²³⁸ (шотл.) Убедиться, удостовериться. (АК)

²³⁹ В английском языке соответственно Нег и Негод. (АНО)

²⁴⁰ В еврейском мистицизме это позволяет использовать букву в качестве иероглифа божественного имени, нумерологически соответствующего ей. (АК)

²⁴¹ Неправда. Это каббалистическая запись, популяризированная в XVI веке П. Рицием в качестве аргумента для обращения евреев. Она интересна и познавательна; но это — не настоящая орфография имени Йехошуа или Иешуа. (БХ)

Пауль Риций (1470-1541) — доктор медицины и профессор философии в университете Павии. Служил врачом и личным советником императора Максимилиана I, а также личным воспитателем эрцгерцога Фердинанда I, будущего императора Фердинанда I. Заложил основы т. н. «христианской Каббалы», что послужило началом широкого использования этого метода в оккультизме и духовных практиках в Европе. (НО)

²⁴² Этот каламбур столь же хорош по-еврейски, как и на латыни: Мириам (исходная форма для «Марии») есть Маим, Море, с буквой «р», иероглифом Солнца, во чреве. Точно так же Шамаим, Небо, образовано путём размещения Шин перед Маим; «Дух Божий носился над водою». (АК)

Верно, но Мириам как имя переводится с еврейского как «упрямая». (БХ)

2. Путешествие в Египет

Египет в еврейском символизме практически всегда означает «тьму»²⁴³. Теперь мы видим, что путешествие — это символическое утаивание семени в земле, дабы сбросить его от чудовищных сил зимы.

3. Крещение Иисуса

Опуская сколь угодно подробный анализ символизма имени Иоанна, мы лишь отметим бракосочетание огня и воды, солнца и дождя, которые, объединившись, способствуют росту зерна и возникновению вина, ибо у Иоанна (1:32) мы читаем: «И свидетельствовал Иоанн, говоря: я видел Духа, сходящего с неба, как голубя, и пребывающего на Нём». Голубь — обычный символ творческой силы, как мужской, так и женской. Позднее в церемониях инициации её стали символизировать «очищением водой и освящением огнём» прежде, нежели человек мог ступить в храм, то есть стать неопитом (новорождённым) или же героем мистерий, празднующихся в нём.

4. Прославление

«Иисус, увидев идущего к Нему Нафанаила, говорит о нём: вот подлинно Израильянин, в котором нет лукавства. Нафанаил говорит Ему: почему Ты знаешь меня? Иисус сказал ему в ответ: прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя. Нафанаил отвечал Ему: Равви! Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев» (Ин. 1:47-49).

Здесь мы видим героя, провозгласившего царя и Бога: как в сегодняшнем Карнавале, как в ритуалах Осириса, и Сатурна, и Мардука, и Тескатлипоки²⁴⁴ три тысячи лет назад, как и в случае любого природного божества, практически без исключений. Формально предполагаемая жертва должна быть опознана как царь-бог благодаря её признанию таковым некой значимой персоной, Иоанн (как и некоторые ученики) подтверждает это, и нет никого, кто бы не упомянул об этом.

5. Чудо в Кане

Дионис явился вновь; первое чудо, сотворённое Иисусом — обращение воды в вино, то же самое, что делает Дионис; лоза — алхимик, обрабатывающий дождь небес в виноградный сок. А Иисус сказал: «Я есмь лоза». Иоанн (2:11) пишет: «Так положил Иисус начало чудесам в Кане Галилейской и явил славу Свою; и уверовали в Него ученики Его». Ещё бы, отличная причина!

Затем, сразу вслед за этим чудом, в Евангелии от Иоанна (которое во многих отношениях лучше всего подходит для нашей цели, не считая разве что того, что в нём нет указаний на непорочное зачатие²⁴⁵) следует очищение храма.

6. Очищение храма

«Приближалась Пасха Иудейская, и Иисус пришёл в Иерусалим и нашёл, что в храме продавали волов, овец и голубей, и сидели меновщики денег» (Ин. 2:13-14).

Мы можем сравнить это с мистериями Аттиса, когда жрецы в исступлении несутся через город, побивая всех кнутами, а иногда и ножами, которыми только что калечили себя, и никто не смеет им воспротивиться. Здесь можно найти некую связь с использованием цепа в молотье;

²⁴³ Так, древнее название Египта — аль-Кхем — означает «Чёрная Земля» (отсюда и «алхимия»). (АНО)

²⁴⁴ *Тескатлипока* (дымящееся зеркало) — в мифологии майя и ацтеков главное божество, повелевающее четырьмя сторонами света.

²⁴⁵ Как можно сразу заметить, истории рождения нет в соответствующих мистериях конца жизни. Ритуалу Иоанна не хватает именно этой детали. (АК)

или, скорее, изгибы кнута символизируют движения жнущего; но пока это только мои догадки. Читатель согласится, что вряд ли эти храмовые торговцы — многочисленная толпа людей, окружённых здоровенными, могучими рабами — могли позволить одному человеку, вооружённому лишь «бичом из верёвок», разогнать их всех. С исторической точки зрения рассказ нелеп; но если рассматривать его как часть священного обряда, всё сразу становится на места. Точно так же можно немедленно повергнуть наземь того, кто станет швыряться на улице бумажками; но на Марди Гра²⁴⁶ это вызовет лишь смех и многочисленные броски в ответ²⁴⁷.

И нам сразу заметна близкая связь этого обряда бичевания людей с великой центральной мистерией всей Божьей жизни. Последующий стих объясняет это. Иисус делает «всё это» по той же замечательной причине.

7. Пророчество о смерти и воскресении

«На это Иудеи сказали: каким знамением докажешь Ты нам, что имеешь власть так поступать? Иисус сказал им в ответ: разрушьте храм сей, и Я в три дня воздвигну его. На это сказали Иудеи: сей храм строился сорок шесть лет, и Ты в три дня воздвигнешь его?» (Ин. 2:18-20).

Нет никакой связи между бичеванием и «знамением». Это не знамение; это не оправдание. Но стоит рассмотреть его символически, как часть ритуала, всё становится на свои места. «Почему ты бьёшь этих людей?» — «Я — бог, который должен умереть и воскреснуть вновь». Этого ответа достаточно. Всё это — часть большой игры.

Храм не может быть уничтожен и возведён заново, пока не исполнились остальные составляющие формулы. Я не имею возможности рассматривать здесь всю историю бичевания (которое является самым популярным из британских видов досуга), но кроме объяснения, предложенного выше, есть ещё «*Hekas! Hekas Este Bebeloi!*»²⁴⁸, предупреждающее обывателя о том, что пора скрыться с глаз долой. В Новой Гвинее вращают над головой трещотку — и все непосвящённые убегают от этого звука. Такое объяснение кажется мне наиболее вероятным, если первое будет опровергнуто.

*

Остановимся на минутку. Пройдёмся заново по этим пунктам. Итак, мы имеем:

1. Рождение²⁴⁹.
2. Сокрытие «во тьме»²⁵⁰.
3. Крещение водой и огнём.
4. Прославление, повторённое трижды.
5. Пиршество, на котором вода становится вином.
6. Бичевание.
7. Пророчество о смерти и воскресении.

Далее, всё это случается при первом же появлении Иисуса; ибо у Иоанна пункты 1 и 2 опущены.

²⁴⁶ *Марди Гра* — «жирный вторник», вторник на Масляной неделе, последний день перед Пепельной средой и началом католического Великого поста. Мировой аналог славянского праздника Масленицы. Каждый год карнавал возглавляют «король» и «королева», которые в масках и костюмах едут на огромной украшенной платформе со своим окружением. В ответ на традиционные крики возбуждённой толпы «Брось нам что-нибудь!» они разбрасывают большие оловянные монеты, пластмассовые чётки и прочие безделушки. (НО)

²⁴⁷ На каждом карнавале есть свой «Владыка беспорядка», «Епископ дураков» или «Аббат безрассудства», пользующийся подобной свободой действий. См. Фрэзер, «Козёл отпущения», с. 251, с. 331 и далее по тексту, и т. д. (АК)

²⁴⁸ (*греч.*) «Изыди! Изыди всё, что может осквернить!» (АНО)

²⁴⁹ Отсутствует у Иоанна. (АК)

²⁵⁰ Отсутствует у Иоанна. (АК)

АПОКРИФ

Происходит крещение, затем, «на другой день» (Ин. 1:35), Иоанн и двое его учеников провозглашают Иисуса царём и богом; «на другой день» (Ин. 1:43) Филипп и Нафаниил идут за ним. «На третий день» случается свадьба, и Иисус творит вино; и, наконец, спустя «немного дней» (Ин. 2:12), когда, как было сказано, «приближалась Пасха Иудейская» (Ин. 2:13), наступает финальная сцена.

Таким образом, в «обряде» Иоанна можно выделить семь эпизодов:

1. Крещение.
2. Первое прославление.
3. Второе прославление.
4. Третье прославление.
5. Сотворение вина.
6. Бичевание.
7. Прорицание смерти.

У всякого, кто знаком с ритуалом, складывается верное впечатление о нём. Для древних мистерий было характерно наличие некоей прелюдии, проигрывающей драму *in petto*²⁵¹, чтобы подготовить ум кандидата к настоящему действию. Или же мистерии могли происходить под непроницаемой завесой для соискателей меньших градусов. (Масон высокого градуса посвящения отметит, что третья степень — завеса для восемнадцатой; а 18-я — для 30-й.)

Далее, если нам удастся найти повторение тех же магистральных сцен, которые мы только что назвали, на более высоком уровне, это будет существенным подтверждением нашей точки зрения.

Прежде всего, прошу читателей рассмотреть объединение всех этих символических эпизодов, начинающихся за несколько дней до пасхи и оканчивающихся во время неё; а также отметить, что ничего подобного не происходит во всём евангелии, пока (в 12-й главе) не приближается последняя пасха. На протяжении всего этого времени Иисус — обычный чудотворец и оратор; здесь нет ничего церемониального. Однако события в конце жизни, сжатые до нескольких дней, в точности подобны тем, о которых мы прочли выше.

ВЕЛИКИЕ МИСТЕРИИ²⁵²:

1. Миропомазание (шесть дней до Пасхи)

«За шесть дней до Пасхи пришёл Иисус в Вифанию, где был Лазарь умерший, которого Он воскресил из мёртвых. Там приготовили Ему вечерю, и Марфа служила, и Лазарь был одним из возлежавших с Ним... Иисус же сказал: оставьте её; она сберегла это на день погребения Моего» (Ин. 12:1-2,7).

Это обычай омовения новорождённого (неофита); это обычай помазания умирающего маслами. Кроме того, это ещё и обычай миропомазания царя перед его провозглашением и коронацией.

2. Провозглашение (пять дней до Пасхи)

«На другой день множество народа, пришедшего на праздник, услышав, что Иисус идёт в Иерусалим, взяли пальмовые ветви, вышли навстречу Ему и восклицали: осанна! благословен

²⁵¹ (*фр.*) В душе, мысленно; про себя; тайком. (*АНО*)

²⁵² Подобно тому, как Иоанн опускает Непорочное Зачатие, он опускает и соответствующее ему по значению Препображение в конечной части истории. (*АК*)

грядущий во имя Господне, Царь Израилев! Иисус же, найдя молодого осла, сел на него, как написано» (Ин. 12:12-14).

Как может заметить читатель, этот момент тесно переключается с «прославлением» из первой главы Евангелия от Иоанна; но он более церемониален.

Ср. у Фрэзера («Адонис, Аттис, Осирис», 3-е издание, т. I, стр. 266²⁵³): «Впрочем, галлы, кастрированные жрецы Аттиса, были известны римлянам ещё во времена республики. Эти скопцы в восточных одеждах, со статуэтками на груди, видимо, являли собой привычное зрелище на улицах Рима. Неся изображения богини, они под музыку кимвалов, барабанов, флейт и рогов процессией проходили по Риму, и, поражённые фантастическим зрелищем, тронутые необузданными мелодиями, люди в изобилии подавали им милостыню и забрасывали розами изображение богини и несущих его людей».

Дионис тоже исходил из Сирии и Индии верхом на осле, сопровождаемый сатирами и нимфами в триумфальной процессии, называвшей его Спасителем и Богом.

Рассмотрим теперь дальнейшее провозглашение: «Отче! прославь имя Твоё. Тогда пришёл с неба глас: и прославил и ещё прославлю» (Ин. 12:28). (Если Иисус действительно вошёл бы подобным образом в Иерусалима, где небольшой гарнизон римлян внушал страх мятежному и фанатичному населению, Пилату не потребовалось бы никакого другого повода распять Иисуса, а вот десяток-другой зачинщиков как часть ежегодного карнавала не представляла угрозы.)

Здесь и небо, и земля свидетельствуют о божественности Иисуса. (Сравните запись об огне и воде при Непорочном Зачатии и Крещении. В древней системе символов огонь представляет собой небо, вода — землю.)

3. Последняя вечеря

«[Он] встал с вечери, снял с Себя верхнюю одежду и, взяв полотенце, препоясался. Потом влил воды в умывальницу и начал умывать ноги ученикам и отирать полотенцем, которым был препоясан» (Ин. 13:4-5).

Здесь ритуальность проявляется в полную силу. Новый царь вступает в должность, исполнив эту лакейскую работу.

После этого Иисус сам даёт Иуде знак предать его: «Сказав это, Иисус возмутился духом, и засвидетельствовал, и сказал: истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня... Иисус отвечал: тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам. И, обмакнув кусок, подал Иуде Симону Искариоту... Он, приняв кусок, тотчас вышел; а была ночь» (Ин. 13:21,26,30).

Странно, что Иоанн, в отличие от синоптиков, ни словом не намекает на «учреждение Причастия», заменив этот момент одержимостью Иуды, несмотря на предельную тщательность описания вечери, которой он посвящает пять из двадцати одной главы своего повествования.

Далее следует описание из Евангелия от Марка: «И когда они ели, Иисус, взяв хлеб, благословил, преломил, дал им и сказал: примите, ядите; сие есть Тело Моё. И, взяв чашу, благодарив, подал им: и пили из неё все. И сказал им: сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая» (Мк. 14:22-24).

Здесь перед нами Великая Мистерия, соответствующая Малой Мистерии, описывающей пиршество в Кане.

Далее история запутывается всеми возможными способами; основные моменты близки каждому читателю, и трудно удержаться от того, чтобы сослаться на них подробно.

4. Бичевание

(Мк. 14:65; 15:15,19; Ин. 18:22; 19:1 и т. д.)

²⁵³ Глава XXXIV. Миф об Аттисе и его ритуал. (НО)

Вспомните, что Диониса судили, унижали и бичевали по велению Пенфея. Вся эта сцена в «Вакханках»²⁵⁴ чрезвычайно напоминает суд над Иисусом.

Иисус тоже предстаёт пред религиозными властями и царём (людьми, чью божественность и царственность он взял на себя, дабы умереть вместо них), и они приговаривают его к смерти. Здесь нам придётся снова сослаться на магическую причину жертвоприношения, каковая заключается в том, чтобы продлить власть царя (или зерна). Поэтому мнимый царь предаётся суду, тогда как должностное лицо-исполнитель — в данном случае Пилат (неважно, понимает ли он, что такая магия — дело довольно жестокое) — церемониально оmyвает руки, дабы его не преследовал призрак жертвы.

Теперь мы подошли к церемониальному облачению и коронации фиктивного царя, уже разъяснённым выше, и к финальной сцене распятия. В последней мы практически впервые сталкиваемся с солярным символизмом, ибо прежде у нас было не так уж и много поводов обратиться к нему, если не считать двенадцати учеников (один из которых — проклятый, предатель), каковые соответствуют двенадцати окружающим Солнце знакам Зодиака, один из которых (Скорпион) считается астрологами коварным и губительным. Перекладина креста — экватор, пересекаемый Солнцем в день весеннего равноденствия, когда, как утверждают, и умер Иисус.

*

Здесь нам опять придётся сослаться на Фрэзера («Адонис, Аттис, Осирис»²⁵⁵, т. I, стр. 301-310): «Одним из богов восточного происхождения, которые на закате античного мира вступили в борьбу за господство над Западом, был Митра. Громадная популярность этого культа засвидетельствована памятниками, рассеянными в большом количестве по всей территории Римской Империи. Учением и обрядовостью культ Митры во многих отношениях напоминает не только культ Великой Матери, но и христианство. Это сходство бросилось в глаза самим христианским богословам, и они истолковали его как дело рук дьявола, постаравшегося совратить души людей с пути истинного с помощью этой лживой и коварной подделки под христианство. Точно так же многие из местных языческих ритуалов показали испанским завоевателям Мексики и Перу дьявольской пародией на христианские таинства.

Современный специалист в области сравнительного религиоведения с куда большим основанием видит в такого рода сходствах результат независимой работы человеческого ума²⁵⁶ в его пусть неуклюжих, но искренних попытках постичь тайну мира и перестроить в соответствии с этой ужасной тайной свою жизнь. Как бы то ни было, несомненно одно: митраизм, сочетающий возвышенную обрядовость со стремлением к нравственной чистоте и к достижению бессмертия, показал себя грозным соперником христианства. В течение какого-то времени нельзя было предсказать исход борьбы между этими конкурирующими вероисповеданиями. Заметные пережитки этой долгой борьбы сохранились в нашем празднике Рождества Христова, который церковь, скорее всего, позаимствовала непосредственно из этого языческого культа. По юлианскому календарю 25 декабря считалось днём зимнего солнцестояния и днём рождения солнца; с этого момента дни становятся длиннее и солнце греет всё сильнее. В Сирии и Египте празднование рождения солнца отличалось интересными особенностями. Его участники удалялись во внутренние приделы храма и в полночь выбегали оттуда с криком: «Дева родила! Свет прибывает!» Египтяне даже изображали новорождённое солнце в виде куклы, которую они в день рож-

²⁵⁴ «Вакханки» — пьеса Еврипида, древнегреческого драматурга. (НО)

²⁵⁵ Глава XXXVII. Восточные религии на западе. (НО)

²⁵⁶ Согласно альтернативной гипотезе, всё это — осколки древнейших цивилизаций. Её преимущество в том, что она менее полагается на совпадения; а если допустить, что рассказы, подобные истории об Атлантиде, имеют под собой реальную основу, она выглядит не так уж и неправдоподобно. (АК)

дения (день зимнего солнцестояния) изготавливали и выставляли на обозрение верующих. Дева, которая зачала и родила 25 декабря сына, была, несомненно, великой Восточной богиней, которую семиты звали Небесной Девой или просто Небесной Богиней: в населённых семитическими народами странах она выступала как ипостась Астарты. Сторонники же культа Митры называли его Солнцем или, как они выражались, Всепобеждающим Солнцем и в силу этого датировали его рождение также 25 декабря. Евангелия ни словом не упоминают о дате рождения Христа. Поэтому ранние христиане этот праздник не отмечали. Однако со временем египетские христиане стали считать Рождеством 6 января; обычай празднования в этот день дня рождения Спасителя к IV столетию распространился по всему востоку. Но в конце III — начале IV столетия Западная церковь, которая отказывалась датировать Рождество 6 января, установила в качестве подлинной даты 25 декабря. Со временем с этим решением согласилась и Восточная церковь. В Антиохии, например, это изменение вошло в силу лишь в 375 году нашей эры.

Какими соображениями церковные власти руководствовались при учреждении празднования Рождества? Очень откровенно причины этого нововведения изложены одним сирийским автором христианского вероисповедания. «Отцы церкви перенесли празднование с 6 января на 25 декабря вот почему. У язычников был обычай того же 25 декабря праздновать день рождения солнца, в честь которого они зажигали огни. Христиане также принимали участие в этих торжествах. Когда церковные власти поняли, что христиане сохраняют пристрастие к этому празднику, они посоветовались и решили, что настоящее Рождество должно отмечаться 25 декабря, а 6 января — праздник богоявления (эпифании). Вот почему сохранился также обычай жечь свечи до 6 января». То, что Рождество имеет языческие корни, молчаливо признаёт Блаженный Августин, когда он увещевает братьев во Христе праздновать этот день не как язычники, то есть из-за рождения солнца, а ради того, кто сотворил солнце. Папа Лев Великий также осуждал это вредоносное суеверие — представление о Рождестве как о возрождении солнца, а не как о Рождестве Христовом.

Из этого следует, что церковь приняла решение праздновать день рождения своего основателя 25 декабря для того, чтобы перевести религиозное рвение язычников с солнца на того, кто звался Солнцем Справедливости. В таком случае нет ничего невероятного в гипотезе о том, что такого же порядка мотивы могли побудить церковные власти уподобить Пасху, то есть празднование смерти и воскресения Господа, празднованию смерти и воскресения другого азиатского бога, которое приходилось на то же время года. Действительно, греческие, сицилийские и итальянские пасхальные обряды удивительно напоминают культ Адониса. Я уже высказывал предположение, что церковь сознательно приспособила новый праздник к его языческому прототипу, для того чтобы завербовать для христианства как можно больше сторонников. Но этот шаг в грекоязычных областях античного мира был сделан быстрее, чем в странах, говорящих на латыни: ведь культ Адониса процветал у греков, а на Рим и на Запад вообще оказал незначительное влияние. Он наверняка не был частью официальной римской религии. Чувства римской черни завоевал не он, а более варварский культ Аттиса и Великой Матери. Между прочим, смерть и воскресение Аттиса официально праздновались в Риме 24 и 25 марта: последнее число считалось днём весеннего равноденствия, то есть днём, наиболее подходящим для возрождения бога растительности, всю зиму проспавшего мёртвым сном. Если верить широко распространённому древнему поверью, крестный путь Христа также приходился на 25 марта. Некоторые христиане, не обращая внимания на положение луны на небе, регулярно отмечали в этот день распятие Спасителя. Этот обычай соблюдался во Фригии, Каппадокии и Галлии: есть основания полагать, что одно время ему следовали и в самом Риме. Так что предание, датировавшее смерть Христа 25 марта, было весьма древним и пустило глубокие корни. Это тем более замечательно,

что, как показывают астрономические расчёты²⁵⁷, оно не имело под собой ни малейшего исторического основания. Необходимо поэтому сделать следующий вывод: восхождение Христа на Голгофу было специально приурочено к этой дате для того чтобы соответствовать более древнему празднованию весеннего равноденствия. Таково мнение весьма эрудированного историка церкви — монсьеора Луи Дюшэна²⁵⁸; он указывает на то, что смерть Спасителя стала, таким образом, приходится как раз на тот день, в который, по распространённому верованию, был сотворён мир. Воскресение Аттиса, который сочетал в одном лице Бога-отца и Бога-сына, официально отмечалось в Риме в этот же день. Стоит также вспомнить, что празднование дня святого Георгия в апреле пришло на смену древнему языческому празднику Парилий; что день святого Иоанна Крестителя пришёл на смену летнему языческому празднику воды; что праздник Успения Пресвятой Богородицы в августе месяце вытеснил празднество Дианы; что день Всех Святых в ноябре явился продолжением древнего языческого праздника мёртвых; что само Рождество Христово было приурочено к зимнему солнцестоянию, потому что этот день считался рождением солнца. В свете этих данных приобретает доказательность наша гипотеза о том, что и другое центральное христианское празднество — Пасха — по тем же причинам было приспособлено к аналогичному празднику фригийского бога Аттиса, приходившемуся на время весеннего равноденствия.

Тот факт, что христианский и языческий праздники смерти и воскресения бога отмечались в одних и тех же местах в одно время года, даже если за ним не стоит ничего большего, примечателен уже сам по себе. В период весеннего равноденствия смерть Христа торжественно отмечали во Фригии, в Галлии и, по всей вероятности, в Риме, то есть в зоне зарождения и наибольшего распространения культа Аттиса. Маловероятно, чтобы это было простым совпадением. В зонах умеренного климата, где весной весь облик природы меняется под влиянием притока жизненной энергии, в весеннем равноденствии с древних времён видели обновление природы в возрождающемся боге, и нет ничего более естественного, как связать возрождение нового бога с поворотной точкой года. Впрочем, если датировать смерть Христа 25 марта, воскресение его, согласно христианской традиции, должно было приходиться на 27 марта, то есть на два дня позже весеннего равноденствия по юлианскому календарю и воскресения Аттиса. Аналогичный сдвиг на два дня происходит при совмещении христианского и языческого праздников святого Георгия и Успения Богородицы. Однако другое христианское предание — ему следовал Лактанций²⁵⁹ и, видимо, галльская церковь — относил смерть Христа к 23-му, а его воскресение — к 25 марта. В таком случае воскресение Христа точно совпадало с воскресением Аттиса.

По свидетельству анонимного христианского автора IV века нашей эры, как христиане, так и язычники отмечали поразительные совпадения дат смерти и воскресения их богов. Это совпадение было предметом яростных споров последователей враждующих религий: язычники с жаром утверждали, что воскресение Христово является фальшивой подделкой под воскресение Аттиса, а христиане с такой же горячностью доказывали, что дьявольской подделкой является

²⁵⁷ Тот факт, что Пасха — праздник с изменчивой датой, в зависимости от положения луны, — окончательное доказательство того, что это не годовщина исторического события. Эта точка зрения согласуется с таковой доктора Фрззера; она показывает, что солнечный праздник был соединён с лунным. (АК)

Поскольку евреи пользуются лунно-солнечным календарём, основывающимся и на фазах луны, и на точке весеннего равноденствия, подвижность еврейской Пасхи относительно солнечного григорианского календаря никоим образом не противоречит тому, что она могла быть установлена в честь исторического события: в еврейском календаре дата Пасхи постоянна. Любопытно в этой связи иное: солнечное затмение, предположительно описанное в евангелиях (Мф. 27:45; Мк. 15:33; Лк. 24:44-45), не могло иметь место на Пасху, которая датируется серединой лунного месяца Адар и, таким образом, приходится на полнолуние. (НО)

²⁵⁸ Луи Дюшэн (1843-1922) — французский историк церкви. (СТ)

²⁵⁹ Лактанций (ок. 250 — ум. после 325) — христианский церковный писатель. (СТ)

как раз воскресение Аттиса. Верх в этих непристойных, на взгляд поверхностного наблюдателя, преширательствах брали язычники, доказывавшие, что их бог, как более старший по возрасту, является не копией, а оригиналом, потому что оригинал обычно старше копии. Но христиане легко отражали этот аргумент. Пусть Христос, утверждали они, бог младший по времени, но на самом деле он старший, так как в этом случае Сатана превзошёл в коварстве себя самого и обратил ход природы вспять.

Эти совпадения христианских и языческих праздников, если взять их в целом, слишком многочисленны, чтобы быть делом случая. Они свидетельствуют о компромиссе, который церковь в час своего торжества вынуждена была заключить с соперничающими культами, побеждёнными, но не утратившими своего влияния на умы».

Этот пассаж однозначно освещает весь вопрос о датировках и, помимо того, объясняет вставку истории о Непорочном Зачатии.

В отношении поедания бога после его украшения и убийства см. также у Фрэзера («Умиравший бог», стр. 55)²⁶⁰: «Среди джайнтъя или синтенгов (племя кхаси из Ассама) ежегодные человеческие жертвы приносились в день Сандхи месяца ашвина. Зачастую кандидаты выдвигались добровольно и приносили в жертву самих себя. Чтобы сделать это, они представляли перед раджой в последний день шравана и заверяли, что богиня призывает их к себе. Если претендент после должных вопросов подтверждал свою пригодность, раджа традиционно преподносил ему золотой ножной браслет и позволял жить по собственному разумению и делать всё, что заблагорассудится; царское казначейство брало на себя обязательство компенсировать любой ущерб, который он мог причинить, реализуя эти замечательные привилегии. Но наслаждение ими было весьма недолгим. В назначенный день добровольная жертва после омовения и очищения облачалась в новые одеяния, расписанные красным сандалом и киноварью и украшенные гирляндами. Приведённая таким образом в порядок, она погружалась на некоторое время в медитацию и молитву на помосте перед богиней; затем подавала сигнал пальцем, и палач, произнеся необходимые формулы, отсекал ей голову, каковая возлагалась перед богиней на золотом блюде. Лёгкие готовились и поедались присутствующими чандра-йогами, и говорится также, что царское семейство использовало в пищу некоторое количество риса, приготовленного на крови жертвы».

Что касается причин, по которым «первородный сын Отца» непременно должен быть убит подобным образом, сошлёмся ещё раз на тот же источник: на «Умирающего бога», где имеется целый раздел «Принесение в жертву сына правителя», из которого мы позволим себе процитировать лишь несколько отрывочков.

Стр. 160²⁶¹: «Отметим ещё одну особенность временных правителей. В двух из приведённых примеров (камбоджийском и джамбийском) они являются родственниками настоящего правителя. Если мы правильно представляем себе происхождение института временных правителей, то нетрудно догадаться, почему в некоторых случаях заместитель принадлежит к тому же роду. Ведь когда настоящему правителю впервые удалось вместо собственной жизни принести в жертву жизнь другого человека, ему нужно было доказать полноценность замены. В качестве бога или полубога должен был умереть сам правитель. Поэтому приносимая взамен жертва также должна была обладать свойством святости. В этом мы имели возможность убедиться на примере временных королей Сиамы и Камбоджи, наделённых сверхъестественными способностями, которые на более раннем этапе развития общества считались присущими исключительно особе короля. Но ни в ком божественность правителя не находит лучшего воплощения, чем в его сыне, унаследовавшем от отца его священное наитие. Следовательно, нет более полноценной жертвы, приносимой взамен правителя на благо всего народа».

²⁶⁰ Этот фрагмент в сокращённой версии «Золотой ветви» отсутствует. Перевод выполнен Анной Нэнси Оуэн. (НО)

²⁶¹ Глава XXVI. Принесение в жертву сына правителя. (НО)

Стр. 176-177²⁶²: «Сквозь пелену этой странной традиции явственно проглядывает память о великом избиении первенцев. Говорится, что святость первенцев и празднование Пасхи существовали изначально. Но когда далее нам сообщают, что те, чьи первенцы были в данном случае вырезаны — не евреи, но их враги, мы сразу же сталкиваемся с серьёзными трудностями. Мы можем задаться вопросом: с какой стати израильтяне должны умерщвлять всё первородное из своего скота, если Бог только что умертвил первенцев из скота египетского? и с какой стати каждый еврейский отец должен выкупать у Бога собственного первенца, если Бог только что умертвил всех первенцев самих египтян? В таком виде традиция не предлагает никакого внятного объяснения этому обычаю. Но всё сразу становится ясно и понятно, если мы предположим, что в оригинальной версии истории умерщвлены были именно еврейские первенцы; что, по сути, резня первенцев, случившаяся прежде, чем продолжившая её резня первородных из скота — не отдельное избиение, но регулярный обычай, каковой с ростом более человеческих чувств смягчился впоследствии до замещающей жертвы агнца и оплаты выкупа за каждого ребёнка. Здесь читатель может вспомнить другую еврейскую традицию, где принесение в жертву первенца преподносится более чётко. Сказано, что Авраам по велению Бога собрался принести в жертву всесожжения своего первородного сына Исаака и уже был готов исполнить божий наказ, когда Бог, удовлетворившись таким свидетельством его веры и покорности, подменил приносимого в жертву человека овном, которого Авраам в итоге и зарезал вместо собственного сына. Поставив обе традиции рядом и рассмотрев, сколь точно они соответствуют друг другу и последующей еврейской практике приносить в жертву всесожжения Ваалу или Молоху своих первенцев, мы вряд ли найдём возражения против вывода, что до введения практики искупления евреи, как и другие ветви семитской расы, частенько предавали своих первенцев огню и ножу. Если эта точка зрения верна, то Пасха и есть чудовищное жертвоприношение; а традиция её возникновения в общих чертах хранит живую память об ужасах этих страшных ночей».

Стр. 178-179²⁶³: «Если и впрямь таково начало Пасхи и святости первенцев для евреев, об этом должны свидетельствовать все семитские источники по этой теме. Дети, которых карфагеняне, финикийцы, хананеяне, моавитяне, сефравиты и, по всей видимости, другие ветви семитской расы предавали огню, были из первородных, хотя зачастую древние авторы не отмечали такого ограничения в этом обычае. Для моавитян оно и правда явственно подразумевается (если и не указывается прямо), когда, как мы можем прочесть, царь моавитский взял сына своего первенца, которому следовало царствовать вместо него, и вознёс его во всесожжение на стене. Для финикийцев оно проявлено менее отчётливо в высказываниях Порфирия²⁶⁴ о том, что финикийцы жертвовали Ваалу самое дорогое, и в легенде, записанной Филоном Библиским²⁶⁵, что Крон принёс в жертву своего только что родившегося сына. У нас есть основания полагать, что обычай приносить в жертву первенцев из людей и животных — столь же древняя семитская практика, которой придерживалась эта раса на протяжении всей своей истории; но что евреи, хотя и поддержали они эту традицию относительно скота, благодаря своей высокой морали от-

²⁶² Пер. Анны Нэнси Оуэн. (НО)

²⁶³ Пер. Анны Нэнси Оуэн. (НО)

²⁶⁴ *Порфирий Финикийский (настоящее имя Малх, или Мелех)* (232/233-304/306) — древнегреческий философ, представитель неоплатонизма. Ученик Плотина, автор его жизнеописания, издатель его сочинений. Был известен в различных областях философии и религии; работал в сфере математики, гармоник, грамматики, риторики, истории. (НО)

²⁶⁵ *Филон Библиский* (ок. 50 — после 138 гг. н. э.) — финикийский историк, описавший культуру и религию Финикии в своей несохранившейся «Истории Финикии» в 9 томах. Также написал «О городах и о том, что замечательного в них было» в 30 томах, «О приобретении и отборе книг» в 12 томах, «Словарь синонимов», «Об иудеях», биографию Адриана. (НО)

казались следовать ей в отношении детей и заменили её более милосердным законом, согласно которому первый рождённый ребёнок должен выкупаться, а не приноситься в жертву».

Стр. 194-195²⁶⁶: «Используя приведённые выше доказательства, мы можем благополучно сделать вывод, что обычай, позволяющий царю убивать своего сына в качестве замещающей или сторонней относительно себя самого жертвы, не должен считаться чем-то исключительным или удивительным: во всяком случае, в семитских землях, где религия, по всей видимости, действительно советует или предписывает каждому в качестве обязанности перед своим богом отнимать жизнь у своего сына-первенца. И нет ничего странного в том, что ещё много времени после того, как этот варварский обычай был отброшен другими, его продолжали соблюдать цари, которые остаются во многих отношениях представителями исчезнувшего мира, одинокими вершинами, возвышающимися над пустынными водами потопа, под которыми погребено прошлое. Мы видели, что две греческие фамилии царского происхождения продолжали отвечать за поставку человеческих жертв из своего числа вплоть до тех времён, когда риск быть принесёнными в жертву для остальных их земляков, мужчин и женщин их страны, стал не больше, чем для гостей современного Чипсайда — зайти в Собор Святого Павла или церковь Сент-Мери-ле-боу и быть возложенным там на алтарь в качестве жертвы. Окончательное смягчение обычая должно было заменить осуждённых преступников невинными жертвами. Как известно, такая подстановка происходила во время человеческого жертвоприношения, ежегодно совершавшегося в честь Ваала на Родосе, и мы видели хорошее основание для веры в то, что преступник, гибнущий на кресте или виселице в Вавилоне, умирал вместо царя, чьи царские одеяния ему позволялось носить несколько дней».

Дальнейшие свидетельства обычая повешения бога на древе приведены в «Адонисе, Аттисе, Осирисе»²⁶⁷. Прочитав снова (стр. 289-291)²⁶⁸: «Вероятно, в глубокой древности жреца по имени Аттис, разыгрывавшего роль этого бога на весенних праздниках Кибелы, вешали на священном дереве (или убивали каким-то другим способом), а в позднейшие времена этот варварский обычай выродился в известную нам форму: жрец ограничивается тем, что надрезает себе руку, а к стволу вместо него привязывают куклу. В жертву через повешение на священных деревьях приносили людей и животных в священной роще в Упсале. Смерти через повешение регулярно предавали человеческие жертвы, посвящённые богу Одину. Впрочем, иногда повешение сочеталось с закалыванием: человека сначала вздёргивали на дереве или на виселице, а потом наносили ему удар копьём. По этой причине Одина звали богом виселиц или богом висельников и изображали сидящим под виселицей. Известно даже, что через повешение его принесли в жертву самому себе, как явствует из таинственных стихов “Гавамалы”, в которых Один описывает то, как он приобрёл божественную силу путём изучения магических рун:

“Итак, на дереве, колеблемом ветрами,
Девять ночей висел я, посвящённый Одину,
Чьим копьём я был поранен —
Сам самому себе”.

Багобо, жители одного из Филиппинских островов — Минданао, тем же способом каждый год приносили человеческие жертвы, чтобы собрать хороший урожай. Багобо знали, что в начале декабря, когда созвездие Орион появлялось на небе в семь часов вечера, наступало время расчистки полей под посевы и принесения в жертву раба. Жертву могущественным духам приносили в уплату за хорошую погоду в прошедшем году и в залог их благосклонности в наступающем сезоне. В лесу жертву подводили к большому дереву и с вытянутыми над головой рука-

²⁶⁶ Пер. Анны Нэнси Оуэн. (НО)

²⁶⁷ Т. I. (БХ)

²⁶⁸ Глава XXXVI. Человеческие воплощения Аттиса. (НО)

ми привязывали спиной к дереву (точно в такой позе античные художники изображали Марсия висящим на роковом дереве)».

Вряд ли имеет смысл продолжать. Каждая деталь смерти Иисуса появляется как существенный элемент в неких ритуалах или иных составляющих какого-нибудь из более ранних вероисповеданий. Нам нет нужды тревожить читателя аналогичными параллелями воскресения: мы уверены, что тексты, которые мы ему предложили, убедят его сделать «Золотую ветвь» краеугольным камнем своей религиозной библиотеки.

На это можно возразить, что мы доказали чересчур много, что мы смешиваем обряды Ат-тиса и Осириса; мы рассмотрели и то, что связано с Дионисом, и то, что связано с Митрой, или Солнцем²⁶⁹.

²⁶⁹ Далее следует обширное примечание Кроули. Обычный текст продолжается после завершения примечания на стр. 204 оригинального текста. (БХ)

Позволите ли в качестве альтернативного ответа на эту критику коротко отметить, что история Распятия уже рассказана в романе под названием Книга Есфирь?

Есть царь Артаксеркс, которому служат семь управляющих (Солнце и планеты?). Его царица Астинь (эламитская богиня Машти) [*Сходство имён в английской транскрипции более заметно: Vashiti и Mashti соответственно; АНО*] отказывается показать себя людям, как и положено всякой целомудренной женщины на Востоке. Сердце Артаксеркса «развеселилось от вина». Есть семь князей, предложивших покарать Астинь, лишив её за это всех почестей.

Затем царь выбирает девицу по имени Есфирь (Иштар, или Астарот, или Астерия, или Астарта, обычное имя Богини тех стран), приёмную дочь её двоюродного брата Мардохея (местное божество Мардук), дабы сделать царицей.

Мардохей оказывает царю услугу, раскрыв заговор против него со стороны двух евнухов, и получает через Есфирь благосклонность; но у него есть соперник, Аман (эламитский бог Уман), которого царь возвеличил «выше всех князей». Аман стремится истребить всех иудеев; Мардохей убеждает Есфирь прийти на помощь. Она велит всем евреям поститься и скорбеть три дня. По завершении этого времени Есфирь, угодив царю, приглашает его и Амана на пир. Тем временем Аман готовит виселицу для Мардохея.

Царь, страдая бессонницей в ночь перед пиром, читает памятную книгу и вспоминает, что забыл наградить Мардохея за оказанную услугу.

Затем начинается «комедия».

Царь спрашивает Амана, что сделать бы тому человеку, которого царь хочет отличить почестью. Аман, решив, что речь идёт о нём самом, советует одеть этого человека в царские одеяния и возложить ему на голову царский венец, посадить на коня, на котором ездит царь, и провести по городу, и прославить. Царь велит Аману сделать это для Мардохея; отличная штука!

Потом начинается пир, и Есфирь молит пощадить евреев, обвиняя Амана. Царь гневается и идёт прогуляться в сад. Аман хочет добиться свободы, но, увлечшись просьбами о своей жизни, обращёнными к Есфирь, пытается изнасиловать её. На этом его застаёт Артаксеркс, который тут же велит повесить Амана на виселице, приготовленной им для Мардохея.

Царь даёт свой перстень Мардохею; евреи убивают всех верноподданных Артаксеркса, вместо того, чтобы те убивали их самих; и живут с той поры долго и счастливо.

В ознаменование этих событий иудеи учредили праздник Пурим.

Эта история, несомненно, есть роман, в котором миф адаптирован и наложен на исторический фон. То же самое мы наблюдаем с нашими Коломбиной, Арлекином и Панталоне. (Особое внимание обратите на наряд Арлекина.)

Его основные детали куда старше самого романа; они берут своё начало в вавилонских Сакеях.

Днион Хрисостом описывает это торжество следующими словами: «Они берут одного из осуждённых на смерть, сажают его на царский трон, дают ему царские одеяния и позволяют ему властвовать, и пить, и распутничать, и пользоваться царскими наложницами все эти дни, и никто не помешает ему делать всё, что ему заблагорассудится. Но затем они раздевают, бичуют и распинают его». Сравните это с событиями «Страстной Недели».

Иначе говоря, не вызывает сомнений, что у самих евреев бытовало празднование «убиенного бога», воспринятое ими во времена вавилонского плена. Ибо основные черты распятия даже не требуют того, чтобы считать их сторонним влиянием. Пурим, хотя и отмечается на месяц раньше, может смешиваться в этом отношении с Пасхой, поскольку его доктрина замены жертвоприношения первенцев жертвоприношением агнца столь схожа с аналогичной заменой царя. Ибо тем, кто возражает против поиска любых источников евангелий за пределами Сирии, стоит напомнить, что евангельская история являлась попыткой укрепить иудаизм отождествлением вавилонского и еврейского празднований точно так же, как в последние годы люди пытались создать «Дни Империи» и тому подобное

Замечание превосходное; но оно лишь подтверждает наши сомнения. Вернёмся же теперь к тому, что говорилось в начале этой главы относительно политических условий того времени. Местные боги были весьма удобны, когда путешествия были крайне редки; но когда их последователи стали странствовать по лику земли, столкновение стало неизбежным.

Жрецы собрались на совет, «как заведено» у жречества! Они сошлись на единственно возможном решении: разработать синкретический ритуал с синкретической историей, подходящей для него. Каждый жрец, немного видоизменив свой обряд, мог присоединиться к «вере» и сохранить, а то и приумножить свои доходы. *Quod erat faciendum*²⁷⁰.

Как можно заметить, точно такой же процесс случился в Древнем Египте при аналогичных обстоятельствах. Зерновая нимфа была отождествлена с лунной богиней, богиней Нила и божественной Матерью и обозначена как Исида, к вящей своей выгоде. «Исида не только позволяет созреть вашей пшенице, — пришлось теперь объяснять жрецам. — Это её слёзы вызывают разливы Нила; это её свет ведёт вас ночью; это она дарует вам детей». Так возникла группа из «тридцати трёх высших богов», вскоре — «эннеада», затем «триада», пока, наконец, не произошло сведение трёх к единому, но всё ещё разделённому догматом о Троице.

Поэтому и можем мы теперь рассматривать Иисуса как гармонизатора всех этих противоречивых культов.

Читатель, конечно же, заметит, что всё это прекрасно, но это — всего лишь гипотезы, а ему нравятся некие подтверждения, действительно имевшие место. К счастью, мы можем предложить кое-что в этом духе.

Вообще объяснить молчание Иоанна и Марка по поводу рождения Иисуса очень просто. Мы можем лишь предположить, что это были самые ранние евангелия, не соответствующие нуждам неких сект, главное празднование которых включало предание о чудесном рождении. Дабы привлечь таких людей, потребовалось включить их обряд; и тут же были даны указания добавить их в евангелия или в некие вспомогательные религиозные документы — например, в календарь.

Наконец, у нас есть фактические примеры того, что так всё и было. В первом томе «Золотой ветви»²⁷¹ Фрэзер утверждает: «Едва ли можно усомниться в том, что Ипполит, святой рим-

из чисто гуманитарных «неприсутственных дней» сэра Джона Лаббока [*Сэр Джон Лаббок, 1-й барон Эйвбери (1834-1913) — английский банкир, биолог, археолог и либеральной политике; НО*].

На это можно возразить, что в еврейском торжестве недостаёт важной фигуры Иштар; однако возрождение монотеизма после возвращения из плена объясняет, почему она была отброшена. Жрецы не видели большого греха в том, чтобы нехотя согласиться с незамысловатой церемонией «мнимого царя», из которой были изъяты чужеземные религиозные элементы и которая не только хранила нетленной память легендарной народной славы, но и тесно переплеталась с их старинным ежегодным праздником козла отпущения.

В Лев. 16:1 читаем: «И говорил Господь Моисею по смерти двух сынов Аароновых, когда они, приступив с чуждым огнём пред лице Господне, умерли». И от общества сынов Израилевых он должен был взять двух козлов в жертву за грех и одного овна во всесожжение. И он должен был взять двух козлов и поставит их пред лицом Господним у входа скинии собрания. И Аарон должен был бросить жребии об обоих козлах: один жребий для Господа, а другой жребий для козла отпущения. И Аарон должен был привести козла, на которого вышел жребий для Господа, и принести его в жертву за грех. Но козла, на которого вышел жребий для отпущения, следовало поставить живого пред Господом, чтобы совершить над ним очищение и отослать его в пустыню для отпущения.

Пурим означает жребий и отсылает нас, по всей видимости, к описанному здесь искуплению. Здесь один козёл — Аман, другой Мардохей; один — Иисус, другой — Варавва.

За общую схему этого комментария я выражаю признательность доктору Дж. Дж. Фрэзеру и вынужден отправить читателя к полному и самому обстоятельному рассмотрению всех этих вопросов в той части «Золотой ветви», что озаглавлена «Козёл отпущения»; но я также взял на себя смелость сделать несколько самостоятельных замечаний, которые, надеюсь, положат конец некоторым трудностям в этом вопросе. (АК)

²⁷⁰ (лат.) Что и требовалось получить. (АНО)

²⁷¹ Глава I. Диана и Вирбий. (НО)

ского календаря, которого несут лошади и который находит смерть 13 августа, в день праздника Дианы, есть не кто иной, как тот же греческий герой. Дважды найдя смерть в качестве язычника, он счастливо воскрес в ипостаси христианского святого».

Этот пример — вовсе не единственный в своём роде. В том же томе²⁷² мы обнаруживаем: «Не исключено, что изображения скота, найденные в землях Дианы в Неми, тоже приносились ей в жертву пастухами, дабы обеспечить стадам её благословение. В католической Германии наших дней великий покровитель коров, коз, лошадей и свиней — святой Леонард, которому и посвящаются их фигурки: порою для того, чтобы обеспечить здоровье и прирост стад и отар на следующий год, порою же для лечения больных животных. Как это ни покажется странным, от святого Леонарда, как и от Дианы Арицийской, ждут ещё и вспомоществования женщинам в их тяготах и наделяния потомством бесплодных жён. Этим сходство между святым Леонардом и Дианой Арицийской не исчерпывается; ибо святой, как и богиня, исцеляет больных; он покровитель узников, как и она была покровительницей беглых рабов; а его усыпальницы, как и её, обладали правами убежища».

Это лишь два из великого множества случаев. Даже боги вроде Вакха и Приапа превратились в святых. Мы обнаруживаем тождество или сходство не только имён, но и легенд. Если бога сопровождали двадцать четыре нимфы, то святому служат двадцать четыре девственницы. Если при нём состояла целая рота фавнов, при святом будет такое же количество мучеников. Если его изображают покровителем какой-то конкретной рыбы, святой сотворяет какое-нибудь чудо именно с той рыбой, о которой рассказывается в языческой истории.

Поэтому, замечая в ходе истории (несмотря на очевидные интересы церкви заретушировать или скрыть операцию), что меньшие религии намеренно включаются в христианство путём небольшой корректировки их легенд и обрядов, вполне разумно будет сделать вывод, что это всего лишь продолжение первоначального процесса.

Но почему Иисус? — продолжает задаваться вопросом читатель. Потому, что иисус, о котором проповедовал Павел, обрёл популярность благодаря демократизму. Изначально христианство было религией преступников и рабов. Спасение было дешёвым, как грязь. После падения Римской Империи у священного жречества не оставалось выбора, кроме как добавить имя и традицию Иисуса в свои, уже модифицированные, обряды. Только таким путём они могли наводнить вновь свои опустевшие храмы, наполнить свои истощившиеся сундуки и воскресить свою поблекшую власть и влияние. Как заметил мистер Шоу, Вера без Дел (в плане получения священниками доходов) достигла цели.

Не врагов, но народ боялся Константин; это его побеждал он «сим знаком». Но даже это случилось задолго до того, как новая империя Папства набрала силу. Искусство, науки, образование, литература — всё погрузилось во тьму; люди уже не знали, откуда взялся Иисус; они становились столь невежественны, что принимали буквально фантастические истории о чудесах, со всеми их нелепостями и противоречиями; и даже Ренессанс, с его возвращением к языческому свету и лидерству, фундамент всего самого лучшего, что есть в современной цивилизации, оставил тевтонских дикарей Пруссии и Англии во мраке, озаряемом лишь редкими проблесками тех, кто любил греческую культуру, в этих склепах, кипащих человеческими массами, — до сего дня.

Составление окончательного канона Евангелия

В этом, боюсь, несколько подзатынувшемся трактате читатель может потерять ощущение значимости аргументов. Поэтому теперь полезно сплести все нити в единое полотно, подвести итоги и оглядеть поле битвы целиком.

²⁷² Пер. Анны Нэнси Оуэн. (НО)

Взяв в руки Новый Завет и вкратце рассмотрев отмеченные формулировки, читатель обнаружит то же поразительное обстоятельство. Есть три — и только три — основных этапа жизни Иисуса. Всё начинается с истории рождения; мы уже отвергли её как несомненное заимствование, поскольку даже Павел (а также, по всей видимости, Пётр и Иоанн) был совершенно не в курсе подобных сказок или относился к ним с недоверием, а то и с откровенной враждебностью. Затем описывается жизнь странствующего проповедника и, наконец, словно удар молнии, трагедия, от «Вербного Воскресенья» до Воскресения. Эти две части не слишком хорошо согласованы, а исследование их источников объясняет, почему именно. Кроме того, мы должны рассмотреть, как именно они были соединены. Мы можем назвать их Жизнью и Смертью Иисуса соответственно; и рассмотреть их поочерёдно.

Жизнь Иисуса

Всякое неправильное понимание Библии есть следствие того, что она — Восточная Лоза, привитая в западном саду. Если уж мистер Шоу (при всех его способностях и познаниях) погряз в той же трясине, что и самый невежественный крестьянин Линкольншира, так это из-за того, что он никогда не жил на Востоке. События — элементарнейшие события, — описанные в евангелии, кажутся ему диковинными, словно волшебная сказка.

Входя в дом, жители восточных городов снимают свои туфли или сандалии; не из-за какого-то странного суеверия, но потому, что никакие санитарные власти не выделяют средств на удаление звериных экскрементов с улиц. Город Юньнань-Фу²⁷³ возвышается на многие футы над поверхностью совершенно плоской равнины. Он стоит не на холме, но на своих вековых отходах. Нет «странной восточной религии» сати (или, в английской транскрипции, «*sutee*»); это здравый смысл. Индуистские «жёны готовят для своих мужей», и единственное, что мешает женщине отравить своего благоверного — то, что она не переживёт его похорон.

Если вы желаете по-настоящему страшно потрясти христианина, посоветуйте ему вообразить — представить себе — Иисуса за столом, с немывтыми руками (Мк. 7:2, Лк. 11:38). Йоги не моются, ибо так диктует церемониальный закон ортодоксов; на востоке он принят повсеместно, и столь же повсеместно грязь — признак святости. А теперь представьте себе Иисуса, опускающего грязную руку в блюдо вместе с одиннадцатью другими «не слишком чистыми». Если это не подействует, приведите ему ещё пару интимных подробностей восточной жизни; объясните, почему именно чистота на кухне столь жизненно важна в странах вроде Сирии.

Знание восточных обычаев необходимо, чтобы доподлинно представить и понять жизнь Иисуса. Несколько лет путешествий по Индии и Северной Африке познакомят вас с тамошней атмосферой, и это заставит улыбнуться, когда речь зайдёт о «чудесной жизни» Иисуса. На каждой индийской обочине вы и сегодня можете найти святого — в 1901 году вы могли бы обнаружить там меня! — живущего в точности такой же жизнью, как это рассказывается про Иисуса. Он просит себе на пропитание, или же «[женщины] служат Ему именем своим» (Лк. 8:3), точно так же, как праздные и порочные негодяи, явившиеся из Индии в Америку и Англию, дабы строить из себя «йогов» за счёт ленивых и никчёмных светских дамочек, ищущих новой моды. Однако в Индии поддерживать йогина — задача скромная и почётная. Подобный муж действительно свят и нуждается лишь в ничтожных крохах риса и карри. Ты можешь оказать ему помощь на год по цене одного обеда в Кларидже.

Большинство индийских йогов — одиночки. Многие из них могут оказаться связаны обетом молчания. Но добрая половина страдает зудом учительства, и такие бродят с места на место в поисках учеников. Порой они сходят с ума от жизненных тягот, или использования наркоти-

²⁷³ Юньнань-Фу (ныне Куньмин) — городской округ в провинции Юньнань на юго-западе Китая, административный центр провинции. (НО)

ков, или злоупотребления религиозным экстазом, становятся свирепыми бегаящими «амоками»²⁷⁴, могут убивать, нападать на храмы конкурирующей секты под любым предлогом или пытаться преобразовать собственные храмы столь же радикальными мерами, как Иисус поступил с меновщиками. Иногда они упиваются политикой и начинают с кампании против власть имущих. Любой индийский чиновник расскажет вам, сколько бед приносят такие люди; половина столкновений на границе связана с кем-нибудь из таких «экзальтированных». Даже в Англии слышаны о Махди²⁷⁵, и о Безумном Мулле²⁷⁶, и о Сенусси²⁷⁷, и, может быть, даже о более ранних временах друзов²⁷⁸ и «Старика с гор» с его свихнувшимися от гашиша учениками, от которых нам досталось слово «ассасин»²⁷⁹. Добрые англичане могут быть потрясены, услышав, что между такими людьми и боготворимым ими Иисусом — разницы ни на грош. Тем не менее, это факт.

У всех таких людей есть ученики, и за ними следуют женщины (обычно женщины лёгкого поведения): отшельники и святые мужи повсюду слынут великими сексуальных дел мастерами. У них есть собственные изречения, они сочиняют притчи и басни, дабы с наступлением темноты развлекать своих почитателей у походного костерка, они творят чудеса и исполняют древние пророчества в точности как Иисус. Жалобы фарисеев на Иисуса — важнейшие из жалоб сегодняшнего индийского ортодокса на йогоинов. Они пренебрегают церемониальными омовениями; они едят грязную пищу; они не уделяют внимания религиозным празднествам или предписаниям риши и прочих великих учителей. Их совершенно не волнует кастовая принадлежность; они — бездельники, тунеядцы и бродяги; они молятся, а не работают; и так далее. Девять десятых наставлений Иисуса нацелены против сильнее всего дорожащих правилами или предписаниями фарисеев; и то же самое можно сказать о наиболее мудрых индийских и мусульманских изречениях нашего времени.

Небольшие диалоги, в которых Иисус возражает книжникам и фарисеям, чрезвычайно характерны. Жители Востока любят, когда их «дервишам» удаётся перехитрить любопытствующе-

²⁷⁴ *Амок* (от *малайск.* впасть в слепую ярость и убивать) — психическое состояние, чаще всего определяемое в психиатрии как этноспецифический феномен, свойственный жителям Малайзии, Филиппин и близлежащих регионов, характеризующееся резким двигательным возбуждением (как правило, без) и агрессивными действиями, беспричинным нападением на людей. В немецком языке слово «амок» получило расширенное значение и обозначает неистовую, слепую, немотивированную агрессию с человеческими жертвами или без них, вне каких-либо этнических или географических рамок. (НО)

²⁷⁵ *Махди* — провозвестник близкого конца света, последний преемник Пророка Мухаммада, своего рода мессия. В Коране Махди не упоминается, однако идея мессии широко толкуется в хадисах. Мессианские идеи нередко вдохновляли социальные и религиозные движения в мусульманском мире. Крупным махдитским движением было восстание в Восточном Судане в конце XIX века под руководством Мухаммеда Ахмеда, провозгласившего себя Махди. Ему удалось в 1883 году, после победы над египетским войском при Кашиле, отнять Судан у Египта. После его смерти в 1885 году его наследником сделался Абдулах. В 1902 снова объявился махди в Судане, причём отправленные против него экспедиции были безуспешны. Баб, персидский религиозный реформатор, в 1848 году открыто объявил себя Махди (его основной титул «Баб» означает «врата», через которые передаётся воля Бога); в 1850 году Баб был расстрелян, но его учение продолжало распространяться на Востоке. В бахаизме Баб считается истинным Махди. (НО)

²⁷⁶ *Мухаммед бен Абдалла Сайд аль-Хасан (Безумный Мулла)* (1856-1920) — сомалийский поэт, религиозный и национальный лидер. Создал в Сомали Государство Дервишей, более 20 лет боровшееся с имперскими завоеваниями со стороны британских, итальянских и эфиопских войск армий. (НО)

²⁷⁷ *Мохаммед Ибн-Али Сенусси* (ум. 1859) — основатель (1833) мусульманского религиозного общества в Северной Африке, привлёкшего многочисленных последователей. (НО)

²⁷⁸ *Друзы* — арабоязычная этноконфессиональная группа, по происхождению — одно из ответвлений исмаилизма, однако прекратившая конфессиональные контакты с исмаилитами ещё в Средние века. (НО)

²⁷⁹ Английское слово «assassin» имеет более общее значение, чем в русском языке: «убийца», особенно «наёмный убийца» (от «кашнин», «потребитель гашиша» — член агрессивной секты низаритской ветви шиитской секты исмаилитов). (АНО)

го умника. У всякого восточного рассказчика есть в запасе сотни подобных историй. Вот пример. Некий царь спрашивает у дервиша: «Как может такое быть, что Иблис (Сатана), сотворённый из пламени, должен быть мучим огнём?» Святой муж берёт ком глины и швыряет его в царя, который вскрикивает от боли. «Как! немыслимо! — восклицает дервиш. — Тебе, сотворённому из глины, не может повредить глина!» Здесь святой побеждает и доводом, и кирпичом. Истории подобного рода обычны, как песок пустынь.

То, что Шоу называет «комическим чудом великого улова рыбы» — тоже вполне универсальный рассказ. Жадный человек пытается использовать тауматургические силы, и его молитвы приводят его к конфузу. Вряд ли во всём мире найдётся такой сборник волшебных сказок, где не было бы подобной истории. Отметим хотя бы рассказ Инголдсби о келейнике Питере и пиве²⁸⁰.

Это явление коренится в примитивном комизме; жадность, или гордость, или другие подобные черты перерастают сами себя и доводятся до абсурда, а их обладатель попадает в собственную ловушку. Это более чем истинная история; это история Всей Истины, если использовать эту восхитительную характеристику, данную Гермесом Трисмегистом.

Но нет причин выбирать одно из чудес, одну из притч, один из диалогов и кричать: «Уникально!» Не стоит даже тратить сил на доказательства того, что Нагорная проповедь украдена из Талмуда; она могла быть взята откуда угодно. Подойди теперь к любому святому мужу от Марракеша до Тали-Фу²⁸¹ и разговори его. Затем спроси крестьян о его чудесах, «возьми своё перо и садись скорее, напиши» другое евангелие, как Лука или Иоанн, в зависимости от своих литературных способностей.

В материале не будет недостатка. Покажите мне собрание высказываний таких людей, и я покажу вам идеи, а то и сами фразы, вашего Иисуса. Прочтите о непротивлении в Дао Дэ Цзин, о вере и преданности в Бхагавадгите, о правильном поведении в Дхаммападе, о метафизических головоломках в вопросах царя Милинды, загляните в Джатаку за притчами, в Упанишады — за возвышенной теологией; а затем попытайтесь найти слова Иисуса, которых не было бы в одной или нескольких из этих книг! Более того, возьмите антологию всех этих подборок; попросите кого-нибудь, незнакомого с религией, выбрать оттуда изречения Иисуса и построить на них

²⁸⁰ «Легенды Инголдсби» написаны Ричардом Харрисом Барэмом (1788-1854) под именем Томаса Инголдсби. Эти прелестные комические рассказы и стихотворения были опубликованы в середине XIX века. Они повествуют о глупостях духовенства, обывателей и аристократов, о призраках, чертях и ведьмах (неприменно представленных комическими фигурами), обжорстве и пьянстве. Если что и стоит того, чтобы издавать в наш чрезмерно серьёзный век, так это «Инголдсби». Из более тысячи пронумерованных страниц историю келейника Питера довольно трудно найти, но вот цитата из «Лэ о святом Николае»:

*Хватало вина: хоть пей допьяна;
Гостей полон дом, и бренди кругом.
А стоит напиток, он враз обратится
Из агнца божьего светским львом.*

*Сказала однажды «согласна» и дважды,
И пила она, как леди должна;
Он гладил ладошку, прищурясь немножко,
Как было б к лицу святому отцу.*

*И Питер Прелат, и Антоний Аббат
За накрытым столом пьют дружно эль;
Но Роджер-монах выпил много вина:
Свалил его хмель в пустую постель.*

(Под вечер Леди обливают пинтой с четвертью святой воды, и она оборачивается большим седоволосым дьяволом). (БХ)

²⁸¹ Тали-Фу — пресноводное озеро в Киге (провинция Юньнань). (НО)

связную и последовательную систему философии, теологии и этики. Легче будет свить верёвку из песка!

Сама Библия свидетельствует об универсальности странствий «святого мужа» и о его пригодности для основания сект и обществ (см. в Деян. 21:38 и в других местах). Свидетельства того, что Иисус был таким «святым мужем», или «йогиним», до мельчайших деталей проработаны другим представителем этой гильдии, известным среди посвящённых как Шри Парананда, а среди обывателей — как почтенный П. Рамантан Ч. М. Г., заместитель генерального прокурора Цейлона, в двух комментариях, к Матфею и к Иоанну. Будучи написанными на основании самой что ни на есть внутренней информации, эти работы, несомненно, самым подробнейшим образом освещают все имеющиеся письменные источники о жизни Иисуса. Все сомнения в истинности выдвигаемых в этом очерке теорий, которые только могут остаться в голове любого непредвзятого мыслителя, тут же рассеются раз и навсегда при изучении этих двух книг.

Принимая этот тезис, мы можем сформулировать его следующим образом: Иисус был самым популярным из сирийских «святых мужей» своего времени, и его изречения уже при жизни собирались писцом. Что касается Евангелия от Иоанна, мы имеем дело с другим «святым мужем», в данном случае есеевских убеждений. В этой компании, на мой взгляд, есть и другой, самый незначительный портрет: ортодоксального иудея, желавшего восстановить закон Моисеев во всей строгости, а то и ужесточить его требования. Это совместимо как с йогами, так и с ессеями. Наконец, имеет место попытка отождествить Иисуса с Мессией, не имеющая оснований ни в одном из записанных рассказов о его изречениях или занятиях.

Смерть Иисуса

В возрасте десяти лет я был весьма честолюбив. Я получил премию за «особые достижения в религиозных науках, классических и французском языках» и уже чувствовал себя избранным. Затем у меня возникли трудности со Священным Писанием. Начало моего падения? У меня не укладывалось в голове, как можно пробыть три дня и три ночи в могиле между ночью пятницы и воскресным утром. Я сообщил о своей проблеме одному из учителей, который выразил своё недоумение по этому поводу. Ему никогда не приходило в голову хоть чуть-чуть усомниться в рассказе; он просто сказал, что никто не может объяснить этого. Тут же я решил удивить мир. Увы моим мальчишеским амбициям; проблема не решена до сих пор, хотя я и полагаю, что нужно позвать на помощь христианского математика, начинавшего со знаменитого Тринитарного Уравнения²⁸².

Но стоит сделать одно допущение, как проблема исчезает. Предположим, что вся история Распятия — не описание фактов, но сценарий священной инсценировки или ритуала инициации. Есть ли у нас основания для такого предположения? Для проведения важнейших аналогий между историей Распятия и сказаниями Египта, Индии, Мексики, Перу и дюжины других мест читатель может сослаться на доктора Дж. Дж. Фрэзера, Герберта Спенсера²⁸³, Гранта Аллена²⁸⁴ и Дж. М. Робертсона²⁸⁵. Однако, как утверждает мистер Робертсон, дело именно в этом «единстве

²⁸² Слово «Trinitarian» значит не только «тринитаный, тройственный, имеющий отношение к Святой Троице», но и «принадлежащий студенту Тринити-колледжа», каковым и являлся Алистер Кроули. (АНО)

²⁸³ *Герберт Спенсер* (1820-1903) — английский философ и социолог, один из родоначальников эволюционизма, идеи которого пользовались большой популярностью в конце XIX века, основатель органической школы в социологии; идеолог либерализма. (НО)

²⁸⁴ *Грант Аллен* (1848-1899) — английский писатель и ученый-эволюционист. (НО)

²⁸⁵ *Джон Маккинзон Робертсон* (1856-1933) — шотландский ученый, историк первоначального христианства. В книгах «Христианство и мифология» (1900), «Языческие христы» (1903) и др. отстаивал позиции мифологической школы. Источником мифа о Христе считал дохристианский культ Иисуса (Иошуа). По мнению Робертсона, евангелия — собрание мифов, которые возникали вследствие неверного понимания явлений природы. (НО)

времени». Он объясняет, сколь нелепо полагать, будто бы Прокуратор проводил свои суды в полночь: все восточные города замирают после захода солнца, кроме как на определённых празднествах, ради торжества музыки и танца. Он показывает, что инцидент этот — инцидент подозрительный, лишённый смысла, но имеющий насущную необходимость ограничить действие заданным количеством часов. Нет возможности сослаться на его аргументацию подробно, ибо она столь же сложна, сколь и убедительна.

Однако позволим себе привести несколько весьма любопытных фактов. Весь символизм умирающего и воскресающего иисуса астрологичен и мистичен в каждой детали. История с помазанием, являющимся неизменной частью всякого ритуала, как и церемониальное очищение, описанное в другом месте; «человек, несущий кувшин воды» (Лк. 22:10), напоминающий зодиакальный знак Водолея; распоряжения Иисуса (Лк. 22:36-38): приготовление мечей, которые, тем не менее, не должны быть использованы (Лк. 22:50-51); церемониал облачения, коронования и бичевания; всё это говорит о постановке, а не об историчности; о символическом представлении Джона Ячменное Зерно; это описание не событий, случившихся с отдельным человеком, но того, что случается со всеми людьми.

Простые факты Рождества на зимнее солнцестояние и Распятия на весеннее равноденствие указывают на рождение года и восход Солнца над экватором, именно таким образом живописуемые задолго до времени Пилата.

В «Словаре древностей»²⁸⁶ читатель может найти многочисленные дохристианские изображения распятого мужчины или убиенного быка. Иногда он находится между двумя «разбойниками»: одним спасённым, а другим проклятым, причём лицо и фигура первого изображают радость и восторг, а второго — уныние и скорбь. Иногда он — между Солнцем и Луной, или же на их месте. Обычно под крестом покоится череп (Голгофа, см. Мк. 15:22). Иногда вместо разбойников нарисованы пальма и рог изобилия; иногда фигура распятого заменена яйцом, вокруг которого обвивается змея, или крестом, на котором она висит (Чис. 21:8). Изначально Голгофа, дерево на холме, восходит аж к пещерному человеку. Ср. также Исх. 17:11-12, где, чтобы одолеть Амалика, люди поддерживали руки Моисея с двух сторон.

Имеется дюжина вариаций на данную тему, но символы всегда одинаковы. Сюжет картины или рассказа всегда один; это — вечное чудо бьющей ключом жизни, всегда возрождающееся, торжествующее над смертью; возвращение Солнца и воскресение Семени, которое заставляет даже Джорджа Бернарда Шоу, профессионального скептика, иконоборца-романиста, бича поэтов, разразиться лирической прозой: «Он не будет ни сопротивляться тебе, ни упрекать тебя, но восстанет вновь в золотой красе среди великого польхания солнечного света и пения птиц, и спасёт тебя, и освежит твою жизнь». Настоящий триумф для солнце- и фаллосопоклонников — добавить к именам генерала Форлонга²⁸⁷, сэра Ричарда Бёртона, сэра Р. Пейна Найта²⁸⁸, Харгрейва Дженнинга²⁸⁹, Годфри Хиггинса²⁹⁰, Джеральда Мэсси²⁹¹ и Теодора Ройсса имя Бернарда Шоу!

²⁸⁶ Скорее всего, имеется в виду «Словарь христианских древностей» (1875-1880) английского лексикографа Уильяма Смита (1813-1893), менее вероятно — его «Словарь греческих и римских древностей» (1842). (НО)

²⁸⁷ Джеймс Джордж Роше Форлонг (1824-1904) — шотландский военный инженер, генерал-майор, исследователь религиозных традиций мира. (НО)

²⁸⁸ Сэр Ричард Пейн Найт (1751-1824) — английский философ и историк, автор «Бесед о культе Приапа» (1786). (НО)

²⁸⁹ Харгрейв Дженнингс (1817-1890) — английский розенкрейцер конца XIX в., исследователь истории масонства и розенкрейцерства. (НО)

²⁹⁰ Сэр Годфри Хиггинс (1772-1833) — английский филолог и историк-окультист, исследователь древних культов и религий, автор знаменитого труда «Анакалипсис» (1833). (НО)

В столь кратких словах невозможно даже самым беглым образом рассмотреть все подтверждения той точки зрения, что история смерти Иисуса есть не более чем вариация, предназначенная для того, чтобы воплотить куда более древние трансформации ритуала празднования непостижимой деятельности Отца Всего в Макрокосме и Микрокосме. Невозможно и представить в полной мере свидетельство(а) в виде репродукций многих тысяч строений, памятников, скульптур, картин — в общем, всего «подвижного и недвижимого под Куполом Небес, в чём Великий Каменщик записал, зарисовал, вырезал, запечатлел, выгравировал или иным способом воплотил описанное там», — и тысяч страниц параллельных мест в ритуалах от Диониса и Аттиса до Сета и Кецалькоатля. Прodelана немалая работа, и выводы настолько очевидны, насколько это вообще возможно для человеческого знания; и, несмотря на испанскую поговорку «*De las cosas más seguras, más segura es dudar*»²⁹², читатель может положиться на них.

Каждый новый факт, попадающийся ему на глаза, расширяет и подтверждает его веру. На этом оставим смерть Иисуса в покое; он умирает и возрождается в человеческой жизни и в жизни года; и он был неправ, когда говорил: «Нищих всегда имеете с собою, а Меня не всегда имеете», — и прав тысячекратно, когда сказал: «И се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь».

Сверхъестественная Свадьба

Пара слов о человеческой психологии. В Сирии две тысячи лет назад, как и в сегодняшнем Лондоне, были люди, которые ходят в церковь, словно овцы, не зная практически ничего о природе доктрин, которым они вроде бы следуют, и другие, похожие на тех из современных христиан, кто хоть немного способен думать и предпочитает преподобного Р. Дж. Кэмпбелла²⁹³ преподобному Ф. Б. Мейеру²⁹⁴ или «Хмурого Декана»²⁹⁵ — «Буйному Епископу»²⁹⁶. В Индии нашего времени есть много людей, отдающих дань традициям и в то же время выражающих неясное и отвлечённое восхищение (иногда, по правде говоря, презрение) «святым мухам», умышленно нарушающим установившиеся обычаи, дабы доказать высшую святость.

Иисус (иисус мистера Шоу) обращается, разумеется, к редкому классу, немного смыслящему в йоге и ценящему её. Затем, когда на престол взошёл Павел, он обнаружил, что «христианам» стали эти — и только эти — люди. Его мечтам о мировом господстве требовалось большее. Ему нужны были ортодоксальные иудеи, и ему нужны были язычники. Будучи сам ортодоксальным иудеем, он сперва посчитал идею их обращения химерической, поносил их худшими словами, которые только могли прийти ему на язык, обращал своё оружие исключительно на иноверцев, доказывал, что он — свободнорождённый римский гражданин, противостоял Петру из-за того, что тот отказался есть вместе с язычниками, когда некоторые посетители от Иакова могли его видеть (Гал. 2:11-14), и обычно действовал так, словно мечтал никогда не увидеть больше ни одного еврея.

²⁹¹ *Джеральд Мэсси* (1828-1907) — английский поэт и египтолог. С 1880 по 1907 Мэсси возглавлял религиозное движение, известное как «Орден Друидов». Незадолго до смерти он опубликовал книгу «Ancient Egypt: The Light of the World», в которой провёл сравнение иудео-христианской и египетской религий. (НО)

²⁹² Испанское крылатое выражение, примерно соответствующее более известному: «Можно быть уверенным лишь в том, что ни в чем нельзя быть уверенным» (Плиний Старший). Кроули — намеренно или ошибочно — использует португальскую форму глагола (*duvidar*) вместо общеупотребительной испанской (*dudar*). (НО)

²⁹³ *Реджинальд Джон Кэмпбелл* (1867-1965) — английский священник, богослов, сторонник обновления церкви, автор книги «Новая теология» (1907). (НО)

²⁹⁴ *Фредерик Бразертон Мейер* (1847-1929) — английский баптистский пастор и евангелист, автор многочисленных религиозных книг и статей. (НО)

²⁹⁵ *Хмурый Декан* — прозвище *Уильяма Ральфа Инга* (1860-1954), декана лондонского собора св. Павла. (НО)

²⁹⁶ Вероятно, имеется в виду один из епископов Гальберштадских, прославившийся своей жестокостью. (НО)

Но шла ли языческая кампания из рук вон плохо, или же ему подвернулось несколько неожиданных евреев, он вдруг изменил своему изначальному плану. Он обнаружил общество настоящих иудеев достаточно обширным для того, чтобы писать им, и посвятил целое послание самой страстной попытке убедить их в том, что Иисус был подлинным Первосвященником Израиля «по чину Мелхиседека».

Эта политика угодить всем возымела успех; и когда стало желательным издать историю движения, те, от кого это зависело, просто разложили по полочкам весь известный им мир — римский мир — и позаботились о том, чтобы вложить туда что-нибудь, что подошло бы каждому желающему. Могли возникнуть противоречия, но кого заботили противоречия? Германия со своим «критическим духом» ещё ходила пешком под стол.

Так, патриотически настроенным евреям они должны были сказать, что Иисус был Мессией от семени Давидова; евреям талмудическим — что он пришёл не нарушить закон, но исполнить его; для евреев мистических и каббалистических, для гностиков, для пифагорейцев, для платоников следовало отождествить Иисуса с Логосом и с Мудростью²⁹⁷, посредством которых Бог сотворил вселенную; язычников следовало осчастливить историей Непорочного Зачатия; почитатели Аттиса, Адониса и Осириса должны были разглядеть вечную жертву и воскресение Природы, проявившейся в Иисусе; аскетам следовало сказать об отречении, а сластолюбцев успокоить доктринами об искуплении; рабам можно было проповедовать их освобождение, а хозяев утешать тем, что кесарево — кесарю; простой народ любил, к примеру, послушать истории о чудесах и исполнении пророчеств; метафизический люд — потешиться заумными богословскими догмами; литературный — насладиться остроумными диалогами; а люди с чувством греха жаждали Спасителя. Приходи кто хочешь! В евангелиях есть что-нибудь специально для тебя. Матфей, Марк, Лука и Иоанн, благословите постель, на которой я возлежу; и не важно, кто застелил эту постель!

Вся сборная солянка Нового Завета объясняется теперь наипростейшим образом. Всё становится естественным и правдоподобным²⁹⁸. (Соединим основной рассказ о странствиях «святого» с рассказом о Джоне Ячменное Зерно; святой Иоанн позаботится о делах гностика, метафизического платоника; добавим немного приправ для малозначительных сект; и вот она, документация мировой религии.) Дополнительные элементы этой смеси исчезающе малы, и среди них — всё то, что естественным образом проникло в рукописи, небрежно или честолюбиво скопированные переписчиками в любой момент из предполагаемых трёх столетий между оригинальными сочинениями «Марка» и первым из обнаруженных на настоящее время кодексов. Такие предположительно более ранние документы как Логия²⁹⁹ подтверждают настоящую теорию возобладания одного из двух основных источников легенды над другим. Поэтому в таком ключе евангелия, прежде всего, подразумевают моральную низость, подлог; легенду намеренно собрали из несовместимых элементов, словно русалку для сельской ярмарки, дабы надуть простофиль. Поддерживаемый силой священников различных религий в «слиянии», план не мог потерпеть неудачу. Христианство распространяется по всему миру благодаря значительному удоб-

²⁹⁷ То есть с Софией. (НО)

²⁹⁸ Я счастлив обнаружить, что мои рассуждения находятся в согласии с такими великолепными учеными как Юнг, Дреус и Кальтофф, рассматривающими Христа как краткий конспект современного мифа. Когда я писал всё это, сей факт был мне неизвестен. (АК)

Христиан Генрих Артур Дреус (1865-1935) — немецкий философ, писатель, видный представитель немецкой мистической мысли. В ряде трудов, основным из которых был «Миф о Христе» (1909), последовательно доказывал мифологичность образа Иисуса.

Альберт Кальтофф (1850-1906) — представитель мифологической школы, отрицающей историчность Христа. (НО)

²⁹⁹ *Логия* — собрание изречений Иисуса, как записанных в канонических евангелиях, так и отсутствующих в них. (НО)

АПОКРИФ

ству своего международного характера, лейтмотивом которого день ото дня всё больше становится следующее высказывание Горация: *Luctantem Icaris fluctibus Africum Mercator metuens, otium, et oppidi, Laudat rura sui; mox reficit rates Quassas, indocilis pauperiem pati*³⁰⁰. Оставалось только подцепить на крючок кесаря; и как только это было сделано, хлебобоб мог вернуться в мир, неся с собой свои снопы. С этого момента история христианства есть не что иное как отчёт о том, как разбойники грызлись за добычу.

Теперь попытаемся подвести некоторые итоги, придав нашим выводам табличную форму.

Основные религиозные элементы Римской Империи и их соответствия у Иисуса

1	Ортодоксальный иудей	Довольствуется Иисусом как Мессией, исполнением пророчеств.
2	Иудейский «протестант»	Довольствуется Иисусом как исаиеподобным пророком.
3	Ессей	—"
4	Гностик	Довольствуется Иисусом из рассуждений, приведённых в Евангелии от Иоанна.
5	Греческий философ	—"
6	Мистик	—"
7	Аскет или гимнософист	Довольствуется Иисусом как йогиним. Нагорная проповедь, притчи, чудеса и практические руководства к жизни.
8	Язычник	Довольствуется Иисусом, рождённым Девой, а также его Распятием, Воскресением и Вознесением.
9	Раб	Довольствуется Иисусом Спасения Верой для себя и Иисусом Проклятия для своего ближнего.

Решение загадки Плимутскими братьями

Довольно сим профаническим предположением, вдохновлённым самим дьяволом (позвольте действовать таким образом, дабы вести безбожников в ещё большую тьму), подниматься в те незапятнанные области веры, куда не допускается ничего столь вульгарного, как факт, где всё есть чудо, вся простота света и мира, где находится моментальный ответ на любой вопрос! Да будет сей очерк моею сыновней данью «манам»³⁰¹ моего рода; да уполномочит

³⁰⁰ Из оды «К Меценату».

В Икарийских волнах бури неустойчивой
Испугавшись, купец дело селянина
Начинает хвалить, скоро ж разбитое
Судно чинит он вновь, чтоб не бедствовать.

(Пер. Глеба Тютюнника)

³⁰¹ *Маны* (лат. *di manes* — *добрые боги*) — в римской религии духи мертвых, духи загробного мира; в эпоху Империи причислены к сонму богов душ умерших (на надгробиях писали «DM» — *Dis Manibus*, дательный падеж от *di manes*). (АНО)

меня Святой Дух подавить всякую критику Нового Завета, как это сделал бы сам Джон Нельсон Дарби³⁰².

Вот главный аргумент: Работа по созданию авторизированной версии Священных Писаний проделана, по сути, Святым Духом под грифами «*Imprimatur*», «*Nil Obstat*» и «*Ne Varietur*»³⁰³. Переводчики 1611 года были вдохновлены столь же непосредственно, как и авторы. (На самом деле даже не «вдохновлены»; здесь требуется более сильное слово. Люди вроде Матфея и Исаии были не авторами, но стенографистками, — вроде моей, благослови её Бог! — неспособными ошибаться. Автор — Святой Дух. Поэтому любая «проблема» описывается в точности так, как это предусмотрел Святой Дух для своих конкретных нужд).

Проиллюстрируем эту идею: пятьдесят лет назад (это звучит как больной дурной смурной³⁰⁴ невероятный кошмар) вполне серьёзные люди доказывали, что вся вселенная (а не только эта планета) была сотворена за шесть дней 6 000 лет назад. Гейки³⁰⁵, наглый, гнусный геологический до тошноты стремившийся убедиться в том, что для отложения мела требуется более 6 000 лет, был встречен тысячью отговорок. Аргументы касались того, какой это был день, и какие вообще могли быть дни до создания солнца и луны, и тому подобного, — аргументы, позволяющие читать «Алису в Стране Чудес» так, как немцы читают пособие по эксплуатации сантехнического оборудования! Вся литература имеет смысл читать ради её полнейшей фантастической глупости. И эти люди ещё потешались над святым Фомой и схоластами!

В конце концов, Гейки, совершенно загнанный в угол, обратился к своим притеснителям в вулканическом гневе: «Я не поверю, что Бог записал ложь в скалах!» Страсть и сила возражений заставила большинство его оппонентов заткнуться, но не смогла их переубедить; но Плимутские братья, в лице господина Филипа Госса³⁰⁶ (отца знаменитого писателя Эдмунда Госса), обнаружили брешь в защите и нанесли последний удар: «За сие пошлёт им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи». Бог «записал» ложь в скалах, дабы со всей несомненностью стало ясно, что Арчибалда Гейки проклят во веки вечные! На замечание одного из сыновей Лукавого Иисус ответил: «Я есмь путь и истина и жизнь», и, поскольку Гейки не улыбалось быть вечно поджариваемым за свою любовь к Истине, ответ был столь же громоподобен: «Вся праведность наша — как запачканная одежда»; «Судия всей земли поступит ли неправосудно?»

Однако мистер Госс снисходит до беседы и далее и заявляет, что Бог, который есть Любовь, «не желает, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию», и что он никоим образом не предопределил проклятие профессору Гейки. Напротив, он «отделяет овец от козлов», делит человечество на две группы, спасённых и проклятых, предопределяет, избирает и призывает спасённых, но старательно воздерживается от предопределения, избрания и призвания к такой доле проклятых. Он выбрал одно яблоко из десяти, но не оставил и другие девять. (Здесь я считаю своим долгом поклясться своей честью джентльмена и литератора, что эти «аргументы» приведены со всей правдивостью и точностью. Я слышал их почти каждый день в течение до-

³⁰² Джон Нельсон Дарби (1800-1882) — основоположник диспенсациализма, фундаменталистского протестантского учения, согласно которому у Бога есть один «замысел» относительно христиан-англосаксов (протестантов), другой — относительно евреев, а третий — относительно всех остальных народов. Англосаксы считаются «потомками десяти колен Израиля, не вернувшихся в Иудею из Вавилонского пленения». Эти десять колен якобы «вспомнили о своём происхождении, приняв протестантизм в качестве своей основной конфессии». К диспенсациализму относятся и Плимутские братья (известные также как «дарбисты»). (НО)

³⁰³ (лат.) «Разрешить», «Не оказывать противодействия» и «Без изменений» соответственно. (АНО)

³⁰⁴ В оригинале — «bad mad sad». (АНО)

³⁰⁵ Арчибалд Гейки (1835-1924) — шотландский геолог, член Лондонского королевского общества (с 1865), его президент в 1908-1913. Иностранный почётный член РАН (с 1908). (НО)

³⁰⁶ Филип Госс (1810-1888) — опытный натуралист, креационист, автор научных трудов и член церковного общества «Плимутские братья». (НО)

вольно длительного времени. И если кто-то ещё сомневается, пусть он поймаёт ближайшего Плимутского брата и спросит его, всё ли так, как я сказал.)

К каждому доводу применялись подобные же принципы. Библия полна противоречий? Ответ, во-первых, «Нет»; а во-вторых, «Да; они внедрены туда, дабы проверить Вашу веру». Докажите любую точку зрения, основывая свою позицию на буквальном понимании Библии. Ответом станет, во-первых, цитата из Святого Писания, противоположная той, которую привели Вы, а во-вторых, ссылка на Искушение на горе, иллюстрирующее нам, что Дьявол может ссылаться на Библию. (Разумеется, Дьявол — это Вы.) Попробуйте ответить его же оружием, что сам Плимутский брат ссылался на Писание и что Вы прекрасно знаете, что он сам может оказаться Дьяволом, — и получите смесь Урии Гипа и Кальвина. Он — недостойный грешник, любезно удостоившийся спасения и смиренно утверждающий свою веру на действительности Крови Иисусовой, а Вы — один из тех «исов и чародеев, и любодеев, и убийц, и идолослужителей, и всяких любящих и делающих неправду», о которых говорится в Апокалипсисе, и со стороны святого Иоанна было непростительной любезностью не упомянуть Вас по имени.

Как можно заметить, такая позиция совершенно неоспорима. Любое орудие этики (или даже мышления как такового) — несомненная работа дьявола, если вы направляете их на Плимутского брата. В то же время католическая церковь придерживалась почти идентичной позиции, сосредоточенной в святоотеческом авторитете и достигающей своей высшей точки в папской непогрешимости; отказываясь обсуждать вопрос, по которому звучало папское замечание (независимо от того, было ли оно произнесено *ex cathedra*³⁰⁷ или выражало его личную точку зрения), отвергая и логику, и здравый смысл, она оставалась непоколебима, и врата ада не одолели её. Дабы открыть религию для обсуждения, нужно её уничтожить.

Поэтому (если признать, что основанием христианства является Библия) Плимутские братья должны считаться единственными истинными христианами. Они следуют дословно каждому цитируемому тексту; и поскольку нельзя сослаться на два текста одновременно, противоречиям не остаётся ни единого шанса.

Допустимы ли музыкальные инструменты на «собораниях»? — Нет; ибо в Библии сказано: «Буду петь духом, буду петь и умом», и ни слова не говорится об аккомпанементе! Обратите внимание, что музыкальные инструменты всех мастей — цевница, труба, кимвал и псалтирь — использовались в Ветхом Завете; Плимутский брат невозмутимо объяснит, что это «Прежний Закон», и продолжит петь без сопровождения. (Как обычно, я привожу аргументы, действительно имевшие место.) «Могу ли я купить железнодорожные акции?» — Нет; железные дороги в Библии не упомянуты. Или, если он полагает, что их неплохо бы купить: «Все, что может рука твоя делать, по силам делай!» Давай, мой брат, давай! Эта система великолепна: Плимутский брат не может быть неправ; другой человек не может быть прав.

Если Библия есть Слово Божье, мистер Шоу проклят, и я проклят тоже. Могу ли я надеяться на то, что нам позволят поспорить в аду? Ибо эта скромная попытка на земле оказалась чрезвычайно забавной.

С другой стороны, если Новый Завет — составной документ, как это утверждается в данном очерке, я самый истинный из всех христиан. Я согласен практически с каждым словом, произнесённым Иисусом-йогиним, и почти с каждым словом Иисуса-есеея. Правда, я отвергаю сальвационизм, и иудейский элемент исполнения пророчеств, и восхваление Закона Моисеева; но смиренно верю, что любой недостаток в этих отношениях может компенсироваться избыточностью в других. Ибо я не только стремлюсь сделать культ Джона Ячменное Зерно единственной истинной религией, но и возродил поклонение ему; за последние три года по всему миру возникают филиалы моей организации, дабы праздновать древний обряд. Да будет так.

³⁰⁷ (лат.) С кафедры, официально. (АНО)

Легковерие — не критерий³⁰⁸

Такое произвольное принятие и отбрасывание частей евангелия не характерно для светской точки зрения. Мы видели, что Лука и Иоанн бесцеремонно отвергают рассказ Матфея об избииении младенцев и путешествии в Египет. Представление о том, что рукопись Матфея является буквальным и надёжным описанием событий, лишённым ошибок, обрушивающихся на всякого земного хрониста, должно было заставить пристальнее взглянуть на Иоанна как на выразителя вполне современных фантазий интеллектуально неподготовленных людей, держащих Библию на той же полке, что и наполеоновскую «Книгу Судеб», «Альманах Старого Мавра» или справочники по лекарственным растениям.

Ты можешь быть фанатичным сальвационистом и в большей степени отрицать истории о чудесах, чем Гексли; и ты можешь совершенно отречься от Иисуса как от Спасителя, но приводить его как пример человека, владеющего самыми невероятными чудотворными силами. «Христос-Сциентист» и Иисус-Махатма проповедуются людьми, которых Пётр предал бы смерти как неверных, более злостных, чем Симон Маг; а Искушение проповедуется баптистскими и конгрегационалистскими священниками, относящимися к чудесам так же, как Инджерсолл и Брэдлиф. Лютер, изгнавший поганой метлой всех святых с их миллионами чудес и низведший саму Пречистую Деву до статуса идола, сфокусировал сальвационизм до точки, в которой отвратительнейший убийца, уверовавший в Спасение, когда верёвка обвилась вокруг его шеи, летит прямо в распростёртые объятия Иисуса, тогда как Том Пейн и Шелли опускаются в глубочайшую бездну, дабы гореть там до скончания вечности. А физики-скептики вроде сэра Уильяма Крукса³⁰⁹ демонстрируют лабораторными экспериментами, что «медиумы» вроде Дангласа Хьюма могут заставить крутиться стрелку пружинных весов, не касаясь лежащего на них груза.

Теперь Шоу делает почти фатальное допущение. «Такое произвольное принятие и отбрасывание частей евангелия не характерно для светской точки зрения». Конечно же, это не так, но это даёт любому другому критику возможность ответить: «Как вы посмели? Дурак считает себя куда мудрее, чем семеро человек, имеющих для этого куда более веские причины». Всякий еретик сперва отвергает не устраивающие его фрагменты, и причина здесь только в том, что они не подходят лично ему. Теперь никто не сможет ничего возразить мистеру Шоу, составшему во всей своей мощи и заявившему: «Это “моё” евангелие»; но то, что он пытается впарить нам собственное евангелие как таковое Иисуса — чудовищно. Кстати, несколько озадачивает название раздела, которое, как оказывается, имеет мало общего с его содержанием. Критерий чего?

Вера в личное бессмертие — не критерий

Вера в личное бессмертие — тоже не критерий. Теософы, отвергающие стороннее искупление так строго, что заявляют, будто малейшие из наших прегрешений приносят свою карму, настаивают также на личном бессмертии и метемпсихозе, дабы предоставить карме неограниченное поле для работы с неисправимым грешником. Вера в загробную жизнь куда реалистичнее и ярче среди спиритов-столовращателей, нежели среди простых христиан. Представление о том, что те,

³⁰⁸ Заголовок этого и последующих разделов снова взят из предисловия к «Андроклу и льву». Предыдущие восемь разделов на самом деле — подразделы «Альтернативного Христа». (АК)

³⁰⁹ Сэр Уильям Крукс (1832-1919) — английский химик и физик, член (с 1863 года) и Президент (в 1913-1915 годах) Лондонского Королевского общества, от которого он в 1875 году получил Королевскую золотую медаль. Крукс вошел в историю как человек, открывший таллий и впервые получивший гелий в лабораторных условиях. (НО)

кто отвергает христианскую (или любую иную) схему спасения искуплением, должны отрицать ещё и веру в собственное бессмертие и в чудеса, столь же безосновательно, как убеждение в том, что, если человек является атеистом, он обязательно украдёт твои часы.

Я мог бы множить примеры подобного рода до умопомрачения. Главное, что разделяет Гладстона и Гексли — различие не между верой в сверхъестественных персонажей или чудесные события и твёрдым взглядом на таковые верования как на результат умопомрачения; но между верой в действительность распятия как надёжного средства от вины и врождённой неспособностью принять её или (подобным же образом) хотя бы в неё поверить.

Прошлые возражения остаются в силе. Нельзя согласиться с Шоу, будто бы Гексли был чем-то иным, чем утверждал о себе сам. Получи он доказательства действительности Распятия, он тут же поверил бы в неё.

Секуляристский взгляд — природный, а не рациональный — неизбежен

Поэтому, нравится нам это или нет, следует принять за простой основополагающий факт современности, что пока многие из нас не могут поверить, что Иисус получил свою удивительную власть над нашими душами с помощью обычной сентиментальности, мы никак не сумеем понять и то, что он был Джоном Ячменное Зерно. Большая часть наших рассуждений и исследований заставляет нас поверить, что Иисус говорил в высшей степени здравые вещи, когда проповедовал коммунизм; когда заявлял, что действительность, стоящая за народной верой в Бога, есть творческий дух в нас самих, называемый им Отцом Небесным, а нами — Эволюцией, *Elan Vital*³¹⁰, Жизненной Силой и другими именами; когда протестовал против претензий института брака и семьи присваивать высочайшую часть нашей энергии, предназначенную для служения его Отцу; куда труднее нам поверить, что он говорил столь же здраво, когда вдруг заявил, что он сам — совершенно реальный Бог; что его плоть и кровь — чудесная пища для нас; что он должен быть мучим и убит, согласно обычаю, но через три дня воскреснет из мёртвых; и что при его втором пришествии звёзды спадут с неба и он станет царём рая земного. Но легко и разумно поверить, что переутомившийся проповедник, в конце концов, сошёл с ума, как сошли с ума и Свифт, и Рёскин, и Ницше. В любом приюте для душевнобольных есть пациент, страдающий навязчивой идеей, что он — бог, хотя и вполне нормальный во всех остальных отношениях. В наше время такие пациенты не заявляют, что будут жестоко убиты и восстанут из мёртвых, ибо утратили такую традицию понимания божественной судьбы; но они требуют всех атрибутов божественности, доступных их пониманию.

Таким образом, евангелия как мемуары и заставляющие задуматься утверждения социологической и биологической доктрины, весьма значимой для современной цивилизации (заканчивающиеся, однако, историей психопатических навязчивых идей), вполне заслуживают доверия, понятны и интересны для современных мыслителей. В любом другом свете доверия они не заслуживают, непонятны и неинтересны никому, кроме людей, страдающих навязчивыми идеями.

Здесь Шоу снисходит до того, чтобы дать нам своё историческое видение Иисуса, заключающееся в том, что он был социалистом, сошедшим с ума. К несчастью, как отмечено в комментариях к предыдущим разделам, многие из мегаломаниакальных речей Иисуса были произнесены раньше, чем коммунистические. Также продемонстрировано, что предполагаемый коммунизм должен был объяснить (но не сделал ничего подобного), почему, говоря о по-

³¹⁰ (фр.) Жизненный порыв, жизненная энергия. (АНО)

антике как таковой, Иисус не предполагал реформ, но советовал своим ученикам и простым людям не лезть в дела властей, а заботиться о собственных.

Историческая критика

Историческое исследование и палеографическая критика, несомненно, продолжит демонстрацию того, что Новый Завет, как и Ветхий, редко рассказывает единую историю или разъясняет единую доктрину, но куда чаще позволяет нам собирать и накапливать широко разрозненные и даже не связанные друг с другом традиции и доктрины. Но, так или иначе, все эти расхождения, интересующие учёных и (в зависимости от обстоятельств) принимаемые или отвергаемые людьми, штурмующими или защищающими бумажные укрепления непогрешимости Библии, не имеют практически ничего общего с целью данных страниц. Я упоминал уже, что большинство авторитетов согласны теперь (пока что), что дата рождения Иисуса может быть приблизительно установлена около 7 г. до Р. Х.; но, исходя из этого, они не будут датировать свои записи 1923-м³¹¹, равно как и, полагаю, ожидать, что так буду делать я. То, чем я занимаюсь — критика (в кантовском смысле) сложившегося организма веры, ставшего, по сути, частью мыслительной ткани моих читателей; и я был бы лишь несноснейшим из бездельников и педантов, уклонись я от критики некой иной разновидности веры или безверия, которую, в принципе, могли бы признать мои читатели, будь они эрудированными библейскими палеографами и историками (в подобном случае, кстати говоря, они меняли бы свою точку зрения так часто, что евангелие, усвоенные ими в детстве, в конце концов, возобладало бы над ними своей высочайшей настойчивостью).

Хаос простых фактов, в котором Нагорная проповедь и прославление милосердия — лишь повод для разногласий о том, являются ли они поздней вставкой или нет; в котором Иисус становится не более чем именем, которое, вероятно, принадлежало десятку различных пророков или мучеников; в котором Павел — всего лишь человек, который, по всей видимости, не мог быть автором приписанных ему Посланий; в котором китайские мудрецы, греческие философы, латинские писатели и авторы древних анонимных текстов вываливаются нам на голову как источники того или иного кусочка Библии, — всё это не религия и не критика религии: оно не избавляет нас от факта, что добротные средневековые здания собора Питерборо будут жалкой лачугой в качестве критики проповедей настоятеля. На благо ли, на беду ли, мы создали литературное творение, которое называем Библией; и хотя обнаружение того, что в Библии есть множество лачуг, тоже до некоторой степени интересует нас — ибо нас интересует всё, что касается Библии, — это не сделает обобщение более значительным даже для палеографов, не говоря уж о тех, кто знает о современной палеографии не больше, чем архиепископ Ашер³¹². Поэтому я и отметил чуть больше находок, чем мог бы догадаться архиепископ Ашер, почти он Библию без предубеждений.

В остальном же я использовал обобщение так, как оно на самом деле живёт и работает в людях. В конце концов, обобщение — вот то, чего вы хотите: именно поэтому следует сделать суждения понятнее для вас. Даже если вы относитесь к синтетической биографии немногим лучше, чем к синтетической резине, синтетическому молоку и к пока что не изобретённой синтетической протоплазме, благодаря которой мы сможем производить людей различного рода точно так же, как кондитер — различного рода пироги, — практическим вопросом, до сих пор стоящим как перед вами, так и перед самыми доверчивыми приверженцами папской власти, является историческая критика.

³¹¹ Напомним, что предисловие к «Андроклу и льву» писалось Бернардом Шоу в 1915 году. (НО)

³¹² Джеймс Ашер (Эшер) — англиканский архиепископ, который в 1659 году вычислил «точный возраст всего сущего». Тщательно изучив Ветхий Завет, Ашер пришел к выводу, что Бог создал Вселенную в шесть часов вечера 22 октября 4004 года до нашей эры. Изначально он остановился на 23 октября, но слова из Библии «И был вечер, и было утро: день первый» убедили его во мнении, что речь идет о вечере 22-ого и утре 23-его числа. (НО)

В этом разделе мистер Шоу пытается извиниться за то, что, не изучив как следует основания евангелий, базировался на антропологии и палеографии. Он говорит: «Я был бы лишь несноснейшим из бездельников и педантов, уклонись я от критики некой иной разновидности веры или безверия, которую, в принципе, могли бы признать мои читатели, будь они эрудированными библейскими палеографами и историками (в подобном случае, кстати говоря, они меняли бы свою точку зрения так часто, что евангелие, усвоенные ими в детстве, в конце концов, возобладало бы над ними своей высочайшей настойчивостью)».

Разум мистера Шоу неспособен понять две вещи: одна из них — секс³¹³, другая — наука. Он не понимает, что наука развивается, непрерывно исправляя свои ошибки и постепенно сужая их владения. Он наблюдает жесточайший спор между двумя астрономами по поводу того, находится ли солнце в девяноста двух или девяноста трёх миллионах миль отсюда, и всё, что он выносит из этой беседы — что (поскольку две точки зрения противоречат друг другу), весьма вероятно, обе они неверны, и потому (раз уж это известно каждому) солнце вполне может находиться и в пределах лёгкой утренней прогулки от террасы Адельфи. Похоже, у него нет ни малейшего представления о дифференциальном исчислении в частности и о математике в целом. Похоже, он полагает, будто бы, раз уж мнения в отношении частностей время от времени меняются, это должно опровергать и всю доктрину в целом, — что подобно попытке доказать, будто бы, раз уж от весны к весне листьев на дереве может быть на десять больше или на десять меньше, дерева нет совсем.

Он настаивает, что добился в своём вопросе обобщения; в действительности он сделал всего лишь весьма сектантский анализ. Он даже не попытался анализировать Библию объективно; он озаботился лишь тем, чтобы отобрать подходящие ему фрагменты и пометить их как «сущность христианства». Иными словами, он возжелал основать новую ересь и, дабы придать популярности собственным политическим взглядам, приписал их Иисусу, как недобросовестный торговец пытается толкнуть свои печенья публике, написав на них «*Huntley & Palmer*»³¹⁴.

Теперь позвольте мне высказывать собственные возражения по поводу его методики. Она порочна, ибо его оппоненты не пожелают играть честно. Они извратят его мысли, как всегда делали с каждым, кому не хватило духу пройти по ним огнём и мечом, как это сделал Вольтер. Лучше в полной мере хлебнуть их проклятий, нежели подвергнуться тому, чему подвергнется Бернард Шоу! Христианин вытрет мел с доски, удалив всё, что было сказано о «психопатии и суевериях», и заявит: «Даже Бернард Шоу допускал, что на Иисуса возлагаются чаяния всего мира. Поэтому говорю тебе, именем Бернарда Шоу: Продай всё, что имеешь, а всю выручку отдай мне!»

Мистер Шоу знает это, и я тоже. Он хотел (я уверен) сделать своё предисловие изящным выпадом в сторону Иисуса; но оружие в руках его обратится против него самого. Лучше бы он доверился палашу Брэдафа. Однако в следующих разделах его удар звучит искренне; предоставим же ему слово!

Опасность сальвационизма

Светский взгляд на Иисуса весьма окреп благодаря увеличению в наше время числа людей, имеющих средства для обучения и подготовки себя к тому, чтобы не бояться взглянуть в лицо фактам: даже таким ужасающим фактам, как грех и смерть. Результат — большая строгость

³¹³ Мистер Шоу отмечает, что брак предоставляет максимум искушений вкупе с максимумом возможностей, — наверное, самая глупая вещь, когда-либо сказанная о сексе. (АК)

³¹⁴ *Huntley & Palmer* — одна из крупнейших британских компаний по производству печенья, основанная в 1822 году. (НО)

современных мыслителей. Распространяется убеждение, что помочь человеку поверить, что, какими бы кровавыми ни были его грехи, он сможет сделать их белее снега лёгким усилием собственного самонадеяния, неизбежно значит помочь ему стать подлецом. Оно действует не так уж и плохо, если ты ещё добросовестно пообещаешь ему, что, буде он позволит смерти застигнуть себя врасплох в вопросах веры, он будет поджариваться в раскалённом докрасна аду целую вечность. В те времена внезапная смерть — самая завидная из всех смертей — считалась ужаснейшей из бед. В наших молитвах к ней причисляются мор, чума и голод, война и убийство. Но вера в такой ад быстро исчезает. Все выдающиеся мыслители лишились её; и даже среди простых людей она сохранилась лишь в тех частях Ирландии и Шотландии, которые до сих пор пребывают в XVII веке. И даже там она негласно приберегается для кого-нибудь другого.

Значение ада в схеме Спасения

Серьёзность намерения мечущихся над адам цепляться при этом за Искупление очевидна. Если нет наказания за грехи, не может быть и никакого самопрощения за них. Если бы Христос оплатил наши счета и при этом не было ни ада, ни, следовательно, возможности угодить в беду, позабыв о своём долге, мы могли бы быть настолько плохими, насколько пожелаем, не подвергаясь ни возмездию со стороны светского права, ни угрызениям совести, становящейся в этом случае проявлением банальной неблагодарности по отношению к Спасителю. С другой стороны, если Христос наших счетов не оплатил, они всё ещё гнетут нас; а такие долги причиняют нам серьёзные неудобства. Эволюционная сила, которую мы называем честью и совестью, ловит нас на таких промахах и безжалостно стыдит за то, что мы, в силу невысокого своего развития, оказались на них способны. «Спасённый» вор испытывает экстатическое счастье, недоступное честному атеисту: он подвергается искушению красть вновь и вновь, дабы повторить прекрасное ощущение. Но если крадёт атеист, у него не бывает подобного счастья. Он вор и знает, что он вор. Ничто его не очистит. Он может попытаться противопоставить своему позору некую компенсацию или эквивалентное благодеяние; но это не изменит того, что он украл; и его совесть не будет чиста, пока он не преодолет своего желания красть и не превратится в честного человека, раздувая ту божественную искру в себе, на существовании которой как на повседневной действительности, отвергаемой атеистом, настаивал Иисус.

Хотя верующие в искупление могут быть, таким образом, счастливее остальных, это вряд ли можно назвать наиболее целесообразным с точки зрения общества. То, что верующий счастливее скептика — аргумент не более существенный, чем то, что пьяница счастливее трезвенника. Счастье легковерия — дешёвая и опасная разновидность счастья, а никоим образом не жизненная необходимость. Кто прожил более счастливую жизнь — Сократ или Уэсли — вопрос без ответа; но нация сократов куда защищённее и счастливее, чем нация уэсли; а отдельные личности — куда выше на шкале развития. Так или иначе, вся наша надежда — на людей сократовских, а не уэслианских.

Из этих двух разделов мы получаем серьёзное возражение против христианства: возражение нравственное.

Право отказаться от Искупления

Потому, будь даже у всех нас умственная способность верить в Искупление, мы должны отказаться от этого намерения, на что у нас есть безусловное право. У каждого, кому предлагают спасение, есть неотъемлемое естественное право ответить: «Нет уж, спасибо: Я предпочитаю».

таю сам в полной мере отвечать за свои поступки; не по мне это — сбросить все грехи на козла отпущения: я был бы куда менее осторожен, совершая их, если бы знал, что они не будут мне ничего стоить».

Кроме того, есть ещё точка зрения Ибсена: этого негибкого моралиста, для которого вся схема спасения — лишь ничтожная попытка обмануть Бога; попасть на небеса, не заплатив по счетам. Напроситься, выторговать вечную жизнь и принять её как подарок вместо того, чтобы заслужить её — это низко, даже если мы с неуважением относимся к Силе, чьего снисхождения добиваемся; а ожидать ещё и венца славы! — это было для Ибсена слишком; и заставило его воскликнуть: «Ваш Бог — всего лишь старичок, которого вы обманываете», — и хлестать скорпионовым жалом полумёртвую совесть XIX века, возвращая её к жизни.

«**П**отому, будь даже у всех нас умственная способность верить в Искупление, мы должны отказаться от этого намерения, на что у нас есть безусловное право. У каждого, кому предлагают спасение, есть неотъемлемое естественное право ответить: “Нет уж, спасибо: Я предпочитаю сам в полной мере отвечать за свои поступки; не по мне это — сбросить все грехи на козла отпущения: я был бы куда менее осторожен, совершая их, если бы знал, что они не будут мне ничего стоить”».

Кроме того, есть ещё точка зрения Ибсена: этого негибкого моралиста, для которого вся схема спасения — лишь ничтожная попытка обмануть Бога; попасть на небеса, не заплатив по счетам. Напроситься, выторговать вечную жизнь и принять её как подарок вместо того, чтобы заслужить её — это низко, даже если мы с неуважением относимся к Силе, чьего снисхождения добиваемся; а ожидать ещё и венца славы! — это было для Ибсена слишком; и заставило его воскликнуть: “Ваш Бог — всего лишь старичок, которого вы обманываете”, — и хлестать скорпионовым жалом полумёртвую совесть XIX века, возвращая её к жизни».

Есть и другой вариант этого аргумента, основанный на гуманитарной почве. Позволим себе сослаться на него:

«Нет, вашу версию рассказа
Не оскорблю я даже фразой!³¹⁵
Возьму Христа, тварь Божью вашу,
На свой манер его раскрашу.
И этой сцены апогеем
В печальной жизни круговерти
Волшебной — до и после смерти —
Узнаем цену Назарею...»³¹⁶

«Был молод я. Они мне пели:
“Что б ты ни думал, что б ни делал,
Тебе вовек не отбрыкаться
От Иоанна, 3, 16³¹⁷!”

Всё так! Я поумнел, и снова

³¹⁵ Исходные положения христианства не отрицаются. Чтению поэмы сопутствует серьёзное умственное напряжение. (АК67П)

Примечания к этому фрагменту отсутствовали в «Евангелии от Святого Бернарда Шоу» и взяты непосредственно из цитируемой поэмы. (НО)

³¹⁶ Алистер Кроули. Меч Песни: День Вознесения, ст. 300-307. (АНО)

³¹⁷ Ин. 3:16. [«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную»; РАП67] Значение этого стиха. Его тайный смысл. (АК67П)

К той мысли возвращался; но
 Не мог забыть я всё равно,
 Что скорбная природа слова,
 Бесовский пропуск меж стихов³¹⁸,
 Плоды жестоких антитез,
 Сарказм и Яблоко Грехов,
 Посул тех адских мук безмерных,
 Что столь удобен для неверных, —
 Всё это муками Небес
 Сведёт на нет, воздев на дыбе,
 Всю нашу благосклонность к «Рыбе»³¹⁹!..»

«Итак, страшнее нет несчастья:
 Не знаю горше я проклятья,
 Чем Иоанна, три, шестнадцать³²⁰.

³¹⁸ Но кто мы такие, чтобы говорить о христианских диалектиках, выдёргивающих из контекста фразу «Всё содействует ко благу» и называющих этот стих «христианским оптимизмом»? [Рим. 8:28. Полностью стих звучит следующим образом: «Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу». Отсюда — поговорка «Что ни делается, всё к лучшему», хотя, как можно заметить, исходное значение библейского изречения совершенно иное; НО] См. «Гегель» Кэрда. [Эдвард Кэрд (1835-1908) — английский философ-неогегельянец. В 1866-1893 профессор в Глазго и Оксфорде. Известен, главным образом, работами по истории философии. В работе «Критическая философия Канта» (т. 1 — 2, 1889), одной из самых значительных в английской литературе о И. Канте, Кэрд истолковывает философию Г. Гегеля как последовательное осуществление «критического идеализма» Канта. Основопологающим принципом диалектики Гегеля Кэрд считал «тождество в различии». Поддерживая идею эволюции, пытался применить её к изучению истории религии. При этом в христианстве он видел «абсолютную религию» — высший продукт исторического развития религии, а философию Гегеля считал «теоретической формой» христианства; НО]

Но Гегель знал, как защитить себя. Как писал о нём Гёте [предположительно последующее стихотворение, приписываемое Гёте, принадлежит самому Кроули; НО]:

Учитель будь здоров
 На суету и финики! —
 Рос гнев учеников
 К безумству Паганини. — Так
 [Паганини, знаменитый скрипач; АК67КФ]

Над жалостью пускай
 Корпеет в Йенской клинике!
 На чёрговых возках
 Мчат мистики и циники:

Гнев Божий и Потоп
 Подверг насмешке он ихти-
 -озавром Ватерлоо!
 А те, кто был с ним в комнате,

Глазели (взгляд был кос)
 Лучом холодным, тёмным тем.
 «Wer bist du?» — был вопрос.
 «Bin ich?» — ответил. Помните?..

(АК67Ф)

³¹⁹ Алистер Кроули. Меч Песни: День Вознесения, ст. 372-387. (АНО)

Из-за греч. ἰχθῦς, что означает «Рыба» и весьма удачно символизирует Христа. — «Кольцо и книга» (Папа), II. 89-90. (АК67Ф)

«Кольцо и книга» — роман в стихах Роберта Браунинга. (НО)

АПОКРИФ

Но ныне всяк свободный люд
Горазд считать, что всех спасут
Слова Господни³²¹. Но смотри!
Господь не это говорит!
Читай-ка дальше!..»³²²

«...Мир кровью, знаю, истекает³²³:
Плоды греха? — Мне всё равно,
Признаюсь вам я сразу. Но
Я ваши доводы достану,
И вмиг расстроят ваши планы
Они лукавейшей из фей.
Я докажу: Христос — злодей
Немилосердный (будь он Бог),
Коль мукам радоваться мог,
Спасая тех, кто трепетал
И льстил. О, будь я всемогущим!
Я не дурак, чтоб в райских кущах
Транжирить власть на тех, кто звал
Меня бы Богом: эту власть
Я применю на тех, кто пасть
Не убоился (не на тех,
Кто презирал меня тайком):
Им — арфы и небесный смех;
Иным же — сера с кипятком!
Но вы спасения хотите
Для всех неверных³²⁴: так опять
Писанье жаждут изолгать
Те, кто Христа зовут «Спаситель»!
(О том же в Ведах речь!) И хоть
Столь многое простил Господь,
Я не встречал еретика
(Немыслимо!) средь англикан,
Католиков иль методистов —
Средь тех, кто, называя исто
Себя приверженцем Христа,
Во гневе б не скривил уста,

³²⁰ Пугающий аспект Ин. 3:16. (АК67П)

³²¹ Универсализм. А если Бог устроит *bara* шлем? (АК67П)

Большой шлем — термин из бриджа и виста. *Vara* (*хиндустани*) — большой. (РАИ67)

³²² Алистер Кроули. Меч Песни: День Вознесения, ст. 469-476. (АНО)

Ин. 3:18: «Верующий в Него не судится...» (РАИ67)

У этого стиха есть продолжение: «...а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия». (НО)

³²³ Я-то милосерден; а вот как Христос? Овца и Козлы. (АК67П)

³²⁴ Будет ли спасён Сатана? Кто простит Иуду? (АК67П)

«Да обратятся нечестивые в ад, — все народы, забывающие Бога». (АК67Ф)

Пс. 9:18. (НО)

Когда замечу я, что Божья
 Всемильность стоила б дороже,
 Расширясь ввысь иль в глубину
 И обнимая Сатану
 Иль бедного Искарюта.
 Ведь их обоих Бог (не кто-то?)
 Создал. Всеведущий, как есть!
 Благой? Тому порука — честь!³²⁵
 Он из Себя создал все души
 (Учтите! дабы не принять,
 За друга Шеллинга³²⁶ меня!)
 И в цепь Судьбы, что не порушить,
 Сковал их все. «Я не пойму,
 К чему все Ваши “почему”?»
 Мои?! «В Ком нет несовершенства»!
 Но вот о чём я. Между строк
 Коварный уготовлен рок
 Стремленьем к вечному блаженству
 Той лучшей жизни; эта боль
 Порой необходима; коль
 Прославлены в итоге будут,
 Смогли бы Сатана с Иудой³²⁷
 Простить межвременье беды,
 Простить ошибки сотворенья,
 Стальное лезвие среды,
 Когда б их ждало избавленье
 От этой проклятой вселенной.
 Иначе ж! Вознесу свой глас,
 Свой выбор сделаю тотчас,
 Как Прометей, — пылай, экстаз! —
 И пировать, ликуя, буду,
 Меж Сатаною и Иудой.
 Боль не посмеет в сердце биться:
 Лишь к тем, кто в пламени томится,
 Душа любовью возгорится,

³²⁵ Предвидение Богом падения и вечных мук Сатаны делают его ответственным за всё это. Если Дьявол и Иуда, в конце концов, обретут спасение, мы можем рассматривать этот вопрос только таким образом. Поэт описывает положение Сатаны. По воле барда и силою его осуждения Создатель страдает в небесах всеми муками Ада. (АК67П)

³²⁶ Фридрих Вильгельм Йозеф фон Шеллинг (1775-1854) — немецкий философ. Был близок йенским романтикам. Выдающийся представитель идеализма в новой философии. (НО)

³²⁷ Пока я писал последние аргументы, мне стало известно, что характер Иуды реабилитирован мистером Стидом [имеется в виду Христиан Карлсон Стид, автор книги «Меня звали Иуда»; НО] (и точно: разве повесился мистер Абингтон [знаменитый негодяй Адельфи; РАП67]?), а на защиту Сатаны встала молодая светская писательница, мисс Корелли, избравшая его подобно Ангелу Света, то есть так, как изображают Принца Уэльского.

Но ведь должен же кто-то быть предметом всеобщего осуждения среди христиан! Позвольте мне предложить свою кандидатуру. Пожалуйста, умоляю вас, отбросьте все эти сектантские разногласия и объединитесь, дабы объявить мне, по меньшей мере, анафему маранафу. (АК67Ф)

Анафема маранафа (сир.-греч.) — «Да будет отлучен до времени пришествия Господа!» Формула церковного проклятия и отлучения от церкви. (НО)

АПОКРИФ

И среди скорби тех дорог
Пойму я — и поймёт Небесный —
В аду, над непроглядной Бездной,
Что умер Он, и Я есть Бог.
Пусть мне ответит, наконец,
Сей лжебожественный Творец³²⁸,
Где началось Земли крушение —
Боль смерти³²⁹, мора и рожденья;

³²⁸ Этическое и красноречивое осуждение христианской космогонии. (АК67П)

³²⁹ Доктор Моудсли [*хотя доктор Генри Моудсли, один из первооткрывателей психиатрии, существовал на само деле, это стихотворение, по всей видимости, написано самим Кроули; НО*] предлагает панегирик смерти. Воистину, эволюция могла принести мне моральное чувство изумительного изящества и красоты. Но мы ещё не добрались дотуда. Талантливый, но развращённый ирландец сочинил то, о чём я могу сожалеть, но чего не в силах опровергнуть, ибо этот тип человека, по-видимому, более склонен воспроизводить свой род, нежели любой другой. Он назвал своё произведение «Summa Spes»:

I.

Всё бытие — страданье,
Желанья в том повинны.
Струн лёгких трепетанье
Зажечь я не премину:

Пусть смерть в свои пределы
Возьмёт — не сокрушаюсь.
Я жил, и жизнь кипела, —
И проклят, коль покаюсь!

Пусть, проклят людьми,
Без виски засохну,
В канаве подохну
Иль в постели с блядьми!

На свалке я рос,
В грязи алкогольной!
Пусть сдохну, как пёс;
Помру — и довольно!

II.

Разумно рассуждая,
Надежду мы лелеем:
Коль ничего не знаем,
О чём же сожалеем?

Сознание зависит
От мозговой кашицы;
Коль та сгниёт да скиснет,
Час боли завершится.

III.

Смеёмся и танцуем,
Покуда сердце бьётся!
Уста — для поцелуя,
А дьявол — обойдётся!

Коль старость одолеет

Боль с горем счастье не посмеют
Сосватать: верно, быть беде
С тем знахарством позорным, где
Слепая Вера — панацея!
Лишь человек эгоцентричный
Измыслить мог сей план отличный:
Одна Земля средь звёзд иных,
Один он средь зверей земных —
Пред Богом выше остальных;
Забыл он брENNую юдолю,
Забыл он сотворенья боль, —
Нет, не немой! — но боль забыл он,
Которая всю жизнь пронзила

Болячкой в каждом нерве,
Даруй нам сон, Морфея!
Пусть попируют черви!

IV.
Но если (бредут люди,
Чей мозг — и правда каша)
Жить дольше разум будет,
Чем плоть истлеет наша, —

Страданья длить не стану
(Прости, Господь Пречистый!):
Дойду до Мартабана,
[Мартабан (Моутана) — залив на севере Андаманского моря у берегов Мьянмы; прим. НО]
Чтоб сделаться буддистом.

V.
И всё ж куда вернее,
Что смерть — уничтоженье.
О Франция! мы с нею,
Страною Просвещенья!

Попов лукавых байка —
Спасенье, вера, гнозис!
Испей меня, Хозяйка
Артериосклероза!
[Затвердение артерий, являющееся одной из основных причин разрушительных процессов старения; здесь — один из важнейших атрибутов смерти; АК67КФ]

Пусть, проклят людьми,
Без виски засохну,
В канаве подохну
Иль в постели с блядьми!

На свалке я рос,
В грязи алкогольной!
Пусть сдохну, как пёс;
Помру — и довольно!

(АК67Ф)

(Вот замер, притаясь, геккон³³⁰
 Пред безмятежным мотыльком!);
 Все жизни — спицы в колесе³³¹ —
 Всегда³³²! — нетрудно догадаться
 (Теперь, в кристальных чувствах красе!):
 Ни арфам славой не владеть,
 Ни пальме, ни венцу, но, братцы,
 Кресту!.. И худший из людей,
 К последним грешникам причислен,
 Куда как милосердней мыслит!
 Нет! у вещей короткий век:
 Истлеют, растворятся вскоре
 (Нирвана! Ах! Безбрежность моря!)

³³⁰ Надеюсь, здесь не покажется неуместным краткий отчёт о происхождении этих стихов. Задумка сложной пародии на Браунинга (под названием «День Вознесения и Пятидесятница») появилась в пятницу, 15 ноября 1901 года. В этот день я покидал Цейлон, где находился несколько месяцев, практикуя индуистские медитации и разоблачая лживость миссионеров в перерывах между охотой на крупного зверя. На следующий день я написал «День Вознесения», а «Пятидесятницу» — в воскресенье, сидя во дворе бунгало на Мадуре. Эти исходные наброски были невелики по сравнению с нынешней поэмой.

«День Вознесения» состоял из:

«I flung out of chapel and church...» (стр. 144);

«Pray do not ask me where I stand!...» (стр. 146);

«...But why revile...» (стр. 147);

«Here's just the chance you'd have! Behold...» (стр. 149);

«I will not now invite attack...» (стр. 151), до слов «O never in Heaven — but in Hell!...» [*в русском переводе: «Искать — не в Небесах — в Аду!...»; НО*] (стр. 160);

«You see I do not base my thesis...» (стр. 161 и до конца).

«Пятидесятница» состояла из:

«To-day thrice halves the lunar week...» (стр. 164);

«How very hard it is to be...» (стр. 168), до слов «Are chess play, conjuring. "Proceed!"...» (стр. 170);

«My wandering thoughts you well recall!...» (стр. 171), до слов «All-Power can be all-Wickedness...» (стр. 172);

«Nor lull my soul in the caress...» (стр. 172), до слов «Of the beholder and the vision...» (стр. 174);

«How easy to excite derision...» (стр. 176 и до конца).

[*Поскольку на русский язык поэма не переводилась, нумерация страниц дается по оригинальному тексту, а первые строки фрагментов приведены более полно; НО.*]

«Берешпит» [*здесь — произведение Кроули, упомянутое в «Пятидесятнице»; НО*] была написана в Дели, 20 и 21 марта 1902 года. Первоначально это произведение называлось «Рождество Кроули». Оно было издано в частном порядке в Париже, в январе 1903 года. Эту работу (вместе с «Наукой и буддизмом») я добавил, дабы завершить логическую последовательность с 1898 года до наших дней. Все они, однако, неоднократно пересматривались. Где бы в них ни обнаруживался пробел в аргументации, добавлялись вставки, пока они не приобрели блеск восхитительного хризолита. Более всего их было сделано, когда над Лагерем Страдания и Лагерем Отчаяния (ледник Чогори) проносились утомительные летние часы 1902 (подумать только!) года, в те редкие промежутки времени, когда заботы о вшах, консервах, малярии, непитьевой воде, боли во всём теле, умственном истощении и непрестанной метели оставляли место недолгим вспышкам какой бы то ни было более возвышенной формы интеллектуальной деятельности, нежели непрестанная концентрация на сиюминутных делах лагерной жизни. Последующая и последняя правка отняла большую часть моего времени зимой 1902-1903 гг. Рукопись была принята издательством «S. P. R. T.» в мае того же года, и после самой-самой-распоследней правки, к которой вынудило меня моё ирландское происхождение, она ушла в печать. (АК67Ф)

Данная сноска не имеет прямого отношения к самому тексту. Однако в оригинале поэмы «Меч Песни» она стоит именно здесь, поэтому мы не сочли возможным исключать её. (НО)

³³¹ Ср. Уотли, «Откровение государства будущего». (АК67Ф)

³³² В «Евангелии от Святого Бернарда Шоу» — «over» («над»), но в подлиннике «Меча Песни» — «ever» («всегда»). (БХ)

Способен только человек
 Страданьем вечным истязаться,
 Злодею-Богу поклоняться
 И даже — ах! не счесть стыда! —
 Ему подобным быть! всегда!..
 Но нет, избавлюсь я тогда
 От веры этой глупой, дикой;
 Вовек не покорюсь стыду
 Пред Ним склониться. Никогда!
 Прочь, отвратительный владыка
 Жестоких сонмов! Я пойду,
 Чтоб, чресла препоясав — да! —
 Приют от этих мук великих
 Искать — не в Небесах — в Аду!»³³³

Христианское вероучение

А теперь зададимся вопросом о том выборе, что дан тебе твоей природой. Честный учитель, желающий поведать непосвященному факты о христианстве, не может, думаю, разместить эти факты иначе, чем я, в сколь угодно существенной мере. Если показать детям, с одной стороны, агитатора-атеиста, а с другой — монахиню-проповедницу из монастырской школы (со всеми иными вербовщиками, расположенными между этими крайностями), их не стоит перегружать напрасными дискуссиями о том, существовал ли когда-то такой человек как Иисус. Когда Юм³³⁴ сказал, что кампании Иисуса Навина неправдоподобны, Уотли³³⁵ не стал спорить об этом: он доказал подобным же образом, что кампании Наполеона тоже были неправдоподобны. Предметом исследования Юма являются только вымышленные персонажи: ничто и никогда не сделает Эдуарда Исповедника³³⁶ и святого Людовика³³⁷ более реальными для нас, чем Дон Кихот или мистер Пиквик³³⁸. Нам стоит пресечь обсуждение, заявив, что существованию Иисуса есть точно такие же подтверждения, как и существованию любого другого человека его времени; и то, что ты не можешь поверить ни в одну из рассказанных тебе Матфеем историй, опровергает существование Иисуса не более, чем то, что ты не

³³³ Из «Меча Песни», Алистер Кроули. Бенарес, 1904. (АК)

Алистер Кроули. Меч Песни: День Вознесения, ст. 528-643. (АНО)

Стихотворные переводы этих отрывков, а также фрагмента из «Мировой трагедии» в следующей главе, носят черновой характер. Когда появятся полные качественные переводы этих двух поэм, мы заменим приведённые здесь цитаты на окончательные варианты. (НО)

³³⁴ Дэвид Юм (1711-1776) — шотландский философ, представитель эмпиризма и агностицизма, один из крупнейших деятелей шотландского Просвещения. (НО)

³³⁵ Ричард Уотли (1787-1863) — английский философ, теолог и экономист. Учился в Оксфорде (колледж Ориэль). Занимал пост архиепископа Дублинского. (НО)

³³⁶ Эдуард Исповедник (ок. 1003-1066) — предпоследний англосаксонский король Англии (с 1042 г.) и последний представитель Уэссекской династии на английском престоле. Его правление ознаменовалось ослаблением королевской власти в стране и всевластием магнатов, а также дезинтеграцией англосаксонского общества и ослаблением обороноспособности государства. Эдуард Исповедник большое значение уделял пропаганде христианских добродетелей и аскетизму, за что был позднее канонизирован и в настоящее время почитается как святой римско-католической церкви, а также как местночтимый святой — Сурожской епархией РПЦ. (НО)

³³⁷ Людовик IX Святой (1214-1270) — король Франции (1226-1270). Сын Людовика VIII и Бланки Кастильской. Руководитель 7-го и 8-го крестовых походов. Канонизирован в 1297 г. (НО)

³³⁸ Мистер Пиквик — герой романа Чарльза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба». (НО)

веришь рассказам Маколей³³⁹, опровергает существование Вильгельма III³⁴⁰. Евангельские повествования в своей основе дают вам биографию, вполне надёжную и достоверную с чисто светской точки зрения, если ты согласишься всё, что Юм, или Гримм, или Руссо, или Гексли, или любой современный епископ отбросил бы как фантастику. Не вдаваясь в тонкости, ты можешь стать последователем Иисуса точно так же, как последователем Конфуция или Лао-цзы, и потому можешь называть себя иисусианином или даже христианином, если считаешь (что вполне допустимо для строгого секуляриста), что все пророки вдохновлены Христом, а все люди в целом — его миссией.

Кроме того, учитель христианства должен сперва научить ребёнка песне о Джоне Ячменное Зерно, с полями и сезонами, свидетельствующими о своей вечной истине. Затем, когда разум ребёнка будет к этому готов, можно рассказать ему (как об исторических и психологических феноменах) о традиции козла отпущения, Избавителя, Искушения, Воскресения, Второго Пришествия, и что в мире, насыщенном этими обычаями, Иисуса принимали, главным образом, как давно ожидаемого и часто предсказанного Избавителя, Мессию, Христа. Даже ребёнку под силу понять это. Если он вырастет похожим на Гладстона, он примет Иисуса как своего Спасителя, а Петра и Иоанна Крестителя — как последователя Спасителя и его предтечу соответственно. Если же на Гексли, он изберёт светскую точку зрения, даже если его набожная семья попытается помешать ему. Теперь важно отметить, что Гладстонам и гексли пора перестать попусту тратить своё время и нелепо пререкаться о Гадафинских свиньях, а вместо этого попытаться составить своё мнение по поводу обоснованности светских доктрин Иисуса; ибо речь идёт о том, за что можно сражаться и в наше время.

В этом разделе не так уж много того, что ещё не обсуждалось. Но мы должны ещё раз обратить ваше внимание, что мистер Шоу не в состоянии должным образом оценить весомость и значимость аргументов. «Когда Юм сказал, что кампании Иисуса Навина неправдоподобны, Уотли не стал спорить об этом: он доказал подобным же образом, что кампании Наполеона тоже были неправдоподобны».

По-моему, Шоу даже не приходило в голову, что Уотли лишь попытался одолеть Юма. Он устроил «школярский розыгрыш, дабы развевать скуку». Его книга — академическая петарда, весьма позабавившая членов учёного общества Тринити-колледжа, попивающих портвейн за Высоким Столом. Аргумент несерьёзен.

Кроме того, логика совершенно дурацкая. Доказательство того, что кампании Наполеона невозможны, не опровергает существования Наполеона; оно лишь доказывает ошибку историка. Юм не пытался опровергнуть существование Иисуса Навина, он лишь хотел показать, что библейский отчёт неверен; именно это было предметом обсуждения, ибо весь смысл христианства заключался в том, что Книга Иисуса Навина продиктована устами Святого Духа, в связи с чем в ней не должно было содержаться ни малейшей ошибки. Таким образом, аргумент Уотли лишь укреплял позицию Юма. Он привёл очередной пример того, что историки могут ошибаться; и, проводя параллель между Наполеоном и Иисусом, он имел в виду, что в обе летописи вкрались ошибки, что и пытался доказать Юм.

Следует также отметить, что мистер Шоу полагает, будто бы христианство продолжают преподавать. Вряд ли он был пророчески настроен, когда говорил об этом. Думаю, следующее

³³⁹ *Томас Бабингтон Маколей* (1800-1859) — британский государственный деятель, историк, поэт и прозаик викторианской эпохи. На протяжении последнего десятилетия своей жизни работал над пятитомной «Историей Англии» — капитальным трудом, заложившим основы виговского прочтения национальной истории. По известной оценке Карла Маркса, Маколей, будучи «систематическим фальсификатором истории», «подделал английскую историю в интересах вигов и буржуазии». (НО)

³⁴⁰ *Вильгельм III, принц Оранский* (1650-1702) — правитель Нидерландов (статхаудер) с 1672 года, король Англии как Вильгельм III с 13 февраля 1689 и король Шотландии как Вильгельм II с 11 апреля 1689. (НО)

поколение³⁴¹ будет куда больше говорить о войне в Европе. Думаю, война будет повсеместно сопровождаться революцией. Думаю, человечество столкнётся с жизненными ситуациями, дарующими столь душепотрясающее насилие, что благочестивая ложь, до сих пор лелеемая некоторыми, падёт, наконец, под собственным весом. Думаю, полемика будущего состоится между законами природы, или Ницше, и законами сострадания, или Шелли. Думаю, супернатурализм³⁴² получит удар милосердия. Думаю, христианство будет изучаться всеми (у кого есть досуг и склонность к этому) точно так же, как сегодня — антропологами, рядом со всеми остальными религиями мира. Думаю, использование христианства как движущей силы притеснения бедных закончилось. Думаю, тираны человечества должны придумать что-то новое...

Или, быть может, наш светлый день совсем рядом! Автор «Мировой трагедии»³⁴³ представил своего Иисуса добровольным, а то и вовсе слепым орудием притеснения. Он согласился на смерть ради того, чтобы исполнить план, уничтожающий Золотой Век. На кресте он достигает человечности. Осмелимся сослаться на диалог между ним и великим магом, сила которого направлена обратить трагедию к счастливому концу. Нам следует остановиться на этом отрывке довольно подробно³⁴⁴.

«Сцена. Густая тьма Небытия.

Но посреди неё возникает некое сияние, покрывающее фигуру высокого сурового мужа, царя Александра. В его руке чёрный жезл, увитый двумя сверкающими змеями — царскими змеями-урейями древнего Кхема; на его навершии горит синяя шестилучевая звезда, свет которой теперь озаряет бледные и измождённые черты мужнины с распротёртыми руками, висящего в пространстве. Это Исса, но усталость ушла; и благородную силу обрело его истощённое шрамами агонии чело.

А л е к с а н д р :

Волю восхваляя свою,
Исса, пред тобой стою.

И с с а :

Кто ты?

А л е к с а н д р :

Господин Дорог.

И с с а :

Кто Я?

А л е к с а н д р :

Человек, не Бог.
Равновесьем, что вокруг
Север обняло и юг,
Посвящая род людской
Я в агнцев жертвенных — с тобой³⁴⁵.
О ты, Бастард несотворённый,

³⁴¹ Война была затеяна пускающим слюни старичьём, по недоразумению пережившим королеву Викторину. Молодые люди никогда не бывают столь глупы и упрямы, как эти недобитые струльдбруги эпохи Теннисона и Джона Стюарта Милля. (АК)

Альфред Теннисон (1809-1892) — знаменитый английский поэт, имел почётное звание поэта-лауреата. Королева Виктория присвоила ему за его поэтическое творчество титул барона, что сделало Теннисона пэром Англии.

Джон Стюарт Милль (1806-1873) — известный английский мыслитель и экономист. (НО)

³⁴² *Супернатурализм* — вера в сверхъестественное, особенно в непосредственное откровение Божье. (НО)

³⁴³ Сам Алистер Кроули. (РАИ)

³⁴⁴ Алистер Кроули. Мировая трагедия, действие V: Серая ночь. (АНО)

³⁴⁵ Стихотворный размер этого фрагмента и в оригинале время от времени сбивается, а то и полностью меняется. В переводе такие перепады по возможности переданы. (НО)

АПОКРИФ

Сын ненависти, карлик злобный;
О ты, кто сам считает сором
След мук своих и своего позора;
Пусть ныне человек сильнее станет
Властью, что во мне от Пана!
Пусть смерть твоя расскажет душам,
Что замысел Отца нарушен!

Душе моей предела нету.
В моих ладонях — все планеты.
Я хозяин жизни и смерти,
И всякой душой мой разум вертит.
Чу! Пан пронзает светом знания
Запретов тьму в чертогах мироздания:
Так делаю и я. Как шторм
Охватит с визгом измождённых форм
Твоих изгиб, — так скорбь души
Боль тела твоего унять спешит.
Глупец! Аркадии судьба
И мира — на тебе, слабак!
Ты власть имперскую обрёл
И легионы в бой повёл!
Ты — сломанный тростник: рождён
Нечистым, жизнь — порочный сон,
А смерть нелепа: в ней труды
Видны Отца — творителя беды.
Таков твой рок: теперь узри
Проклятья те, что сотворил!
Ты — нетопырь, от глаз людей
Сокрывший солнце; ты — смертей
Любимец, мора, воровства,
Корысти, рабства, плутовства,
Убийц, фанатиков, лжецов, —
Так будь плоды свои узреть готов!

И с с а :

Спасёшь меня ты, Пан?
Расстроишь зверский план?

А л е к с а н д р :

Я умер в Панае. Он меня
Учил, и я сумел понять,
Что должно ждать тот дивный миг,
Когда б тебя твой рок настиг.
Две тысячи — без века — лет
Мир будешь ты мучить сотнями бед;
Затем же, в век бесчестных битв,
Для жизни дашь место и для любви.
Лев, вострепнувшись, тебя пожрёт,

Вновь он в Аркадию жизнь вдохнёт.
Так силён, что от рыка мира содрогнутся,
Что небесные воды цветком разойдутся,
Что, избавясь от злобы проклятья Отцова,
Зацветёт, засмеётся природа понову.

И с с а :

Я вынес бы свой чёрный рок,
Коль чрез него достичь бы смог
Я Вечного.

А л е к с а н д р :

Терпи, покуда
Я боль мучительную буду
Дарить тебе, чтоб, испытав страданья,
Твой дух достиг вершины пониманья
И смог раскаяться: смягчилась
Чтоб новорожденная сила,
Твоя, а ненависть Отца
Тебя сжигала ядом без конца,
Как жабы смрад — дыханье малыша.
Планеты нашей осквернится шар,
И всё, что приживётся в ней —
В пустыне дел руки твоей —
Та красота, что мы привьём
В сей безупречный чернозём:
Жизнь обретёт она лишь в нём!

И с с а :

Мне кровь и слёзы застыт глаз;
Взирает он сквозь мутный час;
Потуплен вниз; воздет к звезде;
Все чары злые — для Людей.
Из коих Я. Сначала — злобно, грубо —
Людей — гадюк и сов — чистили губы
Меня, ведомы ревностью и мстью
Со скупостью и ненавистью вместе.
Затем косы клинок цветка коснётся,
Которому на счастье — только солнце.
Затем топор — стволов древес мочучих,
Что ввысь, к бессмертью устремляли сучья.
О ты, немилосердный маг!
Вот подозрений чёрных мрак,
Что в каждом ухе — слово зол,
Ростку любому — плети боль.
А вот — анчар, чей яд силён
(Три зла в себе скрывает он:
Религию, мораль, закон):
Смрад его — жестокий гнёт —
Красоту людей убьёт.

АПОКРИФ

Я — лекарство от жрецов,
Ведьм, теологов, скушцов,
Стряпчих, докторов, царей,
Шлюх, надсмотрщиков, зверей!
Искажён мой путь — взглядись! —
Вскормлен кровью, втоптан в слизь!
Освящает смерть моя
Боль и бремя, рок и яд.
Кровь людей на куполах,
Бьют детей в моих домах,
Жён пытаются, жёнам лгут,
Жёнам дарит плеть и кнут
Залитый дерьмом союз
Таинства священных уз.
Бич, и стыд, и горький дым
Проклят именем моим!
Красота, любовь — тайком!
Ум и мудрость — под замком!
Ржа обмана сердце ест!
Низость славят до небес!
Боль, и горе, и болезнь —
Мне ль восторженная песнь?!
Мёртвых пляскам несть числа!
Разум, смелость — дети зла!
Масло, хлеб, зерно, вода —
Ценою рабского труда!
Яркой жизни свежий бриз
В кислое довольство скис.
Урожай прелестных фиг
В грязь бесформенную сник;
Блеск экстаза обращён
В низменный и грубый сон,
Где, в дерьме никчёмных лет,
Позабудут славы свет,
В дыре укрывшись от него
Зловонной — свинства своего.
Плачь, богач, в хлеву своём!
Тощий нищий, стой столбом!
Скульптор, музыкант, мудрец
Продадут себя вконец;
Иль придут — сквозь глад и боли омут —
К свету солнца, к веку золотому.
Я вижу всё, как сквозь вуаль;
Но ты — тебе меня не жаль?

А л е к с а н д р :

Ты при смерти: твой труп нас озарит.
Смотри же! тёмен блик и ядовит.

Довольно! Беречь твой шрам не стану;
Пойду, укроюсь в тайном месте Пана
Под срубленным Аркадии платаном.
...Он тает, деля, как луч рассветный,
Грязь видимой, себя же — незаметным...
После смерти Иисуса Александр возвращается и завершает трагедию лучиком надежды.

А л е к с а н д р :

Водой одет
До горизонта белый свет.
Честь, красота — сошли на нет.
(Затмение завершается.)
Но лик земли оденется весной
Всей прежней красотой!
И улыбнётся солнце, словно тьмы
Амура сад, где шировали мы,
Не ведал яд.
Но острый взгляд,
Но нюх на запах тонких истин
У молодости чистой
Бытия — искажены. Уйду тропой своей
В чертоги Пана, скрытые от века.
Изъят из дней,
От взора человека
Вдали, я жду, когда же Сфинкс придёт,
Чей гений пьёт
Яд сей чумы и охраняет мир
От рабства и господства пред людьми.
Чу! ближе, ближе скрип его колёс!
Вот глаз его орлиный среди звёзд!
На знамени — язычество и страсть,
Свобода, тайна, равенство и власть,
И непокорность; символ их воздет
Рубином розы на золотом кресте...

Да! Я ожидаю все века
болею человеческих, пока
Он пламень Прометеев запалит...
Спаситель всей Земли!

Христианство и империя

И, наконец, зададимся вопросом, почему старые предрассудки столь внезапно утратили поддержку, что, хотя (к вящему позору государственных лидеров и вождей) законы, с помощью которых угнетатели могут душить или подавлять всякую свободу мысли и слова в этих вопросах, всё ещё не подлежат апелляции и заточены под руку наших фанатиков и изуверов (не так давно вполне порядочному лавочнику был вынесен приговор «богохульство» за высказывание, что, если современная девушка объясняла бы свою внебрачную беременность, утверждая, что ей явился Святой

Дух, мы знали бы, что нам думать: замечание, которого бы никогда не было им обронено, будь у него верные представления о том, как эта история попала в евангелие), они используются исключительно против бедняков, да и то лишь вполсилы. Если считать с той поры, когда первый учёный осмелился шепнуть как о профессиональной тайне, что Пятикнижие не могло быть записано Моисеем, до того момента, когда, уже на моей памяти, епископа Коленсо³⁴⁶ отстранили от проповеди и, по сути, отлучили от церкви за высказывание тех же мыслей в открытую, минуло восемь столетий (предмет обсуждения, хотя и технически интересный для палеографов и историков, но имеющий не большие значения для людского благоденствия, нежели чем спор о том, унциальная или курсивная форма письма древнее). Но теперь, после пятидесяти лет ереси Коленсо, нет ни сколь угодно авторитетного церковника из ныне живущих, ни образованного мирянина, способного заявить, не подвергаясь насмешкам, что Моисей написал Пятикнижие точно так же, как Паскаль — свои «Мысли», или Д'Обинье³⁴⁷ — свою «Историю Реформации», или что святой Иероним³⁴⁸ записал пассаж о трёх свидетелях в Вульгате, или что есть не менее трёх различных историй творения, сплетённых вместе в Книге Бытия. Сейчас безумные сторонники прогресса вряд ли смогут утверждать, что за последние полстолетия мы достигли больших успехов в мудрости и широте взглядов, чем за шестнадцать предшествующих полувеков: на самом деле, куда проще согласиться с тезисом, что последние пятьдесят лет свидетельствовали о несомненной реакции со стороны как викторианского либерализма, так и коллективизма, ощути-мо усилившей государственные церкви. Но факт остаётся фактом: байроновский «Каин», опубликованный сто лет назад — выдающийся случай в вопросе того, что на богохульные книги не распространяется авторское право, и Армия Спасения теперь может включить её в число своих публикаций, не шокируя всех и каждого.

Хочу напомнить, что причины, которые привели к этому внезапному потеплению, включают преобразование многих современных держав (особенно давно независимой Французской Республики и крохотного островка Британии) в империи, затопившие границы всех церквей. В Индии, например, христиан менее четырёх миллионов при населении в триста шестьдесят с половиной миллионов. Король Англии — защитник Веры; но какую веру можно назвать нынче Верой? Жители этого острова ещё на памяти нынешнего поколения настаивали на том, что их вера — истинная Божья вера, а всё остальное — язычество. Но нас, островитян, лишь сорок пять миллионов; и даже если считать нас всех христианами, в империи есть всё ещё семьдесят семь с четвертью миллионов магометан. Добавьте к этому индусов и буддистов, сикхов и джайнов, которых религиозные наставления моего детства учили считать грязными идолопоклонниками, обречёнными на вечную погибель, но религия которых может теперь презрительно утереть мне нос в ответ на все дерзкие выпады в её адрес, и в итоге у нас есть более трёхсот сорока двух с четвертью миллионов еретиков, превосходящих наши сорок пять миллионов британцев, из которых, между прочим, только шесть тысяч уверенно называют себя «учениками Христа», остальные же — члены англиканской церкви и других деноминаций — куда менее выразительно подтверждают свою апостольскую преемственность. Иными словами, сегодняшние англичане, вместо того, чтобы быть (как и их предки, за чьи идеи они цепляются) подданными практически целиком христианского государства, теперь наполняют (и, по сути, даже значительно переполняют

³⁴⁶ Джон Уильям Коленсо (1817-1883) — английский теолог и религиозный деятель, епископ южноафриканской провинции Натал. Поддерживал учение Дарвина об эволюции, резко выступал против угнетения зулусов белыми поселенцами Южной Африки. Более консервативная часть южноафриканских священников и миссионеров попыталась отстранить Коленсо от служения и лишить его сана, однако эти попытки не увенчались успехом. (НО)

³⁴⁷ Жан Анри Мерль д'Обинье (1794-1872) — богослов реформатского исповедания, профессор богословского училища в Женеве. (НО)

³⁴⁸ Евсевий Сифроний Иероним (342 — 419 или 420) — церковный писатель, аскет, создатель канонического латинского текста Библии. Почитается как в православной, так и в католической традиции как святой и один из учителей Церкви. Главные работы Иеронима — латинский перевод Ветхого завета, сделанный на основе Септуагинты, и редакция латинской версии Нового завета, получившие впоследствии название Вульгата. (НО)

ют) лишь уголок империи, в которой христиан только одиннадцать процентов от всего населения; поэтому нонконформист, который скорее продаст свою подставку для зонтиков, чем даст денег на поддержку англиканской школы, обнаруживает, что налоги, которые он платит, идут не только на содержание католической церкви на Мальте, но и на заключение христиан под стражу за кощунственную торговлю библиями на улицах Хартума.

Обратимся к Франции, стране в десять раз более островной из-за своей озабоченности собственным языком, собственной историей, собственным характером, чем мы, всегда бывшие исследователями, колонизаторами и ворчунами. В этой сосредоточенной на себе самой стране сорок миллионов человек. Общее же население Французской Республики — почти сто четырнадцать миллионов. Французские христиане не в таком безнадежном меньшинстве по сравнению с нашими одиннадцатью процентами; но и их доля весьма мала, всего тридцать пять процентов, что довольно показательно. II — люди более последовательные, чем мы — они официально оставили христианство и объявили, что во Франции нет особой религии.

Нет её и в Британии, но мы не привыкли так говорить. Конечно же, в Англии есть множество простаков, принимающих точку зрения Карла Великого и считающих чем-то само собой разумеющимся предложить нашим восьмидесяти девяти процентам «язычников, вынужден я с сожалением заметить», альтернативу — смерть или христианство, — если бы не смутное чувство, что всех этих заблудших рано или поздно обратят миссионеры. Но ни один государственный деятель не может увлекаться столь смехотворными приходскими заблуждениями. Ни один английский король или французский президент не сумел бы править, исходя из предположения, что теология Петра и Павла, Лютера и Кальвина достоверна в сколь угодно значимой степени, или что Христос больше будды или Иегова — больше Кришны, или что Иисус человечен в большей или в меньшей степени, чем Магомет, или Заратустра, или Конфуций. По правде говоря (поскольку он устанавливает законы против всякого богохульства), ему приходится относиться ко всем религиям, включая христианство, как к богохульным, когда он выступает перед людьми, не привычными к религиям и не желающими иметь с ними дело. II даже это — уступка порочной нетерпимости, для искоренения которой империя должна использовать свой контроль над образованием.

С другой стороны, государства не могут в полной мере лишить себя религии или даже догм. Сказав, что люди должны не только иметь жизнь, но и иметь с избытком, Иисус установил догму; и многие мудрецы-пессимисты (включая Шекспира, герой которого просил друга воздержаться от самоубийства, сказав: «Отстранись на время от блаженства»³⁴⁹) называли догматизацию весьма губительной. На самом деле множество проповедников и святых утверждают (а некоторые — от имени самого Иисуса), что этот мир — долина слёз, и что нам лучше прожить нашу жизнь в печали и даже в мучениях, дабы подготовиться к жизни лучшей, грядущей. Создайте уют для этих несчастных; и они поразят вас, облачившись во власяницу.

Однако государствам приходится исходить из догматических установок, называют они их догмами или нет; и установки эти, без сомнения, должны быть достаточно общепринятыми, дабы можно было заклеить отвергающих их как чудаков или безумцев. II чем больше и разнообразнее популяция обывателей, тем большими должны быть допущения. Монастырь траппистов может держаться на установках, которые за двадцать четыре часа соберут всё село у своих ворот на восстание. IIбо монастырь выбран своими обитателями; и если трапписту в нём не нравится, он волен уйти из него. Но житель Британской Империи или Французской Республики не выбирает; и если страна ему не нравится, ему придётся терпеть; ибо эмиграция реальна лишь в узких пределах и редко эффективна: все цивилизации сейчас почти на одно лицо.

Всякому здравомыслящему правительству и без доказательств ясно, что определение фундаментальных установок, записанных в тридцати девяти положениях или в Вестминстерском договоре, аб-

³⁴⁹ Уильям Шекспир. Гамлет (пер. М. Лозинского). (НО)

совершенно невозможно в качестве политической конституции для современных империй. Их утверждение в частном порядке со стороны любого лица, склонного всерьёз принимать такие заверения, несомненно, сделает такового почти полностью непригодным для высоких имперских кабинетов. Кальвинист в роли вице-короля Индии и партикулярный баптист на посту министра иностранных дел погубят империю. Стюарты со своей шотландской логикой и богословским догматизмом привели к краху даже крохотный островок, бывший ядром империи; и очень похоже на правду, что предполагаемая пригодность англичан к самоуправлению, противоречащая каждой главе их истории — на самом деле лишь неустранимая непригодность к теологии и, по правде говоря, к связному мышлению в каком бы то ни было направлении, делающая их одинаково нетерпимыми и к систематически деспотичному, и к систематически доброму правительству: их история — история сильного правительства и случайно свободных людей (относительно).

Поэтому наш успех в колонизации (в такой степени, в которой не приводил к уничтожению туземцев) есть следствие нашего безразличия к спасению наших подданных. Ирландия — исключение, подтверждающее правило; ибо Ирландия, неизменный пример бессилия англичан колонизировать без искоренения коренных жителей, тоже всего лишь одна из стран под британским владычеством, где завоеватели и колонизаторы исходили из установки, что их задача — насаждать протестантизм, а также делать деньги, тем самым обеспечивая хотя бы минимальными средствами к существованию тех несчастных жителей, чьим трудом они делаются. В наше время Ольстер отказывается принять ассоциативное подданство вместе с другими ирландскими провинциями, поскольку юг верит святому Петру и Боссюэ³⁵⁰, а север — святому Павлу и Кальвину. Представьте себе результативность попытки управлять Индией или Египтом из Белфаста или из Ватикана!

Такая позиция, возможно, важнее для Франции, чем для Англии, ибо шестьдесят пять процентов французских подданных, не являющихся ни французами, ни христианами, ни модернистами, включает около тридцати миллионов негров, подверженных (а говоря по правде, весьма подверженных) обращению в те сальвационистские формы псевдохристианства, которые и зачинали все преследования и религиозные войны пятнадцати прошедших столетий. Когда ныне покойный исследователь сэр Генри Стэнли³⁵¹ поведал мне о волнующей победе христианства над племенами баганда и прочёл мне их письма, в точности похожие на средневековые записи своей буквальной верой и неизменной набожностью, я спросил: «Эти люди умеют обращаться с винтовкой?» На что Стэнли ответил с некоторым пренебрежением: «Конечно, умеют, так же хорошо, как всякий белый человек». В это самое время (1915 год) идёт война в Европе, в которой французы используют сенегальских солдат. Я спрашиваю французское правительство (которое, как и наше собственное, умышленно оставляет религиозное воспитание этих негров в руках миссий петровских католиков и павловских кальвинистов), считает ли оно возможной новую серию походов (со своими горячими африканскими сальвационистами), дабы спасти Париж от власти современного научного «неверия» и возгласить: «Назад к апостолам: назад к Карлу Великому!»

Нам повезло более, ибо подавляющее большинство наших подданных — индусы, магометане и буддисты; в качестве профилактики от сальвационистского христианства у них есть собственные и весьма цивилизованные религии. Магометанство, которое Наполеон в конце своей карьеры определил как, возможно, лучшую для нужд современной политики популярную религию, могло бы в какой-то степени стать исправленным христианством, если бы Магомет имел дело с христианским населением.

³⁵⁰ Жак Бенинь Боссюэ (1627-1704) — знаменитый французский проповедник и богослов XVII века, писатель, епископ Мо. Боссюэ хотелось воссоединить протестантов с католиками. Его полемический труд «История уклонений протестантских церквей» — ценный источник по истории Реформации; он содержит вышуклые и вместе с тем нелицеприятные портреты её лидеров — Лютера, Цвингли, Кальвина, Меланхтона. (НО)

³⁵¹ Генри Мортон Стэнли (настоящее имя — Джон Роулэндс) (1841-1904) — журналист, знаменитый путешественник, исследователь Африки. (НО)

ем семнадцатого века, а не с арабами, поклоняющимися камням. Потому люди не отвергают Магомета ради Кальвина; а предложить индузу столь грубую теологию, как наша, вместо его собственной, или нашу еврейскую каноническую литературу в качестве усовершенствования индуистских писаний, равносильно предложению старинных светильников взамен ещё более старинным на том рынке, где самые старинные светильники, как старая мебель в Англии, всего ценнее.

Но, повторяю, государство немислимо без религии; то есть — без органа общественных установок. Непредвзятое мышление бездейственно: сделав всё возможное, чтобы прийти к разумному заключению, мы в тот же миг (если уже не можем больше рассуждать и исследовать) вынуждены захлопывать свой разум и действовать догматично, исходя из наших выводов. Тот, кто стремится действовать целиком в согласии со своей разумной волей, умирает без завещания. Человек, достаточно разумный для того, чтобы судить непредвзято о воровстве и убийстве (или о потребности в еде и размножении), может стать законодателем или должностным лицом так же легко, как дураком и негодяем в чужих руках. Современный псевдодемократический государственный деятель, заявляющий, что властен лишь выполнять волю избирателей, и вкрадчивый, словно кошка, — несомненный политический и интеллектуальный разбойник. Власть бессильного человека без убеждений означает на практике власть всесильной толпы. Свобода совести — отличная штука, как говаривал Кромвель; однако если кому-то вздумалось бы применить свободу совести, скажем, к каннибализму в Англии, Кромвель растоптал бы его столь же стремительно, как и католик, хотя в Фиджи в подобной же ситуации он сердечно поддержал бы свободу совести вегетарианца, недооценившего священную диету «долговязой свинины»³⁵².

Теперь перейдём к отказу Иисуса от прозелитизма. Его правило — «Не выбирайте плевелы, — чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы» — единственное возможное правило для государственного деятеля, управляющего современной империей, или избирателя, поддерживающего такого деятеля. В учении Иисуса нет ничего, с чем не смог бы согласиться брахманист, магометанин, буддист или иудей без всякого их обращения в христианство. В некоторых вопросах магометанину согласиться с Иисусом легче, нежели британскому пастору, ибо идея профессионального священника неведома и даже чудовищна для магометанина (турист, упорствующий в распросах, кто такой настоятель Собора Святой Софии, до потери речи ошарашивает службу, подносящего ему тапки); кроме того, Иисус никогда не советовал своим ученикам отделять себя от мирян: он избрал их на тех же обочинах, на которых за ним мог последовать любой мужчина или женщина. Для священников у него не находилось приличных слов; они же прекрасно чувствовали его враждебность, предав его смерти при первой возможности. Иначе говоря, он был предельно антиклерикален.

И всё же, как мы видим, тот факт, что его доктрина может быть осуществлена на практике — лишь политическое средство: он не только никогда не предлагал сектантской теократии как формы правления и, несомненно, предсказал бы падение ныне покойного президента Крюгера³⁵³, живи тот в его время, но и, будучи спрошенным, отказался учить своих учеников не платить податей кесарю, допуская, что у кесаря (внутри которого, возможно, было собственное царство небесное, как и в любом из его учеников) есть своё место в общем порядке вещей. В действительности апостолы воспользовались этим предлогом, дабы вознести подчинение государству до высоты идолопоклонства, увенчавшегося теорией о божественных правах царей и заставлявшего людей усекать царские главы, дабы восстановить некое чувство меры в этом вопросе.

³⁵² Долговязая свинина — жаргонное название человеческого мяса как объекта каннибализма. (АНО)

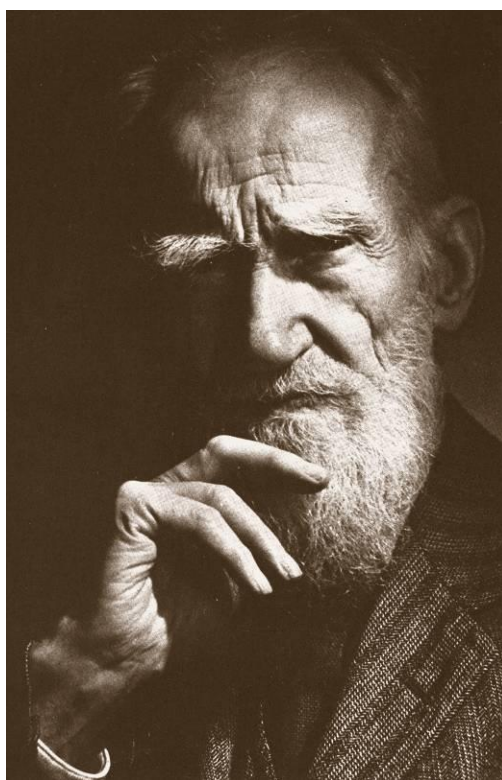
³⁵³ Стефанус Паоханнес Паулус Крюгер (Пауль Крюгер, «Дядюшка Пауль») (1825-1904) — президент бурской республики Трансвааль в 1883-1900 гг. Участник военных операций буров против африканского населения. В 1880 г. Крюгер вместе с П. Жубером и М. Преториусом возглавил восстание буров против Великобритании, приведшее к Первой англо-бурской войне 1880-1881 гг. Представлял войну сражением сил зла во главе с Антихристом (Британской Империей) и богоизбранного народа (африканеров), итогом которой должно было стать очищение Церкви и торжество сил добра. (НО)

АПОКРИФ

Безусловно, Иисус не рассматривал падение Римской империи или установление новой церковной организации для еврейского священства или для жречества римских богов как часть своей программы. Он говорил, что Бог лучше, чем мамона; но никогда не утверждал, что Труляля лучше, чем Траляля; и именно поэтому британские граждане и государственные мужи в состоянии следовать за Иисусом, хотя и не могут, по всей видимости, идти ни за Труляля, ни за Траляля, не приведя империю к окончательному краху.

На сём и закончу.

Мне хочется завершить этот очерк с надеждой на вышесказанное; христианство и империя не тревожат меня; ибо явственный звук, различимый ныне по всей планете — предсмертный крик их обоих³⁵⁴.

³⁵⁴ Страницы 1-143 оригинального текста (до главы «Детство в аду») с комментариями к ним записаны неизвестным переписчиком (возможно, Д. Уитвером). Страницы 144-238 (до конца текста) добавлены Биллом Хайдриком. 12.12.1989 г. н. э. выполнена необходимая корректура английского текста, который исправлен и отформатирован под ASCII Биллом Хайдриком, Генеральным Казначеем О.Т.О., по 1-му изданию 1953 года под ред. Карла Гермера. Корректурa включает указания на неточности в библейских ссылках на главы и стихи, однако сами ссылки оставлены без изменений [русскоязычная корректура, по мере возможности, устранила эти неточности как несущественные для понимания текста детали; НО]. Позднее текст был опубликован без согласия правообладателей и с удалением оригинального вступления (отрывка из «Исповеди» Кроули) под заголовком «Кроули о Христе» в 1974-м. Восстановлен и опубликован снова с должными разрешениями и под верным заголовком издательством «Steller Visions» и О.Т.О. в 1986 году.

Все права принадлежат О.Т.О. (РАИ)

ἵ: ἰ ἕ:ἶ ἕῃ ἕ:ἕῃ,